

МИР В ВОЙНАХ

РОБИН КРОСС

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕЙХА

МИР В ВОЙНАХ

РОБИН КРОСС

**ПОСЛЕДНИЕ
ДНИ
РЕЙХА**

**СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2004**

УДК 93/99
ББК 63.3(0)62
К 83

Серия основана в 1998 году

Перевод с английского А. Марченко

Кросс Р.

К 83   Последние дни рейха/Пер. с англ. А. Марченко –
Смоленск: Русич, 2004. – 384 с.: ил. – (Мир в войнах).

ISBN 5-8138-0607-5 (рус.)

ISBN 1-85479-736-0 (англ.)

Известный западный военный историк Р. Кросс дает в своей книге яркую запоминающуюся картину зимы-весны 1945 г. Читателю будет небезынтересно узнать точку зрения европейцев на ход и итоги смертельной схватки с фашизмом, которую вели народы Советского Союза, США и Великобритании. Особый интерес представляют воспоминания очевидцев событий того незабываемого года.

УДК 93/99
ББК 63.3(0)62

«Fallen Eagle»

© by Robin Cross, 1995

© Перевод. А. Марченко, 2004

© Оформление, разработка серии.

«Русич», 2004

ISBN 5-8138-0607-5 (рус.)
ISBN 1-85479-736-0 (англ.)

«Вчера вечером к нам зашли друзья. А в 8 часов начался обычный авианалет, в результате которого вместо новогоднего поздравления мы лишились стекол в окнах. В полночь наступила невероятная тишина. Мы стояли с поднятыми бокалами, опасаясь сдвинуть их. Где-то вдали зазвонил одинокий колокол, мы услышали выстрелы, как по битому стеклу со скрежетом загрохотали кованые сапоги. Нам стало не по себе, словно над нами пролетел Ангел Смерти, коснувшись нас своими черными крыльями»...

Из дневника Урсулы фон Кардофф.

1 января 1945 г.

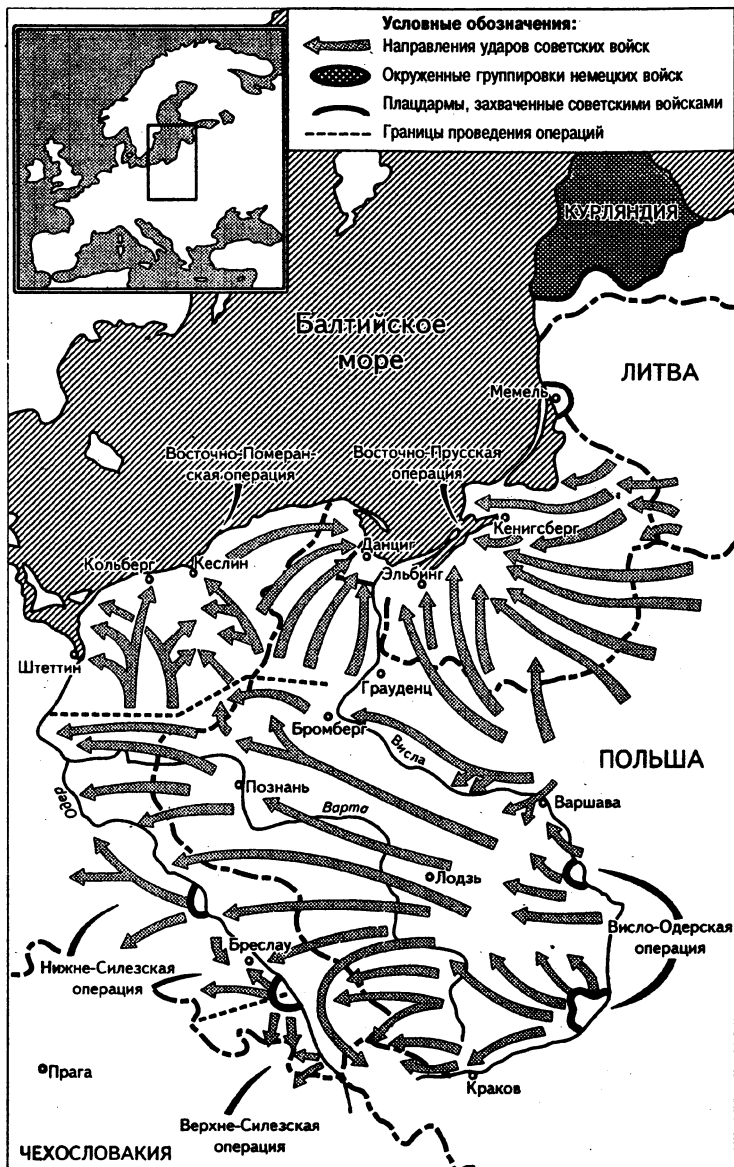
Глава 1

ПРОИГРАННЫЕ ПОБЕДЫ

«Я в своей жизни никогда не опускал рук, я из тех людей, которые достигают в жизни всего, начав с нуля. Так что сложившаяся теперь ситуация ничего нового для меня не представляет. Давным-давно лично мне было куда хуже. Я говорю это вам для того, чтобы вы поняли, почему я стремлюсь к своей цели с таким фанатизмом, почему меня уже ничто не остановит. Неважно, сколь тяжелы будут выпавшие на мою долю невзгоды, пусть даже они и подорвут мое здоровье, но на мое решение продолжать борьбу это уже никак не повлияет...»

Адольф Гитлер. 28 декабря 1944 г.

В последнюю неделю августа 1914 г. генерал Пауль фон Гинденбург и генерал Эрих Людендорф окружили и уничтожили в Восточной Пруссии Вторую русскую армию. В сражении под Танненбергом они одержали одну из самых блестящих побед за всю историю войн. Общее количество взятых в плен русских солдат составило 125 тысяч человек, а среди так

и не подсчитанного количества убитых оказался и командующий Второй армией генерал Александр Самсонов, застрелившийся в Танненбергском лесу. После этого поражения на протяжении всей Первой мировой войны на территорию Германии не ступала нога ни одного русского солдата. Чуть позже в Танненберге был возведен величественный монумент, и там же были похоронены Гинденбург и его супруга.

В январе 1945 г. русские вновь оказались в Восточной Пруссии. На сей раз ее обороняла группа армий «Центр» генерал-полковника Ганса Рейнхардта, насчитывавшая приблизительно 600 тысяч человек, 700 танков, 800 артиллерийских орудий и 1300 самолетов. Рейнхардту противостояла мощь 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала Ивана Баграмяна, 3-го Белорусского фронта генерала Ивана Черняховского и 2-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Константин Рокоссовский.

Эти три фронта насчитывали один миллион семьсот тысяч солдат, 28 тысяч орудий, 3300 танков и 10 тысяч самолетов. При столь подавляющем превосходстве русских в живой силе и боевой технике Танненберг уже не мог повториться.

Удача ускользала от немцев. 21 января 2-й Белорусский фронт Рокоссовского взял Танненберг. Отступающие германские войска взорвали монумент и вывезли останки четы Гинденбургов вместе с боевыми знаменами полков, отличившихся на поле брани тридцать с лишним лет тому назад*.

Известия об уничтожении гробницы Гинденбурга дошли до Берлина, где 30-летний чиновник отдела информации министерства иностранных дел Ганс Георг фон Штудниц 25 января 1945 г. записал:

«Нескончаемый поток беженцев мешает проведению боевых операций, дезорганизуя линии коммуникаций, с

---

* Теперь эти знамена висят в зале военного училища в Гамбурге.

которых вполне можно было нанести контрудар, оставляя Восток без чисто арийского населения. В разгар этой жуткой трагедии тем не менее совершаются совершенно детские поступки. Например, германским войскам было приказано уничтожить мемориал в Танненберге, поскольку русские все равно сровняют его с землей. Одному Богу известно, был ли исполнен этот приказ, или совершенно справедливо, что именно русские уничтожили Танненбергский мемориал. Немцы же официально признали тот факт, что у них не оставалось ни малейшей надежды когда-либо вернуться в Пруссию. В товарном вагоне, в котором доставили в Берлин тело Гинденбурга, можно было перевезти не менее 60 беженцев. Вместо того чтобы возить по стране останки фельдмаршала, не разумнее ли было спасти эти 60 человеческих жизней?»

Перспективы Германии были безрадостными как на Восточном, так и на Западном фронте. На западе германское контрнаступление, предпринятое в Арденнах 16 декабря, было отбито совместными силами американцев и англичан. К 16 января 1945 г. от прорвавшейся в глубину обороны противника на 100 км группировки не осталось и следа. Туман, мешавший действиям союзной авиации в начале наступления, рассеялся, что позволило истребителям-бомбардировщикам наносить удары по германским транспортным колоннам и линиям снабжения. Дороги, по которым отступали немцы, вскоре оказались забиты обгоревшими остовами гитлеровских танков и другой техники. Для Германии потеря 800 танков была уже невозполнима. Союзники же могли восстановить подобный урон в течение двух недель.

На Восточном фронте Германия лишилась всех выгодных стратегических позиций после того, как в июле—августе 1944 г. русские разгромили группу армий «Центр». В начале 1945 г. остатки группы армий «Центр», переименованные в группу армий «А», обо-

ронялись на равнинах Польши, и никаких естественных преград вплоть до самой столицы рейха за ними не было. Два советских фронта*: 1-й Украинский маршала Конева и 1-й Белорусский маршала Жукова, продолжая наступление, вступили на территорию Западной Польши. Оба главнокомандующих располагали подавляющим превосходством в боевой технике и прекрасно владели мастерством маневренной войны. Конев начал наступление 12 января, а через два дня к нему присоединился Жуков. За 48 часов им удалось прорвать тактическую оборону немцев, и их бронетанковые подразделения на полном ходу двинулись по открытой местности. Советское наступление к Балтийскому морю, которое вели 2-й и 3-й Белорусские фронты, вынудило миллионы беженцев поспешить на запад в рейх или же на север к портовым городам Балтийского побережья.

На южном секторе Восточного фронта положение складывалось не менее угрожающее. В августе 1944 г. румынские партизаны организовали вооруженное восстание в Бухаресте, захватили город, арестовали марионеточного диктатора маршала Иона Антонеску и свергли прогерманское правительство. После этого царь Михай сформировал новое правительство, провел переговоры о перемирии с союзниками и объявил войну Германии. К концу августа большая часть германских оккупационных войск покинула Румынию, а 30 августа советские войска вошли в Бухарест, не встретив сопротивления.

Балканская стратегия Гитлера разваливалась на глазах. Окончание германской оккупации Греции было предрешено капитуляцией Италии в сентябре 1943 г. Годом позже, 12 октября 1944 г., германская

---

* Фронт Советской Армии был эквивалентом германской группы армий. Он состоял из 5-7 армий, 1-2 тактических воздушных армий, подразделений артиллерийской и бронетанковой поддержки. В составе фронта могло быть до миллиона солдат, он мог занимать площадь около 400 квадратных километров.

группа армий «Е» стала с боями отступать из Греции, для того чтобы воссоединиться с группой армий «Ф» в Югославии.

Но все же что-то еще успокаивало Адольфа Гитлера, пристально изучавшего военные карты. Севернее Карпат группа армий «Юг», чудом избежавшая разгрома в августе 1944 г., твердо держала позиции в Будапеште, окруженном советскими войсками в конце 1944 г. В Италии группа армий «У» остановила продвижение 8-й британской и 5-й американской армий на Готской линии, полосе хорошо укрепленных позиций, протянувшейся от района Ла Специи на западном побережье Италии вплоть до самой Адриатики между Пезаро и Каттоликкой.

Именно на этом удручающем стратегическом фоне 25 января 1945 г. начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Гейнц Гудериан* нанес визит министру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу в его официальной резиденции на Вильгельмштрассе в Берлине. Беседа оказалась нелицеприятной.

Гудериан предложил, чтобы Риббентроп убедил фюрера искать перемирия «по крайней мере на одном фронте». Он имел в виду перемирие на Западном фронте. Риббентроп возмутился:

— Я не могу это сделать. Я верный соратник фюрера и прекрасно знаю, что он не станет начинать какие-либо дипломатические переговоры с врагом, а потому не могу обратиться к нашему вождю с вашим предложением.

Тогда Гудериан спросил:

— А каково вам будет, если через 3–4 недели русские будут у ворот Берлина?

---

* Гейнц Гудериан — ведущий эксперт в области ведения танковой войны, был назначен генерал-инспектором бронетанковых войск в марте 1943 г. В июле 1944 г. он сменил генерал-полковника Курта Цейтшлера на посту главы Генштаба.

Глава 2

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

«Худшее позади. Теперь мы сдерживаем наступление врага как на Востоке, так и на Западе. В ходе боев мы понесли тяжелые потери, но мне известно, что в стане противника положение куда серьезнее».

Генрих Гиммлер, декабрь 1944 г.

1 января 1945 г. британский писатель и политический деятель Гарольд Николсон записал в своем дневнике:

«Вити (его жена Вита Саквиль-Вест) и я слушали новогодние радиопередачи, сидя у камина в столовой. Я настроился на волну Берлинской радиостанции «Дойчландзендер», а потом послушал передачу из Гамбурга, и мы услышали жуткий голос Гитлера, который невозможно спутать ни с чем. Качество приема было неважным, к тому же Гитлер говорил так быстро, что я вполне мог что-то упустить, но речь явно шла о будущей судьбе Германии, если она утратит свой боевой дух...»

Это радиообращение стало первым, которое сделал фюрер после того, как 20 июля 1944 г. на него было совершено неудачное покушение. В нем Гитлер, обращаясь к нации, сказал:

«...Этот народ, это государство и его руководство непоколебимы в своем стремлении при любых обстоятельствах довести эту войну до победного конца... Мы готовы пойти на крайние меры... То, что уничтожили наши враги, было восстановлено благодаря сверхчеловеческому усилию и исключительному героизму... Так будет и впредь, пока мы окончательно не похороним наших врагов».

Гитлер упрямо придерживался мнения о том, что Германия непременно победит, несмотря на те чудовищные потери, которые понесли рейх и его вооруженные силы. Тем не менее фюрер уже начинал ощущать неуверенность. Тремя днями раньше он доверительно поведал начальнику штаба инспекции бронетанковых войск генералу Томале: «Война скоро закончится. В этом нет никакого сомнения. Никто уже больше не может терпеть эту войну: мы не можем, и враги наши тоже не могут. Вопрос в том, у кого будет больше терпения. Скорее всего, у того, кто поставил на карту все».

Однако события развивались куда быстрее, чем мог предположить Гитлер. В канун Рождества 1944 г. генерал-полковник Гудериан прибыл в «Адлерхорст» («Орлиное гнездо»), горную резиденцию Гитлера в 10 милях северо-западнее Бад-Наухайма. Именно из «Адлерхорста» Гитлер руководил разгромом Франции в 1940 г. Теперь он вновь вернулся сюда, чтобы руководить контрнаступлением в Арденнах. Ночью Гудериан выехал на своем штабном поезде из Майбаха, что южнее Берлина. В Цоссене Гудериан «с тяжелым сердцем наблюдал за ходом контр-

наступления на Западе». К 23 декабря стало очевидно, что Арденнское контрнаступление захлебнулось. Как только прошло первое потрясение, командование союзников предприняло срочные меры по отражению немецкого наступления, а затем приступило к уничтожению прорвавшихся немецких частей. Продолжение наступления союзников теперь было лишь вопросом времени. Гудериан хотел уговорить Гитлера прекратить здесь бои и перебросить высвободившиеся силы на восток, чтобы противостоять массивному наращиванию советской военной мощи севернее Карпат против групп армий «А» и «Центр». Гудериан располагал серьезным документом, подготовленным руководителем отдела «Иностранные армии — Восток» при штабе ОКХ генералом Рейнхардтом Геленом. Гелен предполагал, что 12 января начнется наступление советских войск, причем противник будет иметь 11-кратное превосходство в артиллерии. По приблизительным оценкам, советские войска располагали также 15-кратным превосходством в людях и 20-кратным — в авиации. Так что для Гудериана стоял вопрос: быть или не быть.

Гудериану предстояло убедить фюрера дать согласие на организацию контрудара на Востоке. На встрече в «Адлерхорсте» в канун Рождества присутствовали Гитлер, начальник штаба верховного главнокомандования вооруженными силами фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами генерал-полковник Альфред Йодль и адъютант Гитлера генерал Бургдорф. Гудериан сразу же высказал свое мнение. Гитлер отказался остановить Арденнское контрнаступление и подверг критике цифры, предоставленные Геленом, утверждая, что в стрелковой дивизии советских войск не больше семи тысяч человек, а в танковых — ни одного танка. По утверждению Гитлера, русская мощь на

Восточном фронте является «величайшим блефом со времен Чингиз-хана».

За обедом Гудериан сидел напротив Генриха Гимmlера, прибравшего к своим рукам посты главнокомандующего резервной группой армий «Верхний Рейн» (формирования, главной задачей которого была оборона реки и отлавливание дезертиров), министра внутренних дел, шефа СС и шефа германской полиции. Гимmlер обратился к Гудериану с характерным для него менторским тоном, пытаясь разубедить: «Знаете, мой дорогой генерал-полковник, лично я не верю, что русские вообще начнут наступление. Все это грандиозный блеф. Цифры, предоставленные вам Геленом, слишком преувеличены. У страха глаза велики. Знаете, я убежден, что на самом деле на Восточном фронте ничего не происходит».

Гудериан, естественно, не мог согласиться с подобной степенью идиотизма, но он нашел куда более серьезного оппонента в лице генерал-полковника Йодля. ОКВ не располагал никакой властью на Восточном фронте, где войсками командовал ОКХ. Заявления Гудериана Йодль воспринял с показным безразличием. Он осознавал, что контрнаступление в Арденнах обречено, но свято верил в то, что ряд последующих наступательных ударов на этом театре боевых действий, первый из которых под кодовым названием «Нордвинд» должен быть нанесен в Эльзас-Лотарингии в направлении Страсбурга, окончательно измотает союзников. Гудериан парировал это заявление, указав на то, что тяжелая промышленность и транспортные системы Рура уже полностью парализованы вследствие массированных бомбардировок, и теперь для Германии куда важнее промышленный район Верхней Силезии, находящийся прямо на пути продвижения русских. Потеря этого района приведет к поражению Германии в течение нескольких недель.

В итоге Восточный фронт должен был позабо-

титься сам о себе. С Запада* он подкреплений не получит, равно как не получит и подразделений, выведенных из Финляндии и находившихся на территории Норвегии. Гитлер также не согласился на отвод 26 дивизий генерал-полковника Фердинанда Шёрнера с Кушской косы. Фюрер патологически не хотел сдавать свои позиции. Кроме того, ему требовался доступ к водам Балтики для подготовки новых типов подлодок. Так что Гудериану пришлось возвращаться ни с чем.

На следующий день, когда Гудериан возвращался в Цоссен, Гитлер приказал перебросить 4-й танковый корпус СС, дислоцированный южнее Варшавы, и две моторизованные дивизии на усиление группы армий «Юг» для деблокирования Будапешта. Позднее Гудериан вспоминал:

«Две из 14 моторизованных дивизий и половину танков, собранных в качестве резерва против возможного советского наступления, перевели на второстепенный участок фронта. Теперь лишь 12 моторизованных дивизий прикрывали фронт протяженностью более тысячи километров».

Гитлера беспокоил Будапешт, так как он придавал большое значение венгерским нефтяным месторождениям юго-восточнее озера Балатон, которые все еще удерживались группой армий «Юг». Это были последние нефтяные запасы рейха. Без нефти остановились бы еще имевшиеся у Гитлера танки, а его реактивные «мессершмитты» Me-262 не смогли бы противостоять союзным бомбардировщикам, день и ночь бомбившим рейх. Упадок нефтяной промышленности начался в августе 1944 г., когда 3-й Украинский фронт

---

* Однако с помощью фельдмаршала Рундштедта, главнокомандующего Западным фронтом, и его начальника штаба генерала Зигфрида Вестфала Гудериану удалось добиться переброски трех дивизий с Западного фронта и одной из Италии, но эти силы были отправлены в Венгрию.

генерал-полковника Толбухина захватил нефтяные месторождения Плоешти в юго-восточной Румынии. Большие надежды возлагались на программу восстановления и строительства новых заводов по производству синтетического горючего. Однако заводы эти были весьма уязвимы для бомбардировок, и к осени 1944 г. союзной авиации удалось вновь вывести из строя немецкую нефтяную промышленность. С наступлением зимы немцы сумели поднять производство синтетического бензина до 24500 тонн, и этого хватило для организации контрнаступления под Арденнами, но оказалось явно недостаточно, чтобы закрепить достигнутые успехи. Как заметил после войны главнокомандующий Западным фронтом фельдмаршал Герд фон Рундштедт: «Принимая во внимание трудности, связанные с ведением зимней войны в такой сложной по рельефу местности, как Арденны, я сообщил фюреру, что нам необходим пятикратный запас горючего. Но когда началось контрнаступление, мы располагали лишь количеством, в полтора раза превышающим норму. И что хуже всего, большая часть топлива находилась слишком далеко в тылу, в огромных автоколоннах на восточном берегу Рейна. Как только туман рассеялся, и в действие вступила авиация союзников, переброска топлива на передовые позиции прекратилась».

Немцы отчаянно сражались, обороняя свою топливную базу. Так, в районе завода по производству горючего в Мерсербурге было установлено 506 зенитных орудий, которые в августе 1944 г. сбили 131 американский бомбардировщик. За тот же срок в этом районе немецкие истребители уничтожили 39 самолетов противника. Зенитные орудия, сгруппированные в 39 батарей и ведущие плотный заградительный огонь, обороняли огромный завод «ИГ Фарбен-индустри» в Лёйне, производивший 10% горючего в рейхе, аммонит, а также ряд побочных химических продуктов. 29 августа лейтенант Гордон Кортене из

398-й бомбардировочной группы вылетел на свое первое боевое задание по уничтожению этой цели. На подлете к Лейне он увидел плотную полосу черного дыма. Как оказалось, это был дым от залпов зенитных орудий, обстрелявших предыдущую группу бомбардировщиков. По словам Кортене, «вид этих черных разрывов заставлял чувствовать себя совершенно беспомощным, оставалось лишь полностью сосредоточиться на своей задаче и молить Бога, чтобы ни один из этих снарядов не был предназначен тебе».

Огонь мерсербургских зениток живо описан в дневнике лейтенанта Уильяма Дуэйна, штурмана 388-й группы, вылетавшего на бомбардировку 28 сентября:

«Встали в 3.30 на инструктаж. В 7.10 взлетели. Вновь я за штурмана. Зная, что это наш 13-й боевой вылет, я подозревал, что будет несладко, но экипажу ничего не сказал. Думаю, всем и так было не по себе... Прошло немало времени, прежде чем мы долетели до цели. Сброс бомб занял 13 минут. Примерно за две с половиной минуты до того, как была сброшена последняя бомба, мы попали под интенсивный и очень точный обстрел немецких зениток. А через минуту бортинженер Кинг был ранен в обе ноги. Он упал в проходе, я поспешил надеть на него кислородную маску. Мне пришлось снять свой бронезилет, взять в руки нож и разрезать на пострадавшем пять слоев одежды. Увидев, что кровотечение сильное, я наложил жгут. И все это под интенсивным зенитным обстрелом, а у меня на голове даже не было шлема. Теперь мне требовалось достать перевязочные пакеты и морфин. Внутреннее переговорное устройство в результате обстрела вышло из строя. Второй пилот закрывал створки бомбового люка, и я воспользовался его переговорным устройством. Наконец-таки мне передали аптечку и одеяло. Осколок пробил мягкие ткани левой ноги Кинга и задел пра-

вую. К счастью, артерии у него не повредило, поэтому кровотечение довольно скоро прекратилось. В процессе я находился больше часа, до 13.30.

Я успел сделать Кингу инъекцию морфина, в то время как практически всю первую помощь ему оказывал Хофф, наш бомбардир. Затем я укрыл ноги раненого теплым одеялом, поскольку он постоянно жаловался, что не чувствует ног от холода...

Над своим аэродромом мы пустили две красные сигнальные ракеты. По приземлении Кинга забрала машина скорой помощи. Я чертовски устал после выполнения этого задания и в тот вечер напился в стельку, чтобы поскорее забыть все, что мне пришлось пережить. Поначалу сообщили, что девять самолетов не вернулись с задания, но к полуночи сообщили, что только шесть. Оказалось, что кто-то из наших приземлился в Бельгии... Три самолета были сбиты прямо над целью. Надеюсь, больше мне не придется увидеть ничего подобного...»*

К концу декабря 1944 г. возобновившиеся массивные бомбардировки уничтожили все главные заводы Германии по производству синтетического топлива, за исключением одного, и около 20% мелких предприятий. И хотя группа армий «Юг» прочно удерживала нефтяные месторождения в районе озера Балатон, уничтожение предприятий по переработке нефти в Будапеште означало, что топлива в количествах, необходимых для группы армий «Юг», произведено не будет.

В течение 1944 г. Германии удавалось успешно противостоять массивным бомбардировкам. Под умелым руководством рейхсминистра военной промышленности Альберта Шпеера производство вооружений неуклонно увеличивалось.

---

* Дуйэн ошибался. Через пять дней во время выполнения боевого задания был смертельно ранен второй пилот его экипажа, и ему пришлось стать свидетелем его смерти.

В сентябре авиационные заводы рейха выпустили 3000 истребителей — максимальное количество за все время войны. В мае на вооружение стали поступать реактивные Me-262, но затем поставки прекратились, поскольку Гитлер пожелал, чтобы реактивные истребители срочно переделали в бомбардировщики. Тем не менее в декабре производство истребителей было выше, чем до мая 1944 г. В том же декабре был установлен еще один рекорд — с конвейеров рейха за месяц сошло 1854 танка. Хотя цифры и впрямь были впечатляющими, но за ними скрывалось необратимое истощение германской промышленной базы. Ведь тяжелые компоненты танков были поставлены на заводские линии за несколько месяцев до начала сборки. Уже к концу 1944 г. в результате бомбардировок союзниками Рура на треть сократилось производство брони и прокатной стали. На сборочных линиях начались остановки. Резко упало производство грузовиков. В декабре было выпущено 3300 грузовиков, а германскому фронту ежемесячно требовалось не менее 6000. К тому же 2/3 произведенных грузовых автомобилей было брошено в Арденнское наступление. В канун нового года неукомплектованные немецкие танковые дивизии получили на 25 % грузовиков меньше, чем им полагалось, а в моторизованные танковые дивизии стали поставлять велосипеды.

В 1944 г. Альберт Шпеер совершил, так сказать, промышленное чудо и в основном благодаря политике рассредоточения промышленности, которую по иронии судьбы спровоцировали массированные бомбардировки авиации. Однако подобное рассредоточение промышленных мощностей создавало свои проблемы. В жертву была принесена экономичность.

Распыление промышленности повысило вероятность сбоев на конвейерах из-за бомбардировок путей снабжения. С июля по декабрь 1944 г. союзные бомбардировки сократили количество железнодорожных вагонов, находившихся в распоряжении госу-

дарственной железной дороги Германии (Рейхсбана) с 136000 до 87000, то есть на 10000 вагонов меньше минимально необходимого количества, требующегося для поддержания 25 % промышленного производства и 80 % общественных нужд. А после того как рухнула железнодорожная система Германии, тяжелые вооружения, произведенные в последнем рывке германской военной промышленности, остались лежать на заводских дворах. Несмотря на организаторский гений Альберта Шпеера, его достижения лишь продлили агонию германской промышленности.

Распад промышленной инфраструктуры Германии сопровождался истощением ее людских резервов, а значит и военной силы. В 1944 г. было уничтожено 106 дивизий, на три дивизии больше, чем было мобилизовано в 1939 г. Летом — осенью 1944 г. общее число невосполнимых потерь на всех фронтах составило 1 миллион 460 тысяч человек, причем 900 тысяч из них было уничтожено на Восточном фронте. К началу октября 1944 г. германские силы на востоке насчитывали 1 миллион 800 тысяч человек, из которых 150 тысяч человек были «хиви» (русские добровольцы, занятые в сфере тылового обеспечения войск). То есть по сравнению с январем 1944 г. количество находившихся на Восточном фронте войск сократилось на 700 тысяч человек. Но суровые факты все глубже погружали Гитлера в мир военных фантазий.

«Реорганизации не предвидится конца. Истощается наша промышленность, падает уровень подготовки кадров и компетентность командиров. Однако подобное уже имело место в истории. В данный момент я перечитываю том писем Фридриха Великого. Вот что он пишет в одном из них на пятом году Семилетней войны: «Было время, когда я отправлялся в поход с лучшей армией в Европе. Сейчас у меня одно отребье. Нет у меня больше командиров, мои генералы ни на что не способны, офицеры не в состоянии командо-

вать, а вид солдат вызывает жалость». Трудно представить более тяжелое положение, и тем не менее Фридриху удалось с честью выйти из войны и добиться определенных выгод».

Гитлер постоянно сравнивал себя с Фридрихом Великим, но то, как он решал проблему нехватки живой силы, ничего общего не имело со здравым смыслом военного стратега. С весны 1943 г. высокий уровень потерь на Восточном фронте и отсутствие резервов сделали невозможным полную комплектацию дивизий. Здравый смысл диктовал, что в данной ситуации следует более разумно использовать опытных офицеров, специалистов, моторизованную технику и лошадей*. Фюрер упорно настаивал на том, что каждую утраченную дивизию необходимо заменять новой. Гитлеру важно было количество дивизий, а не их сила и качество. По этому поводу Альберт Шпеер мрачно заметил: «Новые дивизии формировались в огромных количествах, оснащались новым вооружением и отправлялись на фронт без какой-либо боевой подготовки, в то время как отличные закаленные в боях подразделения истекали кровью, не получая ни подкрепления, ни нового оружия».

В сентябре 1944 г. из произведенных в Германии 26000 пулеметов и 2900 минометов лишь 1527 и 303 единицы соответственно были отправлены подразделениям, сражавшимся на передовой, в то время как 24473 пулемета и 1947 минометов поступили на вооружение только что сформированных дивизий.

Для восполнения живой силы германской армии предпринимались экстренные меры. На службу в вермахт стали призывать 15- и 16-летних подростков. Из военных госпиталей забирали больных солдат,

---

* 9 из 10 дивизий на востоке не имели техники. К началу 1945 г. вермахту служило уже не менее миллиона лошадей. Из них в боевых частях находилось 923 тысячи животных. Не менее тысячи из них погибало ежедневно.

способных носить оружие. Из них сформировались так называемые «желудочные» и «глухие» батальоны, укомплектованные страдавшими от желудочных заболеваний или слабослышащими бойцами. Гитлер тем временем продолжал манипулировать цифрами, сократил пехотную дивизию до шести батальонов, официально приравнял артиллерийский корпус к бригаде и трансформировал полки в дивизии. В ноябре 1944 г. он разрешил русским добровольцам сражаться на фронтах, вследствие чего началось формирование Русской освободительной армии генерала Власова, плененного под Севастополем в мае 1942 г., когда он командовал 2-й ударной армией. У Власова в армии не насчитывалось и дивизии до 10 февраля 1945 г. Но даже когда дивизия была сформирована, у нее не хватало половины обмундирования и оружия, а какой-либо моторизованной техники в дивизии не было вообще.*

Летом 1944 г. под руководством Генриха Гиммлера были созданы дивизии фольксгренадеров — данное название подчеркивало их связь с немецким народом, а не с иерархической верхушкой вермахта, которой Гитлер доверял все меньше. Дивизии фольксгренадеров формировались из резервов, сильно обескровленных дивизий и тыловых частей, каждая из них насчитывала приблизительно по 6000 солдат, которые практически были небоеспособны, хотя Гиммлер уверял, что связь СС, идеологии Национал-социалистской партии Германии и немецкого народа ценнее любого профессионализма.

Обращаясь с речью к офицерам-фольксгренадерам 26 июля 1944 г., Гиммлер не оставил у них никаких иллюзий по поводу Восточного фронта, где командир роты остается в строю не более трех меся-

---

* Так у автора. Генерал Власов попал в плен под Новгородом и сразу заявил о своем стремлении начать борьбу с Советской властью. К указанному автором времени во власовской армии насчитывалось две дивизии. Однако Гитлер так и не решился использовать их на фронте. — *Прим. ред.*

цев, командир батальона — не более четырех месяцев, прежде чем его убьют или ранят. Невзирая на эту убийственную статистику, Гиммлер заявлял:

«До тех пор, пока жива арийская раса, на Земле, принадлежащей Господу Богу, будет порядок. Это вечная миссия нашего народа, выпадающая каждому новому поколению, в особенности нашему. Я верю, что каждый из вас в час суровых испытаний поймет, что наша жизнь — это лишь краткий миг в истории нашей Земли и нашего народа. Самое главное — выполнять свой долг...»

Ответом на возвышенные призывы к выполнению долга явилось создание фольксштурма. В организованные в сентябре 1944 г. подразделения фольксштурма брали лиц мужского пола от 16 до 60 лет, не служивших в армии, но способных носить оружие. Списки годных к службе составлялись местными организациями нацистской партии и политически благонадежными офицерами, назначаемыми гауляйтерами и подчинявшимися им крейслайтерами. Со временем в батальонах фольксштурма насчитывалось уже полтора миллиона человек. Как правило, этих стариков и подростков ожидала передовая.

Ветеранам танкового корпуса «Великая Германия» во дворе одного из заводов Восточной Пруссии встретился батальон фольксштурма. Вот как солдаты описывали эту встречу:

«Некоторым из этих вояк, если судить по горбатым спинам, кривым ногам и жутким морщинам, было лет 60—65.

У подростков вид был еще более жалкий. Их одели в поношенную форму, которая явно была им велика. Выглядели они комично и ужасающе. В их глазах застыла тревога. Никто из них даже представить не мог, что ждет их впереди...

Нам бросились в глаза несколько душераздирающих подробностей, касающихся этих детей. У нескольких из них были школьные ранцы, доверху набитые продуктами и одеждой. А кое-кто из мальчиков уже торговал сахарinovыми конфетами, которые полагались им по рациону».

Но как бы плачевно ни выглядел фольксштурм, подразделения эти были вооружены лучше других. Теоретически существовало две категории фольксштурма: вооруженные части и безоружный резерв. Однако оружия не хватало, и выбор его был весьма экзотичен. В основном это были итальянские винтовки. Со временем фольксштурм стал располагать большим запасом гранат и панцерфаустов — ручных противотанковых гранатометов, поступивших на вооружение в 1942 г. В руках юных бойцов фольксштурма панцерфаусты оказались весьма эффективным оружием, но у многих командиров батальонов не имелось запаса боеприпасов на случай затяжных боев. После войны один из командиров 42-го батальона фольксштурма в Берлине вспоминал:

«У меня в батальоне насчитывалось 400 человек. Нам приказали выдвинуться на боевые позиции в гражданской одежде. Я сообщил местному руководству нацистской партии, что не могу взять на себя ответственность вести людей в бой без должного оружия и обмундирования*. Незадолго до боя нам дали 180 датских ружей без патронов. У нас имелись также четыре пулемета и сотня панцерфаустов. Никто из бойцов даже понятия не имел, как обращаться с пулеметом, а противотанковых ружей они просто побаивались. Хотя мои люди и горели желанием помочь Родине, они напрочь отказались идти в бой без должной экипиров-

---

* Отличительным знаком фольксштурма являлась лишь нарукавная повязка.

ки и соответствующей подготовки. Да и что мог сделать боец фольксштурма с винтовкой, к которой не было патронов? Так что пришлось всех отправить по домам, а что мы еще могли сделать?»

13 января 1943 г. после краха 6-й армии фельдмаршала Фридриха Паулюса под Сталинградом Гитлер издал указ, в котором говорилось: «Тотальная война требует от нас беспрекословного выполнения приказов». Двумя годами позже, когда крах Германии был очевиден, стало ясно, что усилия рейха по восполнению живой силы оказались безрезультатными. Отчасти этому способствовала и эпидемия коррупции, спровоцированная враждующими кланами в верхушке нацистской партии. Уже в январе 1945 г. министр пропаганды Йозеф Геббельс, наделенный в августе 1944 г. чрезвычайными полномочиями для организации тотальной войны, высребал задворки рейха в поисках столь необходимых людских ресурсов. 50-летних женщин забирали на работу на военные заводы, где они трудились по 60 часов в неделю, а прежде работавших там мужчин отправляли на фронт. В армию призвали даже владельцев салонов красоты и билетных контролеров берлинской подземки. Берлинский оперный зал «Шарлоттенбург» закрылся, а всю театральную труппу отправили работать на электрозавод Сименса. Но резерв, набранный из актеров и маникюрш, был всего лишь каплей в море.

Военная экономика Германии выжила лишь благодаря 12 миллионам иностранных рабочих, в том числе военнопленных*. В основном это были лица, насильственно вывезенные из оккупированной Ев-

---

* На заводе по производству искусственного топлива в Бруксе (Чехословакия) среди многонационального рабочего контингента, насчитывавшего 45 тысяч человек, было 4 тысячи пленных англичан. Именно они назвали три главные трубы завода именами Сталина, Черчилля и Рузвельта.

ропы с января 1942 г. «Рабы рейха» составляли до 40 % рабочей силы Германии, а на некоторых заводах число иностранцев доходило до 90 %. Идеальная среда для расцвета саботажа.

В Германии вывезенные насильственно из других стран рабочие представляли собой отдельное общество. Они жили в отдельных поселках, питались в отдельных столовых и даже издавали газеты на родном языке, пользовались услугами 60 борделей, предоставленных им «гостеприимными» германскими хозяевами. Русским рабочим ничего не платили, фактически они находились на положении рабов. Рабочий-француз Андре Бодо в своем дневнике писал, что «русские бараки забиты людьми, а то, чем их кормят, есть невозможно». Бодо считал, что ему крупно повезло, потому что по воскресеньям начальник охраны разрешал французам отправиться в поле, чтобы подобрать там «пару картофелин».

Большинство немцев не имели никаких контактов с этим миром, а когда все же сталкивались с ним, то испытывали настоящий шок. В ноябре 1944 г. молодая журналистка Урсула фон Кардофф укрывалась от авианалета на станции Берлинского метро «Фридрихштрассе» и оказалась в абсолютно негерманском окружении. Она вспоминает:

«Станция метро «Фридрихштрассе» с широкими лестницами, ведущими глубоко под землю, вполне могла бы спасти от авианалета. Но здесь я оказалась в каком-то Шанхае. Какие-то романтично выглядящие оборванцы в пиджаках с накладными плечами и широкими славянскими скулами соседствовали здесь с прекрасноволосыми датчанками, поляками, бросавшими по сторонам исполненные ненависти взгляды, чернявыми итальянцами. Подобного смешения наций мне еще никогда не приходилось видеть. Практически все здесь оказались иностранцами, я не слышала ни единого слова на немецком. Почти всех этих людей на-

брали, чтобы работать на наших военных заводах. Но вид у них был отнюдь не унылый. Многие из них оживленно переговаривались, весело смеялись, пели, чем-то приторговывали и жили по своим обычаям.

...Говорят, что эти иностранные рабочие весьма дисциплинированная и кем-то организованная сила. Похоже, среди них есть агенты врага, офицеры, подсланные движением Сопротивления, которых снабжают оружием и у которых есть радиопередатчики. В противном случае подрывные радиостанции не были бы так хорошо информированы.

...В Германии 12 миллионов иностранных рабочих — это уже целая армия. Кое-кто называет их «троянским конем» в этой войне».

То, как видела Урсула фон Кардофф берлинскую подземку, весьма напоминает город будущего в фильме Ридли Скотта «Бегущий по лезвию бритвы». Разбомбленный союзной авиацией Берлин сам по себе представлял сюрреалистическую картину, столь характерную для куда более ранней антиутопии из романа Джорджа Оруэлла «1984 год».

В день рождения Гитлера 20 апреля 1944 г. Урсула фон Кардофф записала в своем дневнике:

«Вновь на дворе стоит прекрасная «фюреровская» погода. Город наполовину пуст, поскольку все рванули в деревню на переполненных поездах. Улицы украшены довольно ярко. Красные нацистские флаги вывешены из каждого открытого окна. Какой-то храбрец даже забрался на фасад Бристольского отеля, скорее всего, при помощи пожарной лестницы, и повесил там гигантский транспарант. А ведь под этими развалинами заживо похоронены люди, и их стоны до сих пор еще слышны. Руины весело украшены бумажными флажками, а на цистернах поливальных машин красуются лозунги: «Фюрер! Отдай приказ — и мы его выполним!» или «Рушатся стены, а не наши сердца!».

Война странным образом изменила районы, нетронутые войной. Леса искрились от экранирующей противорадарной фольги, тысячи тонн которой были сброшены на Германию союзной авиацией, и деревья поблескивали странным для этого времени года «рождественским» убранством. В канун Нового года берлинские поезда уже не возили горожан на пикники. Георг фон Штудниц записал в своем дневнике:

«На главных вокзалах Берлина происходит то, чего не было со времен массированных авианалетов осени—зимы 1944 г. Когда вчера ночью я отвез свою жену Мариетту на вокзал, чтобы она села на ганноверский поезд, мы видели настоящую давку у вагонов. Тысячи людей, находящихся в увольнении или отпуске, ночуют на железнодорожных станциях. Никто не знает, что они там делают в то время, когда положение на фронтах столь катастрофично».

Игра была окончена, Гитлер прекрасно это понимал, но выдержки у него хватало. Раньше решимость частенько покидала его как раз в тот момент, когда удача была на его стороне.

Гитлеру долгое время удавалось блестяще преодолевать последствия. Пример тому события, разыгравшиеся под Москвой в декабре 1941 г. Однако фюрер так никогда и не оправился после поражения под Сталинградом. Теперь он собирал последние остатки своей воли и мужества. 28 декабря он обратился с речью к генералам, командующим дивизиями, готовящимся начать наступление в северном Эльзасе (операция «Нордвинд»). Он признал, что Арденнское контрнаступление захлебнулось и отныне Германии придется сражаться за собственное существование. Далее Гитлер сказал:

«В жизни я никогда не сдавался. Я из тех, кто добился всего, ничем не обладая. Так что сложивша-

яся ситуация мне не в новинку. Когда-то давным-давно мое собственное положение было куда хуже. Я говорю это вам лишь для того, чтобы вы поняли, почему я преследую свою цель с таким фанатичным упорством и почему меня уже ничто не остановит. Неважно, насколько измучат меня невзгоды, даже если они подорвут мое здоровье, это никак не отразится на моей решимости продолжать борьбу...»

Далее Гитлер вспомнил о чуде «Бранденбургского дома», когда Фридрих Великий, потерпевший поражение в Семилетней войне, в результате Губертусбургского мирного соглашения вернул все утраченные территории вследствие того, что коалиция его врагов распалась. И вот теперь сотни тысяч солдат и граждан должны были погибнуть, пока Гитлер дожидался нового чуда.

После поражения под Курском в июле 1943 г. стратегические перспективы Гитлера все более ограничивались. Теперь для него больше значили собственная воля и решимость. Военная и стратегическая беспомощность Германии не имели никакого значения до тех пор, пока не ослаб сам фюрер.

Его физические силы находились на исходе. Спина его сгорбилась, походка стала прихрамывающей, лицо осунулось, волосы поседели. Во время дневных военных советов, которые теперь не начинались раньше 5 часов вечера, его руки дрожали, при этом он громко шуршал картами. Большинство высших чинов вермахта делало вид, что ничего не замечает. Он уже был не в состоянии писать, и его подпись на официальных документах поддельывал доверенный помощник. Постоянный участник военных советов адмирал Ассманн отметил, что «рукопожатие фюрера стало слабым и вялым, и передвигался он как настоящий старик».

30 января 1945 г., через 12 лет после назначения на пост рейхсканцлера, Гитлер выступил со своим

последним радиообращением к немецкому народу. Вспомнив об угрозе «азиатского нашествия», он, как ни странно, довольно равнодушным тоном призвал немцев к сопротивлению. Закончил свою речь фюрер избитыми лозунговыми штампами: «Сколь бы ни был суров кризис сейчас, в конце концов все эти невзгоды мы преодолеем благодаря нашей непоколебимой воле, готовности к самопожертвованию и выдающимся способностям».

Месяцем раньше немецкий писатель Эрнст Юнгер дал более реалистичное описание сложившейся ситуации, записав в своем дневнике: «Безнадежность — это единственно положительный аспект нашего положения».

А в Мюльдорффском концлагере (близ Дахау в южной Германии) все еще теплилась надежда на спасение. Многие из заключенных убеждали себя в том, что Новый год ознаменуется окончанием войны. Венгерский еврей Моше Зандберг так вспоминал о царившей в лагере смешанной атмосфере надежды, отчаяния и ужаса:

«Прошел первый день нашего заключения, затем второй, третий, четвертый ... и так до бесконечности. Мы уже не знали, сколько их прошло и сколько еще осталось до 1 января 1945 г., дня, который, мы считали, будет днем победы союзников, когда оставшиеся в живых покинут этот ад. Как медленно тянулись эти дни! Казалось, что часы работы все время увеличиваются, а часы сна сокращаются. В конце концов заветный день наступил, но он не принес освобождения. Нас охватило горькое разочарование. Что же с нами будет? Мы уже были не в состоянии это терпеть. Многие из наших товарищей погибли, а остальные превратились в собственные тени. Было удивительно, что они еще способны самостоятельно передвигаться. Те, кто еще не потерял надежды, отодвигали день разгрома немцев и освобождения на

15 января, затем на 1 февраля и так далее. С каждой новой датой число веривших в освобождение сокращалось, а число безразличных и апатичных ко всему людей увеличивалось. Они думали только о том, как раздобыть побольше пищи и получить поменьше побоев. Через пару месяцев мы превратились в настоящих лагерных доходяг, неотличимых от заключенных-ветеранов. Мы стали думать точь-в-точь, как они, и приобрели такой же жалкий вид. Теперь мы понимали, почему они смеялись над нами, когда мы надеялись на скорейшее завершение войны и распространяли всевозможные слухи о дне ее завершения. Нам стала понятна фраза, что «война никогда не кончится, лишь смерть может нас освободить».

Глава 3

СИМПАТИИ К ДЬЯВОЛУ

«Бог на вашей стороне? Он что, консерватор? А вот на моей стороне Дьявол. Он хороший коммунист».

Беседа И. Сталина с У. Черчиллем.

Тегеран, ноябрь, 1943 г.

Иосиф Сталин праздновал наступление нового 1945 года куда веселее, чем осажденный со всех сторон фюрер. В канун Нового года он собрал всех членов Политбюро и высший генералитет на своей даче в Кунцево.

В полночь, после ряда изысканных блюд и горячительных напитков, Сталин предложил тост за Советские Вооруженные Силы. Его старый друг Семен Буденный* стал развлекать присутствовавших игрой на аккордеоне, а после того как Сталин поставил на граммофон пластинку, сплясал «казачка».

---

* Буденный – чудовищно некомпетентный офицер, повинный в потере половины войск в период командования армиями на Украине и в Бессарабии в 1941 г. Он избежал казни лишь потому, что был одним из самых любимых собутыльников Сталина. Но после этого на ответственные посты его не назначали. В январе 1943 г. Буденный получил должность командующего кавалерией.

На праздничном вечере присутствовал и начальник советского Генштаба генерал-полковник С. М. Штеменко*. Он вспоминает настроение, с которым все затем отправились в Москву:

«Было уже три часа ночи, когда мы вернулись из Кунцева. Первое празднование Нового года в неформальной обстановке заставило нас как следует задуматься. Судя по всему, близился конец войны. В эти дни мы могли вздохнуть свободно, хотя знали, что уже через несколько недель начнется новое наступление и нас ожидают тяжелые бои.... Москва еще сохраняла свой военный облик. Мы ехали по темным пустынным улицам мимо стылых домов с плотно занавешенными окнами...»

Штеменко был одним из представителей нового поколения советских офицеров, прошедших закалку в ожесточенных сражениях. Советская Армия теперь сильно отличалась от той, что чуть не развалилась после боевых кампаний 1941–1942 гг. Особенно заметно это было в танковых войсках. К концу 1941 г. все крупные танковые соединения Красной Армии, застигнутые планом «Барбаросса» (германское вторжение в Россию в июне 1941 г.) в момент реорганизации их в дивизии, были либо уничтожены, либо расформированы. На смену им пришли бригады, полки и батальоны, основной задачей которых стала поддержка пехоты. Танковые и механизированные корпуса появились вновь лишь летом 1942 г. Косность советской тактики и боевой опыт немцев, казалось, клонят чашу весов на сторону вермахта. Но из боев лета 1942 г. вышло немало способных командиров корпусов, что в итоге привело к созданию танковых армий как главной ударной силы советских войск.

---

* С. М. Штеменко в это время занимал должность начальника Оперативного отдела Генштаба — *Прим. ред.*

Первые подобные соединения появились в начале 1943 г.* и сыграли решающую роль в разгроме германских войск под Курском в июле того же года. 12 июля в великом танковом сражении под Прохоровкой 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала Павла Ротмистрова, одного из убежденных сторонников ведения танковой войны, не позволила прорваться 2-му танковому корпусу СС, пытавшемуся вырваться на оперативный простор и окружить всю группировку советских войск в районе Курска. Впервые на Восточном фронте советские танковые войска выстояли под ударом гитлеровских элитных бронетанковых формирований. Германский Восточный фронт рухнул, и к осени немцам пришлось отступить за Днепр.

Цена победы оказалась слишком велика. Только под Прохоровкой два танковых корпуса Ротмистрова потеряли 400 танков, то есть половину своей броневой мощи. Однако танки, брошенные немцами под Курском в ходе операции «Цитадель», уже ничем нельзя было восполнить. После войны Гудериан с грустью рассуждал по этому поводу:

«Бронетанковые формирования, реформированные и переоснащенные столь героическими усилиями, понесли тяжелые потери как в живой силе, так и в технике. Теперь их еще нескоро удастся использовать. Эти силы нельзя было быстро восстановить для защиты Восточного фронта, а о том, чтобы бросить их на Запад для защиты от угрозы высадки союзников следующей весной, и речи не шло. Нет нужды объяснять, что русские в полной мере сумели воспользоваться своей победой. Теперь на Восточном фронте уже никогда не будет покоя, инициатива полностью перешла к противнику».

---

* Танковые армии появились в конце 1942 г. и принимали участие в разгроме немцев под Сталинградом. — Прим. ред.

К концу 1944 г. советская танковая армия представляла собой мощное, хорошо организованное соединение, имевшее в своем составе два-три танковых корпуса и один механизированный корпус, она насчитывала до 50 тысяч солдат, 900 танков (три танковых корпуса) и 850 орудий и минометов.

Теперь советская пехота передвигалась на американских грузовиках «Додж», и ее основной задачей к концу войны стала ликвидация многочисленных немецких «котлов».

Основу танковой армии составляли танковые корпуса, каждый из которых мог действовать и автономно. Одна бригада механизированной пехоты поддерживала три танковые бригады. В каждом танковом корпусе насчитывалось 12 тысяч бойцов, 220 танков, 40 самоходных орудий, 150 буксируемых артиллерийских орудий и 8 многоствольных пусковых ракетных установок «Катюша»*, так называемых «Сталинских органов», как окрестили это оружие страшившиеся его немцы. Отдельные танковые бригады часто придавались стрелковым дивизиям и корпусам или служили в качестве личного резерва командующих танковых армий. Бригады часто также передавались пехоте и артиллерии для боевых действий в авангарде армий и корпусов. Они нащупывали слабые места в обороне противника и связывали его силы до подхода основных подразделений. Корректировщики огня — артиллеристы — двигались в передовых колоннах, находясь в оборудованных рациях танках, всегда готовые вызвать необходимую огневую поддержку.

Основной боевой единицей танковой армии был танк Т-34, лучший танк Второй мировой войны, с осени 1943 г. получивший на вооружение 85-мм орудие. За 1944 г. этих танков выпустили не менее 11 тысяч.

---

* «Катюша» — смонтированная на тяжелом грузовике ракетная пусковая установка, выпускавшая до 48 снабженных стабилизаторами ракет на расстояние до 5 километров. Дивизион «Катюш» был в состоянии выпустить 4000 снарядов (230 тонн в тротиловом эквиваленте), уничтоживших практически все в зоне поражения.

Превосходство этой надежной, быстрой и маневренной машины над другими современными ей танками было столь очевидно, что она выпускалась в СССР вплоть до середины 1950-х гг.

Т-34 поддерживали тяжелые танки Ис-2, принявшие первое боевое крещение в феврале 1944 г. 122-мм орудие этой громадины пробивало 185-мм броню с расстояния в 600 м. Как только танки Ис-2 стали производиться в необходимых количествах, из них были сформированы тяжелые танковые бригады, в каждой из которых насчитывалось по три полка. Ис-2 не уступал немецкому танку «Пантера» PzV, а 88-мм орудия «Тигра» PzVI могли пробить его броню лишь с расстояния 500 м.

В противоположность многообразию типов боевой техники, стоявшей на вооружении германских бронетанковых дивизий (до 12 типов бронемашин и 20 типов автомобилей), советские механизированные формирования имели на вооружении лишь танк Т-34 и американский грузовик «Додж». За время войны США поставили советским войскам 440 тысяч таких автомобилей. Американский ленд-лиз позволил сталинским военным заводам практически полностью сосредоточиться на производстве вооружений. Сталин лично сообщил Черчиллю, что грузовики нужны ему больше танков. Германский командующий генерал Фридолин Зенгер унд Эттерлин, командовавший 17-й танковой дивизией во время неудачной попытки пробиться к осажденной в Сталинграде группировке, сообщал:

«Русские копируют лучшие образцы боевой техники, имеют лишь несколько ее типов, создают простейшие конструкции и производят их в огромных количествах... Качество ремонта русских танков также неплохое. Конечно же, капитальный ремонт они делали не так быстро, как немцы, но их обычное техобслуживание было весьма эффективно, а их механики

высококвалифицированы. Само собой, нам самим приходилось широко использовать пленных русских механиков в наших ремонтно-танковых подразделениях».

Даже в конце войны германские танковые подразделения были способны противостоять крупным советским танковым частям. Поэтому крупные сражения часто становились затяжными, а тупое следование русских приказам свыше зачастую приводило к большим потерям. Германские асы-танкисты, такие как Гиацинт фон Штрахвиц, закончивший войну командующим танковыми войсками группы армий «Север», имели на своем счету до 50 уничтоженных советских танков. Но все эти успехи терялись на общем фоне стратегического поражения.

Подобно танковым войскам, русская артиллерия подверглась за время войны радикальным изменениям. Самым важнейшим из них явилось создание крайне мощного артиллерийского резерва, подчинявшегося Ставке*. Когда Гитлер приказал удерживать до последнего каждую позицию, наличие такого резерва позволило Ставке сосредоточить огромное количество орудий для нанесения массированных ударов. Плотность в 300 орудий на километр, достигнутая под Сталинградом, к весне 1945 г. была удвоена и составила 670 орудий на километр. Продолжительная подготовка, требовавшаяся для введения в бой большого количества артиллерии, и необходимость ее быстрого продвижения вперед привели к созданию в конце 1942 г. шестнадцати дивизий «артиллерийского прорыва», каждая из которых имела по 356 орудий вместо 168 полагавшихся по штату. Весной 1943 г. были сформированы корпуса «артиллерийского прорыва», кроме того, для наступательных операций использовались полки противотанковой артиллерии.

---

* Ставка Верховного Главнокомандования (СВГК) создана 23.06.41 как высший орган стратегического руководства Вооруженными Силами СССР.

Самым эффективным противотанковым орудием Советской Армии стало надежное 76-мм орудие с высокой начальной скоростью полета снаряда, вследствие чего между выстрелом и разрывом снаряда проходило очень мало времени, а за характерный звук немцы прозвали его «трах-бабах». Еще одним эффективным истребителем танков стала самоходная установка СУ-152, установленная на базе тяжелого танка КВ-1 и вооруженная мощной 152-мм пушкой, установленной в башне с мощной броней.

Ни один солдат не был оснащен для борьбы с танками лучше, чем пехотинец Советской Армии. В полной боевой экипировке и с запасом боеприпасов красноармеец летом нес груз в 30 кг, а зимой — в 35. Перегруженный собственным вооружением и боеприпасами, он зачастую еще доставлял на передовую артиллерийские снаряды. Стойкий, выносливый, совершавший дерзкие вылазки в тыл противника, неприхотливый в отличие от солдат западных армий, красноармеец был серьезным противником в случаях, если у него не сдавали нервы. Генерал-майор Ф. В. фон Меллентин отметил тенденцию русских паниковать в случаях, когда их неожиданно атаковали:

«Невозможно предсказать, что может в следующий момент сотворить русский. Их кидает из крайности в крайность. Личность русского солдата столь же необычна, как и его обширная страна. Он стоек и невероятно терпелив, невероятно храбр и мужествен, но порой может быть презренным трусом. Были случаи, когда русские подразделения, с яростным мужеством отбивавшие наши атаки, совершенно неожиданно панически бежали при виде наступающей на их позиции германской роты. Целые батальоны теряли самообладание при первом выстреле и бежали, хотя на следующий день продолжали сражаться с нами с фанатичным упорством».

К концу войны наблюдался разительный контраст между оснащенными по последнему слову техники элитными гвардейскими дивизиями, не испытывающими нехватки в танках, артиллерии, реактивных минометах, и следовавшей за ними массой пехоты, напоминавшей средневековые орды. Генерал Хассо фон Мантойфель, один из лучших германских танковых командующих, так описал Советскую Армию на марше:

«За атакующими танковыми колоннами катит огромная орда, в основном конных всадников. У солдата за спиной мешок с сухарями и овощами, собранными на марше на полях и в деревнях. Лошади поедают солому, которой крыты местные хижинки. И на таком скудном пайке в наступлении русские могут продержаться до трех недель. Их нельзя остановить, как обычную армию, перерезав линии коммуникаций, у них нет колонн с продовольствием, по которым можно было бы ударить...»

Опытный генерал фон Типпельскирх заметил, что против такой армии необходимы войска с сильным руководством, первоклассной подготовкой, высоким боевым духом и стальными нервами.

В принятии стратегических решений в Ставке, безусловно, доминировала фигура Сталина. В первые дни войны он был близок к полному нервному срыву. Когда ему все же удалось взять себя в руки, он принял руководство боевыми действиями на себя. Общие директивы принимались Государственным Комитетом Обороны (ГКО), состоявшим из членов Политбюро. ГКО руководил военными действиями через Ставку Верховного Главнокомандования. Ставка разрабатывала планы сражений и через Генштаб организовывала подготовку и выполнение стратегических операций. Сталин рассматривал Ставку как своего

рода «военное политбюро» высшего командования, в состав которого позже вошли технические эксперты, представлявшие Сталину различные решения и аргументы в пользу того или иного из них. Сталин выносил окончательные решения, хотя со временем они стали отражать мнение Ставки. Сталин оставался Верховным Главнокомандующим, но поощряя определенную инициативу внутри Ставки и устанавливая рамки, в которых можно было выражать радикальные мысли, он добивался великолепных результатов от талантливых военных профессионалов, выдвинувшихся за время войны.

Представители Ставки часто выезжали на передовую и в соответствии со стратегическим планом организовывали проведение операций прямо на месте, контролировали выполнение приказов Ставки и координировали действия фронтов. К лету 1943 г. система, созданная в обстановке, казалось бы, неминуемой военной катастрофы, превратилась в гибкий инструмент командования, возглавляемый крепким ядром талантливых офицеров и закаленных в сражениях командиров.

Во главе командования находились маршал А. М. Василевский, начальник Генштаба, маршал Г. К. Жуков, заместитель наркома обороны с августа 1942 г., заместитель Верховного Главнокомандующего, командующий 1-м Белорусским фронтом. Жуков обладал большим влиянием в войсках и был близок к тому, чтобы стать Главнокомандующим.

Плотный, деловой, с широким приятным лицом, Жуков заслужил репутацию «стойкого» бойца на поле боя. Это качество смягчалось личным добродушием и тем, что по советским меркам он довольно экономично тратил живую силу. Но горе тем командирам, которые не соответствовали требованиям Жукова. В 1944 г. во время проведения операции «Багратион», в ходе которой была разгромлена германская группа

армий «Центр», Жуков находился на передовой, наблюдая за атакой на позиции немцев. Внезапно он опустил бинокль и крикнул маршалу Константину Рокоссовскому и генералу Павлу Батову: «Командира корпуса и командира 44-й стрелковой дивизии — в штрафной батальон!»

Личное заступничество Рокоссовского и Батова спасли корпусного командующего, но вот генералу, командовавшему 44-й дивизией, не повезло. Он был тотчас разжалован и послан во главе роты, шедшей в атаку ... Он был убит первым же выстрелом противника. Послужившему примером сурового наказания, ему впоследствии посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Жуков, выходец из крестьянской семьи, начал служить в царской армии в начале Первой мировой войны. Он принял большевистскую революцию в период гражданской войны (1917—1921) и вторжения в Польшу (1919—1920). Со временем Жуков стал специалистом в области танковой войны и преподавал этот предмет в военной академии имени Фрунзе. В начале 1939 г., во время военного «медового месяца» Гитлера и Сталина, он изучал военную науку в Германии*. Самое удивительное, что Жуков избежал репрессий, уничтоживших офицерский корпус Советской Армии в конце 30-х гг. В 1939 г. благодаря ему под Халхин-Голом в Монголии японцам было нанесено тяжелое поражение, и это тогда, когда боевой дух и престиж Советской Армии находились на очень низком уровне. На командно-штабной игре высшего командования, проводившейся в январе 1941 г., «Западные силы» Жукова разгромили «Восточных» генерала Павлова, пророчески использовав некоторые элементы будущего немецкого плана «Бар-

---

* Здесь, как и во многих других местах, автор пользуется непроверенными источниками и допускает фактические ошибки. — *Прим. ред.*

баросса»*. Все это привело к тому, что в январе 1941 г. Жуков был назначен начальником Генштаба. Он не всегда соглашался со Сталиным, что было опасно. Но столь сильным было уважение Сталина к Жукову, что всю войну тот полагался на него при решении самых серьезных военных вопросов.

В июле 1941 г. Жуков был смещен Сталиным с занимаемого поста за то, что принял решение об отступлении из Киева. Но уже в сентябре он получил командование фронтовыми частями и провел операцию, не позволившую немцам взять Ленинград. В декабре при обороне Москвы ему удалось провести успешное контрнаступление, используя при этом свежие сибирские дивизии. В августе 1942 г. он был назначен заместителем наркома обороны и координировал действия фронтов в оборонительных сражениях под Сталинградом вплоть до начала операции «Уран», спланированной им совместно с начальником Генштаба Василевским, начальником артиллерии Советской Армии маршалом Вороновым. Как известно, в ходе этой операции была окружена 6-я немецкая армия. Спустя семь месяцев Жуков руководил обороной на Курской дуге, сорвав наступление немецких групп армий «Север» и «Юг», затем координировал и управлял продвижением фронтов Советской Армии по территории Украины. Весной 1944 г. Жуков стал командующим 1-м Украинским фронтом, после того как от рук антисоветски настроенных партизан погиб генерал Ватутин**. Затем он спланировал операцию «Багратион», на заключительных этапах которой принял командование 1-м Белорусским фронтом.

Жуков был Сталинским маршалом, опытным пол-

---

* Бедный Павлов потерпел поражение и на реальном фронте в июне 1941 г. Он был смещен с должности командующего Западным фронтом и расстрелян.

** Имеются в виду «бандеровцы», участники Украинской повстанческой армии, боровшейся против Советской власти в Западной Украине. — *Прим. ред.*

ководцем и стратегическим «резервом» Красной Армии, способным вместе с Василевским удержать Сталина от опрометчивых поступков, к которым последний был так склонен, в особенности под Курском, когда Сталин уже готов был нанести преждевременный удар; который наверняка бы оказался фатальным для русских. Сталин послушался Жукова. В итоге германские армии были разбиты именно в том месте, куда их заманили Жуков и Воронов.

Сталин обладал скорее организационным, нежели стратегическим гением. Его величайшим достижением за время войны стала мобилизация человеческих и технических ресурсов, которым на Восточном фронте Германия уже не могла противостоять. Этому способствовала и помощь, оказанная СССР по программе ленд-лиза.

Оккупация немцами больших территорий Советского Союза подорвала его промышленную мощь, несмотря на то, что Сталин эвакуировал производственную базу в район Верхней Волги, на Урал и в Западную Сибирь. Даже к 1945 г. уровень производства угля и стали в СССР не достиг довоенного. В 1944 г., несмотря на бомбардировки союзников, Германия добыла на 162 миллиона тонн угля больше. Тем не менее СССР обгонял Германию по производству вооружений. Это стало возможным лишь благодаря ленд-лизу. Сталин отказался от танков и многих типов самолетов, доставленных в СССР западными союзниками, но практически неограниченная помощь США советской военной промышленности обеспечила выживание СССР. К маю 1945 г. США поставили 16,4 млн. тонн грузов в СССР: 2000 локомотивов, 540 тысяч тонн рельсов, с помощью которых русские проложили железных дорог больше, чем за весь период с 1928 по 1939 год. Одних только станков США поставили в Россию на 150 миллионов долларов. К лету 1943 г. США поставили в СССР миллион тонн стали, обеспечили 3/4 потребности в меди,

высококачественном бензине для производства авиатоплива и 13 млн. пар зимних сапог, в которых Советская Армия промаршировала от Сталинграда до Берлина.

СССР испытывал острую нужду в продовольствии, поскольку на территориях, захваченных в 1941 г. немцами, производилось до 40% зерна и мяса. Мобилизация тракторов, которые стали использоваться как тягачи для артиллерийских орудий, привела к спаду производства сельхозпродукции в тех районах, которые еще не были оккупированы. Сельское хозяйство США, быстро оправившееся после депрессии 1929—1934 гг., поставило в СССР 5 млн. тонн продовольствия. Этого количества было достаточно, чтобы дать каждому солдату Красной Армии полфунта пайка концентратов на каждый день войны. В ответ на спецзаказ в Советский Союз было переправлено 12 тысяч тонн масла — для солдат, проходивших лечение в военных госпиталях.

Практически уничтожив советский офицерский корпус во время чисток 30-х годов, Сталин принял меры по его восстановлению, поскольку его доверие по отношению к офицерству значительно выросло после победы под Сталинградом. На смену революционному равенству пришла военная иерархия. Возродились погоны и отдание чести. Новые награды — ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского — не только заставляли вспомнить о славном дореволюционном прошлом России, но и предназначались исключительно для офицеров.

Дисциплина в Советской Армии и для солдат, и для офицеров оставалась крайне суровой. Пример тому — уже упоминавшийся нами поступок Жукова с командующим 44-й стрелковой дивизией. Страх наказания был основной причиной тактической косности на всех уровнях, присущей Советской Армии. После войны американский генерал армии США Омар Брэдли вспоминал, что на Эльбе лейтенант

армии США имел куда большую свободу действий, нежели советский комдив. Командующие фронтами могли проявить личную инициативу, но на более низких уровнях армии, корпуса и дивизии находились в цепких объятиях Ставки, связанные по рукам и ногам планами и инструкциями. Все боялись попасть в штрафбаты (штрафные подразделения, созданные осенью 1942 года). На званом послевоенном обеде в Берлине генерал Эйзенхауэр живописал Жукову различные специализированные бронемашины, которые американцы используют для расчистки минных полей. После паузы маршал Советского Союза ответил, что самый лучший из известных ему способов подобного разминирования — это провести по минному полю штрафной батальон*.

Утром 1 января 1945 г. генерал-полковник Гудериан вновь присутствовал на совещании у Гитлера, где проинформировал его о том, что 4-й танковый корпус СС генерала Гилле, переведенный из группы армий «Центр» в группу армий «Юг», уже готов оказать помощь осажденному Будапешту. В это время передовые подразделения 2-го Украинского фронта маршала Малиновского вели бои в предместьях Буды на восточном берегу Дуная.

По словам Гудериана: «Гитлер ожидал больших результатов от этого наступления. Я же был настроен скептически, поскольку для подготовки удара оставалось слишком мало времени, к тому же командиры были уже не те, что раньше». Гудериан посетил Венгрию и Галицию и посоветовался с главнокомандующими. Первым в его списке стоял штаб группы армий «Юг» в Эстерхазе (Венгрия). Этой армией командовал генерал Вёлер. Прибыв на место 5 янва-

---

* К сожалению, автор не сообщает, откуда он почерпнул эту информацию. В своих мемуарах Д. Эйзенхауэр вспоминает, что в Берлине он встречался с Г. К. Жуковым лишь 5 июня, и встреча была довольно короткой. О подобном разговоре американский командующий не сообщает. — *Прим. ред.*

ря, Гудериан обнаружил, что, несмотря на многообещающее начало, наступление Гилле пробуксовывает. 4-й танковый корпус СС был доставлен по железной дороге в Комарно в 70 км к северо-западу от Будапешта и являвшееся главной германской военной базой в этом секторе, и сразу же был брошен в бой 1 января. Наступая в юго-восточном направлении, корпус ударил по открытому левому флангу советской 4-й гвардейской армии. Атаковавшие на узком фронте при сильной поддержке люфтваффе танки привели Ставку в замешательство, поскольку угрожали соединиться с германскими частями, контратакующими из Будапешта. Ставка незамедлительно приказала Малиновскому начать наступление на Комарно и тем самым ударить в тыл 4-го танкового корпуса СС силами 7-й гвардейской армии и 6-й гвардейской танковой армии. Одновременно на западе возникла еще одна угроза в виде трех дивизий 3-го танкового корпуса, атаковавших к северо-востоку от Мора и пытавшихся соединиться с германской группировкой, сражавшейся к северу от Бикске, в 45 километрах к западу от Будапешта. 3-й танковый корпус, понеся большие потери, был отброшен назад, в то время как тяжелые бои с 4-м танковым корпусом СС продолжались вплоть до 11 января, после чего он был переброшен в западном направлении.

Покидая Венгрию, Гудериан с горечью отмечал: «У нас не было больше офицеров и солдат 1940 года» Следующим этапом его поездки на Восточный фронт стал Краковский штаб генерал-полковника Гарпе, командующего группой армий «А», пять армий которой удерживали сектор фронта, протянувшийся более чем на 600 км на юг от Варшавы вдоль среднего течения Вислы к Карпатам и Чехословакии. Обсуждая предсказания Гелена о неминуемом наступлении русских, Гарпе попросил, чтобы незадолго до атаки Советской Армии ему разрешили перейти на более

удобную короткую линию обороны, которая находилась в 20 км западнее. Гарпе и его начальник штаба генерал-лейтенант фон Зиландер разработали план операции под кодовым названием «Шлиттенфарт». Они исходили из того, что их теперешние позиции можно будет удерживать максимум в течение 6 дней, после чего они будут прорваны и германская группировка окажется под угрозой окружения. Отступление могло сократить линию немецкой обороны примерно на 135 км и прикрыло бы основные силы от советских артобстрелов, которые в этом случае нанесли бы удар по покинутым немцами позициям. В итоге это давало возможность германским армиям создать мобильный резерв из четырех танковых дивизий, сгруппированных попарно и способных нанести удар по флангам противника. Гудериан прекрасно понимал, что его попытка спасти группу армий «А» от разгрома вряд ли будет одобрена фюрером, и тем не менее согласился предложить план операции «Шлиттенфарт» на следующем совещании Гитлеру. Схожая точка зрения была выражена генерал-полковником Рейнхгардтом, командующим группой армий «Центр», соединения которой прикрывали Восточную Пруссию и северную Польшу вплоть до Варшавы. Рейнхгардт по телефону предложил оставить вверенную ему линию обороны по реке Нарев в северной Польше и отступить к границам Восточной Пруссии.

Гудериан прекрасно понимал, что разговор с фюрером будет непростым. Позднее он писал:

«Я намеревался уговорить Гитлера сделать Восточный фронт главным рубежом обороны, для этого требовалось высвободить силы, находившиеся на Западном фронте. Фюреру следовало прислушаться к мнению командующих и отвести войска с Запада. Другого способа своевременно создать необходимый резерв войск не имелось».

Совещание проводилось в «Адлерхорсте» 9 января 1945 г. Гудериан прибыл туда в сопровождении инспектора бронетанковых войск генерала Томале. Когда Гитлеру представили тщательнейшим образом подготовленный доклад Гелена, дополненный картами и диаграммами, демонстрирующими относительную расстановку сил, он пришел в ярость, назвав автора доклада сумасшедшим, которого следует отправить в психбольницу. Гудериан, человек тоже довольно вспыльчивый, ответил, что если Гитлер хочет запереть в сумасшедший дом «одного из способнейших офицеров генерального штаба», то пусть отправляет и его туда же. Хотя буря и прошла, но будущее не сулило ничего хорошего. Совещание с военной точки зрения оказалось совершенно безрезультатным. Предложения Гарпе и Рейнхгардта были отвергнуты.

В конце совещания Гитлер постарался сгладить неприятное впечатление лестью. Он сказал Гудериану: «Никогда еще у Восточного фронта не было столь мощных резервов, как сейчас. В этом ваша заслуга. Благодарю вас за это». На что Гудериан, игнорируя комплимент, ответил: «Восточный фронт подобен карточному домику. Если он будет прорван в одном месте, рухнет и вся наша линия обороны, поскольку двенадцать с половиной дивизий — слишком небольшой резерв для столь растянутой фронтовой линии». Теперь Гудериан был уверен, что у Гитлера и его штабных прихвостней Кейтеля и Йодля «австрийская политика сочеталась с австрийской стратегией».

Вернувшись в Цоссен, Гудериан пришел к выводу, что австриец Гитлер не способен понять, под какой угрозой оказалась Восточная Пруссия — «наша родная земля... завоеванная такой дорогой ценой, всегда остававшаяся верной идеалам христианства и западной культуры, земля, где покоятся кости наших предков». Теперь Гудериану оставалось только ждать неминуемого удара русских.

Тем временем в «Адлерхорсте» Гитлер резвился с докладом Гелена, как терьер с дохлой крысой. Его монолог напоминал шизофренический бред: «У русских просто не может быть столько пушек и танков, как утверждает Гудериан, они не родились артиллеристами. План группы армий «А» по созданию мобильного резерва крайне опасен». Фюрер изо всех сил старался приободрить себя. Никто не смел ему перечить.

Генерал-лейтенант Зиландер сообщил генералу Гарпе: «Фюрер отказал нам во всем: и в эвакуации дивизий, окруженных на Кушской косе, и в подкреплениях с Западного фронта, и в реализации плана «Шлиттенфарт». Фронт приказано удерживать на прежнем месте. Следовательно, ситуация остается без изменения. Фюрер не верит, что Советы перейдут в наступление».

Тремя днями раньше группа армий «А» обнаружила свежие советские части, выдвигающиеся на передовую в западной части Баранувского плацдарма. А на Пулавском и Магнушевском плацдармах Советская Армия сосредоточила огромное количество артиллерии, которой, как считал Гитлер, у русских вовсе не было. Судя по всему, велись последние приготовления к прорыву германского фронта.

17 августа 1944 г., после захвата города Швирвиндт в Восточной Пруссии, советские войска вступили на территорию Германии. Завоеванная в XIII в. тевтонскими рыцарями Восточная Пруссия представляла собой романтичный образ германского фатерланда. Именно в Восточной Пруссии возник класс дворян-юнкеров, сочетавших спартанский образ жизни с верностью королю и Родине. Первостепенно значение имел военный аспект прусской истории. Прусский военный гений Фридрих Великий прославился тем, что смог преобразовать «ограниченную войну» в «тотальную». За время войны, когда Гитлер переезжал из одной ставки в другую, он неизменно

брал с собой один предмет интерьера — огромный портрет прусского короля кисти Антона Граффа. По мере того как над Третьим рейхом сгущались тучи, Гитлер стал часто запирается наедине с этим портретом и мысленно беседовать с Фридрихом, которого считал своим военным наставником. Фридрих довел до совершенства «стратегию выживания», он блестяще использовал ограниченные ресурсы против превосходящих сил противника. Он твердо верил в то, что «исход войны решают сражения». Но Гитлера, бессмысленно транжирившего свои ресурсы, ждало поражение.

Советские войска горели желанием поквитаться, вступив в Восточную Пруссию. В начале января 1945 г. солдатам 3-го Белорусского фронта под командованием молодого генерала Ивана Черняховского было сказано:

«Солдаты, вы подошли к границам Восточной Пруссии и вступаете на землю, породившую этих фашистских зверей, которые грабили наши дома и города, убивали наших сыновей и дочерей, наших жен и матерей. Самые отвязанные из нацистов родом из Пруссии. Много лет, находясь у власти в Германии, они проводили политику агрессии и геноцида по отношению к другим государствам и народам».

Красный «девятый вал», обещавший захлестнуть восточные рубежи Германии, был беспощаден.

В начале января 1945 г. линия фронта на востоке проходила от Мемеля на Балтийском побережье Литвы до Загреба в Югославии. Великое советское летнее наступление 1944 г. остановилось у ворот Варшавы. В течение всей осени и зимы 1944 г. велись ожесточенные бои за Будапешт, но на севере обстановка оставалась относительно спокойной. К концу лета Советская Армия захватила три плацдарма на западном берегу Вислы в центральной Польше. Са-

мым южным и наиболее обширным плацдармом являлся Сандомирский (Баранувский), находившийся в зоне ответственности 1-го Украинского фронта маршала Конева. Плацдармы поменьше, Пулавский и Магнушевский, в зоне ответственности маршала Жукова (1-й Белорусский фронт), были захвачены приблизительно в 100 километрах от Варшавы. Эти плацдармы должны были стать отправной точкой для зимней кампании Советской Армии — наступления на Берлин.

Разработка заключительных операций войны началась в период летне-осенней кампании 1944 г. В первоначальном виде планировалось захватить Берлин после 45-дневного наступления непрерывным маршем в глубину на 500 км. Первый этап операции, длившийся 15 дней, предполагалось завершить выходом Советской Армии на рубеж Мариенбург — Познань — Бреслау; второй, на который отводилось 30 дней, включал окружение и взятие Берлина и выводил Советскую Армию на берег Эльбы.

План предусматривал нанесение одновременных ударов на двух главных направлениях. При этом войскам предстояло действовать на разных берегах Вислы, которая к западу от Варшавы делает большой поворот в северо-восточном направлении. Главный удар между Варшавой и Карпатами наносили 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты, а прикрытие левого фланга должны были осуществлять войска 4-го Украинского фронта. 1-й Белорусский фронт наносил удар с Пулавского плацдарма в направлении Лодзи и с Магнушевского плацдарма в направлении Кутно, окружая таким образом Варшаву.

Войска маршала Конева готовились к наступлению с Баранувского плацдарма в направлении Радомска, а правый фланг 4-го Украинского фронта должен был нанести удар в северо-западном направлении и соединиться с левым флангом 1-го Белорусского фронта, окружив войска противника в районе

Кельце — Радом. В ходе наступления предполагалось также разгромить немецкие войска и освободить Ченстохово, Краков, а также Верхнюю Силезию. Выполнив эти задачи, оба фронта должны одновременно двигаться на северо-запад к Одру.

2-му Белорусскому фронту маршала Рокоссовского предстояло наступать в направлении Балтийского побережья, для того чтобы изолировать группировку противника в Восточной Пруссии и очистить от немцев Вислу в ее нижнем течении. 3-й Белорусский фронт Черняховского получил боевое задание наступать на запад к городу-крепости Кенигсберг, при этом отрезать 3-ю танковую армию от группы армий «Центр» и уничтожить 4-ю армию в районе Мазурских болот, где в сентябре 1914 г. 1-я русская армия генерала Ренненкампа была разгромлена Гинденбургом и Людендорфом.*

Детально прорабатывалась на этом этапе лишь первая фаза наступления на Берлин. Причем разработка плана велась в условиях, когда Ставка начала вдруг проводить лихорадочные перестановки в командовании фронтами. Хотя впереди ожидали ожесточенные бои, исход войны был предreshен, и для Сталина борьба за выживание превратилась в борьбу за политическое влияние в Европе и территориальные приобретения после неминуемого краха нацистской Германии. Будущая расстановка сил внутри Советского Союза также заботила Сталина, в особенности отношения между партией и армией, между Политбюро и выдающимися полководцами. Среди командующих фронтами началось настоящее соревнование за главенство, что Сталин, в общем-то, поощрял. В конце концов, они всем были обязаны вождю, и в случае надобности ему ничего не стоило напомнить им, кто на самом деле «главный» в стране и армии.

---

* На самом деле в 1914 г. в Восточной Пруссии потерпели поражение две русские армии.

7 ноября 1944 г. ведущие фигуры запланированного зимнего наступления маршалы Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, Толбухин и генерал Черняховский прибыли в Москву на совещание в Генеральный штаб. Последнее крупное наступление войны предполагалось начать 20 января 1945 г. Как только командующие разъехались по фронтам, Сталин погрузился в раздумья. Накануне завершающего года войны 1-м Белорусским фронтом командовал маршал Константин Рокоссовский, в свое время репрессированный в ходе чисток 30-х годов, в отношении которого у «вождя народов» все еще имелись определенные политические сомнения. Было ясно, что 1-й Белорусский фронт в авангарде броска на Берлин. Но поведет его не Рокоссовский. Почетную задачу захвата «логова фашистского зверя» следовало поручить Жукову. Сталин позвонил Рокоссовскому и сообщил ему о своем решении. Рокоссовский назначался на место генерала Захарова, командовавшего 2-м Белорусским фронтом, и получил задание прикрывать правый фланг войск, наносивших главный удар на Берлин. Несколько обескураженный Рокоссовский позднее вспоминал:

«Это решение было весьма неожиданным. Я только что побывал в Генеральном штабе, где обсуждались планы операций 1-го Белорусского фронта в ходе наступления на Берлин. Все наши предложения были приняты без комментариев, и вот теперь я получаю новое назначение. Я не удержался и спросил Верховного Главнокомандующего, за что меня наказали. Сталин ответил, что его заместитель маршал Жуков теперь назначен командующим 1-м Белорусским фронтом, а всю прочую необходимую информацию я получу в Ставке».

Жуков принял командование 1-м Белорусским фронтом 19 ноября, причем Сталин объявил, что он лично будет координировать действия четырех фрон-

тов. Планирование передавалось в штабы отдельных фронтов, где были внесены значительные поправки в планы операций. В конце ноября Жуков убедил Сталина перенести направление наступления 1-го Белорусского фронта с запада на северо-запад, вдоль оси Лодзь — Познань, что позволило бы ему обойти мощный укрепрайон. Целью наступления фронта Конева стал Бреслау, а не предполагавшийся ранее Калишь. За Бреслау лежал Силезский промышленный район, где Альберт Шпеер сконцентрировал массу германских военных заводов, спасая их от тяжелых бомбардировщиков союзной авиации. Когда в конце ноября Конев представил свои предложения по будущей операции Сталину, тот молча очертил на карте знаменитую промышленную котловину и произнес одно единственное слово — «золото». Любой ценой Конев должен был захватить этот бесценный экономический регион, не нанеся вреда его промышленности.

Масштабы подготовки будущего наступления были грандиозны. На фронте протяженностью около 600 км Ставка предлагала начать четыре главные операции прорыва: на Кенигсберг (Черняховский), Гданьск (Рокоссовский), Познань (Жуков) и Бреслау (Конев). При этом предстояло задействовать 30 общевойсковых армий, пять танковых и четыре воздушных* при поддержке особых механизированных группировок и дивизий артиллерийского прорыва.

На фронтах Жукова и Конева находились 163 стрелковые дивизии, 32143 артиллерийских орудия и тяжелых миномета, около 6500 танков и 4772 самолета. Под их командованием находились 2 миллиона 250 тысяч солдат, что составляло приблизительно одну треть пехотных формирований, около 40 % танков, размещенных на Восточном фронте.

---

* Как правило, каждый фронт поддерживался одной воздушной армией. Командующие фронтом и воздушной армией совместно разрабатывали планы операции.

Баранувский плацдарм 1-го Украинского фронта, шириной 70 и глубиной 60 км, бурлил как котел, поскольку на нем было сосредоточено 90% Коневского фронта: пять армий (13-я, 51-я, 48-я гвардейская — в первом эшелоне, 21-я и 59-я — во втором), две танковые армии (4-я гвардейская и 3-я гвардейская). Конев планировал совершить свой прорыв на 40-километровом отрезке фронта и развивать наступление в двух направлениях. На юге 3-я гвардейская танковая армия генерала Павла Рыбалко и 51-я армия должны были прорваться в промышленное сердце Силезии. На севере 4-я танковая армия генерала Лелющенко, действовавшая в полосе наступления 13-й армии, должна была совместно с левым флангом Жукова уничтожить германские войска в районе Кельце — Радом.

Два плацдарма Жукова были меньше и менее выгодными, чем Баранувский. На Пулавском плацдарме, находившемся на левом фланге 1-го Белорусского фронта, были сосредоточены 69-я и 31-я армии. Их поддерживали 9-й и 11-й танковые корпуса. Свои основные силы Жуков сконцентрировал на более крупном плацдарме у Магнушева. На клочке земли длиной 20 км и шириной 12 км находилось не менее 400 тысяч человек и 2 тысячи танков. 5-я ударная и 8-я гвардейская армии должны были пойти на прорыв при поддержке 61-й армии, сосредоточенной вдоль берега Вислы. Две танковые армии — 1-я гвардейская генерал-лейтенанта М. Е. Катукова и 2-я гвардейская генерала Богдановича — были стянуты к восточному берегу Вислы и готовы заполнить зону прорыва. На левом фланге 1-й гвардейской танковой армии была поставлена задача наступать на северо-запад в направлении Лодзь — Познань, на правом фланге 2-я гвардейская танковая армия должна была наступать южнее Варшавы, продвигаясь параллельно течению Вислы в северо-западном направлении к Бромбергу, откуда река поворачивает на северо-восток.

Для того чтобы обеспечивать провизией, горючим и боеприпасами собранные в районе плацдармов войска, службы обеспечения фронтов и армий трудились на пределе человеческих возможностей. Поврежденная система железных дорог, идущих на восток от Вислы по территории Польши, была срочно отремонтирована. Причем была изменена даже ширина железнодорожного полотна, чтобы по ней смогли ходить русские вагоны. Железнодорожный мост через Вислу в районе Сандомира, прямо за Баранувским плацдармом, был перестроен. Более 2500 эшелонов обеспечивали войска Конева и Жукова. Тысячи ленд-лизских грузовиков по проселкам доставили не менее миллиона тонн всего необходимого 1-му Белорусскому фронту, которому ежедневно требовалось 1150 тонн хлеба, 15 тонн овощей, 220 тонн мяса и 44 тонны сахара. Но самым главным была доставка боеприпасов, а потому солдаты Жукова по два дня в неделю оставались без мяса. В декабре уровень воды в Висле поднялся, и лед стал ломаться, угрожая ледяными заторами мостам, наведенным саперными подразделениями 1-го Белорусского фронта. Генерал В. И. Чуйков, командующий 8-й гвардейской армией,* позднее вспоминал:

«Висла весьма коварная река, она несет глыбы льда не только по поверхности, но и по дну. Натыкаясь на опоры моста, этот лед формирует невидимые заторы, и дно вокруг опор вымывается. Саперные и дорожно-строительные батальоны должны были незамедлительно принимать меры. На каждый из мостов было направлено по три роты взрывников и по одному дорожно-строительному батальону, кроме того, были созданы особые чрезвычайные команды. Грузовики, трактора и батарея 120-мм минометов для разруше-

---

* Чуйков командовал 61-й армией под Сталинградом, переименованной в 8-ю гвардейскую армию, находившуюся под его командованием до конца войны.

ния больших ледяных заторов поступили в распоряжение комендантов на каждой из переправ. Наши люди работали сутками, и в результате им удалось сохранить все наведенные мосты, обеспечив тем самым непрерывный поток транспорта на противоположный берег».

Чуйков также повествует о разведке, предшествовавшей прорыву с плацдармов:

«Мы точно знали, какие части противника находятся на переднем рубеже немецкой обороны. Но этого было недостаточно. Крайне важно было узнать, какие силы врага находятся во втором эшелоне и по всей глубине оборонительной линии. Наши разведчики прошли на передовую противника и взяли «языков». Допросив их подробно, они сверили полученные данные с информацией, полученной путем наблюдения».

Полковник Гладкий, начальник разведки 8-й гвардейской армии, разработал план глубокой рекогносцировки обороны врага. Несколько разведывательных подразделений, проникших на 50 км за линию фронта, держали перемещения германских войск под постоянным наблюдением. Большая их часть перешла линию фронта пешком, и связь с ними поддерживалась посредством раций и легких самолетов По-2, совершавших вылеты в ночное время.

Как вспоминал Чуйков:

«Первых два разведчика, сержант Петр Бачек и рядовой Василий Бычков, с которыми я не раз разговаривал, переходили линию фронта в начале октября. Свою вылазку они совершили в районе южнее Чесиловки, после чего оказались в лесах юго-западнее Варки. Им удалось обнаружить подразделения противника, дислоцированные в этом районе. В глубине лесной чащи была развернута база, а по периметру лесного

массива были организованы наблюдательные посты, чтобы отслеживать передвижения войск на близлежащих дорогах».

Эта разведгруппа состояла из семи человек, командовал ею опытный разведчик лейтенант Иван Киселев. Солдаты незаметно пробрались в леса и, эффективно маскируясь, действовали на территории противника более двух месяцев, передавая в штаб армии ценнейшую информацию, полученную путем наблюдения и от захваченных в плен солдат противника. Им удалось точно определить места нахождения позиций вражеской артиллерии, шестиствольных минометов и танковых подразделений. Они наблюдали за распорядком дня противника и выяснили, в какое время немцы обычно принимают пищу и отдыхают, когда происходит смена караулов. Все это следовало принять в расчет при нанесении удара».

Вообще, фактору внезапности Ставка уделяла огромное внимание, но ее обеспечение представляло собой очень сложную задачу. К концу 1944 г. противостояние на Восточном фронте характеризовалось высокой концентрацией германских и советских войск, что крайне затрудняло маскировку и переброску войск.

За время войны Советская Армия довела науку дезинформации противника до совершенства. В процессе длительной подготовки к Курскому сражению меры по маскировке были включены в стратегический план обороны и контрнаступления. Для наступления советские стратеги разработали план маскировки, основной целью которого было скрыть размах операции, а не место и время наступления.

Тщательнейшим образом скрывалось наращивание сил на захваченных плацдармах. Весь декабрь в обстановке строжайшей секретности проходила разработка фронтовых операций ограниченным кругом высшего офицерского состава. Только перед новым

годом этот круг был расширен за счет включения штабных офицеров. Никаких приказов не писалось и не печаталось, все инструкции давались только устно. Командующий корпусом в 1-й гвардейской танковой армии, в то время проходившей подготовку близ Люблина, вспоминает:

«Приказ 1-му Белорусскому фронту, уточнявший боевую задачу 1-й гвардейской танковой армии, был известен ограниченному числу сотрудников штаба — членам военного совета, заместителям командующего. Документы плана были запрещены к печати, приказы о подготовке войск к наступлению давались устно. Строго запрещалось вести телефонные разговоры, касающиеся подготовки к будущему наступлению, рации безмолвствовали. Бригады получили подробные приказы лишь за 5 дней до наступления».

Были предприняты меры для того, чтобы противник не смог оценить истинных масштабов и точно определить места наращивания сил Советской Армии. На правом и левом флангах 1-го Белорусского фронта появились призрачные формирования. С их помощью Жуков надеялся отвлечь внимание германской разведки. Близ Йоселова, в 50 км на юг от Пулавского плацдарма, он разместил около тысячи макетов танков, самоходных орудий и другой техники, оживив их небольшим количеством настоящих бронемашин, чтобы симитировать значительную концентрацию боевой техники. Железнодорожная, автотранспортная и радиопереговорная активность в этом секторе была максимальной. Причем радисты использовали позывные и частоты реально существовавших подразделений. Инженеры активно возводили мосты, готовили взлетно-посадочные полосы, в то время как в небе над ними постоянно кружили самолеты. Тем временем в секторах фронта, в действительности выбранных Жуковым для проры-

ва, по мере наращивания сил усиливалась маскировка. Прибывавший на плацдармы транспорт маскировали под возы сена или стройматериалы. Танки и артиллерию разгружали под покровом ночи, а днем тщательно маскировали. Следы танковых гусениц быстро разравнивали, а пустые вагоны сразу же перегоняли подальше в тыл. Все инженерные работы, связанные с близящимся наступлением, осуществлялись только ночью.

Формирования из резерва Ставки тайно перебрасывались в заданный сектор. В конце ноября 1-я гвардейская танковая армия преодолела более 300 км по железным и автомобильным дорогам с места своей дислокации в районе Львова к месту сбора в 30 км северо-восточнее Люблина, где скрывалась в лесу до получения приказа передислоцироваться в район на восточном берегу Вислы. Все передвижения осуществлялись ночью, переброска танков и артиллерии производилась по железным дорогам, а солдаты шли по проселочным дорогам в обход населенных пунктов, отдыхая днем в густых лесах. Понадобился целый месяц, чтобы перебросить железной дорогой 3-ю ударную армию со 2-го Прибалтийского фронта к новому месту дислокации восточнее Варшавы. Двадцать три тщательно закамуфлированных эшелона, двигавшихся по ночам в режиме полного радиомолчания, были использованы для переброски трех армейских стрелковых корпусов. В целом понадобилось 117 составов для завершения перегруппировки. Последнее подразделение сошло с поезда в 40 км к востоку от Варшавы за четыре дня до начала наступления. Маневр прошел незамеченным для германской разведки.

А внутри Магнушевского плацдарма концентрация советских войск не могла пройти незамеченной для пристального внимания немцев. 8-я гвардейская армия сосредоточила там восемь стрелковых дивизий на отрезке менее 10 км шириной. Изобретательный

Чуйков описывал, как он пытался отвлечь внимание германской разведки от подготовки к наступлению:

«Я предложил реализовать план постепенного накопления сил и вооружений на исходных позициях прорыва. Перемещения войск и техники происходили исключительно в ночное время и в таких пропорциях, что их последствия вполне можно было скрыть к утру. В дневное время солдаты, располагавшиеся в окопах, должны были активно заниматься обустройством позиций, чтобы немцы решили, что мы готовимся не к наступлению, а к длительной обороне. Мы даже задействовали громкоговорители, и над нашими позициями звучала музыка, развлекавшая наших солдат и усыплявшая бдительность противника».

Поскольку Конев занимал лишь один-единственный плацдарм, его меры маскировки были куда более сложными, нежели у Жукова. Главной задачей Конева было убедить германское высшее командование в том, что он планирует начать главное наступление с левого фланга Баранувского плацдарма. Еще одна бутафорская танковая армия заняла позиции в этом секторе. 600 деревянных танков и самоходных орудий должны были убедить немцев в том, удар будет нанесен в юго-западном направлении на Краков. Для обслуживания этого призрачного формирования была построена разветвленная сеть дорог. С начала января по этому району стали разъезжать комиссии, предупреждавшие местное население о прибытии свежих частей и об опасностях, связанных с началом неизбежного наступления. Настоящие батареи артиллерийских орудий и тяжелых минометов вели прицельный огонь с этих позиций, причем задействовались все калибры имевшихся вооружений. Имитировались ночные разведывательные вылазки, чтобы убедить противника в последних приготовлениях к атаке. В итоге командующий группой армий «А» генерал-полковник Гарпе

передвинул 344-ю и 359-ю пехотные дивизии на юг в Тарновский сектор, в то время как Конев активно переправлял по ночам танки, пехоту и артиллерию через Вислу в район напротив Кельце.

А внутри Баранувского плацдарма в качестве мер маскировки были вырыты глубокие окопы и насыпаны высокие земляные валы, для того чтобы скрыть все передвижения войск от германских постов наблюдения, которые просматривали советский фронт на глубину до 7 км. Там, где равнина не имела естественных укрытий, всюду трудились инженеры. К началу наступления они возвели около 70 км камуфлированной вертикальной маскировки и выкопали сотни километров коммуникационных траншей. На плацдарме имелось всего лишь несколько редких лесов. Прикрытие, которое они обеспечивали, было искусственно увеличено огромными растительными экранами. Патрули следили за тем, чтобы солдаты не рубили деревья. Инженеры провели в лесах более 150 км проселочных дорог, а на окраинах создали не менее 170 км растительного экранирования. Передвижения по ночам позволили переправить на плацдарм около двух стрелковых дивизий.

Маскировка дезориентировала германскую разведку. Немецкий штаб уже давно ожидал наступления русских на центральном участке фронта от Немана до Карпат, но успешная дезинформационная кампания привела к тому, что германская разведка неправильно оценила расстановку советских сил. Введенные в заблуждение обманым планом Конева, немцы решили, что главный удар Советской Армии будет нанесен юго-восточнее Баранувского плацдарма в направлении Катовице — Краков. Шефа немецкой разведки Гелена не ввели в заблуждение ухищрения Жукова, и тем не менее он недоумевал:

«С одной стороны, все донесения наших агентов определяют западную и северо-западную части Баранув-

ского плацдарма как район, на который следует обратить особое внимание. Но с другой стороны, все прочие свидетельства (воздушная разведка, допрос военнопленных) указывают на северный фронт. Так что теперь мы должны гадать, либо это следствие отличной маскировки в западной и северной частях плацдарма, либо плохой анализ донесений агентов».

Гелен тактически проигрывал все возможные варианты наступления русских, в том числе и прорыв сил Жукова и Конева через Вислу с целью создания долговременного укрепления на западном берегу реки. Все эти невеселые размышления сопровождалась серьезной недооценкой сил, собиравшихся начать наступление с плацдармов, захваченных на рубеже Вислы. ОКХ так и не удалось зафиксировать переброску из резерва Ставки 61-й, 3-й ударной, 33-й, 21-й и 59-й армий. В германском штабе по-прежнему считали, что эти соединения продолжают оставаться на своих участках фронта, находящихся за сотни километров. Другие армии были идентифицированы точно, но их места концентрации оставались неопределенными. Например, 6-я армия в северной части Баранувского плацдарма предназначалась для узнавания противником в качестве общего плана маскировки. Противнику раскрывали лишь те данные, которые хотели ему передать.

По словам Дэвида Гланца, заслуженного эксперта в данной области, общие последствия провала германской разведки зимой 1944/1945 гг. были фатальны: «По оценкам германской стороны на всех трех плацдармах им противостояли силы русских в соотношении 3:1 или 3,5:1. На самом же деле Советы создали превосходство в живой силе и технике на этих плацдармах в пропорциях от 5:1 до 7:1. Так что в итоге советское тактическое превосходство колебалось от 8:1 до 16:1».

Весь декабрь 1944 г. ОКХ жил в мире иллюзий. Самое странное, что никто не хотел верить в реаль-

ность крупномасштабного советского наступления. Отчасти этому способствовал Гитлер, убежденный, что на Восточном фронте все будет спокойно до тех пор, пока Сталин не договорится с союзниками о статусе марионеточного польского правительства, которое он собирается создать в Люблине. ОКХ придерживался мнения, что до тех пор, пока Рузвельт и Черчилль не признают де-юре Люблинское правительство, Сталин не станет вести активных боевых действий, и под Арденнами союзники понесут тяжелое поражение.

На самом деле Сталин просто не хотел начинать наступление в условиях непролазной грязи и плохой видимости, которые могли свести на нет превосходство советских войск в артиллерии и боевой технике. Он ждал, когда реки и каналы скует лед, а земля станет твердой, как железо, под тонким слоем снега. Тогда быстрые Т-34 пронесутся по открытым равнинам западной Польши до самой Силезии и Бранденбурга. 14 декабря Сталин сообщил послу США в Москве Гарриману, что он ждет наступления хорошей погоды, чтобы отдать окончательный приказ о крупномасштабном наступлении. Если германское командование и питало какие-то иллюзии, то на фронте солдаты понимали, что им грозит.

6 января Черчилль отправил Сталину личное послание с просьбой о желательности советского наступления в этом месяце, поскольку в Арденнах создалось «очень тяжелое положение». На следующий день Сталин ответил, что подготовка к наступлению движется «ускоренными темпами независимо от погодных условий» и советское наступление на Висле начнется не позднее второй половины января. 8 января маршалу Коневу позвонил начальник Генштаба генерал А. И. Антонов и сообщил, что из-за «тяжелого положения союзников в Арденнах наступление должно начаться как можно скорее». 1-й Украинский фронт должен начать наступление 12 января. Затем

вдоль всего Восточного фронта будет нанесен ряд сокрушительных ударов. 3-й Белорусский фронт начинает наступление 13 января, а 1-й и 2-й Белорусские фронты — 14 января. К 15 января весь Восточный фронт будет в огне.

Гитлер все еще находился на Западе, в «Орлином гнезде». После встречи с Гудерианом 9 января адъютант передал Гитлеру донесение о том, что наступление Советской Армии должно начаться в самое ближайшее время: «В последние несколько дней замечены массивные передвижения войск в районе Баранувского плацдарма... Впечатление такое, что они вот-вот начнут наступление...»

Тревожные сигналы посыпались один за другим. Русские навели «ледяные мосты» и расчистили минные поля. Из перехваченных русских радиопереговоров удалось узнать о прибытии на фронт мощных подкреплений. Захваченные в плен утверждали, что наступление начнется в период с 11 по 16 января.

На советских плацдармах командиры танковых корпусов и бригад получили приказы за 4-5 дней до наступления, а командиров батальонов проинструктировали за двое суток. На фронте Конева командиры взводов получили приказ 11 января. Солдат предупредили всего лишь за несколько часов до артподготовки.

В ночь с 11 на 12 января из громкоговорителей, установленных на Баранувском плацдарме, по-прежнему доносилась музыка, в то время как тысячи танков, самоходных орудий и пушек выдвинулись на линию фронта. Конев оборудовал свой командный пост в небольшом домике на опушке леса. К западу от него находились немецкие позиции, которые трудно было разглядеть из-за тумана, низкой облачности и густого снегопада. Земля была твердой, как камень, но порою видимость приближалась к нулю, что мешало поддержке наступающих войск с воздуха.

На плацдарме артиллерийские орудия были установлены практически вплотную. Их плотность со-

ставляла 300 стволов на один километр фронта. В 4.35 утра, когда Гитлер мирно почивал в «Орлином гнезде», армия Конева начала массированный артобстрел, практически стерший с лица земли передовые немецкие позиции. В 5 утра советские разведывательные батальоны штурмовали первую линию окопов противника, а затем пошли вперед, чтобы выявить сильные места вражеской обороны между первой и второй линиями, уцелевшие после артобстрела. Затем они залегли, поскольку должен был начаться второй массированный артобстрел.

Немцы, которые выжили после первого артобстрела, были настолько потрясены и перепуганы, что посчитали Коневскую разведку основными наступающими силами. В итоге к 10 часам утра они оказались совершенно не готовы к 107-минутному артобстрелу, накрывшему всю глубину германской обороны.

Командующий 4-й танковой армией генерал Лелюшенко вспоминает:

«Недолгую тишину разорвали оглушительный гром орудий, разрывы снарядов, скрежет и свист осколков. Снаряды и мины обрушились на десятки квадратных километров германской обороны. Дым, огонь и пыль смешались со снегом. Земля задрожала и покрылась копотью».

В результате этого массированного артобстрела был уничтожен штаб германской 4-й танковой армии. Германские мобильные резервы, расположенные вблизи от передовой, были разбиты, многие подразделения в панике бежали в тыл.

Главное наступление русской пехоты началось позже. Стрелковые батальоны при поддержке танков и самоходных орудий пошли через «огневые проходы», открытые артиллерией. В 2 часа дня «тридцатьчетверки» 4-й танковой армии, различные благодаря своей белой зимней маскировке лишь во время

движения, начали атаку. 11-й и 6-й гвардейские механизированные корпуса были усилены полком тяжелых танков Ис-2, оснащенных 122-мм орудиями. Через два часа 4-я танковая армия продвинулась на 15 км вперед на фронте в 30 км по направлению к Кельце, прорвавшись по лесистой местности, пересеченной речными долинами, которую командующий группой армий «А» считал непроходимой для русских бронемашин.

В то время как танки Лелюшенко шли в атаку, Адольф Гитлер завтракал в «Орлином гнезде» с двумя своими секретаршами, молодой и недавно овдовевшей Траудль Юнге и пожилой Иоханной Вольф. В тот момент, когда немецкая 4-я танковая армия была разбита, фюрер развлекал женщин рассказами о том, как однажды, в более счастливые времена, ликующие толпы почитателей окружили его автомобиль и не давали ему двинуться с места, а у него в этот момент едва не разорвался мочевого пузырь. Подобные монологи отвлекали Гитлера от суровой действительности. Как позднее вспоминала фрау Юнге: «Те, кто зал его хорошо, понимали, что подобные разговоры — это своего рода анестезия, отвлекающая его от потерь территорий, боевой техники и живой силы, донесения о которых приходили к нему ежечасно».

А тем временем разгром грозил и германским войскам, оказавшимся на пути наступления Конева. Лишь после обеда тактический резерв 4-й танковой армии, 16-я и 17-я дивизии 24-го танкового корпуса генерала Вальтера Неринга были брошены в бой, да и то с приказом сомкнуться в районе Кельце. Но было слишком поздно. Советские танки уже прорвались к месту сбора 16-й и 17-й дивизий и на ходу расстреливали целые батальоны. Потрепанные остатки германского танкового резерва отступили к Кельце. Утром 13 января штаб 17-й танковой дивизии был захвачен, а командовавший ею полковник Брукс попал в плен.

В тот день танки Лелюшенко и 13-я армия генерала Пухова продолжили наступление к реке Нида, в то время как 3-я гвардейская танковая армия, 5-я гвардейская и 51-я армии отбивали немецкие контратаки на западном фланге быстро расширяющегося прорыва, грозящего захватом Кельце. Южнее 60-я армия наступала на Краков. На правом фланге ее поддерживали 59-я армия и 4-й гвардейский танковый корпус.

Гигантский прорыв, образовавшийся внутри германской обороны, поглотил правый фланг 4-й танковой армии, уничтожив при этом 58-й танковый корпус на юге и отрезав по центру 24-й танковый корпус, где дивизии Неринга, отчаянно отбиваясь, отступали по дорогам, ведущим на север. Захват Кельце обеспечил безопасность правого фланга Конева, и он бросил свои танки на открытую местность, вследствие чего танковый корпус генерала Германа Рекнагеля оказался под угрозой неминуемого окружения. Штаб корпуса был расстрелян советскими танками, а остатки подразделений Рекнагеля, побросав технику, бежали на север, где 18 января соединились с остатками 24-го танкового корпуса.

17 января к наступлению темноты левый фланг Конева окружал Краков. Танки Рыбалко и 5-я гвардейская армия блокировали город с севера, а 59-я и 60-я армии подошли к городу, оставленному вечером 19 января германским гарнизоном без боя. Теперь дорога к промышленным сокровищам Силезии была открыта для армий Конева.

Ночью 13 января все формирования 1-го Белорусского фронта были приведены в полную боевую готовность. Подготовка к наступлению была завершена. Позднее Чуйков писал:

«Более 10000 орудий на двух плацдармах были нацелены на вражеские укрепления. По 250 орудий на километр фронта были нашей гарантией успешного про-

рыва... Из мощных громкоговорителей все еще доносились музыка и песни. Противник должен был считать, что никаких крупных боевых действий не предвидится».

Саперные батальоны расчистили проходы сквозь минные поля, установленные перед позициями 1-го Белорусского фронта, и теперь извлекали из земли мины непосредственно перед передовыми окопами германской 9-й армии. Вплоть до полуночи звезды ярко сияли на ясном морозном небе, но затем над позициями появился туман. К утру он сгустился. В 7 часов, когда полевые кухни раздавали горячий завтрак идущим в наступление войскам, видимость снизилась до нескольких метров.

Напряжение достигло крайнего предела. Находившийся на своем командном посту в центре плацдарма генерал Берзарин, командовавший 5-й ударной армией, нервно курил и поглядывал на часы. Один из его штабных офицеров вспоминал:

«Последние часы перед наступлением были утомительны и полны волнения. Казалось, все готово, просчитано и проверено. Тем не менее нам было не по себе. Мы то и дело поглядывали на карту, исчерченную стрелками и перечеркнутую темно-синими линиями, обозначающими оборонительные позиции противника. Между Вислой и Одером их было целых семь...»

Ворвавшийся на командный пост Берзарина Жуков разрядил обстановку. Явно довольный рапортом Берзарина, он заверил генерала и его штаб, что у него 200% гарантии успеха.

В 8.25 утра артиллерия 1-го Белорусского фронта получила приказ открыть огонь. На большинстве участков фронта артобстрел продолжался не более 25 минут. Он сровнял с землей немецкую оборону на глубину до 7 км. После этого наступательные баталь-

оны начали атаку через 800 проходов, расчищенных на германских минных полях, чтобы захватить первую и вторую линии вражеских траншей. После предварительного артобстрела германские командные и наблюдательные посты потеряли контроль над обстановкой, причем этому способствовал густой туман, поднявшийся над полем битвы. Когда взошло солнце, сопротивление почти прекратилось. Германский тактический резерв — 19-я и 25-я танковые дивизии получили приказ контратаковать в 7.45 утра. Они пошли в атаку только через три часа, но этот своевременный приказ был сведен на нет решением атаковать раздельно. 19-я танковая дивизия атаковала наступавшую с Пулавского плацдарма 69-ю, а 25-я танковая вермахта — 5-ю ударную армию на северном фланге Магнушевского плацдарма.

Погода не позволила ВВС Советской Армии совершить хотя бы один вылет для поддержки наступающих войск 1-го Белорусского фронта, так что задача по разгрому германских резервов целиком легла на плечи артиллерии. Но большая ее часть пробивалась сквозь туман на новые позиции и пока еще не могла открыть огонь. Тем временем Жуков остановил танковые армии, чтобы дать проход стрелковым дивизиям 8-й гвардейской и 5-й ударной армий на германские позиции.

Река Нижняя Пилица, подернутая тонким льдом, местами пробитым быстрым течением и огнем германской артиллерии, была форсирована в районе Варки 26-м стрелковым корпусом, захватившим мост, который был заминирован противником, но так и не взорван. Гарнизон Варки бежал в направлении Варшавы. К вечеру 14 января «тридцатьчетверки» 2-й гвардейской танковой армии Богданова переправились по этому мосту на северо-запад к Сохачеву, железнодорожной станции в 45 км к западу от Варшавы, захват которой заблокировал бы отход немцев.

На левом фланге Богданова 1-я гвардейская танковая армия в течение долгих часов ждала приказа к наступлению от Жукова. «Вперед!» — скомандовал он, и армия двинулась на Лодзь, форсировав ночью 15 января Пилицу. Наступление возглавляла 44-я танковая бригада 11-го гвардейского танкового корпуса под командованием полковника И. И. Гусаковского, пославшего свою пехоту по льду. Переправа танков и самоходных орудий на противоположный берег была проблематичной, так как лед не выдержал бы их веса. К счастью для Гусаковского, его саперы обнаружили брод, и 26 танков и 6 самоходных орудий вошли в черную воду. Шесть танков и два самоходных орудия застряли в реке, остальным удалось благополучно выбраться на западный берег и присоединиться к 45-й танковой бригаде, отбивавшей контратаку 25-й танковой дивизии.

На рассвете 15 января 8-я гвардейская армия устроила мощную 40-минутную артподготовку, прежде чем пойти на третью линию немецкой обороны — железную дорогу Варка-Радом. В полдень Чуйков атаковал ее, но из-за плотного тумана, висевшего над полем боя, так и не получил поддержки с воздуха. Прибыв на передовую, Чуйков встретился с генералом Вайнгрубом, командующим бронетанковыми войсками в сражении за железнодорожную линию и координирующим наступление танковой группы и 29-го стрелкового корпуса. Чуйков вспоминал:

«Укрывшись в строениях железнодорожной станции и прилегающих к ней лесах, противник оказывал ожесточенное сопротивление. Его противотанковая артиллерия и пулеметы преградили путь нашим частям. За пехотой и танками генерала Вайнгруба следовали передовые колонны 1-й гвардейской танковой армии. Они ждали, пока наши войска очистят зону прорыва. Мы должны были выбить немцев с железной дороги. После этого танки получали свободу маневра и могли

расколоть фронт врага. Мощная артподготовка, за которой последовала массированная атака пехоты и танков, значительно увеличивала наши шансы на победу. Солнце уже садилось. У нас оставался час до наступления сумерек, для того чтобы подавить укрепления противника. К счастью, мы увидели колонну машин на окраине леса юго-восточнее Черного луга. Присмотревшись, мы поняли, что это «Катюши», целая бригада новейших ракетно-пусковых установок (36 машин), с полным боекомплектом и готовые открыть огонь. Я незамедлительно отдал приказ комбригу, и уже через 20 минут они устроили такой «салют», что даже спустя несколько часов противник не мог оправиться от шока. Наши части атаковали противника и перешли через железнодорожную линию. За ними вслед пошел авангард 1-й гвардейской танковой армии. Мы полностью прорвали всю глубину линии обороны противника. 8-я гвардейская армия в срок выполнила свое первое боевое задание и вместе с 1-й гвардейской армией достигла свободы маневра. В такие минуты забываешь об усталости, невзгодах и обо всем плохом. Это и есть радость Победы!»

К ночи 15 января войска Конева и Жукова прорвались сквозь зону тактической обороны группы армий «А». Три бреши, проделанные ими, превратились в масштабный, хорошо укрепленный плацдарм на западном берегу Вислы протяженностью в 450 км. Танки и мотострелки маршброском преодолели не менее 100 км. На правом фланге Жукова севернее Варшавы 47-я армия очищала от противника плацдарм между Вислой и Бугом, угрожавший польской столице.

Группа армий «А», разбитая этими мощными ударами на множество осколков, боролась за свое выживание. 17 января Чуйков наблюдал, как 120-й полк 39-й гвардейской стрелковой дивизии с артиллерийским батальоном форсировали реку Пилицу. Внезапно на южном берегу появилась колонна из 20

танков, двигавшихся из деревни Грамяка к переправе. К удивлению Чуйкова, на их башнях были фашистские кресты. Эти танки стали легкой добычей для русских артиллеристов, которые быстро навели орудия и открыли прицельную стрельбу с расстояния 150 м, уничтожив при этом не менее половины танков. Отстреливаясь, немецкие танки отошли в деревню, но попали под огонь вошедшей в нее 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Лишь двум танкам удалось уцелеть. Оставшиеся в живых немецкие танкисты сообщили, что они из 25-й танковой дивизии. После трех дней тяжелых боев они потеряли связь со своим штабом и пытались пробиться на северный берег Пилицы, но попали в ловушку.

Чуйков форсировал Пилицу и, проехав вдоль растянувшихся колонн второго эшелона 79-й гвардейской дивизии, наступающей на Садковце, оказался у спиртзавода на окраине деревни Стриков. Он вспоминал:

«Нам сразу же бросилось в глаза, что местные жители и рабочие спиртзавода ведут себя довольно странно, прячутся в зданиях и то и дело оглядываются по сторонам. Вдруг, примерно в километре от нас, мы увидели готовую к бою колонну немцев. Непонятно откуда они взялись в нашем тылу, но времени разбираться не было. Их пулеметы открыли огонь. Под обстрелом мы поспешили обратно к Шейкину*. Его пулеметчики открыли ответный огонь по немцам. Затем полк пошел в атаку и отрезал противнику пути отхода в северо-западном направлении.

На наше счастье, 1-я гвардейская танковая армия заправлялась горючим в ближайшем лесу. Танкисты сразу же открыли огонь, вынудив немцев сложить оружие и сдаться. В плен попало не менее полутора тысяч немецких солдат и офицеров. Все они были из разных подразделений и потеряли связь со своим командованием, после чего бежали на запад».

---

* Полковник Шейкин — командир 220-го полка 79-й гвардейской дивизии.

Окружающая местность была полна немецких солдат, прятавшихся в стогах сена и сараях для скота. Бежав с рубежей Вислы, они искали спасения в своем тылу, но этот тыл быстро оказался тылом советских войск, с обозами, полевыми кухнями и квартирмейстерскими службами. Чуйков видел, как сержант и три солдата Советской Армии вели колонну из 80 немецких военнопленных.

«Вид у них был плачевный. Они еле волочили ноги и дрожали от холода в шинелях из эрзац-шерсти. Лишь два офицера во главе колонны все еще сохраняли армейскую выправку. Мы боялись, что толпа поляков набросится на этих немцев и растерзает их. Но поляки обходили их стороной, только грозили им кулаками и выкрикивали ругательства».

Глава 4

ХВАТАЯСЬ ЗА СОЛОМИНКУ

«Я собираюсь атаковать русских там, где они меньше всего этого ожидают! Шестая танковая армия уже на подходе к Будапешту! Если мы начнем наступление в Венгрии, русским придется отступить!»

Адольф Гитлер, 16 января 1945 г.

15 января в три часа дня Гитлер впервые вмешался в оборонительные бои, идущие на Восточном фронте. Игнорируя протесты Гудериана, фюрер приказал перебросить в Кельце две дивизии танкового корпуса СС «Гроссдойчланд» («Великая Германия»), которым командовал генерал фон Заукен, парашютную дивизию «Герман Геринг» и моторизованную дивизию из Восточной Пруссии. Гудериан был в шоке. Кроме фюрера, всем было ясно, что ветхие железные дороги, связывающие Восточную Польшу с Пруссией, не приспособлены для того, чтобы вовремя переправить германские дивизии для остановки советского наступления на Познань. Более того, было чистым безумием лишать группу армий «Центр» последнего оперативного резерва на Балтийском участке фронта, который

в этот момент находился под натиском 2-го Белорусского фронта Рокоссовского. 14 января в десять часов утра войска Рокоссовского перешли в наступление.

Гудериан возмутился. И пока на телефонной линии, связывающей штаб фюрера с Цоссером, шел спор, германские дивизии оставались на вокзалах. Гитлеру, естественно, удалось отстоять свое мнение, но дивизия «Великая Германия» двигалась на юг так медленно, что в итоге получила удар с левого фланга от 1-го Белорусского фронта. Немцам пришлось высаживаться с поезда в Лодзи под мощным артобстрелом русских.

Мрачные картины представляли глазам солдат дивизии при продвижении на юг. Все станции на пути следования эшелона были забиты немцами, бежавшими от наступления Советской Армии. Со своего командного поста, находившегося на текстильной фабрике на окраине Лодзи, Заукен, ветеран прусской кавалерии, мог видеть на горизонте силуэты танков 1-й гвардейской танковой армии. Белые снежные вихри указывали на места падений снарядов. Заукен прекрасно понимал всю невыгодность позиций, занимаемых дивизией «Гроссдойчланд». Но ему ничего не оставалось, кроме как выставить заслоны южнее и восточнее Лодзи, чтобы прикрыть остатки 9-й армии, в то время как продвигавшаяся с севера советская 1-я танковая армия грозила окружением прославленному германскому корпусу. 13 января на последнем военном совещании, проведенном в «Орлином гнезде», Гитлер приказал командующим на западе фельдмаршалам Рундшtedту и Моделю как можно дольше сдерживать натиск западных союзников. В 6 часов вечера Гитлера доставили на железнодорожную станцию, где он сел в особый поезд, в котором было проведено еще одно совещание. Едва оно началось, как позвонил Гудериан, требуя «бросить все силы на Восточный фронт». По завершении совещания Гитлер отправился на поезде в Берлин.

Когда 16 января в 9.30 утра поезд фюрера остановился на станции Грюневальд, шел сильный снег, скрывавший жестокие раны, нанесенные германской столице. Гитлера доставили в рейхсканцелярию, место его большинства довоенных политических триумфов. Отныне она станет его постоянной резиденцией. Новая канцелярия строилась в качестве первого строительного объекта реконструкции Берлина. Теперь, испещренная отметинами разрывов бомб, она стояла подобно серой глыбе в море руин. Воронки во дворе замело снегом, за окнами канцелярии пейзаж был довольно пустынен. Снег лежал на огромной бетонной коробке в саду, поднимавшейся на несколько метров над уровнем земли и обозначающей местонахождение глубокого бомбоубежища, построенного для Гитлера Альбертом Шпеером.

Берлин никогда не был оплотом нацистов. До того как в 1933 г. Гитлер пришел к власти, он являлся оплотом германских коммунистов. Во время войны фюрер редко бывал в столице. Подобно средневековому королю, он переезжал из одной спецрезиденции в другую. Эти бетонные бункеры до сих пор можно увидеть по всей Европе от французского Суассона до Растенбурга в Восточной Пруссии, ныне входящей в состав Польши.

Растенбургская резиденция, более известная как «Волчье логово», построенная в мрачных сосновых лесах на побережье Мазурских болот, стала домом для Гитлера на большую часть Второй мировой войны. Последний раз он побывал здесь в ноябре 1944 г. Теперь, после того как «бойня в Возже», по едкому замечанию Гудериана, «стала прошлым», бункер в канцелярии стал последним убежищем фюрера. Берлинцы даже не подозревали о том, что Гитлер вернулся. Теперь они сражались за жизнь в постепенно умирающем городе. Ганс Георг фон Штудниц отметил в своем дневнике: «То и дело отключается свет. Газ в дома не поступает. Почта больше не функционирует».

В день, когда Гитлер вернулся в Берлин, Гудериан посетил совещание, проводившееся в кабинете фюрера в рейхсканцелярии, из окон которой был виден засыпанный мусором сад. После многообещающего начала, когда Гитлер объявил о своем решении продолжать оборонительные бои на Западном фронте, чтобы обеспечить переброску дополнительных сил на Восток, совещание быстро зашло в тупик. Гудериан подготовил план постепенного задействования этих подкреплений в ударах по флангам русского наступления. Однако он был потрясен, когда Йодль проинформировал о том, что наиважнейший стратегический элемент частей, ожидающих переброски на Восток, 6-я танковая армия СС, отправится в Венгрию на помощь Будапешту и оборону венгерского нефтеперерабатывающего комплекса. Напрасно Гудериан возмущенно уверял, что эту армию необходимо бросить на Одер, где двум группам армий угрожает разгром, а вовсе не на второстепенный театр боевых действий в Венгрию. Гитлер вскочил с места и, потрясая кулаком, отчеканил: «Я собираюсь атаковать русских там, где они меньше всего этого ожидают! Шестая танковая армия идет на Будапешт! Если мы начнем наступление в Венгрии, русским придется отступить».

Главным в понимании Гитлера оставалась нефть. Отчитывая Гудериана, он повторял: «Если у вас кончится горючее, ваши танки остановятся, а самолеты не взлетят. Вы должны бы это понимать. Но мои генералы ничего не понимают в военной экономике».

Сам Гитлер мало представлял, насколько стремительно вермахт утрачивает свою боеспособность и как мало осталось возможностей у ОКХ осуществлять переброски войск. Он не взял в расчет то, что передислокация целой танковой армии через всю Европу при нынешнем плачевном состоянии железных дорог займет несколько недель.

Обстановка на совещании накалялась с каждой минутой. Когда Гитлер разбушевался по поводу того,

какой идиот установил главную линию обороны по Висле, ему представили стенографический отчет, в котором говорилось, что это было его собственное решение. Затем речь пошла о местах сосредоточения резервов. Если верить Гудериану, Гитлер считал, что «они находятся слишком далеко от линии фронта», хотя генералы придерживались совершенно противоположного мнения и обвиняли Гитлера в том, что он настоял на выдвигании резервов слишком далеко вперед. Пытаясь найти «козла отпущения», которого можно было обвинить во всех провалах на Восточном фронте, фюрер сорвал зло на несчастном Гарпе. Теперь на посту командующего группой армий «А» его должен был сменить убежденный нацист, генерал-полковник Фердинанд Шёрнер, прежде командовавший закупоренной на Курляндском полуострове группой армий «Север» — в районе, где, по язвительному замечанию Гудериана, «уже нельзя было завоевать победных лавров».

Пока Гитлер хватался за спасительную соломинку, советские войска опережали план действий, разработанный Ставкой для Висло-Одерской операции. Стрелковые дивизии проходили по 30 км в день, а механизированные и бронетанковые дивизии до 70 км. Скорость и масштабы прорыва вынудили Ставку скорректировать боевую задачу для Конева и Жукова. 17 января Конев получил приказ направить главный удар своих сил на Бреслау, форсировать Одер южнее Лешно не позднее 30 января и создать плацдармы на западном берегу этой реки. Главной боевой задачей Жукова стал захват Познани и создание укрепленной линии, идущей на северо-восток от этого города к Быдгощу (Бромбергу), до 4 февраля.

Молниеносное развитие наступления быстро перечеркнуло расчеты Ставки. К утру 17 января части 47-й, 61-й и 1-й польской армий уже двигались по улицам Варшавы, а оборонявшие ее немцы, включая

батальон солдат, страдавших нарушениями слуха, спешно бежали из города*.

К полудню 17 января Варшава была окончательно освобождена от гитлеровских оккупантов. Первых прорвавшихся в польскую столицу красноармейцев встречали сплошные руины. После подавления варшавского восстания в октябре 1944 г. германские войска разрушили город. Русские войска вошли в вымерший город, довоенное население которого в 1 млн. 300 тыс. человек сократилось до 160 тыс. уцелевших жителей.

Через два дня после освобождения Варшавы Колев лично возглавил руководство операцией по освобождению Кракова. Древний город перешел в руки русских, практически не пострадал. Германский гарнизон покинул его столь спешно, что даже не успел взорвать заминированные здания. Молодая еврейка Янина Бауман из деревеньки на окраине Кракова, бежавшая из Варшавского гетто в 1943 г., вспоминает:

«После бессонной ночи, разрываемой взрывами снарядов и наполненной напряженным ожиданием, мы различили в тусклом свете зимнего утра серые очертания первых русских солдат. Они украдкой пробирались мимо наших окон с автоматами наперевес. К полудню звуки ожесточенного сражения стихли, и на смену им пришел монотонный грохот танковых гусениц. На закате я вышла во двор, чтобы принести немного продуктов. В темном сарае, забитом дровами и всякой утварью, послышался шорох. Я ощутила присутствие человека и распахнула дверь, чтобы в сарае стало светлее. Я разглядела кусок серой шинели, торчавший из поленницы. Я тихонечко закрыла сарай на засов и побежала в дом. На кухне пани Петржик, усталая после бессонной ночи, была занята приготовлением ужина. Задыхаясь от волнения, я рассказала ей о том, что увидела.

* Следует отметить, что, оставляя польскую столицу, фашисты взорвали практически все здания в городе. — Прим. ред.

Однако она не удивилась, поскольку ей и так уже было все известно. Пристально посмотрев на меня своими старыми мудрыми глазами, она промолвила, словно цитируя Святое Писание: «Кто бы ни пришел ко мне в поисках крова, неважно, кто он и во что верует, со мною он будет в полной безопасности». В одно мгновение я все поняла. Потрясенная, я наблюдала, как она кладет в оловянную миску горячие драники и поливает их свиным жиром. Старушка прошептала: «Возьми, девочка, и отнеси ему». Словно замороженная, я повиновалась и пошла обратно в сарай. Он казался таким же пустым, как и раньше. Даже торчавший из поленицы кусок шинели куда-то исчез. Я стояла потрясенная, горячая миска обжигала мои пальцы и наполняла воздух умопомрачительным запахом еды. Что-то зашевелилось за дровами, и вскоре появилась растрепанная голова. Я увидела бледное лицо немца, еще совсем мальчика, с ужасом взиравшего на меня. Он выхватил из моих рук горячую миску и с невероятной жадностью набросился на еду. Он все еще дрожал от голода и страха. Какое-то время я взирала на него с отрешенным видом. Я не чувствовала ни жалости, ни ненависти, ни радости».

В тот же день подразделения 3-й гвардейской танковой армии перешли германскую границу восточнее Бреслау. Приблизительно в 150 км северо-восточнее, на фронте Жукова, 8-я гвардейская армия взяла крупный промышленный центр Лодзь, прежде чем немцы успели его уничтожить или эвакуировать в рейх станки и ценное оборудование. Севернее Лодзи танки Жукова уже разворачивались по всей Западной Польше. Цели, поставленные Ставкой на первом этапе Висло-Одерской операции, которая должна была продлиться 12 дней, были достигнуты за неделю.

22 и 23 января фронт Жукова продвинулся вперед почти на 100 км. Вечером 23 января 9-й танковый корпус взял Быдгощ, открыв путь к границе

Германии, находившейся примерно в 60 км. В своих мемуарах Жуков пишет, что Ставка отложила решение о дальнейших операциях на территории Польши до создания Познаньско-Быдгощской линии. Он вспоминал: «В ходе операции войска 1-го Белорусского фронта значительно опередили расписание Ставки, и к 23 января правое крыло фронта уже захватило Быдгощ и развивало наступление на Шнейдемюль и Дойч-Кроне (Вальц). 25 января центр фронта окружил крупную группировку врага в Познани, а левый фланг во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом наступал на Ярославский район».

Одновременно на левом фланге 1-го Украинского фронта, южном фланге советского прорыва, Конев начал успешное окружение Силезского промышленного района, развернув при этом 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко на 90° и направив ее удар на юг, вдоль Одера, чтобы прорваться в тыл к немцам в районе Катовице. Пока Рыбалко выполнял этот сложный маневр, демонстрируя при этом маневренность и быстроту советских танковых войск, пехота Конева (60-я, 59-я и 27-я армии) атаковала по всему фронту с севера, востока и юга, вынудив германские гарнизоны выйти на открытую местность, где их было легко разбить, не уничтожая при этом промышленных мощностей, о которых так мечтал Сталин. 27 января Рыбалко был близок к тому, чтобы перекрыть пути отхода немцев, но помнил об инструкциях: обычно безжалостный Конев давал противнику «зеленый коридор» для отхода. Представившаяся возможностью сразу же воспользовался новый командующий группой армий «А» генерал-полковник Шёрнер, чья фанатичная преданность Гитлеру никак не отражалась на его трезвой оценке безнадежности положения германских войск в Верхней Силезии. Когда уже эвакуация германской 17-й армии шла полным ходом, Шёрнер проинформировал Гитлера по телефону, что он отступает, чтобы занять

оборону по Одеру. Генералов расстреливали и за меньшее, но фюрер уважал Шёрнера и потому ограничился довольно сухим комментарием: «Да, Шёрнер, если вы и впрямь так думаете, то поступаете правильно».

Конев праздновал свою победу. С вершины холма командующий 1-м Украинским фронтом вместе с Рыбалко наблюдал за тем, как танки почти в парадном порядке движутся по направлению к Ратибору. Башни их были накрыты импровизированным зимним камуфляжем — отрезами белого тюля с Силезских текстильных складов. Вдали виднелись дымящиеся трубы военных заводов, прежде производившие по 100 млн. тонн угля и 2,4 млн. тонн стали в год для нужд германской военной машины. Один из важнейших заводов в Катовице производил 88-мм орудия, с помощью которых было подбито немало русских танков на Восточном фронте.

Пока Конев завоевывал промышленность Силезии, солдаты 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов открыли для себя еще одну сторону германской действительности — концлагеря смерти, которыми изобиловала центральная и южная Польша. По мере наступления Советской Армии немцы проводили эвакуацию в районах, остававшихся под их контролем, и расширяли масштабы массовых казней. В Хелмно, к северу от Лодзи, эсэсовцам было приказано уничтожить спецкоманду, сформированную для демонтажа лагерного крематория. Первоначально в команде насчитывалось 100 человек, но довольно быстро вследствие ежедневных расстрелов ее численность сократилась до 40. Чтобы поразвлечься, эсэсовцы выстраивали людей в ряд и ставили им на головы бутылки, после чего упражнялись в меткости. Они визжали от восторга, когда кто-то промахивался и очередной человек выпадал из шеренги с пробитой пулей головой. С 17 января расстрелы стали более систематическими и ежедневно уничтожалось по

5 человек. Лишь двум из состава спецкоманды удалось выжить, причем один несчастный был ранен в шею и выжил лишь благодаря быстрому наступлению советских войск.

В комплексе Аушвиц – Биркенау (Освенцим) в южной Польше, где находилось множество концлагерей и фабрик, оставалось около 60 тысяч евреев и представителей других национальностей. 18 января был дан приказ эвакуировать оставшихся в живых пешим порядком до ближайших железнодорожных станций. Затем их должны были рассредоточить по лагерям на территории Германии. Тысячи людей, которые были не в состоянии самостоятельно передвигаться, были расстреляны на месте. Падавших на марше ожидала та же судьба. Одна из бывших заключенных, еврейская девушка Роза Кибель, вспоминает весь этот кошмар:

«На суровом морозе, босые, в лохмотьях, еле прикрывающих их скелетоподобные тела, десятки тысяч человеческих существ двигались по глубокому снегу. Только всепоглощающая жажда жизни и свет неминуемого освобождения заставляли их держаться на ногах. Но горе было тем, кого оставляли последние силы. Их пристреливали на месте. Такой конец ожидал тысячи несчастных, не доживших совсем немного до долгожданной свободы. Даже сегодня я не понимаю, как я смогла вынести этот «марш смерти» и добраться до лагеря Равенсбрюк*, оттуда после двухнедельного отдыха – до Нойштадта, где меня и освободила Советская Армия».

Когда одна колонна остановилась в Блехаммере, заводе по производству синтетического топлива, где

---

* Равенсбрюк – концлагерь в Мекленбурге, созданный в 1934 г. исключительно для политических заключенных женского пола. Именно там на многих женщинах проводили изуверские медицинские эксперименты.

в основном использовался рабский труд заключенных, охранники из СС устроили настоящую бойню. Они подожгли бараки, в которых укрывались конвоируемые, и поливали убегающих пулеметным огнем. Нескольким евреям удалось спастись. Они прыгнули в отхожую яму, где и стояли по грудь в экскрементах до тех пор, пока эсэсовцы не ушли. Тысячи заключенных, переживших марш, погибли от холода в открытых вагонах для скота на пути в Германию. Один из таких вагонов, битком набитый замерзающими и умирающими от голода евреями, был оставлен на запасных путях в Брюнлитце, где 29 января его и обнаружил известный всем Оскар Шиндлер. Шиндлер добился, чтобы этот вагон, маркированный как «собственность СС», перегнали на запасные пути его собственного военного завода в Брюнлитце. Открыв вагон, он обнаружил, что 16 из сотни находившихся в нем евреев замерзли насмерть. С помощью своей жены Эмилии Шиндлер освободил, накормил и спас от верной гибели оставшихся в живых несчастных, вывезенных гитлеровцами из Биркенау.

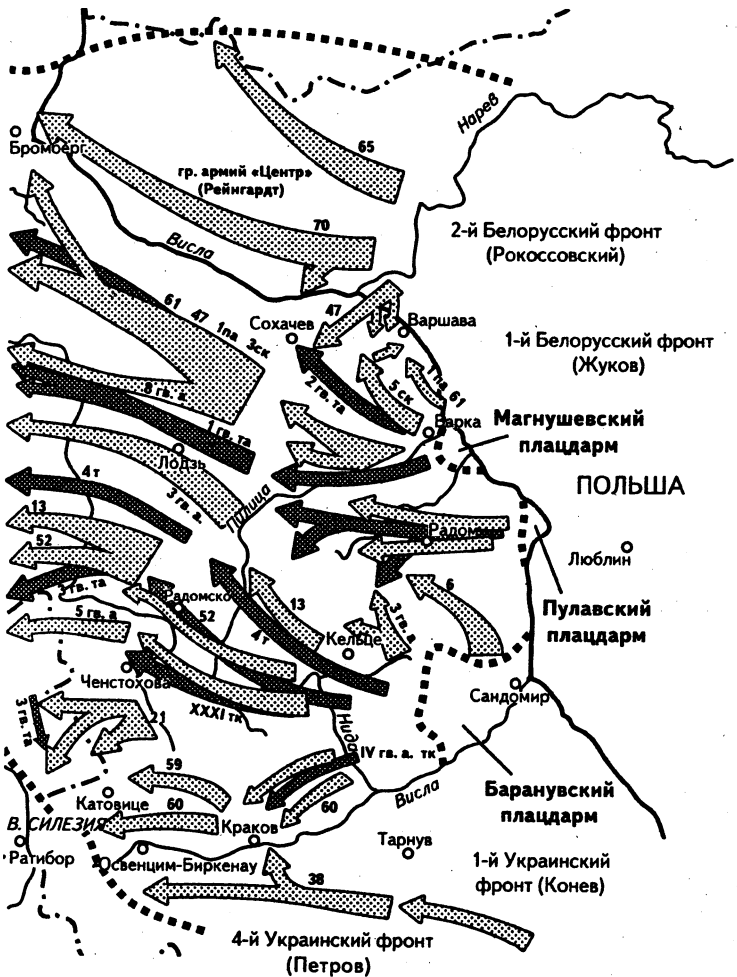
В Биркенау, одном из филиалов Аушвица, эсэсовцы подорвали остатки крематория и расстреляли 200 больных из 4200 лагерных узниц. Большинство лагерных складов было подожжено, но когда советские войска 27 января захватили лагерь, шесть складских помещений все еще оставались в сохранности и оказались доверху забиты свидетельствами невероятной трагедии: почти 840 тысяч женских платьев, 348 тысяч мужских костюмов и 38 тысяч пар мужской обуви. Среди тех, кому удалось выжить в Биркенау, был Отто Франк, отец Анны Франк. Долгий путь через Одессу и Марсель вернул его вновь в Амстердам, где он и прочел дневник своей дочери.

В тот же день советские войска освободили главный лагерь Аушвиц (Освенцим), где обнаружили 648 трупов и около 1800 чудом выживших заключенных. В общей сложности они освободили 7600 заключенных,

26 января 1945 г. Гитлер реорганизовал и переименовал свои группы армий. Так, группа армий «Север», окруженная в Прибалтике, стала называться группой армий «Курляндия». Группа армий «Центр», также отрезанная от рейха, превратилась в группу армий «Север», а группа армий А стала группой армий «Центр».

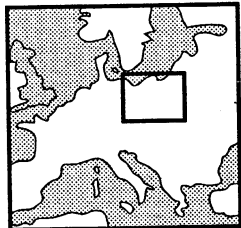
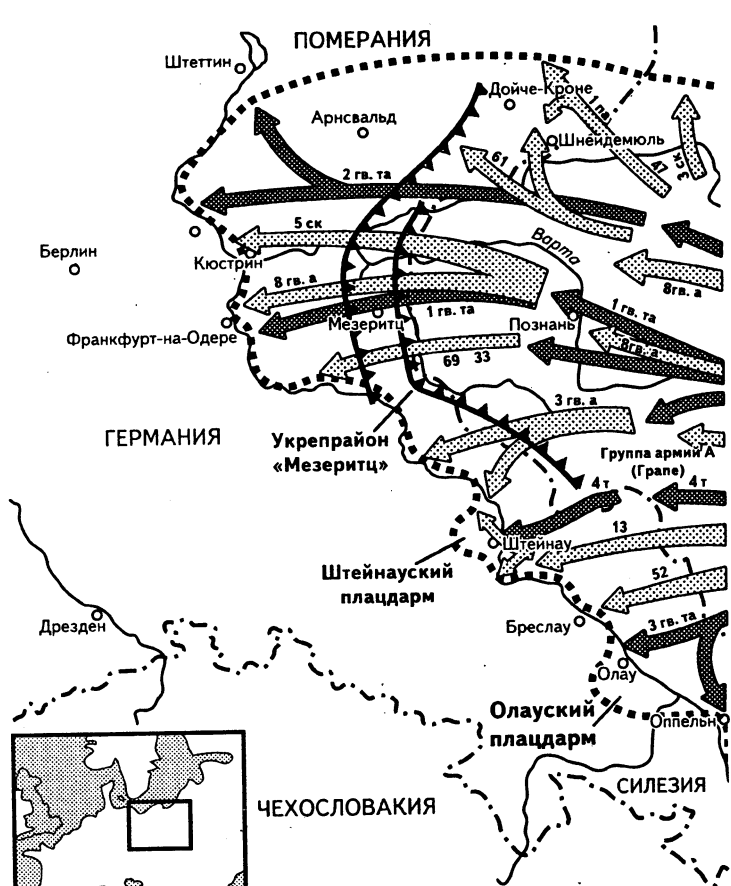
Карта Висло-Одерской операции 12 января — 2 февраля 1945 г.

Условные обозначения:

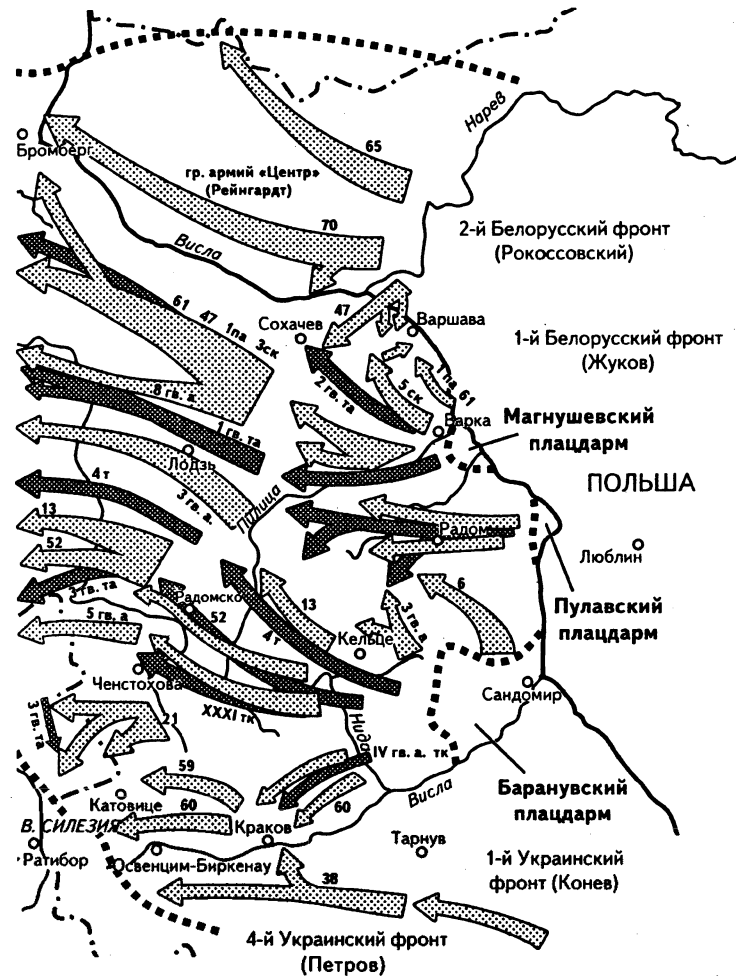
- Общевойсковые армии
- Танковые армии и корпуса

5 ск	5-я ударная армия
1 гв. та	1-я гвардейская танковая армия
3 гв. а	3-я гвардейская армия
1 ла	1-я армия Войска Польского
61	61-я армия
тк	танковые корпуса

26 января 1945 г. Гитлер реорганизовал и переименовал свои группы армий. Так, группа армий «Север», окруженная в Прибалтике, стала называться группой армий «Курляндия». Группа армий «Центр», также отрезанная от рейха, превратилась в группу армий «Север», а группа армий А стала группой армий «Центр».

Карта Висло-Одерской операции 12 января – 2 февраля 1945 г.

- Условные обозначения:**
- Общевоинские армии
  - Танковые армии и корпуса
5 ск	5-я ударная армия
1 гв. та	1-я гвардейская танковая армия
3 гв. а	3-я гвардейская армия
1 па	1-я армия Войска Польского
61	61-я армия
тк	танковые корпуса

большинство из них в Биркенау. В этом жутком месте погибло как минимум 2 млн. евреев и 2 млн. русских военнопленных, польских политических заключенных, цыган и представителей других национальностей со всей Европы. Маршал Конев вспоминал: «Я просто решил, что мне этого лучше не видеть. Боевые операции были в самом разгаре, и руководство ими требовало полной самоотдачи. У меня не было ни времени, ни права предаваться эмоциям. Пока шла война, я себе не принадлежал».

Теперь, когда был уже виден берег Одера, планы Ставки изменились. В полдень 25 января Сталин позвонил Жукову; после того как последний вкратце проинформировал вождя о сложившейся ситуации на фронтах, Сталин спросил его о последующих шагах. Жуков ответил: «Поскольку противник деморализован и не способен на серьезное сопротивление, мы продолжим наступление на рубеж реки Одер и попытаемся захватить плацдарм в районе Кюстрина. Правый фланг нашего фронта будет продвигаться на север и северо-запад, атакуя вражескую группировку в Померании, которая не представляет для нас реальной угрозы».

Однако Сталин заметил, что когда Жуков выйдет на берег Одера, его правый фланг более чем на 100 км оторвется от 2-го Белорусского фронта. Он сказал Жукову: «Вы просто не можете так поступить. Вы должны подождать, пока 2-й Белорусский фронт завершит свои действия в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы на реке Висла». Когда Жуков спросил, сколько времени займут эти операции, Сталин ответил, что где-то около 15 дней, напомнив командующему 1-м Белорусским фронтом, что он не должен ждать поддержки на своем фланге, пока Конев подавляет сопротивление противника вокруг Опельна и Катовице.

Жуков стал уговаривать Сталина не останавливать наступление, поскольку это может дать врагу

передышку, за время которой он усилит укрепрайон вокруг Мезеритца, тянувшийся на запад от старой польской границы вдоль болотистой реки Обра. После того как Жуков попросил еще одну армию, для того чтобы обезопасить свой правый фланг, разговор подошел к концу, причем Сталин пообещал «подумать об этом».

Но, несмотря на мнение Сталина, Жуков хотел с налета взять Берлин. 26 января он передал свой план в Ставку. По словам заместителя начальника Генштаба генерала Штеменко, Жуков намеревался за «четыре дня подтянуть свои войска, в особенности артиллерию и тыловые службы, пополнить запасы, привести в порядок механизированные части, поставить 3-ю ударную и 1-ю Польскую армии в первый эшелон и 1—2 февраля возобновить наступление всеми имеющимися в его распоряжении силами. Его первой задачей станет форсирование Одера, после чего последует молниеносный бросок на Берлин. Основной удар в ходе наступления на столицу Германии будет наноситься с северо-востока, севера и северо-запада. Для достижения этого 2-я гвардейская армия ударит с северо-запада, а 1-я гвардейская танковая армия с северо-востока.

Через 24 часа Ставка получила предложение Конева продолжить наступление на его фронте 5—6 февраля. В итоге 1-й Украинский фронт уже через неделю выйдет к Эльбе, в то время как его правый фланг, взаимодействуя с левым фронтом Жукова, возьмет Берлин. Похоже, соперничающие маршалы рушили первоначальный план, по которому честь взятия германской столицы доставалась одному Жукову. Следствием изучения двух планов стал нелегкий компромисс. Ставка одобрила оба плана, сохранив при этом разграничительную линию между фронтами, так что теперь путь наступления Конева проходил южнее Берлина на Губен и Бранденбург. Как заметил после войны Штеменко:

«Генштаб понимал, что абсурдно, с одной стороны, одобрять план маршала Конева, по которому его фронт своим правым флангом наступает на Берлин, а с другой — устанавливать разграничительную линию, которая помешает ему реализовать этот план. Мы должны были найти какой-то выход из этой ситуации. Дальнейшие события показали, что невозможно было взять Берлин так скоро, как нам хотелось первоначально».

Очевидным это стало не сразу. 26 января один из дозорных патрулей 1-й гвардейской танковой армии достиг Мезеритцской линии, потенциально мощного укрепрайона, но уже лишённого большей части своей боевой техники и спешно усиленного подразделениями фольксштурма. Узнав об этом, Жуков вновь позвонил Сталину, прося разрешения на наступление к Одеру с целью создания плацдарма на западном берегу этой реки. Чтобы добиться разрешения от Сталина на реализацию этого плана, понадобилось сделать еще несколько звонков. Для того чтобы прикрыть свою основную ударную силу (1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии, 5-ю ударную, 8-ю гвардейскую, 31-ю и 6-ю армии) от германских контра-так из Восточной Пруссии, Жуков предложил вернуть 3-ю ударную, 1-ю Польскую, 47-ю и 61-ю армии на север и северо-запад. Части 8-й гвардейской и 69-й армий должны были взять Познань, объявленную Гитлером «городом-крепостью». Здесь Жуков серьезно просчитался, предварительно оценив немецкий гарнизон в 20 тысяч человек. На самом деле мощные оборонительные сооружения Познани удерживало не менее 60 тысяч солдат и офицеров. Бои за этот город продолжались вплоть до 23 февраля.

Поначалу наступление 1-го Белорусского фронта развивалось довольно быстро. 1-я танковая армия, во главе которой вновь шел 11-й гвардейский танковый корпус, прорвала Мезеритцскую оборону столь мол-

ниеносно, что уже 1 февраля ее части оказались под угрозой частичного окружения вследствие контратак, предпринятых германским тактическим резервом. 1-я гвардейская армия, 69-я и 37-я армии прорвались к Одеру и создали сеть небольших укреплений на его противоположном берегу. Справа от Жукова 5-я ударная армия прошла по северному краю болотистой низины Варте, дошла до Одера и, форсировав его, захватила небольшой город Киниц, кафе и улицы которого были полны гуляющих и пьющих спиртное немецких офицеров. Германское радио продолжало передавать сводки, из которых следовало, что линия фронта проходит по Бзуре, западнее Варшавы, тогда как на самом деле Советская Армия находилась уже всего в 70 км от Берлина. Когда потрясенный начальник железнодорожной станции Киница подошел к полковнику К. Ф. Есипенко, командующему передовым подразделением* 5-й ударной армии, с вопросом, отправлять ли поезд на Берлин, Есипенко ответил: «Сожалею, господин начальник, но это невозможно. Отныне до конца войны пассажирские поезда на Берлин какое-то время ходить не будут».

В ночь со 2 на 3 февраля 301-я стрелковая дивизия 5-й ударной армии форсировала скованный льдом Одер под яростным огнем противника. По центру фронта Жукова 8-я гвардейская армия также встретила с ожесточенным сопротивлением при преодолении водной преграды. 2 февраля в 10 часов утра генерал-полковник Чуйков прибыл на наблюдательный пункт генерала Глазунова, расположившийся в разрушенной крепости близ Цибице южнее Кюстрина. 4-й гвардейский стрелковый корпус Глазунова вел бой вдоль дамбы, между Кюстрином и Горейкой, и собирался форсировать Одер. Чуйков посмотрел в бинокль:

---

* Передовое подразделение состояло из 220-й отдельной танковой бригады, 89-го отдельного тяжелого танкового полка и 106-го стрелкового полка.

«Широкая река... Наши войска были сконцентрированы на ее восточном берегу. Ответственный час пробил. Лед на реке был столь тонок, что даже пехотинцы, не говоря уже об артиллерии и танках, могли передвигаться по нему лишь с большой осторожностью. Никаких плавсредств или понтонов у нас не было, и тем не менее войска под прикрытием артиллерийского огня стали переправляться на противоположный берег. Используя палки, бревна, доски и связки веток, они сооружали импровизированные переправы. Им удавалось переправить на противоположный берег противотанковые орудия на самодельных салазках».

В этот момент в бой вступили люфтваффе. Люфтфлотте-6, усиленный переброшенными с Западного фронта 880 самолетами, теперь был в состоянии создать воздушное превосходство на критических участках фронта. Военно-воздушным силам Советской Армии отчаянно не хватало горючего. Это было следствием слишком быстрого наступления, в результате которого большая часть баз военно-воздушных сил осталась в 400 км в тылу. В противовес этому самолетам люфтваффе было рукой подать до зоны боевых действий, и они могли находиться над ней в течение продолжительных периодов времени. В то время как Чуйков наблюдал за тем, как его пехота героически форсирует Одер, целые эскадрильи «фоккевульфов» FW-180 стали бомбить переправу. Чуйкову оставалось беспомощно взирать на это зрелище. Прикрытия с воздуха не было. Он с нетерпением ожидал прибытия 16-го противоздушного артиллерийского дивизиона генерала Середина, который находился в 24 часах пути от места переправы. Германские истребители-бомбардировщики кружили над пехотой Чуйкова, «пролетая так низко, что порою казалось, что они заденут пропеллерами головы наших солдат».

Чуйков вынужден был отложить переправу до наступления темноты. Когда она возобновилась, ока-

залось, что лед уже во многих местах проломлен разрывами немецких бомб. Тем временем Чуйков получил данные о панике, царящей на противоположном берегу. Его разведчики обследовали шоссе Зеелов — Кюстрин и вернулись с двумя пленными офицерами немецкого штаба, подтвердившими, что ОКХ понятия не имеет о том, что происходит на Берлинском направлении. 3 февраля прибыли зенитные орудия Середина и вступили в бой. 35-я, 47-я и 79-я гвардейские дивизии переправились через реку практически без потерь, доставили с собой на противоположный берег артиллерию и оборудовали наблюдательные посты. Плацдармы удалось объединить в один мощный укрепрайон, хотя основная часть артиллерии и танков Чуйкова осталась на восточном берегу. Мощные понтонные мосты, необходимые для их переправы, находились в глубоком тылу.

Немцы все еще удерживали свои собственные внушительные плацдармы на восточном берегу Одера в районе Франкфурта и Кюстрина, но их оборона по Одру была опасно растянута. Жуков и Конев достигли Одера практически по всей его протяженности и закрепились во множестве точек на западном берегу реки. Однако никаких попыток наступления на Берлин не начнется до середины апреля.

В послевоенные годы задержка между окончанием Висло-Одерской операции и наступлением на Берлин стала главным камнем преткновения в ожесточенном споре между участниками событий и советскими военными историками. В большей степени это отразилось на спорах об «узком» и «широком» фронте, испортивших отношения между Эйзенхауэром, его американскими и британскими подчиненными на Западном фронте в момент окончания войны. Неизбежно это окрашивалось переменчивой политической судьбой главных протагонистов в годы десталинизации и того периода, который последо-

вал после падения Хрущева в 1964 г., когда спор достиг своего апогея. Тогда же началась открытая война между Жуковым и Чуйковым, после того как Чуйков написал серию статей, в которых критиковал своего бывшего командующего за то, что тот не воспользовался блестящей возможностью взять Берлин сходу и впоследствии отхватить кусок Европы побольше для Советского Союза. Чуйков утверждал, что, преодолев в молниеносном наступлении более 450 км за две недели, Жуков вполне мог, не сбавляя скорости наступления, дойти последние 70 км до Берлина, и столица Германии пала бы уже в феврале 1945 г.

Из плана, представленного Ставке 26 января, следует, что первоначально Жуков разделял оптимизм Чуйкова по поводу безостановочного наступления на Берлин, но вскоре его начали терзать сомнения. 31 января Жуков проинформировал Ставку о том, что его крайне тревожит разрыв между его правым флангом и левым крылом 2-го Белорусского фронта Рокоссовского. Зазор в 90 км, прикрываемый лишь кавалерией, представлял находившимся в Восточной Померании германским войскам возможность нанести 1-му Белорусскому фронту удар с фланга и тыла. Неделями раньше, во время телефонного разговора со Сталиным, Жуков не верил в угрозу на данном отрезке фронта, но теперь она становилась все реальной. Это была лишь одна из проблем, вызванных скорым успехом Висло-Одерской операции.

Как выяснил Чуйков, при форсировании Одера запасы топлива и боеприпасов катастрофически сокращались, поскольку базы снабжения фронта оставались на Висле. Перебои с топливом у советских войск позволили выдыхающемуся люфтваффе на некоторое время вновь захватить господство в воздухе над важнейшими участками линии фронта по Одере, а наступление оттепели делало невозможным устройство необходимых советским ВВС аэродромов вблизи пе-

редовой. Кроме того, 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты за последние три недели понесли большие потери. Несколько дивизий 8-й гвардейской армии сократились по численности до 4 тысяч человек, а на фронте Жукова во многих бригадах двух танковых армий осталось лишь по 15 танков, вместо положенных 65. После войны Жуков заявлял, что в начале февраля ни он, ни Конев не располагали достаточным количеством сил для наступления на Берлин. Из 8 общевойсковых и двух танковых армий, первоначально наступавших на Берлинском направлении у Жукова, осталось лишь четыре неполных армии: 5-я ударная, 8-я гвардейская, 31-я и 69-я. 8-я гвардейская и 69-я армии отдали два корпуса на осаду Познани. Остальные войска 1-го Белорусского фронта были перенацелены на Восточную Померанию, чтобы противостоять угрозе, создававшейся на фланге.

После войны Жуков писал, что «преувеличивать свои силы также опасно, как и недооценивать силу врага». И приводил в качестве примера разгром Советской Армии под Варшавой в 1920 г. Это был косвенный выпад против Сталина, одного из ярких сторонников того, обреченного на провал наступления. Куда более свежим и болезненным воспоминанием для Жукова был разгром Юго-Западного фронта Ватутина в феврале 1943 г., когда крайне затянувшееся контрнаступление, начатое русскими после Сталинграда, было остановлено мастерским ударом Манштейна*.

Какую роль сыграл Сталин в задержке наступления на Берлин, остается до сих пор неясным. Приближа-

---

* Речь идет о Харьковской оборонительной операции, когда германская группа армий «Юг» нанесла контрудар по войскам Воронежского и Юго-Западного фронтов, ослабленным длительным зимним наступлением. Так, например, танковые части Воронежского фронта имели всего 70 танков, а во всей 3-й танковой армии из состава Юго-Западного фронта насчитывалось 50 танков. Несмотря на то, что немцам удалось отбросить советские войска и вновь захватить Харьков, своих целей — окружить и уничтожить войска советской армии — противник не добился. — *Прим. ред.*

лась Ялтинская конференция, и вполне возможно, что советский лидер решил воздержаться от принятия столь ответственного решения до тех пор, пока не выяснит дальнейших намерений союзников. Самое удивительное для данного этапа войны, что поведение Гитлера с каждым днем становилось все более безумным и нереалистичным, а Сталин становился все осторожнее. Говорят, что не последнюю роль в этом сыграл генерал В. Д. Соколовский, которого Сталин назначил заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом. Соколовского считали глазами и ушами Сталина. Предполагается, что именно этот человек посеял сомнения в душе Жукова.

Сейчас может показаться, что опасения Жукова по поводу правого фланга его фронта были преувеличены, но в то время остановка наступления на Берлин была полностью оправдана. Относительно медленный темп наступления 2-го Белорусского фронта, брошенного против немецких частей в Восточной Померании в феврале 1945 г., подтверждает правоту Жукова.

В Берлине после падения Варшавы и разгрома немецких войск в Польше последовал ряд перетрясок. Презрение Гитлера к германскому офицерскому корпусу не знало границ. В гневе он кричал на Гудериана: «Я требую крови Генерального штаба! Эту подлую клику пора извести». Будучи убежденным в том, что полевые командующие отступают из-за трусости, Гитлер издал приказ, в котором говорилось, что ни один из командиров дивизионного уровня и выше не имеет права атаковать, контратаковать или отступать, не уведомив предварительно о своих намерениях высшее командование и фюрера. Как заметил Альберт Ситон: «Теперь Гитлер был готов вести свои военные игры из Берлина подобно чемпиону-шахматисту, ведущему сеанс одновременной игры с дюжиной противников».

Ежедневные совещания фюрера приобрели сюрреалистический характер. 20 января он потребовал,

чтобы начались работы по созданию реактивного бомбардировщика дальнего радиуса действия. Это лишний раз доказывает, что фюрер возомнил себя таким Фридрихом Великим XX века, разрабатывающим операции Семилетней войны в тот момент, когда враг уже у ворот. Обстановка еще более ухудшилась на совещании с Гудерианом и Йодлем: Гитлер объявил о том, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер должен принять командование новой группой армий «Висла», созданной чтобы закрыть огромную брешь, образовавшуюся между группой армий «Центр», сражавшейся в Восточной Пруссии, и группой армий «А» Шёрнера. Гиммлер также должен был взять на себя ответственность по организации обороны германской земли на всем Восточном фронте.

Гудериан предложил, что с подобной задачей лучше справится фельдмаршал Максимилиан фон Вайхс, руководивший отступлением группы армий «Ф» с южных Балкан. Кандидатура Вайхса была отмечена после того, как Йодль преднамеренно сделал язвительный выпад в отношении вероисповедания фельдмаршала. Гитлер положил конец спору, сказав Гудериану, что Гиммлер хорошо показал себя на Верхнем Рейне. Более того, в качестве командующего «домашней» армией Гиммлер уже располагал источником подкреплений для своего фронта. По заявлению Гитлера, только у Гиммлера оставалась необходимая в данной ситуации жесткость, отсутствовавшая у «потрепанных» старых генералов вермахта.

Но одной жесткости на фронте группы армий «Центр» было мало. 13 января войска генерал-полковника Рейнгардта подверглись удару 3-го Белорусского фронта Черняховского. В 6 часов утра после интенсивной артподготовки советские войска двинулись вперед сквозь густой туман, окутавший восточную границу Пруссии. Задачей 3-го Белорусского фронта было уничтожение германских войск на Тиль-

зитско-Инстербургском отрезке и взятие «цитадели Восточной Пруссии» — города Кенигсберг. 14 января 2-й Белорусский фронт Рокоссовского начал наступление вдоль линии реки Нарев. Главный удар был нанесен в северном направлении, на правом фланге Рокоссовского, четырьмя общевойсковыми армиями (17-й, 65-й, 2-й ударной и 48-й) и 5-й гвардейской танковой армией. На левом фланге Рокоссовского 49-я и 15-я армии наступали через Мазурские болота, чтобы соединиться с 3-м Белорусским фронтом. Затем оба фронта должны были осуществлять наступление на побережье Балтики.

Для советских войск продвижение вперед оказалось довольно трудным на обоих фронтах. У Рокоссовского имелось достаточно танков и орудий, но пехоты не хватало, несмотря на то, что перед наступлением он получил подкрепление в 120 тысяч человек. Из них 10 тысяч являлись освобожденными военнопленными, 39 тысяч — выписанными из полевых госпиталей и 20 тысяч — из подразделений снабжения и обеспечения. Рокоссовскому удалось осуществить прорыв германского фронта в районе Цеханува, важного транспортного узла в 45 км западнее Нарева. Ясная погода позволила русским штурмовикам осуществить поддержку 5-й гвардейской танковой армии, пошедшей в наступление через эту брешь.

Почувствовав угрозу глубокого окружения, Рейнгардт стал умолять Гитлера разрешить ему отступить на более короткую оборонительную линию. Единственным ответом ОКХ стала переброска большей части танкового корпуса «Гроссдойчланд» в центральную Польшу. На третий день наступления Рокоссовский прорвал оборону группы армий «Центр» вглубь до 70 км. 18 января 17-я армия взяла древнюю крепость Модлин, а на следующий день еще одна гитлеровская цитадель — Млава — оказалась в руках у русских.

13 января начало наступления Черняховского услышал майор Бауманн, артиллерист, возвращавшийся на свою батарею с 3-й танковой армией вермахта, оборонявшей северные и восточные подходы к Кенигсбергу. Бауманн ощутил еле уловимую вибрацию в воздухе. Когда поезд отправился со станции Кенигсберг, находившейся в 100 км от линии фронта, Бауманн слышал негромкий, но постоянный рокот. То были звуки разрывов советских снарядов, непрерывно ложившихся между Гумбинненом и Шлосбергом.

На фронте артподготовка Черняховского оказалась скорее оглушающей, нежели разрушительной. Густой туман мешал артиллеристам 3-го Белорусского фронта, и снаряды падали на покинутые немцами позиции. Когда советские войска пошли в наступление, они наткнулись на мощную оборону и яростные контратаки противника, грозившие полной остановкой их продвижения вперед. Но добиться этого немцам удалось, лишь задействовав 5-ю танковую дивизию, единственный остававшийся у них оперативный резерв. По центру фронта Черняховского ожесточенное сопротивление противник оказывал на пути продвижения советской 5-й армии в районе мощных укреплений Пилькалена. Пилькален пал лишь 18 января, 19-го — Тильзит, находившийся в 45 км к северо-востоку. Теперь советские танки катили по дорогам, ведущим к Кенигсбергу, и окружали Инстербург, находившийся в 60 км к северу от Тильзита.

Черняховский проявил просто невероятную для командующего фронтом Советской Армии гибкость. 11-я гвардейская армия являлась одним из его формирований второго эшелона, в задачу которого входило уничтожение германской обороны к северу от Мазурских болот. После того как туман рассеялся, а германский фронт дрогнул, Черняховский переброшил 11-ю гвардейскую на север, в стык 5-й и 59-й армий, где последняя несколько продвинулась впе-

ред на участке севернее Шлоссберга. Усиленная 1-м и 2-м гвардейскими танковыми корпусами 11-я гвардейская армия вступила в бой на линии реки Инстер, продвигаясь на юго-запад, чтобы обойти укрепленный Инстербургский узел обороны, в то время как 5-я армия обошла Инстербург с востока, а 38-я взяла Гумбиннен.

Советские войска устремились через 75-километровую брешь между Неманом и Прегель. Подразделения фольксштурма и фольксгренадеров в панике бежали, оставив свободные проходы к Кенигсбергу. В ночь с 21-го на 22-е января этот город покинул его гауляйтер Эрих Кох, один из наиболее омерзительнейших нацистских аппаратчиков, который, будучи рейхскомиссаром Украины, лично умудрился превратить искренне дружелюбное население в заклятых врагов Германии.

В первую неделю наступления Черняховского Ставка стала проявлять все большую озабоченность по поводу медленного продвижения вперед и больших потерь (3-й Белорусский фронт понес около 80% всех потерь Советской Армии за время Восточно-Прусской операции). 20 января Рокоссовскому было приказано нацелить три армии: 3-ю, 48-ю и 2-ю ударную, а также 5-ю гвардейскую танковую армию на север и северо-восток против германской 4-й армии. Советские формирования должны были наступать на север к заливу Фришес-Хафф на Балтийском побережье восточнее Данцига.

Изменение направления немедленно повлияло на первоначальные приказы. Задание по окружению германских войск в Восточной Пруссии не позволило организовать тесное взаимодействие с правым крылом Жукова. В итоге с 20 января 1945 г. Жуков лишился эффективной поддержки на Померанском фланге, поскольку у Рокоссовского остались лишь 17-я и 65-я армии. Танки Рокоссовского и моторизованная пехота прорвались глубоко в Восточную

Пруссию на фронте шириной в 150 км, открыв его центральную часть для мощного натиска Советской Армии.

Справа от Рокоссовского 3-й гвардейский кавалерийский корпус ворвался в Алленштейн 22 января, в тот момент, когда германские войска все еще разгружали танки и артиллерийские орудия на железнодорожной станции. Установив фронтальную оборону вокруг Алленштейна, Рокоссовский перебросил из глубокого тыла на передовую 5-ю гвардейскую танковую армию. 23 января передовые части его 29-го танкового корпуса с востока окружили Эльбинг. Город пал под натиском 3-го батальона 31-й танковой бригады, которым командовал капитан Дьяченко. Дьяченко ворвался в город с востока, смешав 7 своих танков и батальон пехоты с колоннами беженцев, устремившихся к Эльбингу. Его отряд появился в городе с включенными фарами, ярко горевшими в зимних сумерках. Поначалу горожане приняли советский Т-34 за германский учебный танк. Ведь еще утром того дня местный обербургомистр уверял их, что положение на фронте стабилизировалось. Но когда танки Дьяченко открыли прицельную стрельбу, иллюзии местных жителей быстро развеялись. Опомнившись, местный гарнизон попытался дать отпор противнику. Дьяченко пришлось отступить, оставив на улицах Эльбинга четыре подбитых танка. Капитан продолжил ускоренный марш на Фришес-Хафф и достиг его к полуночи, всего лишь за несколько часов до того, как основные силы 5-й гвардейской танковой армии прорвались к песчаным дюнам Балтийского побережья восточнее Эльбинга. Теперь Восточная Пруссия оказалась отрезанной от остального рейха. 3-я и 4-я танковые, шесть пехотных и две моторизованных дивизии 2-й армии вермахта оказались в ловушке.

Прорыв Рокоссовского в Восточную Пруссию вызвал огромный поток беженцев, устремившихся на

Запад в поисках спасения. Всего за несколько дней рухнуло все то, что в течение 800 лет создавалось немецкими колонистами на землях, некогда принадлежавших славянам. Миллионы жителей Восточной Пруссии бросили свои дома и фермы и устремились в Германию.

Еще зимой 1944 г. германские командующие в Восточной Пруссии прекрасно понимали, что подобный массовый исход будет мешать проведению боевых операций. Они стали настаивать на том, чтобы находившиеся вблизи передовой районы были очищены от мирного населения. Гитлер назвал подобные заявления еще одним примером пораженчества, и его гауляйтерам было приказано позаботиться о том, чтобы население оставалось в местах постоянного проживания. Любой отъезд оформлялся только с разрешения полиции. Следствием подобной политики стал не только полный военный разгром, но и гуманитарная катастрофа. В Восточной Пруссии группа армий «Центр» могла командовать гражданским населением лишь на глубину до 9 км от зоны боевых действий. На таком участке еле умещалась дивизия. Далее все операции и переброски постоянно находились под угрозой отмены высшей властью.

После того как германский фронт в Восточной Пруссии рухнул, никто уже не слушал нацистских ставленников. Население, находившееся на пути наступления советских войск, не испытывало никаких заблуждений по поводу того, что может с ним случиться. Зверства уже чинились на германской земле, захваченной советскими войсками осенью 1944 г. В октябре немцам удалось отбить у русских городок Неммерсдорф, где они обнаружили, что все мирное население уничтожено, причем сотни трупов были расчленены и жутко обезображены. Опасаясь той же судьбы, восточные пруссы спешно бежали в рейх. По подсчетам вермахта, к концу января уже 3,5 миллиона беженцев тронулись с обжитых мест на Восток.

Десятки тысяч из них оказались окруженными в балтийском порту Мемель, переданном Германии Литвой 23 марта 1939 г. Это было последнее мирное завоевание немцев до начала Второй мировой войны. С октября 1944 г. гарнизон Мемеля, германский 28-й корпус, был осажден первым Балтийским фронтом маршала Баграмяна. Хаос, царивший внутри «котла» — полукруга площадью около 20 км на побережье Балтики, — прекрасно описан оборонявшим Мемель Ги Саджером, молодым эльзасцем, вступившим в германскую армию и служившим в танковом корпусе «Гроссдойчланд»:

«Развалины Мемеля более не могли дать убежище огромному количеству прусского населения, бежавшего сюда. Это население, которому мы оказываем лишь элементарную помощь, сковывает наши движения и парализует оборону. Внутри полукруга, который мы теперь обороняем, сотрясающегося от постоянных взрывов, находятся бежавшие элитные войска, подразделения фольксштурма, калеки, призванные на оборону города, женщины и дети. Снег замечает сцену этого предпоследнего акта войны. Продуктовые пайки столь уменьшились, что выдаваемое на пятерых, не прокормит и ребенка. Призывы к порядку и строгому соблюдению ограничений постоянно звучат из невидимых в тумане репродукторов. Разного рода корабли ежедневно и еженощно покидают Мемельский порт, забирая по возможности большее количество людей. Длинные очереди беженцев, точное количество которых местным властям так и не удалось зарегистрировать, движутся к причалам. Прекрасная цель для советских летчиков. Бомбы создают зияющие провалы в вопящих толпах. Люди гибнут, их разрывает на куски, но тем не менее они не покидают очередей в надежде попасть на отплывающий корабль. И вот этих людей призывают к спокойствию и экономии. Старики кончают жизнь самоубийством.

Героизм и отчаяние тесно переплелись. Власть пытаются поднять настроение этих толп разговорами о будущем. Но в данный момент и в данном месте уже ничего не имеет значения».

Месяцем позже еще один француз, Кристиан де ля Мазиер, служивший в дивизии СС «Карл Великий», столкнулся в Померании с колонной беженцев:

«Дороги были забиты тысячами беженцев, и я сразу же вспомнил Францию 1940 г. История повторяется. Они бежали из зоны боевых действий и находились в шоке. События развивались куда быстрее, нежели двигались их убогие обозы. Это были те люди, которым удалось бежать из Восточной Пруссии и аннексированных территорий: старики, женщины, дети, которые так же, как и мы теперь, уходили от противника. Некоторые надеялись добраться до порта Кольберг на Балтийском побережье и сесть на корабль, другие пытались пробиться на запад к Штеттину. Что меня поразило в этой разноликой, оборванной и измученной толпе, так это полная давящая, гнетущая тишина, лишь изредка раздавалось понукание лошадей. Эти люди больше не разговаривают, просто тащатся по дороге, их взгляд ничего не выражает. Некоторые держат на руках малолетних детей. Едят они мало, хотя их повозки доверху завалены снадбью. Похоже, они прихватили с собой все припасы со своих ферм, но желания и времени готовить у них нет. Мы прошли рядом с ними, даже не перебросившись и парой слов, порой лишь улыбались детям, гладили их по голове и дарили шоколадку, если таковая у кого имелась. Наши колонны напоминали два потока. Лишь одна единственная мысль нас объединяла: как спасти свою шкуру. Более всего мы напоминали разных зверей, бегущих одной стаей во время лесного пожара».

К середине февраля две трети населения Восточной Пруссии бежало. В числе этих людей была и жена Гудериана, которую вывезли из поместья Вартегау за полчаса до того, как там упали первые снаряды. Позже Гудериан вспоминал: «Она должна была оставаться там до последнего, поскольку ее более ранний отъезд спровоцировал бы на массовый уход все гражданское население. Она находилась под бдительным наблюдением нацистской партии». На следующий день супруга Гудериана была уже в штабе ОКХ в Цоссене, что в 20 км к югу от Берлина, и переселилась на квартиру мужа.

Другим повезло куда меньше. Многие из беженцев пытались спастись морем через порт Пиллау на Земландском полуострове, из которого было эвакуировано более 450 тысяч человек. Почти миллион беженцев искали спасения в Данциге, тысячи из них перешли сюда по льду замерзшего залива Фришес-Хафф. Переполненные людьми корабли, выходявшие из этих портов, стали легкой добычей для русских подводных лодок, действовавших в акватории Балтийского моря. К маю 1945 г. было потоплено 24 корабля.

Холодным утром 30 января лайнер «Вильгельм Густлов» отбыл из польского порта Гдыня (переименованного Гитлером в Готенбург) с 8000 беженцев на борту. Многие из них использовали грудных детей в качестве пропуска. Они проходили с ними на корабли, а потом кидали в толпу родственникам, чтобы те тоже могли пройти на судно. Без какого-либо сопровождения военных кораблей, располагая лишь 12 спасательными лодками, «Вильгельм Густлов» не спеша вышел в открытое море. Он стал идеальной целью для советских подлодок. 31 января в 11.08 вечера подводная лодка С-13 обнаружила переполненный германский лайнер. Командир подлодки выпустил в него три торпеды с надписями: «За Родину», «За советский народ» и «За Ленинград». Через минуту корабль с беженцами уже тонул. Тысячи тонн ледяной балтийской воды хлынули на нижнюю прогулочную палубу,

похоронив под собой не менее 2000 человек. 16-летняя Ева Люк, оказавшаяся запертой вместе со своей семьей в корабельном танцзале, с ужасом наблюдала, как огромное фортепиано каталось по полу, давя людей, словно танк. Еще одна девочка, Гертруда Агенсонс, выбравшаяся из своей каюты по пояс в ледяной воде, видела проплывшее мимо нее тело мертвой девочки, за которой проследовал поднос с аккуратно нарезанными бутербродами. Через час «Вильгельм Густлов» затонул в бурлящем море под оглушительный вой собственных сирен. Германским боевым кораблям, обследовавшим район затопления лайнера, удалось поднять на борт 960 человек, многие из которых позже скончались от переохлаждения. В общей сложности погибло как минимум 7 тысяч человек, в 5 раз больше, чем во время катастрофы «Титаника».

По всему фронту вследствие полного разгрома немцев и стремительного продвижения русских в рядах Советской Армии стала падать дисциплина. Солдаты мстили за те преступления, что были совершены германскими оккупантами на русской земле. Нацистская идеология спровоцировала беспрецедентную жестокость методов ведения войны. Целью Гитлера было не только уничтожение «еврейско-большевистского» правительства Советского Союза, но и порабощение огромного количества «славянско-азиатского человеческого материала» с последующей высылкой его остатков в пустыни за пределы форпостов Германской империи. Спонтанные и организованные казни стали нормой жизни на оккупированных территориях. Советские военнопленные и гражданские лица истреблялись вермахтом и карательными отрядами. Подразделения СС, прочесывающие тылы, уничтожали евреев и прочие «неарийские элементы» на оккупированных территориях. Избежавшие казни оставались под постоянной угрозой антипартизанских зачисток и депортирования на работы в рейх. За эту жестокость Советская Армия отомстила в равной степени. Ко-

лонны немцев, взятых в плен под Сталинградом, ничем не отличались от колонн русских, которых гнали на запад после крупных окружений лета 1941 г. Из 108 тысяч немцев, взятых в плен под Сталинградом, до конца войны дожили лишь 5 тысяч.

К началу 1945 г. в Советской Армии практически не было солдат, не хотевших свести личные счеты с немцами. Даже сам Сталин потерял на войне сына Якова, летчика*, попавшего в плен к немцам. Генерал-полковник Рыбалко, командовавший 3-й Гвардейской танковой армией на фронте Конева, потерял родную дочь, пропавшую без вести на Украине в 1942 г. Только в одном полку его армии было 158 человек, потерявших близких родственников, убитых и замученных немцами, 56 человек, семьи которых были насильственно депортированы в трудовые лагеря рейха, и 450 человек, лишившихся своих домов. В Силезии советский офицер капитан Михаил Коряков наткнулся на стадо скота, которое перегоняли в тыл к русским. Как он позже объяснял:

«Спецподразделения собирали скотину, поскольку это было крайне важно для Советской Армии. Довольно долго Россия была так бедна, что не могла сама прокормить своих солдат, полностью завися от поставок продовольствия из Америки и польского зерна. Вдруг один офицер схватил штык-нож, подошел к корове и нанес ей смертельный удар в основание черепа. Ноги животного подкосились и корова упала за-мертво, а остальное стадо, жалобно мыча, в страхе разбежалось. Офицер вытер нож о голенище сапога, сказав: «Отец писал, что немцы у нас корову забрали. Теперь мы квиты...»**

---

* Сын Сталина, Яков Джугашвили, был артиллеристом. — Прим. ред.

** Следует иметь в виду, что автор ссылается на воспоминания «офицера» М. Корякова, после войны бежавшего в американскую зону оккупации. В момент начала «холодной войны» (1948) Коряков выпустил книгу «Я не вернусь назад никогда». — Прим. ред.

В Силезии ярость советских солдат подогревалась обнаружением огромного количества лагерей смерти и пламенной пропагандой Ильи Эренбурга*, писавшего для военных газет.

Гражданское население Германии уничтожалось с такой же беспощадностью, как та корова, которую видел Коряков. Он вспоминает:

«Население Койцберга покинуло город. Остался лишь один глухой старик. Офицеры резервного полка долго спорили, что лучше: сжечь город или убить старика. Позднее я узнал, что старика все же убили. В другом городе я видел труп женщины. Она лежала поперек кровати, ее ноги были широко раздвинуты, а юбка задрана на плечи. Длинный трехгранный штык, пригвоздивший ее к матрасу, торчал у нее в животе».

Корякову хорошо была знакома шутка, бытовавшая в среде советских солдат в 1945 г.: «Первый эшелон забирает часы (которые так ценились у русских солдат), второй пользуется женщинами, а третий забирает все, что осталось».

«У солдата-пехотинца, вошедшего во вражеский город, нет времени на девушек, он должен продолжать преследование противника. Солдаты наступающих частей едва успевали собрать часы и украшения. Следовавшие за ними уже не спешили. Было время и девушек поискать. Солдаты третьей волны уже не находили драгоценностей и нетронутых девушек, а потому, прочесав город, набивали чемоданы разного рода одеждой».

---

* Главная тема Эренбурга — «Убивайте немцев», — в конце концов вызвала официальное недовольство. В апреле 1945 г. в передовице «Красной Звезды» его упрекали за преувеличения: «Мы не воюем с немецким народом. Наши враги — это гитлеры этого мира». Но Эренбург, находившийся под покровительством Сталина, продолжал печатать свои антинемецкие пасквили.

Коряков видел танки, так перегруженные награбленным добром, что танкисты едва умещались внутри, ни о какой их боеспособности не могло быть и речи: «Я слышал рассказ об одном танковом экипаже, который так напился, что, выехав на передовую, открыл огонь по своим, уничтожив огнем один орудийный расчет и раздавив еще одно орудие гусеницами».

27 января 1945 г. Конев издает ряд суровых приказов, призванных восстановить дисциплину. К ним прилагается длинный список офицеров, отправленных в штрафбаты. Конев также запретил ношение трофейных головных уборов и зонтиков.

«Слухи о варварстве советских войск быстро дошли до рейха. Австралийка силезского происхождения Вера Бокманн, вышедшая замуж за немецкого моряка и поселившаяся в Берлине, вспоминала: «На приближение русских смотрели с ужасом, говорили, что они изнасилуют всех женщин и отнимут у них детей. На нашей улице жила семья, бежавшая из Силезии. Их по пути подобрал русский танк, солдаты поделились с ними едой, а встретив колонну беженцев, сердечно попрощались. Именно подобные рассказы мне больше всего хотелось слышать, но страшные истории приходилось слышать чаще. Лучше этому не верить».

Те, кто находился вблизи линии фронта, несколько не сомневались в достоверности слухов. Зверства русских только укрепили решимость фольксгренадеров и фольксштурма, готовившихся к последнему сражению европейской войны.

Глава 5

УДАР ГРОМА

«Лично я считаю, что все оставшиеся города Германии не стоят костей одного британского гренадера».

Маршал авиации, командующий бомбардировочным командованием Королевских ВВС Великобритании сэр Артур Гаррис.

3 февраля 1945 г. Берлин подвергся мощнейшему дневному авианалету американской авиации. Через два дня Ганс фон Штудниц запишет в своем дневнике:

«Налет в минувшую субботу, направленный на центр города, правительственные учреждения и железнодорожные станции, стал настоящим адом для Берлина. Бомбежка началась в 10.45 утра, а закончилась в 12.30. В бомбоубежище гостиницы «Адлон» от растаявшего сверху снега натекло по колено воды. Многим пришлось простоять в этом подzemелье целых два часа в ледяной воде. От мощных взрывов бомбоубежище содрогалось, как подвал обычного дома. Вдобавок ко всему внезапно погас свет, и мы почувствовали себя погребенными заживо. В здании Министерства

иностранных дел разрушено одно крыло, разрушен и стоящий по соседству дом №73. Мы видели, как среди руин бродили рейхсминистр и японский посол Осима. На Риббентропе была военная форма, а на Осиме — кожаная куртка и пилотка. Город окутали гигантские клубы дыма».

В более чем полутора тысячах километрах отсюда, на южном побережье Крымского полуострова, должны были начаться дипломатические консультации совершенно иного рода. Подготовка ко второй за время войны встрече «Большой тройки» (Сталина, Рузвельта и Черчилля) была согласована между советским и американским лидерами. Лишь после того как Сталин настоял на том, чтобы конференция проводилась именно в Ялте, ссылаясь на то, что срочные военные операции не позволяют ему выехать за границу, Черчилля пригласили на встречу.

Теперь очертания послевоенного мироустройства начинали приобретать определенную форму. К концу января 1945 г. американцы и англичане освободили большую часть Западной Европы, Италию и Грецию и установили дружественные режимы в странах, прежде оккупированных нацистами. В Восточной Европе Советская Армия освободила Румынию, Болгарию, Польшу, установив там просоветские правительства. Венгрию ожидала та же участь. Югославия, освобожденная партизанами Тито, должна была сохранить значительную независимость. Об этих изменениях в мире Сталин открыто говорил еще в июле 1944 г.: «Всякий устанавливает свою собственную систему там, куда дойдут его войска. По-другому быть не может».

Когда Черчилль встретился со Сталиным в Москве в октябре 1944 г., они заключили сделку в духе старой имперской концепции «сфер влияния». СССР получает 90 % влияния в Румынии, 10 % — в Греции, 75 % — в Болгарии и 50 % — в Югославии, остальные

проценты остаются за Великобританией. Черчилль написал эти цифры на бумажке и передал Сталину. Сталин, взглянув на нее, передал обратно. Черчилль заявил, что ее необходимо сжечь, иначе нас посчитают циниками». На что Сталин ответил: «Нет, вы ее сохраните». Сталин не нарушал условий заключенной сделки. Когда зимой 1944—1945 гг. в Греции разразилась 6-месячная гражданская война, он не стал поддерживать местных коммунистов. Но когда в 1946 г. война здесь вновь возобновилась, он был куда менее сдержан.

До встречи со Сталиным в Крыму Черчилль, Рузвельт и начальники Объединенных штабов встретились 1 февраля на Мальте. 5 лет войны не могли не отразиться на здоровье и способностях Черчилля. 19 января лидер лейбористов Клемент Эттли письменно обратился к Черчиллю, отчитывая его за рассеянность и недопустимое невнимание к важным мелочам:

«Когда на заседание Кабинета выносятся на обсуждение те или иные документы, Вам необходимо прочесть, а Вы все чаще даже не читаете записки, приготовленные для того, чтобы облегчить Вам выбор решения. Порой целый час уходит на объяснение того, что можно было бы понять за пару минут прочтения документа. Зачастую Ваше внимание привлекают фразы, лишь отчасти связанные с предметом обсуждения. Результатом этого стали длительные задержки принятия важных решений и утомительные для министров заседания Кабинета».

В ноябре 1944 г. Рузвельт, победивший на выборах кандидата от республиканцев Уэнделла Уилки и ставший впервые в американской истории президентом США на четвертый срок, находился в состоянии полного физического упадка. Он был уже настолько изношен, что казался почти прозрачным. Когда личный

врач Черчилля лорд Моран осмотрел президента США, он вынес вердикт, что жить тому осталось буквально несколько месяцев, а напряжение, связанное с поездкой в Ялту, сократит и этот малый срок. Рузвельт оказался в таком состоянии, что мог уделить лишь беглое внимание переговорам, к которым его готовил министр иностранных дел Великобритании. Энтони Иден опасался, что слишком мало было сделано для того, чтобы подготовить больного Рузвельта и все более страдавшего от диспепсии Черчилля к судьбоносной встрече с «медведем, который сам у себя на уме».

В пятницу 2 февраля 1945 г. незадолго до полуночи первый самолет большого конвоя, доставивший в Крым 700 офицеров союзных армий и официальных лиц, взлетел с аэродрома Луква на Мальте и взял курс на крымский аэродром Саки. Вслед за ним незадолго до рассвета вылетели Черчилль и Рузвельт. Летели они на разных транспортных самолетах: Си-54 «Скаймастер» с выключенными бортовыми огнями и рациями. «Скаймастеры» и сопровождавшие их «лайтнинги» приземлились на посадочной полосе Саки вскоре после полуночи 3 февраля. По окончании церемониальной встречи Черчилля и Рузвельта повезли за 100 км в Ялту по разбитым дорогам. Из окна автомобилей они могли наблюдать массу разбитой немецкой техники — следы отступления германских войск из Крыма 10 месяцев тому назад. Сталин ехал в Крым на личном спецпоезде.

Настроение у Черчилля было отвратительное после часа тряски на ухабистых дорогах, он повернулся к своей дочери Саре Оливер* и сказал: «О, господи, еще целых 5 часов этого кошмара». После чего он стал успокаивать себя декламацией достаточно длинных отрывков из поэмы Байрона «Дон Жуан». По прибытии в Ялту его настроение значительно улучшилось. Спускающиеся к морю горы, кипарисовые рощи, ви-

---

* Сара Черчилль вышла замуж за родившегося в Венеции комедианта Вика Оливера.

ноградники, апельсиновые сады и табачные плантации казались раем по сравнению с удручающе серыми буднями посаженной на пайки Великобритании. Британскую делегацию поселили в Воронцовском дворце, построенном в 1837 г. и представлявшем собой смесь шотландского замка и фантазий из «Тысячи и одной ночи». Сотни саперов Советской Армии трудились в окрестностях Ялты, доказывая тем самым, что на карту поставлено многое. Дворец сверкал от огня потрескивающих каминов, стены украшали дорогие гобелены и шедевры живописи из музеев Москвы и Ленинграда. В течение всей конференции Черчилль не испытывал недостатка ни в икре, ни в шампанском. Когда Джоан Брайт (сотрудница секретариата Кабинета министров, ответственная за хозяйственную часть) случайно заметила за обедом, что никогда в жизни не пробовала котлету «по-киевски», то ровно через час официант подал ей именно это блюдо.

Скептически рассматривая советскую санитарию, британская военная миссия в Москве посоветовала делегации прихватить с собой «побольше порошка от блох и туалетной бумаги». Но по крайней мере Черчилль пребывал в Ялте в полном комфорте. У него единственного был доступ к одной из двух имевшихся во дворце ванн. Для остальных условия проживания были куда более стесненными. Англичане крайне удивились, когда узнали, что в Ливадийском дворце, где были расквартированы американцы и проводились пленарные сессии Ялтинской конференции, в одной комнате спало по восемь генералов. Председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Джорджа Маршалла и адмирала фронта Эрнеста Кинга поселили в покоях императрицы. Маршалл спал в ее опочивальне, а Кинг в будуаре с окном, выходившим в сад, которым не раз пользовался Распутин*.

---

* Автор ошибается. Г. Распутин никогда не посещал царскую резиденцию в Крыму.

Во время конференции Черчилль телеграфировал Эттли:

«А место это оказалось довольно-таки неплохим, несмотря на все наши мрачные предчувствия. Мы находимся в прикрытой от ветров горами Ривьере с петляющими дорогами, виллами и дворцами. Мебель доставлена нашими гостеприимными хозяевами из Москвы. Предусмотрительность русских не знает границ. Все начальники Объединенного комитета штабов на выходной отправились посмотреть на поле Балаклавской битвы. Данный факт мы в разговорах со своими друзьями, конечно, не афишируем».

Камнем преткновения для «Большой тройки» стали главные вопросы Ялтинской конференции: будущее Польши, послевоенное устройство Германии, условия вступления СССР в войну с Японией, а также структура будущей Организации Объединенных Наций.

Послевоенные границы Польши были приблизительно очерчены на Тегеранской конференции в ноябре — декабре 1943 г. Сталин должен был получить кусок Восточной Польши шириной около 300 км — территории, на которые традиционно претендовала Россия. Польша получала компенсацию в виде земель, отторгнутых у Германии на востоке вплоть до Одера и Нейссе. Первый спор на Ялтинской встрече разразился по поводу предложений о германопольской границе. Черчилль и Рузвельт предлагали передать Польше значительно меньшие территории, чем Сталин. Советский руководитель считал, что польская граница должна проходить еще на 100 км западнее. Решение вопроса решили отложить до будущей европейской мирной конференции, которая так и не состоялась.

Было мало общего между Сталиным и западными союзниками и в решении политического буду-

щего Польши. Американцы предложили «Декларацию об освобожденной Европе», в которой среди прочего говорилось о праве народов выбирать подходящую для них форму правления. Планы Польши на будущее демократическое правительство уже были перечеркнуты. Сталин твердо стоял на том, что в Польше правительство будет «другом Советского Союза». В 1943 г. польское правительство в изгнании, обосновавшееся в Лондоне, потребовало от Красного Креста расследования массового убийства более 10 тысяч польских военнослужащих в Катынском лесу близ Смоленска. Советский Союз немедленно разорвал отношения с лондонскими поляками и создал марионеточное польское правительство в Москве в 1944 г., переехавшее в Люблин, а затем уже оказавшееся в Варшаве. В Ялте Рузвельт и Черчилль бросили лондонских поляков на произвол судьбы. Правда, Сталин пошел на небольшую уступку, предложив расширить состав Люблинского правительства за счет нескольких лондонских поляков. Но в остальном он добился своего. Обещанные «свободные выборы» в Польше проходили под наблюдением его личных соратников при отсутствии наблюдателей с Запада. На пленарной сессии Ялтинской конференции 8 февраля Черчилль камня на камне не оставил от доводов союзников, заявив: «Лично мне нет никакого дела до поляков». Обезоруживающая откровенность была совершенно неуместной на столь секретных переговорах. Честно говоря, ни Рузвельт, ни Черчилль не имели влияния на Польшу и были вынуждены признать право Советского Союза проводить там свою политику. Они отбыли из Крыма, получив спасительную формулу «свободных выборов», но при этом прекрасно понимали, что какая бы то ни было свобода для Сталина неприемлема.

Кроме установки будущих границ и признания реалий будущего устройства Европы, союзники дол-

жны были решить, что, собственно, делать с самой Германией. Уже с 1943 г. англичане разрабатывали план под кодовым названием «Рэнкин-Си» по разделению Германии на три оккупационные зоны и совместной оккупации Берлина. Уж лучше разделенная Германия, чем динамично развивающаяся страна с населением 80 миллионов человек в самом центре Европы, вполне способная построить Четвертый рейх. По британскому плану Сталин получал контроль над 40 % территории послевоенной Германии, 36 % ее населения и 33 % ее ресурсов. Хотя план «Рэнкин-Си» и был разработан первым, имелся еще один недолго просуществовавший план по Германии. На совещании в Квебеке в сентябре 1944 г. Генри Моргентау, министр финансов США, предложил ликвидировать тяжелую промышленность Германии и превратить ее в чисто сельскохозяйственную державу. Тем самым он давал лишний козырь геббельсовской нацистской пропаганде, притом сам Моргентау был евреем. Хотя план этот и получил одобрение Черчилля, Рузвельт его отверг.

В Ялте союзники формально согласились с зонами оккупации, предложенными в плане «Рэнкин-Си», добавив к ним четвертую маленькую зону Франции в Сааре, отрезанную от британского и американского секторов. Черчилль настаивал на том, чтобы Франция была восстановлена в качестве противовеса Германии, поскольку постоянного присутствия американцев на Европейском континенте нельзя было гарантировать. Берлин предполагалось поделить на четыре сектора. Здесь же должен был находиться совет союзного управления — орган руководства и контроля над странами-оккупантами. Сталин дал союзникам неофициальные гарантии беспрепятственного проезда через советскую зону в секторы, оккупированные западными державами. Австрию должны были разделить сходным образом, а в Вене разместить штаб управления четырех держав.

Подобно Генри Моргентау, Сталин имел свои виды на германскую промышленность. Иван Майский — бывший советский посол в Лондоне, а теперь заместитель наркома иностранных дел — представил план, по которому германская промышленность сокращалась на 1/5 часть. Причем все оружейные заводы и фабрики по производству синтетического топлива надлежало демонтировать в течение двух лет. К этому прибавлялось 10 лет выплат репараций, создание трехсторонней комиссии международного контроля, которая управляла бы всей экономикой Германии. Сталин к тому же требовал дополнительной денежной компенсации в размере 10 миллиардов долларов. Цифру эту он определил не без помощи Рузвельта. Черчилль возмутился по этому поводу, вспомнив, что репарации, наложенные на Германию после Первой мировой войны, не помешали ей развязать Вторую, к тому же Германии будет довольно трудно выполнить требования Советского Союза. Однако чуть позже Черчилль все же согласился, что этот вопрос должна решать комиссия по репарациям, которая будет создана в Москве.

В течение всей Ялтинской конференции Рузвельт играл роль «изолятора». Он был убежден в том, что со Сталиным «можно иметь дело», и с подозрением относился к «имперским» выпадам Черчилля. Ради того, чтобы обеспечить вступление Советского Союза в войну с Японией и подписать соглашение о будущей Организации Объединенных Наций, решить острый вопрос по вето на резолюции Совета Безопасности, Рузвельт был готов пойти на значительные уступки Сталину. Советскому Союзу отдавали Польшу и значительные территории на Дальнем Востоке. Заключив договор со Сталиным и при этом не проконсультировавшись с Черчиллем, Рузвельт согласился, чтобы СССР отдали прежние территории, потерянные Россией после русско-японской войны 1904—1905 гг. Кроме этого, Советский Союз забирал

Курильские острова и Южный Сахалин*. Окончательный документ по этому вопросу был представлен Черчиллю в последний день конференции, и он вынужден был подписать его.

В течение всей конференции настроение «Большой тройки» колебалось между раздражением и фальшивым панибратством. За обедом 4 февраля Рузвельт расслабился и сообщил Сталину, что на Западе все обычно зовут его Дядюшкой Джо. Сталин в гневе поспешил из-за обеденного зала, явно уязвленный столь вульгарным прозвищем. Черчиллю с трудом удалось вернуть его за стол, произнеся тост в его честь. Напряжение в межличностных отношениях лишь подчеркивало политические разногласия союзников, которые тем не менее оставались вместе. На конференции Сталин оказался победителем. Там, где Черчилль путался, а Рузвельт проявлял неопределенность, Сталин демонстрировал решимость, мастерски используя свою твердость. Когда делегаты собрались для прощального фотоснимка на залитой солнцем террасе Ливадийского дворца, Сталин находился в прекрасном расположении духа, то и дело выдавая на английском четыре фразы, которые ему удалось выучить: «Ну и что?», «Какого черта?», «Туалет там» и «Вы сами сказали». В противоположность ему Черчилль был погружен в мрачные размышления, ворчливо называя совместное коммюнике «хреновиной». Правда, гораздо позже он писал о Ялтинской конференции: «Мир лежал у наших ног. На суше и на море 25 миллионов солдат повиновалось нашим приказам. Мы казались друзьями».

Генерал сэр Гастингс Исмэй, начальник личного штаба Черчилля, считал, что Ялта была «совершенно не нужна с военной точки зрения, а с политической она разочаровывала». Однако Ялтинская конферен-

---

* Автор путает. Собственно, эти территории и были утеряны Россией по Портсмутскому миру 1905 г. Их СССР и получал обратно. — *Прим. ред.*

ция очень сильно повлияла на одно важное решение союзников, последствия которого эхом отдаются и в наши дни. Речь идет о Дрездене, известном постройками эпохи барокко и до той поры не затронутым войной.

С лета 1944 г. соединения бомбардировщиков ВВС Великобритании совершали регулярные дневные налеты на территорию Германии. 27 августа 1944 г. 216 «галифаксов» 4-го соединения и 14 «москито» вместе с 13 «авроланкастерами» 8-го воздушного соединения совершили авианалет на нефтеперерабатывающий завод в Меербеке. То была первая крупная дневная операция британских бомбардировщиков с 12 августа 1941 г., когда 44 «бленхейма» бомбили электростанции близ Кельна. Эскорт прикрытия обеспечивали 9 эскадрилий «спитфайров», а отход бомбардировщиков — 7 дополнительных эскадрилий. Тяжелые бомбардировщики не летали плотным строем, подобно «либерейторам» и «летающим крепостям» ВВС США. Ведь в районе Меербека находилось огромное количество средств ПВО противника. Тем не менее авианалет прошел без потерь для британской авиации. А нефтеперерабатывающий завод в Меербеке смог восстановить работу лишь в октябре.

В последние 8 месяцев войны мощь британских бомбардировщиков достигла своего апогея. Ежедневно в воздух поднималось 1600 самолетов, из которых приблизительно 1100 были четырехмоторными «ланкастерами». Элита британской науки активно занималась разработкой прогрессивных технологий в области стратегических бомбардировок, а количество промышленных предприятий, занятых производством тяжелых бомбардировщиков, равнялось тому, что использовалось для изготовления вооружений сухопутных войск.

Технологии бомбометания в ночное время достигли нового уровня. Летом 1944 г. 5-я авиагруппа разработала новую систему наведения на цель, когда

цели уже были подсвечены осветительными ракетами и бомбами, сброшенными с самолетов целеуказания. Хотя бомбардировщики основных сил осуществляли наведение на ту же цель, разные углы подхода и задержанное бомбометание обеспечивали ряд точек прицеливания ценой одной успешной атаки самолетов целеуказания. 29 августа 1944 г. над Кенигсбергом было три линии подлета. Во время воздушно-бомбовой атаки на Бремерхафен 18 сентября их было уже пять. Рейд на Бремерхафен осуществляли 200 самолетов, сбросивших 863 тонны бомб, в том числе 420 000 термитных «зажигалок».

Подобные методы ведения бомбардировок были доведены до совершенства во время авианалета на Дармштадт 11 сентября. После того как цель была отмечена «москитами» 627-й эскадрильи, 234 тяжелых бомбардировщика подошли к точке сброса бомб почти в двух километрах от центра города. Семь линий подхода на различной высоте; причем каждый бомбардировщик осуществлял задержку сброса бомб от трех до двенадцати секунд. Таким образом, по всему городу пошли веерообразные разрушения. Немцы называли это «Веер Смерти». 78 % строений в центре Дармштадта было уничтожено. 70 тысяч человек из 115-тысячного населения города остались без крова. В старом городе лишь 5 зданий остались в целости и сохранности после бомбежки. За время 45-минутного налета погибло 8500 человек, 90 % из них либо задохнулось, либо сгорело заживо. Сходный метод был использован при атаке на Брунсвик 14 октября. Огненная буря началась в районе города, где находилось 6 гигантских бункеров и два бомбоубежища, в которых пребывало не менее 20 тысяч человек. Спасла их «водная аллея», которую пустили по горящим улицам из пожарных брандспойтов. Хотя в налете и участвовало лишь 200 самолетов одной группы, власти Брунсвика посчитали, что бомбардировку осуществляли по крайней мере 1000 бомбарди-

ровщиков. За 40 минут более трети населения 200-тысячного города лишилось крова, а половина городских зданий превратилась в руины.

Все эти разрушительные авианалеты были предлюдией к операции «Удар грома», тройному удару, нанесенному по городу Дрезден с 13 по 15 февраля 1945 г. бомбардировщиками 8-й воздушной армии США. Саксонский город Дрезден, что находится в 180 км к югу от Берлина, был крупнейшим немецким городом, которому прежде удавалось избежать бомбардировок союзной авиации. Первая бомбардировка Дрездена состоялась лишь 7 октября 1944 г., когда 30 бомбардировщиков 8-й воздушной армии США совершили налет на промышленные окраины города. В качестве вторичной цели авианалета был выбран нефтеперерабатывающий комплекс в Руланде. В результате этой бомбардировки погибло 435 человек, среди них много военнопленных из союзных армий, занятых на городских предприятиях легкой промышленности и железнодорожных станциях. Для дрезденцев это стало своего рода сенсацией. Многие владельцы экипажей даже организовывали специальные платные экскурсии на разбомбленные улицы. Когда 133 самолета 8-й воздушной армии совершили второй массированный авианалет на дрезденские товарные станции 16 января 1945 г., жители города по-прежнему были уверены в том, что их исторический, богатый памятниками эпохи барокко центр не постигнет судьба Кельна, Гамбурга и Дармштадта. Дрезден славился своей культурой и изящным фарфором, который изготавливали в близлежащем Мейсене, и не имел предприятий стратегического назначения. На двух самых больших заводах города работало в общей сложности 5000 человек, занятых производством электродеталей для радаров «АЕГ», которые собирали в Берлине. Зимой 1944 г. война, казалось, была далеко отсюда. Английский военнопленный, захваченный немцами под Анцио в декабре 1944 г.,

писал в своем дневнике: «Здесь немцы лучшие из тех, с которыми мне приходилось сталкиваться. Комендант — настоящий джентльмен, в городе нам дозволяется неслыханная свобода. Фельдфебель даже устроил для меня экскурсию по центру города. Несомненно, Дрезден прекрасен. Мне бы очень хотелось посмотреть его полностью».

Осенью 1943 г., после огненной бури, вызванной рейдами союзной авиации на Гамбург, власти Дрездена сделали ряд безуспешных попыток поднять на должный уровень гражданскую оборону города. Но как это зачастую случалось в нацистской Германии, претворение в жизнь даже самых элементарных мер наткнулось на противодействие антагонистических служб: геринговского люфтваффе, геббельсовского министерства пропаганды и гиммлеровских СС, — каждая из которых отвечала за различные аспекты гражданской обороны. В итоге в городе был определен и отмечен соответствующими знаками ряд «безопасных» открытых мест. Население предупредили о мерах пожарной безопасности. Все должны были избавиться от огнеопасных материалов. Дома покрыли огнеупорной жидкостью. В каждом доме теперь имелись мешки с песком, ведра с водой и огнетушители. Песком тушили «зажигалки», а водой — небольшие возгорания. На открытых пространствах и в парках были вырыты траншеи. В качестве профилактических мер шесть огромных емкостей* с водой были установлены в общественных местах, на тот случай, если источники водоснабжения для пожарных бригад во время авианалета будут уничтожены.

Жители Дрездена обитали в многоквартирных домах. Мало кто из них располагал садами, в которых можно было устроить бомбоубежища. В многоквартирных домах имелись обширные подвалы. Стены в подвалах соседних домов были разобраны таким образом, что их жители могли искать спасения в подва-

---

* В рурском Дортмунде имелись 134 такие емкости.

лах, тянувшихся вдоль всей улицы. Однако в случае настоящего «огненного шторма», вызванного массовой бомбардировкой, они могли либо задохнуться, либо зажариться заживо. Спасение могла дать лишь сеть подземных туннелей, выводящих из центра Дрездена к берегам Эльбы. Относительно благополучное существование Дрездена посреди разрываемого войной континента только поощряло бездействие властей. В городе ходили слухи, что союзники пощадили Дрезден потому, что после войны он должен стать столицей новой Германии, или потому, что один из родственников Уинстона Черчилля находится здесь в плену. В декабре 1944 г. полковник Гуго Эйхорн, командовавший полком СС, был проконсультирован мэром Дрездена группенфюрером СС Ниландом насчет обеспечения города надлежащим количеством бомбоубежищ. Собрание в городской ратуше решило, что пришло время хоть что-то сделать для населения Дрездена, но было уже слишком поздно. На весь город имелся лишь один бетонный бункер, пригодный для использования под бомбоубежище, да и тот был зарезервирован для нужд дрезденского гауляйтера Мартина Мутшманна*.

Не лучше обстояло дело и с противовоздушной обороной Дрездена. К середине января 1945 г. 88-мм орудия здесь были демонтированы и переброшены на Восточный фронт для уничтожения советских танков и на защиту пострадавших от авианалетов заводов Рура. К середине января в Дрездене остались лишь бетонные станины от этих орудий и несколько макетов зениток, изготовленных из папье-маше.

Прорыв Советской Армии с плацдармов на Висле вынудил не менее 5 млн. немцев искать спасения. Пешком и на запряженных лошадьми телегах они

---

* Как и положено гауляйтеру, Мутшманн, за счет государства и используя труд СС, строил в своем саду мощный бункер. Еще одно личное бомбоубежище он возводил в лесу за городом. Он был явно из тех, кто не любил рисковать.

шли по заснеженным дорогам, зачастую даже не прихватив с собой пожитки. Люди понимали: после того, что творил вермахт на Востоке, пощады ждать не приходится, — и бежали от наступающих советских войск, которым к концу января удалось приблизиться к Дрездену на 140 км. Десятки тысяч людей погибли во время этого страшного пути, многие замерзли на обочинах или же были раздавлены гусеницами танков. Для тех, кто выжил, Дрезден стал одним из главных мест спасения. К концу января население города, прежде насчитывавшее 630 тыс. человек, увеличилось до 1 млн. 600 тыс.

Беженцам, приехавшим в Дрезден на поездах, было ничуть не лучше тех, кто добирался сюда пешком. Они набивались в вагоны для скота, полы которых были устланы соломой, и прибывали в город замерзшими, покрытыми вшами и умирающими от голода. Ева Байер, 17-летняя работница Красного Креста, принимавшая беженцев на центральном железнодорожном вокзале Дрездена «Гауптбанхофф», вспоминает:

«Было очень много беженцев из Силезии и Вартегана. Моей задачей было обеспечить их мылом, хлебом, кофе и молоком. У меня нет слов, чтобы описать горе и страдания, с которыми мне пришлось столкнуться. Там были женщины, старики и дети, совершенно потерявшие человеческий облик. После моего первого дня дежурства я ничего в рот не могла взять в течение двух суток и страдала от ночных кошмаров. Потому что прежде я еще такого не видела. Я вообще не думала, что такое возможно. Когда я шла по вагонам и раздавала продукты, ко мне подошла женщина и попросила у меня молока для своего ребенка. Я спросила у нее, а где же ребенок? Тогда она расправила подол и показала мне его. Хотя я и не врач, но сразу поняла, что ребенок мертв. Он уже давно посинел и окоченел, от него пахло. Думаю, он умер еще несколько дней

назад. Когда я сказала ей, что теперь ребенок ее пребывает в раю и больше уже ему молоко не понадобится, она ответила, что дитя ее просто спит и ей срочно нужно молоко. Когда мы попытались отнять у нее ребенка, чтобы похоронить, она закричала: «Нет, он не умер! Просто он очень проголодался!»...

Как-то в середине января я была на дежурстве, пришел поезд, по пути попавший под бомбежку. То, что я увидела, было хуже всякого кошмара. В товарняках было полным полно людей, страдавших от голода, жажды и бомбежек. В этом поезде было столько раненых, что мы даже не знали, с чего начать. Вопли и мольбы о помощи были просто невыносимы. Я склонилась над женщиной, кормящей грудью ребенка, потому как она была забрызгана кровью. Она была мертва, но ребенок еще был жив. Рядом с ней лежал старик. Это был ее отец. Он умолял: «Анни, помоги мне». Его рука была разорвана в клочья. Когда мы сказали ему, что Анни умерла, он совершенно сломался и зарыдал: «Что же с нами будет? Мой зять на войне, моя дочь погибла. Остались двухмесячный младенец и восьмилетний ребенок. Что нам делать? Мы потеряли все. Что мы такое сделали, за что Бог нас так наказывает? А может, Бога-то и вовсе нет?!»

Колонны военнопленных из войск союзных армий, которых гнали на запад подальше от наступающих советских войск, страдали не меньше. Джек Майерс, британский артиллерист, захваченный в плен в июне 1942 г., оказался в составе эвакуированного из-под Бреслау «Шталага 8 «Б». Он прибыл на товарную станцию Дрездена в вагоне для скота:

«Вагон был закрыт, не обогревался, не вентилировался. Вместо туалета ведро. Лишь три человека могли стоять на ногах. Лично я большую часть времени был без сознания. Нам долго не давали еды, а в последние дни и воды. Даже самые здоровые из нас заболели. Был

страшный мороз, отчего люди умирали. Мы не погибли от обезвоживания только потому, что сосали лед и иней на промерзших досках. Мы оттащили трупы в противоположный конец вагона, оставив пустое пространство у дверей. Нас было 80 человек разных национальностей, и, я думаю, не меньше 30 умерло. Оставшиеся в живых плотно прижимались друг к другу, чтобы согреться».

Теперь беженцы и «реальная политика» союзников объединились для того, чтобы уничтожить Дрезден. Поскольку война близилась к завершению, а большая часть Германии лежала в руинах, командующие бомбардировочной авиацией союзников были заняты поиском целей, на которые следовало обрушить имеющийся в их распоряжении мощный потенциал. Однако к осени 1944 г. между британцами и американцами начались споры по поводу наиболее эффективных методов продолжения совместных бомбардировок. Командующий стратегической авиацией США в Европе генерал Карл Спаатс считал, что следует усилить налеты на нефтеперерабатывающие комплексы Германии. С ним абсолютно не был согласен верховный маршал авиации сэр Артур Гаррис, командовавший бомбардировочной авиацией Королевских ВВС Великобритании с 1942 г. Он был убежден в том, что систематические бомбежки положат конец войне. Несмотря на вопиющие свидетельства об обратном, Гаррис был убежден в том, что германская экономика ничуть не ослабла. Он с презрением называл авианалеты на нефтеперерабатывающие комплексы и транспортные узлы «шарлатанскими пилюлями». Его с трудом удалось заставить участвовать в авиарейдах на топливную инфраструктуру Германии с июля по сентябрь 1944 г., окончательно подорвавших производство горючего для вермахта. С наступлением зимы Гаррис вернулся к своему основному занятию — тотальному разрушению немецких горо-

дов. 1 ноября 1944 г. он писал начальнику штаба авиации верховному маршалу авиации сэру Чарльзу Порталу:

«За прошедшие 18 месяцев бомбардировочная авиация Королевских ВВС практически сровняла с землей 45 из 60 главных городов Германии. Несмотря на то, что нам пришлось отвлечься на бомбардировки железнодорожных коммуникаций Франции и Западной Германии, мы уничтожали по два с половиной города в месяц. Не осталось ни одного нетронутого промышленного центра. Стоит ли нам бросать это дело, когда немцы давно уже считают его своей основной головной болью, к тому же когда цель так близка?»

Планом достижения окончательной цели Гарри-са явилась разработанная осенью 1944 г. операция «Удар грома», целью которой было устроить четверо суток кошмара для Берлина. В ходе совместных англо-американских налетов союзники планировали сбросить на столицу Германии не менее 25 тысяч тонн бомб. Сторонники этой операции считали, что этим сокрушат боевой дух немцев и поставят Германию на колени. С 1917 г. стратеги считали, что войну можно выиграть лишь одной авиацией. Управление бомбардировочной авиацией Гарри-са приблизительно подсчитало последствия операции «Удар грома»:

«Если мы предположим, что дневное население атакуемого района около 300 тысяч, значит, потери составят 200 тысяч, 110 тысяч из этого числа будут убиты. Предполагается, что такие большие потери, в том числе среди командного и управляющего состава противника, подорвут боевой дух Германии».

В сочетании с наземными операциями это не могло не привести к формальной капитуляции гитлеровского рейха. Операция «Удар грома» была спла-

нирована в Верховном Штабе Союзных Экспедиционных Сил (SHAЕF), но затем ее реализация была приостановлена. Против операции выступал Спаатс, «архитектор» плана уничтожения германской нефтеперерабатывающей промышленности. Но даже он стал склоняться к необходимости бомбардировок немецких городов. В октябре он предложил разбомбить внутреннее пространство Германии так, чтобы к следующей весне она обязательно пала, «в особенности если советские войска вступят в ее восточные районы». Но Спаатс настаивал на точечных бомбовых ударах, в то время как Гаррис все свои силы бросал исключительно на ковровые бомбардировки. Американцы были достаточно осторожны для того, чтобы дистанцироваться от массированных авианалетов на крупные города. Подразделение ведения психологической войны при SHAЕF заклеямило план «Удар грома» как «террористический», но даже Спаатс под благовидным предлогом всегда был рад предоставить свои самолеты для бомбардировок германских городов.

Дрезден не фигурировал в списках целей союзников. Быть может, город так бы и остался нетронутым войной, если бы не желание Уинстона Черчилля проявить твердость на переговорах со Сталиным в Ялте в феврале 1945 г. Именно там были определены границы послевоенной Европы и решена судьба Дрездена.

Покидая Ялту, Черчилль размышлял о том, какие именно свидетельства он сможет представить Дядюшке Джо в пользу того, что союзники поддерживают великое наступление на Востоке.

Совместный комитет разведок Британского военного кабинета тоже раздумывал над этой проблемой. 25 января он издал два документа. В первом предлагались тяжелые бомбардировки для поддержки Советской Армии, в особенности чтобы помешать переброске германских бронетанковых фор-

мирований с Западного на Восточный фронт. Во втором документе в очередной раз анализировался план «Удар грома»*. Выразалось сомнение по поводу того, что 4-суточная бомбардировка Берлина подорвет боевой дух противника. Однако далее в нем говорилось, что тяжелые бомбардировки спровоцируют неконтролируемые передвижения больших масс беженцев по всему рейху, которые будут бежать из одного разбомбленного города в другой и создавать хаос. Начнется большой поток беженцев с Востока, после того как русские устремятся к Одеру. Столкновение таких больших масс травмированных людей, одна из которых будет двигаться на запад, а другая на восток, затруднит перемещения вражеских войск.

Портал скептически относился к выбору Берлина в качестве главной цели будущей операции, предлагая сосредоточить основное внимание на центрах нефтеперерабатывающей промышленности и производства реактивных истребителей, но тем не менее он соглашался с тем, что союзники должны сделать все возможное для объединенной массовой атаки на Берлин, а также бомбардировок Дрездена, Лейпцига, Хемница и любых других городов, где жестокий молниеносный удар помешает эвакуации с востока и затруднит переброску войск с запада.

Гаррис, которому 25 января позвонил вице-маршал авиации Норман Боттомли, заместитель начальника штаба ВВС, с явной неохотой отнесся к очередной возможности сровнять Берлин с землей. Именно над этим городом его бомбардировщики

---

* План «Удар грома» вернул к жизни коммодор ВВС С. О. Бафтон, руководитель бомбардировочных операций, предложивший вице-маршалу ВВС Н. Г. Боттомли, заместителю начальника штаба ВВС, добавить к атаке на Берлин одновременные авианалеты на Бреслау и Мюнхен. «Если они совпадут с натиском русских, то немцы решат, что наши действия тесно скоординированы. Так что психологический эффект от этих операций только усилится».

зимой 1943—1944 гг. потерпели поражение*, но Гаррис предложил, чтобы атака на германскую столицу сопровождалась одновременными операциями против Хемница, Лейпцига и Дрездена — городов, в которых точно так же, как и в Берлине, размещают беженцев с востока и которые являются ключевыми точками системы снабжения Восточного фронта. Так Дрезден с массой беспомощных беженцев попал в список.

Здесь вмешался Черчилль. 25 января он позвонил министру авиации сэру Арчибальду Синклеру, затребовав планы бомбардировочной авиации по «бомбежкам немцев во время их отступления из Бреслау». Портал проинформировал Синклера о предложении атаковать Берлин, Дрезден, Лейпциг и Хемниц, подчеркнув, что потенциальной целью являются беженцы. Однако в своем докладе Черчиллю Синклер несколько сместил акценты, предложив использовать тактическую авиацию для бомбардировок отступающих немецких формирований, а не мирных беженцев. Синклер утверждал, что данная операция лучше всего подходит для тактической авиации, а не для тяжелых бомбардировщиков: в это время года, «облачность зачастую делает невозможными бомбардировки с большой высоты, и будет крайне сложно тяжелым бомбардировщикам помешать передвижениям противника посредством прямых атак на пути его отступления».

В итоге Синклер получил довольно жесткий ответ от британского премьер-министра:

«Прошлой ночью я спрашивал вас не о планах бомбардировок немцев, отступающих из-под Бреслау. Напротив, меня интересовало, не становятся ли теперь Берлин и прочие крупные города Восточной Германии

---

* С ноября 1943 по март 1944 г. бомбардировочная авиация потеряла 592 самолета в 16 массированных налетах на Берлин, который Гаррис поклялся «сровнять с землей». Потери бомбардировщиков составили 6,5 %.

наиболее привлекательными целями. Я рад, что вопрос этот изучается. Доложите мне завтра о том, что будет предпринято конкретно».

Синклер выполнил задание своего хозяина. На следующий день, 27 января, Гаррис получил добро на проведение операций, которые он предлагал Боттомли. В тот же самый день Синклер проинформировал Черчилля о том, что «все доступные силы будут брошены на Берлин, Дрезден, Хемниц, Лейпциг и другие города, где массированные бомбардировки разрушат коммуникации, жизненно необходимые для эвакуации с Востока, и помешают переброске войск с запада Германии, и как только погодные условия улучшатся, Гаррис отправит свои бомбардировщики на выполнение задания».

Во второй половине дня 4 февраля на первой пленарной сессии в Ялте начальник советского Генерального штаба генерал А. И. Антонов сообщил о ситуации на фронтах и изложил советскую оценку складывающегося там положения. В своем выступлении он призвал британцев и американцев совершить авианалеты на Берлин и Лейпциг, чтобы помешать немцам перебросить свежие подкрепления на Восточный фронт. На следующий день Антонов вновь вернулся к этой теме, когда начальники Объединенного Комитета штабов и советский Генштаб встретились для того, чтобы обсудить вопросы координации военной политики. Границу стратегических бомбардировок Антонов предложил провести по линии Дрездена. Советское командование было против разрушения города, попадавшего в советскую зону оккупации. Однако западным союзникам хотелось продемонстрировать Сталину мощь своей стратегической авиации. 3 февраля американцы выполнили первую часть своей задачи, послав около 1000 бомбардировщиков 8-й воздушной армии на Берлин. В Ялте генерал Лоуренс Кутер, представлявший на конференции генерала

Г. Г. Арнольда (Хэпа), командующего ВВС США, спросил Спаатса, не является ли намерение союзников помочь советскому наступлению на востоке прикрытием тотальной бомбежки мирных городов. Спаатс заверил Кутера в том, что тотальных бомбардировок не будет. Удары будут направлены исключительно на транспортные узлы.

7 февраля через американскую военную миссию в Москве Сталина проинформировали о том, что 8-я воздушная армия США атакует транспортные узлы в Восточной Германии. Главными целями операции являлись Берлин, Лейпциг, Дрезден и Хемниц. 12 февраля Спаатс известил военную миссию в Москве о том, что 8-я воздушная армия атакует «товарные станции» Дрездена. В ночь с 13 на 14 февраля* следует массированная бомбардировка всеми доступными союзной авиации силами.

Командование бомбардировочной авиации разослало всем подразделениям, задействованным в операции «Удар грома», краткие информационные записки. Об обороне города было мало что известно, а у стратегов из штаба не имелось даже нормальной карты района будущей операции. Эти записки содержали недостоверную информацию:

«Дрезден, седьмой по величине город в Германии, — самый большой из городов противника, не подвергавшийся бомбардировкам. Одно время он славился своим фарфором. Сейчас это промышленный центр первостепенной важности, центр обороны именно того участка фронта, который собирается прорвать маршал Конев. Наша цель: атаковать врага именно там, где он ощущает это болезненней всего, предотвратить дальнейшее использование города противником и продемонстрировать русским, на что способна наша бомбардировочная авиация».

---

* Операция, запланированная на 13 февраля, была отменена из-за плохой погоды. Так что план был реализован с опозданием на сутки.

План «Удар грома» был чрезвычайно прост, основная его цель — максимально разрушить центр Дрездена. Город планировалось атаковать двумя раздельными волнами «ланкастеров». Первая атака под кодовым названием «Плейтрэк» («Сушилка для посуды» — намек на дрезденский фарфор) должна была начаться 13 февраля в 10.15 вечера и продолжаться 7 минут. За ней следовал второй, куда более мощный удар под кодовым названием «Прессинг». Бомбежке следовало начаться через три часа после первой атаки и продолжаться не менее получаса. Опыт союзной бомбардировочной авиации и разгром немецкой противовоздушной обороны обеспечивали концентрацию максимального числа самолетов над целью. После первой атаки должны быть задействованы системы гражданской обороны Дрездена, которые будут уничтожены вторым ударом, что вызовет неконтролируемые пожары на тесных узеньких улочках старого города. Германские ночные истребители будут отвлечены налетами небольших групп летящих на большой высоте «москито», а также налетом 368 бомбардировщиков «Галифакс» на Беленский нефтеперерабатывающий завод в 160 км к западу от Дрездена. Проход для потока бомбардировщиков расчистят ночные истребители союзников, в то время как находившийся в потоке бомбардировщиков самолет противодействия средствам обнаружения будет сеять хаос на экранах германских радаров. Учитывая, что в случае вынужденной посадки на территории врага летчикам придется туго, их снабдили запечатанными в прозрачный пластик английскими флагами с вышитыми на них надписями «Я англичанин!». Весьма любопытная мера предосторожности, но довольно неточная, поскольку в операции принимали участие представители многих национальностей, в том числе канадцы, австралийцы и новозеландцы.

Когда экипажам сообщили о том, что они летят на Дрезден, летчики не проявили по этому поводу

особого энтузиазма. Командиры и навигаторы молча переглянулись. Линия маршрута их боевого задания, изображенная на картах стрелкой, вела в самое сердце Германии. Для самолета «Ланкастер» с большими топливными баками, вмещающими 9693 литров горючего, столь далекое проникновение вглубь территории Германии означало 10 часов пребывания в воздухе. Хвостовые стрелки содрогались при мысли о том, как долго им придется провести в своих башнях, обламывая сосульки на кислородных масках и постоянно моргая, чтобы ресницы не замерзли на сильном морозе.

Цели рейда варьировались от звена к звену и от эскадрильи к эскадрилье. В основном это зависело от творческих способностей проводивших инструктаж офицеров. Так, в воздушной группе №1, летевшей во второй волне, экипажам сказали, что их целью являются товарные станции. Особенно была подчеркнута важность Дрездена как транспортного узла. В 6-й воздушной группе (канадской), также летевшей во второй волне, экипажи проинформировали о том, что Дрезден — «это чрезвычайно важный промышленный центр, где выпускаются электромоторы, высокоточные приборы, лекарства и боеприпасы». А на одном аэродроме летчикам даже сказали, что цель боевого задания — это уничтожение штаба гестапо, находящегося в самом центре Дрездена. Задачи по такому точному бомбометанию обычно резервировали для «москито» таких элитных подразделений, как 487-я эскадрилья. А в инструктаж еще одной эскадрильи включили сказку о том, что в Дрездене находится завод по производству боевых отравляющих газов. Лишь на нескольких инструктажах упоминались беженцы. Когда летчикам сообщили, куда именно они летят, Питер Голди, стрелок хвостовой башни одного из самолетов 75-й (новозеландской) эскадрильи, сразу же подумал о дрезденском фарфоре:

«Они стали нам объяснять, почему мы летим бомбить именно Дрезден. Даже, насколько мне помнится, намекнули, что это личное указание Черчилля. Но нам так и не сказали, что же такое в этом городе находится. Просто скомандовали: «Летите и разбомбите Дрезден!» Я так и не мог понять, к чему этот авианалет. Другие не могли понять, почему это, если бомбардировка Дрездена столь необходима русским, они не разбомбят город сами». Тем не менее для большинства задействованных в операции авиаэкипажей Дрезден был всего лишь очередным боевым заданием. Никто и предположить не мог, что результаты ночной бомбардировки будут эхом отдаваться и в наши дни».

13 февраля в 5.30 вечера первые эскадрильи 5-й группы бомбардировочного командования Великобритании взлетели со своих аэродромов в Мидлэнде. Через 30 минут первая волна из 244 «ланкастеров» была уже в воздухе и кружила над взлетными полосами, прежде чем взять курс на Дрезден.

Отдел гидрометеорологии при штабе бомбардировочного командования в Хай Викоме с невероятной точностью спрогнозировал, что ночью 13 февраля плотная облачность над Центральной Европой рассеется в районе Дрездена приблизительно на 5 часов. Это и было «окном» для реализации планов «Плейтрек» и «Прессинг». В 10.15 вечера низколетающий «Москито», наводчик на цель 5-й воздушной группы, пролетел над дрезденскими крышами со скоростью 500 км/час, сбросив красные осветительные ракеты в 100 м от главной цели — дрезденской Фридрихштадт Шпортплац. Странно, но небо не высвечивали прожектора вражеских средств ПВО, молчали и зенитки, когда ведущий наводчик пролетел над главным вокзалом «Гауптбанхофф». Лестницы и проходы вокзала были теперь забиты брошенными пожитками беженцев с Востока.

С интервалами в одну секунду фотокамера со вспышкой, установленная в бомбовом отсеке, делала

снимки лежащего внизу города. На фотографиях запечатлелись железнодорожная станция, дрезденский Фридрихштадт Кранкенхауз — крупнейший госпиталь Восточной Германии, железнодорожные ветки, ведущие к госпитальному комплексу, на одной из которых из поезда выгружали раненых, доставленных с фронта. Это были последние мгновения обреченного города.

К 10 часам вечера наведение было завершено и площадь бомбардировки была окружена сполохами красных осветительных бомб, каждая из которых весила не менее полутонны и затушить которые было довольно трудно. Когда «москито» пролетали над городом, дрезденцы еще не испытывали какой бы то ни было паники. Горожанам уже пришлось пережить 171 ложную воздушную тревогу — это, наверняка, была очередная, 172-я. Но вот появились первые признаки грядущей катастрофы. Когда городу угрожал авианалет, радиотрансляция прерывалась звуками тикающих часов. Когда цель бомбардировки была точно определена, вместо тиканья звучало предупреждение. В краткий перерыв между наведением на цель и появлением задействованных в операции «Плейтрек» бомбардировщиков тиканье часов было прервано тревожным голосом диктора:

«Ахтунг, Ахтунг, Ахтунг! Первая волна крупного формирования вражеских бомбардировщиков изменила курс и приближается к городу. Ожидается авианалет. Населению немедленно укрыться в подвалах, погребах. Полиция получила приказ арестовывать всех, кто находится на открытых пространствах».

То был Исповедальный Вторник, и в более счастливые времена в Германии это было время карнавала, когда дети наряжались в маскарадные костюмы, а взрослые брали выходной. Вот и сейчас на многих детях были карнавальные костюмы. В дрез-

денском новом городе, в здании, где располагался цирк «Саррасани», представление было прервано объявлением о том, что все присутствующие в зале должны немедленно укрыться в подвале. На «Гауптбанхоффе» поезд, который уже трогался, внезапно остановился после того, как кто-то нажал на стоп-кран. Пассажиры поспешили на затемненную платформу, ища убежища в подземных переходах и складах, битком набитых беженцами и тысячами других пассажиров. Но многие предпочли остаться в поезде, чтобы сохранить свои места. Большинство из них погибнет во время второго авианалета.

Ева Байер наблюдала красочную увертюру к бомбардировке из окна своей ванной. Примерно в 10 часов вечера она заметила странное зеленое свечение над Эльбой. То была осветительная бомба первичного наведения, сброшенная 83-й эскадрилей для ориентировки ведущего наводчика. Ева вспоминает:

«Я оставалась у окна, когда небо осветилось разноцветными блестками, похожими на огоньки на рождественской елке, затем забежала в дом, в котором, кроме меня, проживало еще пять семей, призывая всех срочно укрыться в подвале. Там я сидела под сводчатым потолком и ожидала неминуемого. Я встала на колени и закрыла лицо руками. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди от страха».

Главный бомбардировщик, круживший над Дрезденом, в задачу которого входила координация авианалета, окончательно понял, что в городе отсутствует противовоздушная оборона. Бомбардировщикам основных сил был отдан приказ снизиться для достижения большей массированности бомбового удара по заданным целям. Каждый из «ланкастеров» основной группировки полетел по своему направлению, развернувшись по центру города веерообразным клином глубиной в 22 км. Бомбы посыпались на район площадью при-

близительно 2 квадратных километра. То, что творилось внизу, более всего напоминало фейерверк.

Сектор бомбардировки полыхал красными, зелеными и белыми осветительными бомбами наведения. Яркие вспышки обозначали места взрывов небольших по размеру бомб. 2- и 4-тонные бомбы проламывали крыши и вышибали окна, «зажигалки» палили частный сектор. Полы дрожали, огромные языки пламени вырывались из разбитых крыш, превращая жилые здания в пылающие факелы. Когда последние «ланкастеры», задействованные в операции «Плейтрэк», улетели прочь от разбомбленного города, пожары уже бушевали вовсю, разогрев воздух над городом, создав воронкообразный идущий вверх поток, высасывающий воздух со всех сторон города. Когда разразилась огненная буря, эта гигантская воронка создала поистине ураганные ветра. В самую страшную ночь бомбардировки Лондона, 29 декабря 1940 г., пожары распространялись со скоростью идущего пешком человека. В Дрездене они пожирали городские улицы со скоростью спринтера.

Когда в полвторого ночи флагманский бомбардировщик наведения операции «Прессинг» появился в небе над Дрезденом, чтобы руководить вторым авианалетом, он обнаружил, что пронесшийся по городу огненный шквал поглотил 18 квадратных километров его площади, а восточная часть Дрездена настолько затянута дымом, что нет никакой возможности определить хотя бы одну из заданных целей. Посовещавшись со своим заместителем, командир флагманского бомбардировщика наведения приказал самолетам наведения сбросить осветительные бомбы по обе стороны уже горящего района и тем самым сконцентрировал бомбардировку и расширил зону разрушений.

Второй удар с воздуха, осуществленный 529 «ланкастерами» тяжелыми авиабомбами, застал дрезденцев врасплох. Система телефонной связи в городе

была уничтожена в результате первого авианалета, а гражданская оборона еще не осознала масштаба пожаров, охвативших его центр. Но разворачивающаяся трагедия была абсолютно ясна с воздуха. В дневнике одного из авиаэкипажей имеется запись, сделанная во время повторного налета: «Дрезден. Мы уже над целью. Практически весь город охвачен огнем».

Внутри огненного шквала температура достигла 1000° по Цельсию, 45-метровые фонтаны огня взмывали над улицами и площадями. Охваченная огнем, вылетевшая из разбомбленных домов мебель катилась по улицам, подгоняемая штормовыми ветрами. Деревья вырывало с корнем и ломало, словно спички. Люди, застигнутые авианалетом на улицах, карабкались на четвереньках, пытаясь вдохнуть остатки воздуха. Иные пытались схватиться за фонарные столбы, но создававшаяся воздушная воронка засасывала их в смертельный вихрь ада. Мертвые и умирающие лежали на вязком, тающем от чудовищной жары асфальте. Одежда на них мгновенно сгорела, а их тела напоминали египетские мумии. Трупы сгоревших заживо детей устилали мостовые Дрездена. На площади Альтмаркт сотни людей пытались спастись от адского жара в емкостях с водой, но утонули на двухметровой глубине в разгар разбушевавшегося здесь пожара.

Во время первого авианалета на главный железнодорожный вокзал «Гауптбанхофф» не упало ни одной бомбы, а за время трехчасового перерыва между двумя рейдами сюда прибыло еще несколько поездов с беженцами, в том числе два состава с детьми. В полвторого ночи в здании вокзала еще горели великолепные люстры. Вдруг тысячи «зажигалок» проломили стеклянную крышу вокзального здания, окутав густым дымом проходы и подземные переходы, в которых укрывались тысячи беженцев. Они погибли от удушья прямо там, где

сидели. Казалось, что они задремали, прислонившись к стене. Но только от этого сна уже не было пробуждения.

Разведчики СС Гуго Эйхорна вошли в состав спешно созданных после первого авиапалета спасательных команд. Большую часть ночи они работали на периферии огненной бури. Когда Эйхорну и его людям удалось пробиться в подвальные убежища и погреба, они обнаруживали там жуткие картины:

«Много людей лежало в подвалах и погребах без каких бы то ни было внешних повреждений и признаков жизни. Просто их легкие были разорваны мощным взрывом. Другие убежища были залиты водой и полны утопленников. Выходы из многих убежищ завалены рухнувшими строениями, и оказавшиеся в них люди задохнулись. Меня поразило тот факт, что в каждом из убежищ, в которое нам удавалось пробиться, смерть уже успевала побывать прежде нас. А вокруг главного железнодорожного вокзала мы находили лишь изуродованные и обгоревшие трупы».

Когда последний из «ланкастеров», задействованных в операции «Прессинг», подлетел к Дрездену, пилоту сразу же стало ясно, что город обречен:

«По моей приблизительной оценке, море огня уже охватило более 60 кв. километров его площади. Жар, поднимавшийся от полыхавшего внизу гигантского костра, чувствовался даже в кабине моей машины. Небо было расцвечено бело-алыми сполохами, а в кабину пробивался свет, напоминавший осенний закат. От того ужаса, что мы увидели внизу, у нас перехватило дыхание, и мы долго кружили над городом, прежде чем повернуть на родной аэродром. Но даже через полчаса после того, как мы покинули Дрезден, отблески гигантского пожара все еще были видны».

В коммюнике министерства авиации, опубликованном сразу же после авианалета, сообщалось, что пожар был хорошо виден даже в 300 км от цели бомбардировок.

Ни один из германских ночных истребителей не поднялся навстречу бомбардировщикам. Во время повторного авианалета экипажи ночных истребителей, дислоцированных на аэродроме в Клотцше, в 7 км к югу от Дрездена, оставались беспомощными наблюдателями. Они сидели в кабинах готовых к вылету восемнадцати «мессершмитов» Me-110, но приказа подняться в воздух так и не получили. «Ланкастеры» волна за волной пролетали над их головами, а огни взлетной полосы то включались, то гасли, и вовсе не для того, чтобы истребители поднялись в воздух, а в ожидании прибытия транспортного самолета из Бреслау. Дрезденские телефонные линии были перерезаны, а командир аэродрома не мог поднять по тревоге штаб первого истребительного дивизиона в Доберитце посредством коротковолновой рации, эффективно заглушенной 100-й группой бомбардировочной авиации. Из 800 самолетов, бомбивших Дрезден, на аэродромы не вернулось всего лишь пять. Минимальные потери для самого глубокого проникновения бомбардировочной авиации на территорию Германии.

В Дрездене продолжало расти количество жертв. Во время первого авианалета одна из спасательных команд, пробившаяся через подвалы к зданию цирка «Саррасани», видела «группу наряженных лошадей, в страхе прижимавшихся друг к другу». То было их последнее представление. Арабские цирковые скакуны погибли во время второго налета. Позднее трупы этих лошадей оттащили к берегу Эльбы, где ими кормилась стая стервятников, прилетевших из дрезденского зоопарка.

Сам зоопарк очень сильно пострадал от бомбежки. Многие животные погибли и были искалечены.

Вышедшие из разбитых клеток быки, бизоны и косули бродили по городским улицам. Во время бомбардировки зрители отстреливали содержащихся в зоопарке хищников, так как они тоже могли вырваться на свободу.

В разгар второго авианалета молодой работник Красного Креста, дежуривший поблизости от зоопарка, потерял сознание, после того как его взрывной волной ударило головой о дерево. Очнувшись он после того, как почувствовал, что кто-то крепко к нему прижимается. Окончательно придя в себя, юноша увидел, что его обнимает еле слышно постанывающая большая обезьяна. От боли и потрясения молодой человек вторично лишился чувств. Когда он пришел в себя, обезьяна уже отпустила его и не подавала никаких признаков жизни.

Взошло солнце, высветив 5-километровый столб грязно-бурого дыма, висящий над Дрезденом. То была Пепельная Среда (день покаяния у католиков, первая среда перед Великим Постом), и по иронии судьбы дождь из пепла и сажи падал на город и его окрестности. Затем прогремела гроза, и начался сильнейший ливень, превративший разбросанные по земле обгоревшие трупы в черную слизь. Под гулкий рокот обваливающихся зданий спасательные отряды пробивались сквозь дымящиеся руины. Страшные картины открывались их глазам. Командир транспортной роты, расквартированной в Дрездене, описывает то, что увидели его люди и он на площади Линденау близ главного железнодорожного вокзала:

«В центре площади лежали старик и две мертвые лошади, а вокруг были разбросаны сотни совершенно голых трупов. Напротив трамвайной остановки был общественный туалет. У входа лежала женщина лет 30-ти, совершенно голая, лицом вниз на меховой шубе. Рядом валялись ее документы, из которых следовало, что она приехала сюда из Берлина. В нескольких мет-

рах от нее лежали два мальчика лет 8-10, сцепившиеся друг в друга. Они тоже были голые, а их окоченевшие в предсмертной судороге ноги были задраны вверх».

Ева Байер, потерявшая свою семью* и искавшая ее в районе зоопарка, вспоминает: «В одном месте я пнула ногой дерево, и когда оно покатилось, я вдруг поняла, что это человек. Мне стало так страшно, что я закричала». На площади Зайднитцер емкость с водой была окружена 250 неподвижно сидящими трупами.

Но на этом бедствия Дрездена не закончились. Днем 14 февраля его жители попали под новый авианалет 316 «Летающих крепостей» 8-й воздушной армии США. Бомбы, сброшенные на низкой высоте американскими «мустангами» из эскорта сопровождения, уничтожили огромное количество мирных дрезденцев, скопившихся на берегах Эльбы и в Гроссергартене, когда-то бывшем самым красивым парком в городе. Военнопленные из союзных армий, которых пригнали в Дрезден на разбор завалов, тоже попали под обстрел, как и прибывшие в город грузовики с помощью.

В ту ночь «ланкастеры» бомбардировочной авиации Великобритании совершили еще один боевой вылет. На сей раз удар пришелся по Хемницу, промышленному центру в 50 км к западу от Дрездена. 244 «ланкастера» 5-й авиагруппы атаковали нефтеперерабатывающий комплекс «Дойче Петролеум» в Розитце близ Лейпцига. Они пролетели в 80 км северо-западнее Дрездена, однако их экипажи все еще могли видеть на горизонте отблески гигантских пожаров. 15 февраля 200 самолетов В-17 вновь атаковали Дрезден. В то утро рухнул купол главного город-

---

* Еве Байер так и не удалось воссоединиться со своей семьей до августа 1945 г. В 1959 г. она переехала в Англию, вышла замуж за англичанина и поселилась в гемпширской деревне. Среди ее тамшних соседей был один летчик, принимавший участие в авианалете на Дрезден.

ского собора Франценкирхе. Здание было уничтожено после того, как загорелся хранившийся в его подвалах архив фильмов министерства авиации Германии.

Запах гари ощущался в Дрездене даже спустя несколько недель после катастрофы. Даже через месяц после огненной бури в некоторых подвалах старого города сохранялась столь высокая температура, что туда просто невозможно было войти. В течение нескольких дней после чудовищной бомбардировки никто не убирал валявшиеся на улицах трупы. Ганс Фойгт, учитель, назначенный главой «Абтайлунг Тоте» (отдел по усопшим), специально созданного учреждения для идентификации погибших, вспоминал:

«Я никогда не думал, что смерть настигнет такое огромное количество людей и притом совершенно поразному. Я и представить себе не мог, что мне придется все это увидеть: сгоревших, обожженных, разорванных на куски и раздавленных. Порой на погибших не было видно никаких существенных повреждений, и они казались мирно спящими, лица других искажала гримаса боли. Огненный смерч практически раздел их донага. Были здесь и несчастные беженцы с Востока, одетые в лохмотья, и люди, возвращавшиеся из оперы в дорогих вечерних туалетах. Некоторые жертвы превратились в бесформенную грязную жижу, иные же представляли собой кучу пепла, который затем ссыпали в цинковые ванны».

Брошенные на уборку трупов немецкие команды щедро снабжались сигаретами и крепкими горячительными напитками. Так, например, на одну команду выдавалось по 30 бутылок коньяка. Правда, эти льготы не распространялись на рабов рейха из советских республик и военнопленных союзных армий, которым, как правило, приходилось выполнять самую грязную работу. Так, в одном из подвалов, унич-

тоженном прямым попаданием бомбы, от 300 укрывавшихся в нем людей осталось кровавое месиво из костей, крови и плоти глубиной около метра. Отказывавшихся выполнять наиболее неприятные работы немецкие солдаты расстреливали на месте. Трупы их кидали в те же тележки, на которых развозили жертвы авианалета. Мародеров ожидала та же самая участь.

Целую неделю трупы на телегах вывозили из города к месту массовых захоронений в сосновом бору на северной окраине Дрездена.

Однако обычные методы избавления от трупов не поспевали за ежедневным обнаружением тысяч тел, засыпанных под развалинами. Чтобы предотвратить распространение эпидемий, в особенности тифа, власти Дрездена пошли на радикальные меры. Центр города был закрыт кордонами, а площадь Альтмарк превратилась в гигантский крематорий. Стальные решетки, позаимствованные в сгоревшем универмаге, устанавливались на блоках из песчаника, и таким образом создавались «жаровни» длиной до 20 м, на которых размещалось до 500 трупов.

Один из свидетелей этих массовых кремаций вспоминал: «Худые и старые загорались не сразу, в отличие от молодых и толстых». Пепел грузили в телеги и машины, а затем закапывали в большой яме на одном из дрезденских кладбищ. Тайно сделанные фотографии этих погребальных костров дошли до наших дней любопытным отголоском мрачного средневековья, когда на площади Альтмарк сжигали евреев.

Тысячи не поддающихся опознанию трупов разравнивались бульдозерами в массовых захоронениях. Попытки «Абтайлунг Тоте» идентифицировать всех погибших были просто несовместимы с масштабами трагедии. Для опознания это подразделение использовало ряд методов, самым жутким из которых было опознание по свадебным кольцам, которые откусы-

вали клещами вместе с пальцами. К концу войны «Абтайлунг Тоте» собрало 15000 колец, на многих из которых были выгравированы имена их владельцев и даты бракосочетания. Со временем было идентифицировано 40000 трупов, но общее количество погибших было куда больше. В Гамбурге во время бомбежки погибло как минимум 45000 человек. В наиболее пострадавших от авианалета районах Дрездена из 28410 зданий было полностью разрушено 24866, 400 тысяч горожан остались без крова. По оценке Ганса Фойгта, в Дрездене погибло 135 тысяч человек. С этими данными согласен английский историк Дэвид Ирвинг. Истинное количество погибших так никогда и не станет известно. Как гласит надпись на одном из главных дрезденских кладбищ: «Сколько много здесь лежит, никто не знает».

За уничтожением Дрездена последовала информационно-пропагандистская битва, в которой досталось союзникам. 15 февраля, сразу же после бомбардировок, министерство информации Великобритании из всех сил старалось преподнести эту операцию как обыкновенную боевую задачу, целью которой являлся разгром важного промышленного центра «размером с Шеффилд». К вечеру в новостях в сводках Би-Би-Си особо подчеркивалась «важность этого авианалета как помощи наступающей Советской Армии». 16 февраля, наконец, открылась правда, когда один весьма неосторожный коммодор заговорил об «авианалетах устрашения» и планах союзников «бомбить крупные города». Корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» ухватился за эту фразу и на следующий день объявил всему миру о том, что командование союзной авиации приняло «долгожданное решение начать устрашающие бомбардировки крупных городов Германии и тем самым ускорить падение режима Гитлера». В этом заявлении была лишь одна ошибка: столь безжалостные бомбардировки не являлись новой политикой командования союзной авиации, а применя-

лись еще с февраля 1942 г. Данное заявление затем довольно широко публиковалось в Америке, но в Великобритании оно сразу же подверглось цензуре. Однако это не помешало лорду Хоу-Хоу* сделать язвительный комментарий в передаче германского радио, прозвучавшей на следующий вечер:

«Штаб Эйзенхауэра теперь грубо отрицает очевидную для всех правду. Бомбардировка германских городов имела чисто террористические мотивы. Черчиллевские прихвостни и в газетах и на радио прославляют бомбардировки Берлина и Дрездена. Разного рода британские журналисты расписали убийство немецких беженцев как «первоклассную военную победу». Один комментатор на Би-Би-Си похвалялся, что теперь в Дрездене нет фарфора. Вероятно, то была шутка, но, простите, какого рода?»

Хорошо отлаженная геббельсовская пропагандистская машина рвалась в бой, присвоив генералу Спаатсу «Орден Труса» за бомбардировки «мирных беженцев». 23 марта было заявлено о том, что общее число погибших в Дрездене составило 250 тысяч человек: Макиавеллиевский метод завышения потерь, чтобы вдохновить германский народ на борьбу с «жестокими завоевателями».

Американцы предприняли третий дневной авианалет на Дрезден 2 марта 1945 г. На сей раз его целью стали товарные станции, которые практически не

---

* Лорд Хоу-Хоу, он же Уильямс Джойс, — бывший член Союза фашистов Великобритании. В начале войны предложил свои услуги немцам. Его радиопередачи на германском радио стали легендарными. В 1945 г. он был схвачен англичанами, осужден за измену и приговорен к смерти. Защищаясь, он апеллировал к тому, что является гражданином США. Он был рожден в Нью-Йорке от англичанки и ирландца. К несчастью для Джойса, у него был английский паспорт — этого вполне хватило для того, чтобы отправить его на виселицу.

пострадали. Однако бомбардировщикам удалось потопить стоявший на Эльбе госпитальный корабль, в котором было полным-полно несчастных, выживших в предыдущих авианалетах. 6 марта вопрос о судьбе Дрездена в Палате общин поднял депутат-лейборист от Ипсвича Ричард Стоукс. Он цитировал заявление агентства «Ассошиэйтед Пресс», а также передовицу газеты «Манчестер Гардиан» от 5 марта, в которой, в частности, говорилось:

«Десятки тысяч горожан Дрездена похоронены под его развалинами. Попытки идентифицировать погибших безуспешны. Так что же произошло вечером 15 февраля? В Дрездене находилось не менее миллиона человек, в том числе 600 тысяч беженцев с Востока. Во время пожаров, бушевавших на узких городских улочках, многие погибли от удушья».

Выступление Стоукса в Палате общин было воспринято в штыки, но стало началом критики ковровых бомбардировок. Стоукс считал, что «ничто не оправдывает подобные бомбардировки устрашения». Скандал достиг самого высокого уровня. 28 марта Черчилль собрал начальников штабов: «Мне кажется, что пришло время пересмотреть бомбардировки немецких городов. Разрушение Дрездена остается серьезным аргументом против дальнейшего проведения бомбардировок союзной авиацией». Это была хорошо просчитанная попытка Черчилля дистанцироваться от политики, проводимой министерством обороны Великобритании с 1942 г., и переложить вину на плечи командующих бомбардировочной авиацией. Она получила гневную реакцию Портала, вынудившую премьер-министра забрать свои слова обратно. 1 апреля по указанию У. Черчилля был опубликован обтекаемый меморандум, в котором уже ни слова не говорилось ни о бомбардировках устрашения, ни о Дрездене:

«Мне кажется, наступило время, когда вопрос так называемых ковровых бомбардировок германских городов необходимо пересмотреть с точки зрения наших собственных интересов. Если мы захватим абсолютно разрушенную территорию, нам негде будет расквартировать наши войска. К тому же мы не сможем отправлять стройматериалы из Германии для наших собственных нужд, поскольку они будут крайне необходимы самим немцам».

Но Гаррис оставался непреклонным. 29 марта он пишет Боттомли:

«Шумиху, что поднялась вокруг Дрездена, вам легко объяснит любой психиатр. Все это лирика, а в действительности Дрезден был центром производства боеприпасов, городом, где в целостности и сохранности пребывали все структуры управления гитлеровского режима, и ключевым транспортным узлом для Востока Германии. Теперь он таковым не является...

Бомбардировки городов недопустимы, если они стратегически не оправданы. Но в нашем случае они стратегически оправданы, поскольку приближают окончание войны и сохраняют жизни наших солдат. Так что, по моему мнению, мы не имеем никакого права от них отказываться. Лично я считаю, что все оставшиеся в Германии города не стоят костей и одного британского гренадера...»

Гаррис ошибался. Центр Дрездена действительно был полностью разрушен. Однако его военные заводы и товарные станции в основном остались в целостности и сохранности*. К тому же от бомбардировок не пострадал ни один из главных городских мостов. Но

---

* Сильно пострадал лишь оптический завод Цейсса, находившийся в 5 км от городского центра. Уже после войны Альберт Шпеер на допросе показал, что восстановление промышленности Дрездена прошло довольно быстро.

Гаррис не был единственным «злодеем», повинным в гибели Дрездена. Решение подвергнуть бомбардировкам Берлин, Лейпциг и Хемниц было принято Объединенным комитетом начальников штабов Америки, России и Британии* и полностью поддержано Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем. Гаррис лишь исполнял их приказ. Не был Гаррис и архитектором так называемого коврового бомбометания. Когда он стал командующим бомбардировочной авиацией, подобный метод уже широко использовался. Однако он как никто другой лучше всего подходил для его реализации. Лишь 16 апреля начальники штабов призвали остановить подобные бомбардировки.

К тому времени все уже осознали правоту опасений Черчилля по поводу того, что войскам союзников предстоит войти в совершенно разрушенную страну. За каждую тонну бомб, сброшенных люфтваффе на Великобританию, Германия получила по 315 тонн бомб союзников. Особенно массированные бомбардировки проводились уже тогда, когда всем стал очевиден неизбежный крах Германии. 75 % авиабомб 8-й воздушной армии США упало на Германию уже после высадки союзных войск в Нормандии, когда люфтваффе оказались загнанными в угол.

По мере приближения окончания войны бомбардировочная авиация союзников задействовала весь свой опыт, приобретенный с 1939 г. 14 марта большой железнодорожный виадук, соединявший Гамм с Ганновером, был уничтожен при помощи 14 специально модифицированных «ланкастеров» 617-й эскадрильи, использовавших особо мощную 10-тонную бомбу «Грэнд Слэм», разработанную Барнсом Уоллисом. Ровно через 10 дней, непосредственно перед тем как войска фельдмаршала Монтгомери начали

---

* Автор ошибается. Генштаб Советской Армии поддерживал отношения с Объединенным комитетом начальников штабов, но не входил в его состав. Решение о налетах на немецкие города англо-американцы принимали сами. — *Прим. ред.*

форсирование Рейна, 200 тяжелых бомбардировщиков сбросили 1092 тонны взрывчатки в тротиловом эквиваленте на места концентрации германских войск. 9 апреля военный корабль «Адмирал Шеер» был потоплен в Кильском порту. В ночь с 21 на 22 марта, в разгар последней ночи авиаудара по Берлину, 139 «москито» 8-й авиагруппы вылетели по направлению к германской столице. К тому времени потери среди этих типов самолетов составляли один на две тысячи вылетов. В последние 4 месяца войны бомбардировочная авиация союзников совершила 67487 боевых вылетов, потеряв при этом 608 самолетов.

Но в своей смертельной агонии люфтваффе все же удалось застать бомбардировщики противника врасплох. В ночь на 1 марта основными целями союзников стали завод по производству синтетического топлива в Камене и Дортмунд-Эмский канал в Ландберге. Когда основные силы бомбардировочной авиации союзников устремились на аэродромы базирования, более сотни германских ночных истребителей начали операцию «Гизелла», первое вторжение на аэродромы Англии с 1941 г. Две волны «юнкерсов» Ju-88 и «хейнкелей» He-219 атаковали аэродромы в Саффолке, Норфолке, Линкольншире и Йоркшире, а также самолеты, возвращавшиеся из Германии. В ту ночь в небе над Англией было немало самолетов из учебных подразделений, и они стали легкой добычей для германских истребителей. 27 английских машин были сбиты и 8 получили серьезные повреждения.

Операция «Гизелла» стала последним ударом люфтваффе по западу. Через две недели 17 марта сходную операцию провели 18 «юнкерсов» Ju-88, но на ту ночь не планировалось никаких массированных авианалетов, и немцам удалось сбить лишь один учебный самолет. То была последняя операция люфтваффе над Великобританией.

Глава 6

ЕЩЕ ОДНА РЕКА

«Немцы очень хорошие солдаты. Они способны очень быстро восстановить свои силы, если им это позволят. Любой риск оправдан. Я должен захватить плацдарм на противоположном берегу Рейна, прежде чем они придут в себя».

*Генерал сэр Бернард Монтгомери,
26 августа 1944 г.*

На востоке Советская Армия дошла до рубежа Одера. А с августа 1944 г. главной целью западных союзников стало форсирование Рейна, реки, исток которой находится в Швейцарии и которая течет на протяжении тысячи трехсот километров до места впадения в Северное море. Рейн был серьезной преградой: широкий, с быстрым течением, к тому же его берега представляли собой скалы и крутые холмы. Форсирование этой реки спровоцировало ожесточенные споры между генералами верховного главнокомандующего американского генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра.

К концу августа 1944 г. союзники прорвались с Нормандского плацдарма, захваченного 6 июня, и уже находились на рубеже Сены близ Тройе, в 150 км от Парижа. Париж был освобожден 25 августа, а через 4 дня последние немецкие солдаты перешли на противоположный берег Сены, оставив за собою в Нормандии 2200 подбитых и брошенных танков. Около 210 тысяч немцев было взято в плен. Потери вермахта в битве за Нормандию составили 240 тысяч человек убитыми и ранеными. За три месяца боев в Нормандии германская армия потеряла вдвое больше солдат, чем под Сталинградом. 20 августа 50 тысяч немецких солдат оказались окруженными в Фалезском котле. С севера по ним ударила 1-я канадская армия генерал-лейтенанта Генри Крерара, а с юга — 3-я армия США генерала Джорджа Паттона.

Через два дня после того, как «клеши» союзников сомкнулись, Эйзенхауэр объехал поле битвы, наблюдая сцены, достойные пера Данте: «можно было идти сотни метров исключительно по мертвой и разлагающейся человеческой плоти». Экипажи союзной авиации, пролетавшие на низкой высоте над местом бойни, затыкали носы. Настолько сильной была вонь от разлагавшихся на летней жаре трупов.

Одной из жертв Фалезской битвы стал фельдмаршал Гюнтер фон Клюге, сменивший фельдмаршала фон Рундштедта на посту главнокомандующего германскими войсками на Западном фронте в июле 1944 г. 15 августа, когда Клюге был на передовой в районе Авранша, его рация вышла из строя, и в течение нескольких часов он не мог связаться со своим штабом. В Растенбурге, где Клюге был не на лучшем счету, поскольку подозревался в участии в заговоре против фюрера, закончившемся неудачной попыткой покушения на Гитлера в июле 1944 г., решили, что он пытается выйти на связь с противником. 17 августа Клюге был смещен с занимаемого

поста, одновременно получив «страшный» приказ незамедлительно возвращаться в Германию. В итоге фельдмаршал предпочел покончить жизнь самоубийством.

Теперь прорыв германского фронта вскрыл фундаментальные разногласия в отношении дальнейшей стратегии внутри союзного лагеря. Четыре союзных армии соперничали между собой: 1-я канадская и 2-я Британская, составлявшие 21-ю группу армий под командованием генерала сэра Бернарда Монтгомери; 1-я и 3-я армии США, составившие новую, 12-ю группу армий под командованием генерала Омара Брэдли. Эйзенхауэр, 1 сентября принявший от Монтгомери командование сухопутными войсками (в качестве утешительного приза Монтгомери достался фельдмаршальский жезл), настаивал на широком наступлении вглубь Германии по всем фронтам. Это позволило бы 3-й армии Паттона продолжить наступление на Саар на правом фланге, а 21-я группа армий Монтгомери в этом случае захватила бы важные пути снабжения и комплексы пусковых установок для Фау-1 и Фау-2 на левом фланге. Но Монтгомери и Паттон на этот счет имели свои идеи.

Когда германский фронт рухнул, молниеносно наступавший Паттон преследовал противника до Меза, который ему удалось преодолеть в районе Вердена и Комерси в конце августа, захватив два моста через эту реку до того, как немцы успели их взорвать. Паттон считал, что теперь он не только способен уничтожить командную структуру дезорганизованной армии, которую преследует, но и форсировать Рейн. 21 августа он записал в своем дневнике:

«Сейчас нам представился величайший шанс выиграть войну. Если мне позволят продолжить наступление силами трех корпусов, то через 10 дней мы будем в Германии. Тут много автомобильных и железных дорог, что способствует проведению подобной операции.

Ее можно осуществить силами трех бронетанковых и шести пехотных дивизий. Это так очевидно, но боюсь, что штабные крысы этого не видят».

Паттон настаивал на том, чтобы форсировать Рейн в районе Вормса: «Чем быстрее мы это сделаем, тем меньшее количество солдат и боеприпасов нам понадобится. Но, к сожалению, никто, кроме меня, не понимает, что в данном случае «промедление смерти подобно». Хотя Паттон об этом и не знал, но высшее германское командование разделяло его точку зрения. 4 сентября Гитлер восстановил Рундштедта в должности главнокомандующего германскими войсками на Западном фронте. Его новый начальник штаба генерал Зигфрид Вестфаль докладывал:

«Общая ситуация на Западе крайне серьезная. На всем протяжении фронта мы потерпели тяжелое поражение. Кругом одни бреши, и больше уже нельзя называть это фронтом. Близится катастрофа, если враг мастерски воспользуется представившейся ему возможностью. Особенно плохо то, что ни один из мостов через Рейн не был подготовлен для подрыва. Эту ошибку придется исправлять в течение нескольких недель. До середины октября враг может совершить прорыв на любом участке, форсировать Рейн и проникнуть вглубь территории Германии, практически не встречая сопротивления».

7 сентября по всей линии фронта западная группировка германских армий не могла наскрести и сотни исправных танков. К югу от Арденн 2-я танковая дивизия располагала всего лишь тремя танками. В противоположность этому Эйзенхауэр имел в своем распоряжении около 6000 средних и легких танков. При этом их количество ежедневно увеличивалось. К началу сентября из 48 германских дивизий на Западе лишь 13 были пригодны для проведения

наступательных операций, 9 переукомплектовывались, 12 были оснащены лишь частично, а 14 были небоеспособны. Вдоль 600 км фронта реальная сила немцев составляла не более 25 дивизий. «Люфтваффе Коммандо Вест», наследница 3-го Воздушного флота, сражавшегося в битве за Британию, располагала всего лишь 570 самолетами. Авиационная мощь союзников в Великобритании и Франции теперь составляла 14000 самолетов, 9000 из которых были американскими.

На северном фланге наступления союзных армий старый соперник Паттона Монтгомери также внимательно присматривался к Рейну. Внешне эти два человека были полной противоположностью. Монтгомери изыскан, культурен и шупл. Говорить метафорами было отнюдь не в стиле Паттона, являвшегося воплощением американской агрессии. Поигрывая кольтом 45-го калибра, он был твердо уверен в том, что «если схватить врага за нос, самое время ударить его в пах». Оба они были инстинктивными шоуменами: револьвер Паттона соответствовал демонстрируемым многочисленным наградам Монтгомери. В подчиненных эти люди вселяли смешанные чувства, зачастую отрицательные. Эти люди были взрывоопасны.

3 сентября англичане освободили Брюссель, а на следующий день вошли в Антверпен. К середине сентября вся Бельгия и Люксембург, а также небольшой отрезок Голландии оказались в руках союзников. 11 сентября германская граница была пересечена близ Аахена передовыми частями 1-й армии США генерала Кортни Ходжеса. В тот же день авангард франко-американских сил, высадившихся в Провансе за месяц до этого, встретился с армией Паттона близ Дижона. К концу второй недели сентября в Северной Европе уже существовал непрерывный фронт, протянувшийся от берегов реки Шельдты в Бельгии до Рейна близ швейцарской границы.

Подобно Паттону, Монтгомери считал, что более четко определенная стратегия и система снабжения наступающих частей приведут к падению Вестфалии, укрепленной германской оборонительной линии (общеизвестной как линия Зигфрида), проходившей вдоль голландской и французской границ от Мюнхен — Гладбаха до швейцарской границы близ Фрайбурга. Монтгомери, отныне командовавший 1-й британской и 1-й канадской армиями, но все еще являвшийся одним из самых высокопоставленных генералов, сражавшихся в северо-западной Европе, считал, что подобная диспозиция исключительно выгодна. Он утверждал, что для быстрого разгрома врага необходимо остановить наступление союзников на правом фланге и сконцентрировать все усилия на единственном ударе через Бельгию в Рур, а оттуда на Берлин.

Неблагодарной задачей Эйзенхауэра стало сбалансировать столь неумных подчиненных в рамках общих политических ограничений коалиционной войны. Начальник штаба американской армии, Эйзенхауэр, протее генерала Джорджа Маршалла, не был боевым генералом. Данный факт всегда раздражал воинственного боевого Монтгомери, утверждавшего, что «если мы хотим побыстрее закончить эту войну, мы не должны позволять Эйзенхауэру вмешиваться в боевые действия. Прискорбно, но, по моему мнению, он просто не знает, что делает». В противоположность Монтгомери таланты Эйзенхауэра были исключительно дипломатическими. Он умел сплотить совершенно разных людей, ярких индивидуальностей, зачастую конфликтующих. Личность Эйзенхауэра была потрясающе светлой и кроткой. Под старость, будучи президентом США, он добился почти «папского» непререкаемого авторитета. Однако он мог быть безжалостным с теми, кого считал некомпетентными. В отношении Монтгомери он проявлял величайшее терпение, хотя, по большому счету, два

этих человека разговаривали на совершенно разных языках и были слепы к взаимным достоинствам и недостаткам. После войны Эйзенхауэр утверждал, что Монтгомери хотел наступать на Берлин изящным карандашным ударом. Вообще-то подобное было не в стиле Монтгомери. Новоиспеченный фельдмаршал планировал массированное наступление силами 40 дивизий, в некоторых отношениях напомилавшее обратную версию плана Шлиффена образца 1914 г. По политическим соображениям Монтгомери не давали абсолютной власти над американскими подчиненными Эйзенхауэра (к апрелю 1945 г. в Европе было 55 американских дивизий, 13 английских и канадских, плюс 9 оснащенных американцами и одна англичанами). В августе-сентябре 1944 г. верховного главнокомандующего беспокоили проблемы со снабжением передовых частей, вызванные очень быстрым продвижением союзников. Паттон намного обгонял в своем наступлении все разработанные стратегами планы. Союзники уже находились там, где при разработке плана вторжения предполагалось находиться лишь к маю 1945 г. Снабжение отныне стало решающим фактором, диктовавшим решения Эйзенхауэра по расстановке своих сил. Воздушная кампания союзников по подготовке к высадке в Нормандии практически уничтожила систему железных дорог Франции, так что, когда союзники провались с Нормандского плацдарма, поддержка их наступления могла осуществляться лишь грузовиками по автомобильным дорогам. Этого явно не хватало, поскольку каждой дивизии ежедневно требовалось около 700 тонн всевозможных припасов. Как позднее заметил Эйзенхауэр: «Жизненно важная кровь снабжения почти не поступала к передовым частям».

В итоге проиграл Паттон. Когда до Рейна оставалось всего лишь 120 км, 3-я армия стала испытывать перебои с горючим, Эйзенхауэр перекрыл ей топливный кран. Нехватка горючего усугублялась

путаницей в приказах и планах. Так, например, запланированный воздушный десант в Бельгию так никогда и не был осуществлен. Результатом этого стал недельный перебой со снабжением с воздуха и потеря 1,5 млн. тонн горючего. Всего этого вполне бы хватило для того, чтобы все союзные армии дошли до Рейна. Это, возможно, и не имело бы никакого значения, захвати союзники все порты побережья. Но по личному приказу Гитлера германская группа армий «Б» оставила свои гарнизоны, оборонявшие Гавр, Булонь, Кале, Дюнкерк, а также устье реки Шельдты. Гавр удалось захватить 12 сентября, Кале в конце того же месяца, но Дюнкерк удерживался немцами до самого конца войны, а оборонительные сооружения в устье Шельдты находились в их руках даже в начале ноября.

30-й корпус британского генерал-лейтенанта сэра Брайана Хоррокса захватил порт Антверпена со всеми его сооружениями в целостности и сохранности, но Монтгомери, сконцентрировав все внимание на лежащем к востоку Рейне, не смог пробиться на север через канал Альберта, чтобы очистить от противника северный берег устья Шельдты. Это и позволило германской 15-й армии, окруженной на южном берегу, отойти к Вальхерену и Бевеланду на северном берегу, оставив за собою плацдарм. В блестящей спонтанной операции, проведенной с 4 по 23 сентября, немцы переправили 86000 солдат, 616 артиллерийских орудий и 6200 единиц техники и такое же количество лошадей через устье на позиции, которые уже не позволяли союзникам воспользоваться Антверпенским портом, а также создавали угрозу для левого фланга Монтгомери в тот момент, когда он готовился к наступлению на Рейн. Хоррокс позднее писал:

«Пауза Монтгомери была настоящей трагедией, поскольку теперь нам известно, что 4 сентября наш

путь на север закрывала всего лишь одна 719-я немецкая дивизия, состоявшая из одних стариков, охранявших северное побережье Голландии и прежде не слышавших ни одного выстрела. Эти неподготовленные для ведения боевых действий войска были растянуты на 80 км фронта вдоль канала Альберт».

Для кораблей союзников Антверпен оставался закрытым вплоть до 29 ноября. К 4 сентября Монгомери подготовил план, который, по его мнению, должен был стать решающим аргументом в пользу его стратегии, — операцию «Маркет Гарден»*.

В ходе этой операции три дивизии союзной 1-й воздушно-десантной армии должны были захватить мосты на дороге Эйндховен — Арнем, создав 100-километровый коридор, вдоль которого должна была наступать 2-я британская армия, чтобы обойти Западный вал. Все это являлось предварительным этапом полномасштабного наступления на Берлин.

Эйзенхауэр дал добро на проведение операции «Маркет Гарден» после довольно бурного совещания в Брюсселе, состоявшегося 10 сентября. На нем Монгомери был вынужден извиниться за требование для себя абсолютного приоритета, даже если это остановит наступление южных армий. Решения, принятые Эйзенхауэром (задействование 1-й воздушно-десантной армии, приоритет по топливу и командование 1-й армией США на правом фланге англичан), лишь укрепили убежденность Монгомери в том, что верховный главнокомандующий выбрал северный путь наступления на Германию. Он так и не смирился с передачей командования сухопутными войсками Эйзенхауэру. Настаивая на первостепенности северного направления наступления, он пытался восстановить свою власть другими средствами.

---

* «Маркет» является воздушной фазой операции (десантирование), «Гарден» — наземной. На пути наступления необходимо было захватить мосты через канал Вильгельмина, канал Виллемса, реку Маас, реку Вааль и Нижний Рейн в районе Арнема.

Командующий 1-й армией США Брэдли был крайне враждебно настроен к амбициям Монтгомери. По поводу взаимоотношений Эйзенхауэра и Монтгомери Брэдли язвительно заметил: «Сила личности Монти, похоже, гипнотизировала Айка и путала его мысли. Я думаю, что в этом случае Аик пошел навстречу просьбам Монти для того, чтобы потешить свое тщеславие и сохранить мир в большой семье».

Но в этой «семье» зачастую не понимали друг друга. Эйзенхауэр рассматривал данный Монтгомери приоритет в качестве временной меры, отвечающей стратегической необходимости и политическому давлению. «Маркет Гарден» — операция исключительно на данный случай, в ходе которой планировалось нанести удар по уязвимому участку фронта противника и наконец-таки использовать по назначению 1-ю воздушно-десантную армию. Монтгомери был не способен или не хотел понять, что «Маркет Гарден» — всего лишь карта из колоды, которую постоянно тасует Эйзенхауэр в пользу своей стратегии «широкого фронта», а вовсе не увертюра к триумфальному входу англичан в Берлин. Успокаивающий тон Эйзенхауэра лишь усложнял проблему.

В ярости Паттон записал в своем дневнике: «К черту Монти! Я должен заняться собственными операциями так, чтобы уже никто не смог меня остановить!» И тогда Эйзенхауэр передумал. Он получил донесение разведки о том, что в районе Арнема находятся две германские бронетанковые дивизии (9-я и 10-я дивизии 2-го танкового корпуса СС). Эйзенхауэр сказал начальнику штаба генералу Уолтеру Биделлу Смиту: «Я не могу приказывать Монти, как именно ему распорядиться своими войсками. Вы должны немедленно вылететь к 21-й группе армий и переубедить Монти. Я не могу приказывать Монти свернуть операцию «Маркет Гарден», так как уже дал ему «зеленый свет». Смит поспешил выполнить приказ. Монтгомери посмеялся над его опасениями, а

Эйзенхауэр не сделал более ничего такого, что могло бы остановить операцию. В итоге операция «Маркет Гарден» началась 17 сентября.

Первая часть плана Монтгомери была успешно реализована. 101-я воздушно-десантная дивизия США, десантировавшаяся между Вегелем и Эйндховеном, захватила два южных моста, а 30-й корпус перешел в наступление и соединился с 82-й воздушно-десантной дивизией США. Но вот под Арнемом, самой северной целью операции, 1-я британская воздушно-десантная дивизия попала в беду. Десантировавшаяся в 12 км от Арнема, поскольку англичане совершенно необоснованно считали, что вокруг этого города имеется мощная противовоздушная оборона, эта дивизия была заблокирована германскими бронетанковыми формированиями, на присутствие которых в данном районе наступавшие никак не рассчитывали. Эти дивизии находились на переформировании после разгрома в Нормандии. Они имели в своем распоряжении танковую роту да горстку бронетранспортеров и полугусеничных машин, но каждый их снаряд наносил ощутимые потери 1-й воздушно-десантной дивизии. Из двух мостов у Арнема один был взорван немцами, как только англичане приблизились к городу. Лишь одному батальону удалось добраться до другого автомобильного моста. Рядовой Джеймс Симс описал бой, который разгорелся за этот мост 19 сентября:

«Немцы отступили на небольшое расстояние и стали обстреливать наши позиции из минометов и артиллерийских орудий. Противник также использовал мощные самоходные установки, против которых мы были бессильны. Дома, в которых закрепились наши парашютисты, запылали. Пожары было нечем тушить. Десантники продолжали отстреливаться из горящих зданий, у которых уже обвалилась крыша. Они спускались с этажа на этаж, пока не оказывались в

подвале. Лишь после того, как туда проникал огонь, они покидали здание и перебирались в другое. С каждым часом кольцо вокруг нас сжималось все теснее. Число потерь катастрофически росло. Пища и вода закончились, но хуже всего, что на исходе были боеприпасы».

Остатки 1-й воздушно-десантной дивизии были вынуждены отойти на плацдарм близ Остербека и ждать подмоги. Два моста у Неймегена были взяты 20 сентября силами 82-й воздушно-десантной дивизии и 30-го корпуса. Но когда эти подразделения попытались пробиться к Арнему вдоль единственной дороги, окруженной залитыми водой полями, они попали под ожесточенный перекрестный артиллерийский обстрел. Генерал Хоррокс, командовавший 82-й воздушно-десантной дивизией, сказал генерал-майору Джеймсу Гэвину: «Джим, никогда не пытайся пробиваться силами целого корпуса по одной-единственной дороге».

Гэвин вспоминал:

«Когда генерал Хоррокс попытался вывести колонну техники на эту единственную дорогу, он сразу же оказался под постоянным обстрелом. Мы не знали, что противостоявший нам германский генерал Штудент располагал подробнейшим планом нашей операции уже через час после высадки нашего десанта. План был обнаружен противником в одном из наших разбитых планеров. В этом плане было указано, по каким дорогам мы пойдём и какие боевые задачи поставлены перед каждым подразделением. Немецкий генерал тут же провел ряд успешных контратак и перерезал дорогу в нескольких местах. Так что, кроме проблем со снабжением, Хорроксу теперь пришлось вести боевые действия на узкой дороге, протянувшейся от Бельгии до Неймегена, причем инициатива теперь была на стороне немцев».

Погода испортилась. На поддержку и снабжение с воздуха рассчитывать не приходилось. Польская парашютная бригада была уничтожена в попытке прорвать кольцо окружения. 24 сентября англичанам было приказано отступить. Некоторые переправлялись через Рейн на самодельных лодках, иные же добирались до южного берега вплавь или же на плавсредствах 30-го корпуса. Двум тысячам солдат удалось бежать, около 1000 погибли и 6000 попало в плен. 1-я воздушно-десантная дивизия перестала существовать.

Через много лет капитан польской парашютной бригады Ян Лорис вспоминал:

«Много лет нас преследовало чувство вины, потому что мы не смогли разбить немцев. Поначалу нас распирало от гордости. Весь западный фронт стремительно наступал. Но совершенно внезапно немцы нас остановили... Мы сделали все, что могли. Это была первая операция нашей бригады, первое ее боевое крещение. Мы долго удерживали южный берег реки, что позволило остаткам 1-й воздушно-десантной дивизии эвакуироваться с северного берега. Жаль, что мы тогда не победили, но мы все равно гордимся».

Даже после того как операция «Маркет Гарден» провалилась, Монтгомери в разговорах с Эйзенхауэром тщательно скрывал правду. Лишь 8 октября доклад о положении на фронте от 21-й группы армий не оставил и малейших сомнений у верховного главнокомандующего по поводу того, что никакой возможности прорыва уже нет. Эйзенхауэру представилась краткая возможность быстро завершить войну, но операция «Маркет Гарден» создала лишь стратегически невыгодный «клин». Более того, проблема устья Шельдты так и осталась нерешенной. Без Антверпенского порта любое возобновление наступления на Рейн как на узком, так и на широком участке

фронта было бы просто невозможно. Эйзенхауэр, убедивший себя в том, что одновременное осуществление операции «Маркет Гарден» и очистка Шельды от вражеских войск по плечу 21-й группе армий, был вне себя от ярости.

Монтгомери отказался очистить берега Шельды, поэтому Биделлу Смиту пришлось пригрозить ему прекращением снабжения. Брескенский «котел» на южном берегу реки был уничтожен лишь к 21 октября. Береговые батареи на северном берегу удалось подавить лишь к 8 ноября, тогда же были уничтожены последние очаги сопротивления посредством десанта союзников, преодолевших водную преграду Вальхерена.

Медлительность союзных войск дала немцам жизненно важную передышку. Перед лицом неминуемого разгрома германская армия проявила потрясающую способность оправиться от удара и перегруппироваться. 135-тысячная армия из курсантов, связистов и выписанных из госпиталей раненых была брошена на укрепление Западного вала, большая часть оборонительных сооружений которого была демонтирована в 1943 г. для укрепления Атлантического вала. Рейхсмаршал Геринг проснулся от «летаргического сна» и каким-то образом нашел шесть парашютных полков и еще 10000 бойцов из рядов люфтваффе, оставшихся без боевой техники. Из них была создана новая 1-я воздушно-десантная армия под командованием генерала Штудента. Она была спешно брошена на линию канала Альберта. Подобное немецкое оборонительное укрепление было и на участке Паттона, где 1-я армия под командованием закаленного в боях ветерана Восточного фронта генерала Отто фон Кнобельсдорфа прошла довольно быструю трансформацию. В конце августа один из ее корпусных командиров подсчитал, что в 1-й армии теперь не более 9 батальонов пехоты, 2 артиллерийских батальонов и 10 танковых. К середине сентября эта армия была усилена за счет прибывших из

Италии 3-й и 15-й моторизованных дивизий. К ним присоединились две дивизии фольксгренадеров и несколько батальонов жандармерии. Но генерал-майора Ф. В. фон Меллентина, прибывшего с Восточного фронта 20 сентября, чтобы принять пост начальника штаба группы армий «Г»*, беспокоила слабость армий на Западном фронте:

«Те, кто прибыл с Русского фронта, где германские формирования были еще вполне боеспособны, поражались плачевному состоянию наших западных армий. Материальные потери были просто колоссальны. 19-я армия, имевшая на вооружении 1480 орудий, потеряла 1316 при отступлении из южной Франции. Войска под нашим командованием потрясали своей разношерстностью. У нас были люди из люфтваффе, полицейские, старики и мальчики, спецподразделения из солдат, страдавших нарушениями слуха и желудочными заболеваниями. Даже хорошо оснащенные подразделения из Германии были не обучены и попадали на фронт прямо с полигона. Есть танковые бригады, которые никогда не принимали участия не то что в боях, но даже в учениях. Этим можно объяснить наши огромные потери в танках».

Осенняя кампания 1944 г. была отмечена отвратительной погодой. Большого количества дождей не могли припомнить даже старожилы. Земля превратилась в непроходимое болото. Открытые равнины северной Франции и Бельгии остались за спиной союзников, которые теперь столкнулись со сложным рельефом местности. Густые леса переходили в кру-

---

* Группа армий «Г», противостоящая 3-й армии США, с 20 сентября находившаяся под командованием генерала Германна Балка, состояла из 1-й армии в районе Мец—Шато—Салин, 5-й танковой армии под командованием генерала Хассо фон Мантойфеля, прикрывавшей северные Вогезы между Луневилем и Эпиналем, и 19-й армии под командованием генерала Визе, прикрывавшей южные Вогезы и Бельфоррский горный проход.

тые возвышенности. Потери союзников росли с каждым днем не столько от вражеских пуль и снарядов, сколько от рожистых воспалений, простуды и физического истощения.

На американском фронте южнее 21-й группы армий, на пути 12-й группы армий Брэдли, находился Западный вал. Изначально он был задуман германской армией как цепь земляных редутов напротив французской линии Мажино. Эти сооружения должны были задержать наступление противника, а вовсе не оказать ему мощное сопротивление. В 1938 г. Гитлер приказал создать здесь ряд постоянных укреплений, но к 1944 г. из них мало что было построено*.

До вторжения союзников в Нормандию самым примечательным оборонительным сооружением Западного вала был довольно широкий пояс бетонных «зубов дракона» — противотанковых надолбов, окруженных дотами. Когда союзники подошли к германской границе, как выразился Монтомгери, «немцы порядочно понакопали», укрепив Западный вал глубоко эшелонированной системой окопов, прикрытых минными полями и колючей проволокой.

Эти постоянные оборонительные сооружения были основой довольно сложного оборонительного пояса, проходившего по деревням, фермам и лесам. Внутри этого пояса мастерски позиционированные и защищенные пулеметы, минометы и артиллерийские орудия были нацелены на ключевые подходы и развилки дорог. В наиболее выгодных позициях устанавливались 88-мм орудия, а также вкопанные в землю тяжелые танки PzVI «Тигр».

Когда Монтомгери сосредоточился на очистке от противника берегов Шельдты, Эйзенхауэр вернулся к своей стратегии «широкого фронта». Перед Брэдли

* Мы можем видеть эти сооружения в нацистских пропагандистских фильмах 1938–1939 гг. Но на самом деле немцы снимали чешские оборонительные сооружения на восточной границе Германии, захваченные вермахтом в 1938 г.

были поставлены две боевые задачи: 1-я армия США должна была очистить район вокруг древнего города Ахена, а 3-я армия США должна была наступать на промышленный район Саар, а затем двигаться к Рейну. На южном фланге линии фронта только что созданная 6-я группа армий США под командованием генерала Джекоба Деверса должна была наступать через Вогезы в направлении Страсбурга.

Именно в Ахене Карл Великий был коронован императором священной Римской Империи в 800 г. и здесь же он был похоронен. Город был защищен двумя мощными оборонительными линиями: шедшей вдоль границы Шарнхорстской и более укрепленной Шелльской, прикрывавшей «Штольбергский коридор», по которому генерал-майор Лоутон Коллинз, командовавший VII корпусом 1-й армии, намеревался прорваться в рейх. Ахен мог пасть без единого выстрела. Местное руководство нацистской партии приказало эвакуировать из города все гражданское население, а военным оборонять Ахен «до последнего патрона и солдата». Тем не менее нацистские вожди тотчас же предпочли благоразумно перебраться из Ахена в безопасный Юлих.

Оставшийся в этом районе самый старший по званию германский офицер генерал граф фон Шверин, командовавший 116-й танковой дивизией, планировал дать сражение севернее Ахена, и потому город оставался без защиты. Когда артиллерия 1-й дивизии США уже обстреливала городские окраины, Шверин спешно написал записку на английском, которую должны были передать первому американскому офицеру, вошедшему в Ахен: «Я остановил эвакуацию города. Я в ответе за судьбу его жителей. Прошу вас в случае оккупации вашими войсками Ахена отнестись к несчастным горожанам по-человечески. Я последний из офицеров германского командования в Ахене».

Записка эта была обнаружена нацистами. Шверину чудом удалось избежать пыток с пристрастием

и казни в застенках гестапо*, а Ахен не сдавался американцам вплоть до 21 октября и был взят лишь после трех недель ожесточенных уличных боев, превративших город в развалины. Это первый немецкий город, захваченный союзниками. Генерал Кларенс Хюбнер, командующий 1-й дивизией США, присутствовал на богослужении в главном городском соборе. Эйзенхауэр тоже почтил Ахен визитом, но поскользнулся и упал в грязь как раз в тот момент, когда собирался обратиться к солдатам с речью. Корреспондент Би-Би-Си Роберт Рай так описывал интерьер собора Карла Великого:

«Довольно необычно и странно было слоняться по этой исторической достопримечательности. Каким-то образом сюда забрались куры, американские солдаты подкармливали их крошками сыра и хлеба. Я прежде не видел подобных городов. Но все же это Германия. После обеда я увидел, как по разрушенным улицам ведут понурых, безмолвных, с нездоровыми лицами немецких военнопленных. Может быть, в их глазах падение Ахена означало крах всей гитлеровской Германии».

После того как Ахен был взят, 1-я армия США двинулась на северо-восток по Штольбергскому коридору, узкой полоске открытой равнины, ограниченной слева промышленными окраинами, а справа дремучим Гюртгенским лесом, изрезанным глубокими оврагами и напичканным дотами и минами. Именно здесь в течение последующих трех месяцев сгинут пять американских пехотных дивизий.

Ходжес планировал закрепить правое крыло 1-й армии на высотах в районе Шмидта на юго-восточной окраине леса. На этом плато находилось семь дамб, контролирующих уровень воды в реке Рур,

---

* Рундштедт спас Шверина, срочно отправив его в Италию, где последний командовал корпусом.

протекавшей по фронту 1-й армии, а затем впадающей в Маас. Возвышалась над этим стратегическим комплексом дамба Швамменауэль, гигантское сооружение из земли и бетона высотой 170 м, 800 м шириной у основания, с автомобильной дорогой шириной 36 м, проходившей по ее вершине. Американские стратеги не придали никакого значения этим дамбам, шлюзы которых в случае открытия затопили бы всю долину Рейна. Не догадывались американцы и о том, что столь важные сооружения должны иметь мощную оборону. Гюртгенский лес довольно мило смотрелся на штабных офицерских картах, но в реальности оказался настоящим адом для сражавшихся в нем солдат.

В конце сентября Ходжес бросил в бой опытную 9-ю пехотную дивизию, сражавшуюся с февраля 1943 г. Именно тогда ее артиллерия помогла остановить танки Роммеля, после того как они прорвались через Кассеринский горный проход в Тунисе. Местность, на которой сражались бойцы 9-й пехотной, очень напоминала Аргоннский лес между Шампанью и Лотарингией, где сам Ходжес воевал еще в 1918 г. Крутые, с коварными ущельями, густо поросшие соснами горы, с которых в узкие долины стекали быстрые ручьи, поднимались на высоту 900 м. Эта местность идеально подходила для долговременной обороны. Все просеки и поляны в лесу были усеяны дотами и бетонными бункерами, с которых простреливалась практически вся окружающая местность. Бетонные надолбы мешали проходу танков, повсюду были установлены мины. Самыми страшными были противопехотные мины, которые просто невозможно было обнаружить миноискателем. Размером они были не больше баночки для гуталина, но если кто наступал на такую мину, мощности взрыва вполне хватало, чтобы оторвать человеку ступню. Американские солдаты в шутку прозвали ее кастратором.

«Попрыгунья Бетти» подпрыгивала на высоту пояса и взрывалась, выбрасывая массу металлических шариков.

Один из солдат, оставшихся в живых после Гюртенских боев, вспоминал: «Мы называли эту мину «50/50». Название это происходило от шансов того, кто на нее наступал. Если ты наступил на нее правой ногой, заряд взлетал справа от тебя, а вот если левой, то тебе пришлось бы закончить жизнь поющим тенором».

Через две недели боев 9-й дивизии удалось углубиться в лес на два с половиной километра, что досталось слишком дорогой ценой: 4500 человек было убито, ранено или пропали без вести. Им на смену пришли совершенно необученные солдаты 28-й пехотной дивизии, глазам которых предстал жуткий пейзаж: реки желтой грязи, забитые остатками недавно прошедших боев, распухшие трупы, пустые котелки и ящики из-под снарядов, пулеметные ленты и вырытые из земли мины. Окопы здесь не спасали. Их необходимо было накрывать бревнами и дерном. Находившихся внизу бойцов поливал дождь острых, как бритва, раскаленных осколков. Здесь уже бессмысленно было залегать, так как это сулило неминуемую гибель. Чтобы спастись, необходимо было укрыться, прижавшись к толстому стволу дерева и молиться.

После двух недель боев 28-я дивизия потеряла половину своего состава. Люди умирали от переохлаждения в залитых водой окопах. Боевой дух падал, поскольку наступление измерялось буквально метрами. Танки по грязи не шли, о нормальной эвакуации раненых не могло быть и речи. Атака 28-й дивизии на Шмидт стоила самых больших потерь для американской армии. Один лишь 112-й пехотный полк потерял 2093 человека из 3000. Общие потери составили 6184 человека, то есть 50% состава дивизии.

В ноябре 1-я, 4-я и 8-я пехотные дивизии вошли в лес при поддержке танков. Подобно генералам времен Первой мировой, Ходжес продолжал отправлять солдат на верную смерть в напрасной надежде, что очередной удар поможет совершить прорыв германского фронта.

Один из бойцов 22-го пехотного полка 4-й дивизии рассказывал корреспонденту: «Там невозможно ничего разглядеть. Не видно, откуда стреляют. Артиллерия срезает деревья, словно коса траву. Пробираться вперед по этим завалам довольно трудно. Ужасно холодно и мокро, с неба продолжает падать месиво из мокрого снега и дождя. Затем мы снова идем в атаку, после которой в живых остается лишь горстка солдат».

Первой пехотной дивизии было приказано отойти из леса после того, как она потеряла там 4000 человек*. Тыловые реабилитационные центры были забиты солдатами, страдавшими нервными расстройствами, известными как «боевая усталость». Капеллан армии США вспоминал:

«Было время завтрака, и подали горячий кофе. Вдруг в небе над нами появился самолет-разведчик. Один солдат вылил кофе себе на голову. Другой вывернул себе на ноги завтрак. Третий пытался укрыться в отхожем месте, и его пришлось силой удерживать от этого безумного поступка... Конечно же, госпиталя с ампутантами ужасны, но больницы с обезумевшими солдатами куда страшнее».

Интенсивные боевые действия в Гюртгене породили странную смесь варварства и терпимости. Один солдат из 4-й дивизии остался на ничейной полосе, после того как миной ему оторвало ногу. Снайперы не подпускали к нему американских са-

---

* Общие потери американцев за три месяца боев в Гюртгенском лесу составили 120 тысяч человек.

нитаров, а с наступлением темноты немцы подползли к раненому, похитили его бронезилет и сигареты, положили ему под спину мину-ловушку. Когда спустя 70 часов к нему все же подоспела помощь, солдат нашел в себе силы предупредить своих товарищей. Мина была обезврежена, а солдата переправили в тыл.

В другой части леса бойцы 47-го пехотного полка 9-й дивизии заключили с противостоявшими им немцами негласное соглашение, по которому никто не смел атаковать один дом, подвалы которого ломились от запасов сыра и пива. Американские разведчики заходили в этот дом днем, чтобы пополнить свои съестные припасы, а немцы проделывали то же самое по ночам. Идиллия продолжалась до тех пор, пока у одного немца не выдержали нервы и он не открыл по американцам огонь. Возмущенные подобным поведением, янки заминировали дом и подорвали его ночью, когда там находились немцы.

Еще один довольно показательный случай произошел на участке, занятом 951-м артиллерийским полком. На одном из тамошних блокпостов заметили подозрительную возню в близлежащих зарослях кустарника. И тогда лейтенант Кит приказал своим пулеметчикам открыть огонь. Вскоре из кустов раздался душераздирающий крик, после чего наступила полная тишина.

«Американские солдаты пошли посмотреть, кого же они все-таки подстрелили, и обнаружили в кустах раненого немецкого офицера и молодую девушку в форме американского офицера. Она была красива, но пуля оборвала ее военную карьеру в самом начале. На допросе выяснили, что немецкий разведчик, составлявший расположения наших блокпостов и пулеметных гнезд, использовал эту девушку в качестве приманки. Время от

времени она утешала изголодавшихся по женской ласке солдат. Однако пуля дура. Офицер подвел ее слишком близко к нашему посту».

Когда в феврале 1945 г. в Гюртгенский лес прибыли генерал Гэвин и 82-я воздушно-десантная дивизия, эта местность еще не была окончательно очищена от противника. Обследуя долину реки Калль, генерал столкнулся с мрачными свидетельствами ожесточенных боев, что велись здесь в ноябре за контроль над проселком:

«Я пошел по нему пешком, потому что джип по этой дороге не проедет. Кругом было полным полно разбитой техники и брошенных танков. Первые танки, которые попытались пройти по этой дороге, очевидно, сползли на обочину и потеряли гусеницы. Иногда танки падали в овраги и переворачивались. От Воссенаха, где начинался этот проселок, до самого дна ущелья я насчитал 4 брошенных самоходных установки и пять подбитых оставленных экипажами танков. Вдобавок ко всему, по сторонам дороги было полным полно трупов, которые только-только стали появляться из-под снега. Багровые изуродованные тела застыли в невероятных позах, многие воздели руки к небу, словно моля о пощаде. На плече у каждого была эмблема 28-й пехотной дивизии «Кровавое ведро»*. Судя по всему, эти солдаты сражались здесь прошлой осенью еще до того, как выпал первый снег. Я прошел по дороге около 800 метров до самого дна ущелья. Здесь было полным-полно носилок с трупами. Судя по всему, здесь дислоцировался медсанбат, но в разгар боя он был покинут, и многие солдаты умерли прямо на носилках. Справа, метрах в пятидесяти, начиналась асфальтовая дорога. Прямо поперек нее было

---

* Название «Кровавое ведро» эта эмблема получила в боях за Гюртгенский лес.

установлено около шести американских противотанковых мин. На нашей стороне рядом с ними лежало четыре трупа американцев. Смерть застала их в момент установки мин. Метрах в десяти впереди них стояли немецкие противотанковые мины. Рядом с ними лежали убитые германские солдаты. Драматический пример того, что в Гюртгене шли тяжелые ближние ожесточенные бои».

Гэвин никак не мог понять, почему Ходжес пытался пробиться через Гюртген, когда на его южном фланге имелась отличная дорога для танков, огибавшая речную долину, которая погубила столько американских солдат. Ходжес просто умножил боевую эффективность одной укывшейся в лесу германской дивизии и свел к нулю свое подавляющее превосходство в танках и авиационной поддержке. Когда Гэвин спросил корпусного штабного офицера, почему Ходжес атаковал через Гюртген, ему ответили, что этот вопрос не обсуждается.

В конце октября 3-я американская армия и только что прибывшая на передовую 9-я армия генерала Уильяма Г. Симпсона были выдвинуты между северным флангом Ходжеса и 21-й группой армий. Симпсон, подтянутый, долговязый и лысый, как шар, принял на себя командование фронтом, протянувшимся севернее Ахена вплоть до Рурмонда. В середине ноября он задействовал свою необстрелянную 84-ю пехотную дивизию в совместной операции с британской 43-й дивизией (уэссекской) с целью уничтожения германского «клина» в районе городка Гейленкирхен. Ветеранов британцев раздражало то, как американцы готовятся к наступлению. Они даже не позаботились эвакуировать из своего сектора местное население, которое вполне могло бы передать информацию о предстоящей операции своим родственникам, проживавшим всего лишь в километре отсюда. Британцы же, напротив, незамедлительно отправили всех гражданских в тыл, в Голлан-

дию. Погрузив самое необходимое на тележки и велосипеды, немцы заволокли дороги подобно беженцам, спасавшимся от германской армии в 1940 г. История 43-й дивизии дает исчерпывающую информацию о том, как английские солдаты относились к оккупированным немецким деревням:

«Деревни здесь мрачные, зловещие, враждебные. Даже харчевни похожи на похоронные бюро. В здешних церквях с огромными шпилями нет никакой святости. Внутри там темно и жутко. Самое смешное, что, когда мы пришли, местные зажиточные крестьяне даже и не подумали оторваться от своих сельхозработ. Спустя несколько часов до них наконец-таки дошло, что положение переменилось не в их пользу. Закаленные в битвах солдаты, совершенно игнорируя их присутствие, снимали с их домов двери, чтобы накрывать окопы, хладнокровно отнимали одеяла и простыни. На следующий день приехала военная полиция и приказала местным жителям убираться отсюда как можно быстрее. Озадаченные толпы немолдых немецких крестьян покатали на тележках свой скарб в дождь и слякоть к голландской границе. Наконец-таки мы поквитались с немцами. Они оставили в своих деревнях гусей, свиней... Их погреба ломились от запасов продуктов: маринованные огурцы, бобы и фрукты, консервировать которые немецкие домохозяйки большие мастерицы. На чердаках их домов остались целые склады одежды и обуви. В комнатах было столько новой мебели, что просто негде было пройти. Все немцы были упитанными и пышущими здоровьем. В большинстве домов имелись запасы французского вина и коньяка. Попадалась и ветчина. Дров и угля было запасено впрок. Все это стало нашим законным трофеем».

Американцы беспечно отнеслись к минным полям на своем участке наступления. К тому же у них

отсутствовали подробные карты местности. Все это стоило жизнью одному комбригу и 14 солдатам. Британцам и американцам пришлось пробиваться сквозь укрепленные позиции на холмистой местности с большим количеством скучных промышленных городков. Корреспондент Би-Би-Си Роберт Барр сообщал своим слушателям:

«Речь не идет о взятии городка или деревни и дальнейшем наступлении. Речь идет о взятии деревни и окапывании, пока не взят противоположный конец этой деревни или до тех пор, пока не взята вся линия немецкой обороны. Затем надо вылезать из своего окопа или подвала, залитого водой, и ползти к следующей линии деревень с новыми названиями с большим количеством подвалов и погребов, пулеметных гнезд и снайперов, готовых умереть за фатерланд».

Когда Гейленкирхен наконец пал, он представлял собой сплошные развалины. В донесении одной американской стрелковой роты мы читаем:

«В стенах и крышах домов были пробиты амбразуры для огневых точек. Пробивая стены между подвалами, оборонявшиеся создали тянувшиеся на целые кварталы тоннели, соединявшие их укрепрайоны. Домашняя утварь — одежда, книги, кухонная посуда, мебель и детские игрушки — высыпалась на мостовую сквозь проломы в стенах. Улицы были засыпаны грудями битого кирпича, черепицы, обугленными балками и проводами. Казалось, что грязные брызги от разрывов снарядов и авиабомб покрывают все. Повсеместно полыхали пожары. Смерд горящего дерева и вонь от трупов разложившихся лошадей намертво пристали к городу».

Когда наступление 9-й армии США остановили декабрьские снега, ей удалось прорвать Западный вал

на глубину не более 15 км, но это стоило 1133 убитых, 6864 раненых и 2059 пропавших без вести. Еще многие тысячи американских солдат стали жертвами пневмонии, рожистых воспалений и психических расстройств, связанных с так называемой боевой усталостью. Солдаты 1-й армии так и не вышли к Рейну. С мрачным видом они взирали на грозящие потопом воды Рура. На их правом фланге образовалась опасная брешь, отделявшая их от 3-й армии Паттона. Берлин находился все еще в 480 км от них. В штабе Монтгомери офицеры бились об заклад, что война не кончится раньше октября 1945 г.

В Лотарингии Паттону также весьма трудно было наступать против группы армий «Г» под командованием генерала Балка. Паттон клялся, что пройдет укрепления Западного вала, как нож сквозь масло. Однако Балк максимально использовал выгодность своих позиций вдоль рек благодаря наличию здесь мощных укреплений, построенных еще в период с 1870 по 1914 год.

Осуществляя мастерски проведенное отступление, Балк не уступал Паттону Мец до 13 декабря, когда окружавшие его крепости наконец-таки были очищены от немецких солдат. Прекрасно знавший историю войн, Паттон мог поздравить себя с тем, что стал первым завоевателем со временем Атиллы*, взявшим этот город. Однако в частной беседе с министром обороны США Генри Л. Стимсоном он признался: «Я думаю, что в послевоенном переустройстве Европы вы настаиваете на том, чтобы Германии оставили Лотарингию. Потому как я не могу представить себе большей обузы, чем владеть страной, где каждый день идет дождь, а все богатство местных жителей заключается в кучах навоза».

Лишь 15 декабря Паттон подошел к южным подступам Западного вала, идущим вдоль реки Саар. Уже

---

* И все же Паттон не очень хорошо знал историю. В октябре 1870 г. маршал Баден сдал Мец прусской армии.

падал первый снег, когда передовые части 3-й армии захватили ряд небольших плацдармов на восточном берегу реки. К югу от Паттона только что сформированная 6-я группа армий под командованием генерала Джакоба Деверса и состоявшая из 7-й армии США и 1-й французской армии, добилась больших успехов, выбивая немцев из Эльзаса через горную местность Вогезов. 20 ноября французские бронетанковые части прошли по Бельфорскому горному проходу между Вогезами и Юрой. В 130 км к северу франко-американские войска осуществили сходный прорыв через Савернский горный проход и 23 ноября взяли Страсбург. Однако между французскими и американскими армиями вклинивалась крупная группировка противника в районе города Кольмар. Когда Эйзенхауэр приказал Деверсу повернуть на север вдоль западного берега Рейна, чтобы прикрыть фланг Паттона, возникла угроза контрнаступления немцев с Кольмарского выступа. Провалившись с вариантом «узкого фронта», предлагавшимся в рамках операции «Маркет Гарден», Эйзенхауэр достиг незначительных успехов своей стратегией «широкого фронта», закрепившись в удаленных друг от друга городах Ахене и Меце. К концу осени американцы стали пленниками этих древних крепостей. Вообще-то стоило атаковать немцев в плохо укрепленных Арденнах, лежавших между этими городами. Но штабные стратеги почему-то отвергли направление наступления через Арденны. Брэдли предпочел Ахенский проход — традиционный путь вторжения в Германию. Но, судя по всему, именно здесь была самая мощная оборона немцев. В сентябре 1944 г. Брэдли уже упустил возможность обойти Западный вал южнее Ахена, где, если верить фельдмаршалу Моделю, командовавшему германской группой армий «Б»*, фронт протяженностью

---

* Модель был назначен главнокомандующим на западном фронте 17 августа, после смерти Клюге. 5 сентября его на этом посту сменил Рундштедт, но Модель сохранил за собой командование группой армий «Б».

около 130 км между Ахеном и Триром удерживали лишь 8 немецких батальонов. Продвижению американцев мешали плохая погода, сложный рельеф местности и ожесточенное сопротивление немцев. Но союзники не использовали превосходство в огневой мощи, чтобы окончательно сокрушить дрогнувшего врага. Пример тому — сражение в Фалезском горном проходе, из которого противник был выдавлен, а не уничтожен путем молниеносного окружения. Несмотря на тяжелые потери, немцы после Фалезской битвы вычеркнули из своих рядов лишь одну 77-ю пехотную дивизию. Остальные были так сильно обескровлены, что часть из них пришлось отослать в тыл на переформирование. Оставшиеся дивизии, хоть и эффективно сокращенные до боевых групп, получали подкрепления прямо на ходу, а потом прикрывали отход германских войск. В большинстве случаев они сохранили командные кадры, что позволило им быстро переформироваться и вернуться в боевой строй. Порой на это уходило всего лишь несколько недель. Сохранение корпусных штабов также обеспечило возможность сражаться уже за оборонительными рубежами Западного вала.

Высшее командование союзников раздирали разногласия. С 10 октября Монтгомери вновь стал бороться за то, чтобы его назначили командующим проведением сухопутных операций. В недипломатичных выражениях он заявил о том, что Эйзенхауэр не знает сложившейся на фронте обстановки и склонен к политическому компромиссу. Эйзенхауэр ответил письмом, в котором напомнил Монтгомери о его провале с захватом подступов к Антверпену — «реальной задаче настоящего момента». Затем он напомнил своему непокорному подчиненному о том, что фронт слишком велик, чтобы один человек совершил здесь прорыв, подчеркнув при этом, что «зачастую необходимо идти на компромисс, признавая существование неизбежных национальных различий». В заключение он сообщил Монтгомери, что если тот

чем-то недоволен, то может обратиться в вышестоящую инстанцию. То было приглашение на поединок, который британский командующий никогда бы не выиграл. Слишком высока была значимость американских вооруженных сил на европейском театре военных действий.

Но Монтгомери этого дела так не оставил. 30 ноября он потребовал, чтобы ему одному дали полный контроль над боевыми действиями к северу от Арденн. Эйзенхауэр проявил свойственную ему непоследовательность. Монтти получит полный приоритет на севере, но никакой остановки наступления на юге не последует. Это не помешало ему обратиться к Черчиллю через начальника имперского генерального штаба фельдмаршала сэра Алана Брука. По их просьбе Эйзенхауэр встретился с Черчиллем и Бруком в Лондоне 12 декабря. Брук жестко критиковал то, что он называл «стратегией двойного фронта». Он также обвинил Эйзенхауэра в «нарушении принципа концентрации сил» и выразил озабоченность по поводу того, что он явно не предлагал форсировать Рейн до мая 1945 г. Дальнейшая дискуссия была прервана Черчиллем, пустившимся в пространные рассуждения о возможности сплава «речных мин» по Рейну. На следующий день Черчилль попытался успокоить расстроенного Брука, сообщив ему, что он был на стороне Эйзенхауэра лишь потому, что верховный главнокомандующий их гость, да к тому же иностранец.

Несмотря на тяжелые потери, которые понесли их армии, союзники пытались пробить Западный вал. Высшее командование союзников все еще пребывало в эйфории от головокружительных побед конца лета 1944 г. Ближе к Рождеству Монтгомери расслабился. В середине декабря он заявил своим солдатам: «В настоящий момент враг ведет оборонительные бои на всех фронтах. Положение его таково, что он уже никогда не решится на крупное наступление». В игривом настроении он потребовал, чтобы

Эйзенхауэр заплатил ему 5 фунтов, поскольку именно на эту сумму Монти бился с ним об заклад, что война до Рождества не закончится.

16 декабря Эйзенхауэр также находился в приподнятом настроении. Он только что получил пятую звезду, став генералом армии. В тот же вечер в штаб союзных войск в Версале прибыл Брэдли, чтобы обсудить все возрастающие проблемы, связанные с нехваткой солдат, поиграть в бридж и поесть устриц. Пресс-секретарь Рузвельта Стив Ирли прислал их Эйзенхауэру целое ведро, и тот планировал устроить целую устричную «оргию»: сырые устрицы, жаркое из устриц и устрицы вареные. Когда приехал Брэдли, стали поступать сведения об активизации противника в Арденнах. Брэдли не придавал этому никакого значения. Однако Эйзенхауэр сразу же почувствовал опасность и сказал командующему 12-й группы армий, что это отнюдь не отвлекающий маневр. Поросшие лесом Арденнские горы, на которых удерживали фронт шесть американских дивизий, считались относительно спокойным участком. Солдаты здесь развлекались тем, что отстреливали диких кабанов с самолетов-разведчиков. В октябре 1944 г. сюда прибыла входившая в 23-й пехотный полк 2-й пехотной дивизии рота капитана Чарльза Макдональда. Он вспоминал:

«Когда мы приблизились к германской границе, дорога стала круто подниматься в горы. Затем мы увидели огромный указатель, гласивший: «Вы въезжаете в Германию, на вражескую территорию. Будьте начеку!» Нам внезапно открылся вид на Западный вал. Он был похож на доисторического монстра, свернувшегося кольцами вокруг гор. Бетонные надолбы напоминали гребень на спине чудовища».

Ежедневная жизнь здесь походила на ту, что была на схожих участках фронта еще в Первую ми-

ровую. Днем солдаты наполняли песком мешки, натягивали колючую проволоку и укрепляли окопы. Офицеры не носили форму, чтобы не привлекать внимание вражеских снайперов. Ночью было еще опаснее. С наступлением темноты начинались мощные артиллерийско-минометные обстрелы и вылазки разведчиков с целью взятия языков. Реалии жизни на этом участке фронта живописует дневник штабного сержанта Генри Гайлза, военного инженера, работавшего на мосту через Одр. 1 октября 1944 г. он писал:

«Тут иногда происходят самые невероятные вещи. Например, прошлой ночью у меня не было начальника караула. Спасибо, Лофтис согласился взять на себя его обязанности, и караул все же был поставлен. Затем ремонтной бригаде пришлось выйти на ремонт водопропускной трубы. То ли они не знали пароля, то ли попросту его забыли. В итоге один солдат решил, что это немцы, и открыл стрельбу. Сегодня мы слышали, что практически вся артиллерия 4-й бронетанковой была поднята по тревоге. Была также одна темная история, связанная с одним из артиллерийских расчетов. Похоже, у них там своя женщина. Один солдат клянется, что это чистая правда. Говорит, она приходит к ним раз в два дня и к ней выстраивается целая очередь. Мы сказали, что же он сам не встал в эту очередь. В удивлении он воскликнул: «Черт подери, да меня б артиллеристы убили!» Он такой тихоня, плохого слова не скажет, и когда он выдал такое, мы все покатались со смеху».

Отныне Арденнам уже не суждено было оставаться спокойным участком фронта. Корпевший над военными картами в «Волчьем логове» Гитлер увидел возможность нанесения контрудара на западе. 16 сентября он сказал начальнику штаба ОКВ Йодлю что принял историческое решение перейти в наступле-

ние из Арденн в направлении Антверпена. Именно здесь, где в один день он решил судьбу Франции, фюрер планировал повторить свои триумфальные победы 1940 г. Быстрая победа необходима именно сейчас, доказывал фюрер, пока Франция еще не успела создать своей собственной мощной армии. Складывалось впечатление, что Гитлер считал, что война будет длиться вечно и прошедшие пять лет ничему его не научили. Что вновь германские армии будут наступать по Арденнским лесам к Маасу, а затем повернут на север, чтобы захватить Антверпен; отрезанные от своих американских союзников 2-я британская и 1-я канадская армии будут окружены и уничтожены; коалиция против стран Оси распадется с «оглушительным грохотом», и тогда уже Германия обратит всю свою мощь на Восток. План Гитлера и впрямь был весьма прост и молниеносен, однако осуществить его было невозможно.

Когда 24 октября Гитлер раскрыл суть будущей операции Рундштедту, последнему стало не по себе: «Для меня было очевидным, что имеющихся в нашем распоряжении войск для подобного шага явно недостаточно. Даже солдаты понимали, что никакого смысла во взятии Антверпена нет. Однако я понимал, что спорить с фюрером, как всегда, бесполезно».

Даже фанатично преданный фюреру генерал Зепп Дитрих, командующий 6-й танковой армией СС, одной из двух армий, избранных для будущего контрнаступления, сомневался в его успехе. Он жаловался:

«Гитлер хочет, чтобы я силами дивизий, набранных из детей и стариков, форсировал реку, взял Брюссель, пошел и захватил Антверпен. Все это в худшее для подобной операции время года, в Арденнах, где снега по пояс и негде развернуться даже четырем танкам, а не то что целым бронетанковым дивизиям, когда светает в 8 часов утра, а после четырех вечера наступает ночь».

Рундштедт и фельдмаршал Модель, командующий группой армий «Б», не смогли переубедить фюрера ограничить наступательную операцию атакой на американские войска, вышедшие на рубеж реки Рур. Но фюрер искал «тотального решения» проблемы. Планы разрабатывались в условиях чрезвычайной секретности. Гитлер лично контролировал каждую мельчайшую деталь вплоть до ежедневного снабжения каждой отдельной дивизии машинами и лошадьми. Фюрер пребывал в мире, где правил новый стратегический успех. Он считал мечтателями Эйзенхауэра и его лейтенантов. «Быть может, — размышлял позднее Гитлер, — они также считали, что я уже умер или по крайней мере умираю от рака, и не верили, что я представляю для них серьезную опасность». Гитлер распорядился создать спецкоманды СС, чтобы казнить представителей номенклатуры нацистской партии, слишком охотно сдававших свои города союзникам. Фюрер пребывал в туманной эйфории, диктуя приказы об артобстрелах и внимательно изучая чертежи танков, специально предназначенных для езды по обледенелым дорогам. Когда Рундштедт получил последние приказы, Гитлер дрожащей рукой написал на них: «Изменениям не подлежат». Удрученный Рундштедт передал общий контроль над операциями Моделю и большую часть германского контрнаступления читал романы и пил коньяк.

Недоступные для авиаразведки союзников мощные силы немцев наращивались в узких, окутанных туманом долинах и густых лесах Эйфеля, на германской стороне Арденн. Они состояли из двух танковых армий, 6-й армии СС под командованием Зеппа Дитриха на севере и 5-й армии на юге, которую возглавлял стойкий Хассо фон Мантойфель, один из лучших молодых танковых генералов Гитлера. Всего было задействовано 28 дивизий*, в том числе 8 тан-

---

* Когда в 1940 г. немцы наступали через Арденны к Па-де-Кале, в их распоряжении была 41 дивизия.

ковых и две моторизованные, в составе которых имелось 1250 из 2600 имевшихся у немцев танков и самоходных орудий. Все это было приготовлено для Арденнского наступления. Эта операция получила кодовое название «Осенний туман». Большая часть бронетанковых дивизий была полностью укомплектована и включала в свой состав по 294 отличнейших танка PzV «Пантера» и 45 PzVI «Тигр», однако моторизованные дивизии, которые должны были поддерживать ударные бронетанковые колонны, менее впечатляли. В их состав входили «этнические» немцы, получившие свою национальность вследствие изменения границ. Например, в 62-й дивизии фольксгренадеров полным-полно было насильственно призванных в ее ряды поляков и чехов, симпатии которых явно были на стороне союзников. Проблемы с личным составом усугублялись нехваткой горючего. В начале операции «Осенний туман» германские войска располагали лишь четвертью необходимого для ее проведения минимального количества топлива. Большая его часть находилась к востоку от Рейна. По идее Гитлера, ударные колонны германского контрнаступления должны были дозаправляться на захваченных складах горючего союзных армий.

Гитлер отказывался признавать свое поражение. 12 декабря в штабе Рундштедта он провел для своих генералов своеобразную политинформацию, в которой объявил союзников «разнородными элементами с противоположными целями: ультракапиталистическими странами, с одной стороны, и ультрамарксистским государством — с другой. Британия, по его мнению, была «умирающей империей», а Америка — ее бывшей колонией и «нацией, живущей в долг».

Несколько раз контрнаступление откладывалось и началось лишь 16 декабря 1944 г. в полшестого утра. После 20-минутной артподготовки зажглись сотни прожекторов, создав эффект искусственного лунного света. Германские ударные войска атаковали из густо-

го зимнего тумана, ошеломив американские дивизии на всей протяженности фронта контрнаступления: 2-ю, 99-ю, 106-ю и 28-ю, все еще оправлявшуюся после урона, нанесенного ей под Хюртгенвальдом. В американском тылу переодетые в американскую форму немецкие разведчики перерезали телефонные провода и сеяли панику. Подражая русским, Гитлер придерживал основную массу своих танков до тех пор, пока пехота не прорвется через американскую линию обороны.

На севере контрнаступления 99-я дивизия дрогнула под ударом 3-й моторизованной дивизии. В тылу 99-й были части 2-й дивизии, в том числе и 23-й пехотный полк капитана Макдональда. Макдональд понял, что дело плохо, когда сотни солдат 99-й устремились назад через лес. Они не останавливались. Макдональд вспоминал:

«Что-то фанатично выкрикивающие немцы штурмовали небольшую, поросшую лесом высоту, удерживаемую нашими тремя взводами. Они обрушили на нас шквал огня, на который мы отвечали отдельными залпами. Немцы обходили нас справа и слева. Несколько артиллерийских залпов накрыло их тыл, и до нас долетели их дикие крики, но они продолжали наступать».

Затем появились «тигры». Эти бронированные 60-тонные громадины грохотали в лесу, ломая деревья словно спички. Фронт был прорван, и уже через полтора часа Макдональд и его солдаты обратились в бегство. Макдональд вспоминает:

«Я поскользнулся и упал лицом в снег и проклинал свои обледенелые ботинки. Я встал, но снова упал. Мне уже было все равно, стреляют немцы или нет. Одежда промокла насквозь. Пот лил градом, а во рту пересохло. Сейчас мы больше всего напоминали беспо-

мощных жучков, что бегут во все стороны после того, как человек-гигант поднял бревно, под которым они прятались. Уж лучше бы нас убили и положили конец нашим мучениям».

Поначалу в Арденнах воцарилась настоящая паника. В Мандерфилде, штабе 14-й американской кавалерийской группы, находившемся прямо на пути наступления немцев, штабные офицеры перепугались не на шутку. Они быстро сели по машинам и, дабы немцам ничего не досталось, подожгли городок. Не лучше было и на участке 106-й дивизии, прикрывавшей Сен-Вит, где еще в октябре перед солдатами выступала сама Марлен Дитрих. Дивизионный историк позднее писал:

«Будем смотреть правде в лицо и опираться на достоверные факты. Паника, настоящая безумная паника день и ночь царила на этой дороге. Неважно, имелись ли на то веские причины или нет, но казалось, что все в тот день устремились на запад. На запад от Шёнберга, на запад от Сен-Вита. Джи-пы, грузовики, танки, артиллерия. Все это занимало три четверти дороги. То и дело машины пытались встать в третий ряд и вновь и вновь срывались с обочин. И все это на опасной двухполосной горной дороге. Вот с каким препятствием пришлось столкнуться 7-й бронетанковой дивизии США, получившей приказ двигаться из Фильзальма (Голландия) к Сен-Виту. То было единственное боевое соединение, двигавшееся в тот день на восток».

Разрозненные отряды американской пехоты бродили по лесам, стараясь примкнуть к более крупным формированиям, натываясь на немцев и вступая с ними в бой. После четырех дней путаницы и паники американцам удалось сплотиться на северном фланге германского наступления. 5-й корпус генерала Дже-

роу заблокировал продвижение 6-й танковой армии СС. 17 декабря 1-я танковая дивизия СС подошла к Сен-Виту, из которого идущая по дну долины дорога вела к Маасу и Бельгии. Здесь немцам преградили путь головные колонны 7-й бронетанковой дивизии. 101-я воздушно-десантная дивизия, срочно доставленная грузовиками из Рейсма, стойко удерживала транспортный узел Бастонь, вынудив Мантойфеля обойти его. Немцы теряли важное для них время, к тому же у них заканчивалось горючее, ведь, отступая, американцы поджигали топливные склады, чтобы ничего не досталось врагу.

Эйзенхауэр поспешил взять в свои руки контроль над сложившейся ситуацией. На штабном совещании в Вердене 19 декабря, на котором присутствовали Брэдли, Паттон и Деверс, он заявил: «Настоящая ситуация рассматривается нами как блестящая возможность, а отнюдь не катастрофа. Вскоре за этим столом я увижу счастливые лица».

Паттону было приказано развернуть три свои дивизии на 90° и идти к Бастони. Этот маневр 3-я армия совершила за три дня. В течение 72 часов Паттону удалось перебросить большую часть 3-й армии, два корпуса, насчитывавших семь дивизий, для прикрытия южного фланга прорыва. Чтобы расширяющийся немецкий клин контрнаступления не отрезал коммуникации Брэдли с войсками на северной стороне прорыва, Эйзенхауэр временно передал Монтгомери, все еще добивавшемуся приоритета для себя, общее командование операциями на севере. Бестактный британский командующий не удержался от искушения, как метко выразился Брэдли, «в очередной раз утереть нос янки». Один из штабных офицеров вспоминал, что Монтгомери прибыл в штаб 1-й армии США генерала Ходжеса и вел себя там подобно «Христу, изгонявшему торговцев из храма». Хорошо проинформированный дешифровальщиками

«Ультры»* о намерениях 5-й и 6-й танковых армий СС, Монтгомери установил охрану мостов через Маас, к которым приближались передовые части Дитриха, задействовав при этом британские части, срочно переброшенные с территории Бельгии. Ход сражения стал предсказуем. Немцы теперь будут пытаться пробиться через 19 американских и английских дивизий, собравшихся в районе «арденнского клина» германского контрнаступления.

5-я танковая армия взяла Сен-Вит 23 декабря, но через два дня передовые части Мантойфеля были остановлены 2-й бронетанковой дивизией США всего в 5 километрах от Меца. Оставшаяся без горючего 2-я танковая дивизия оказалась под безжалостным обстрелом, потеряв практически все свои 88 танков и 28 самоходных орудий, с которыми немцы начинали контрнаступление. Теперь туманы, окутывавшие крупные скопления германских войск, рассеялись, и в небе над полем битвы появилась союзная авиация. На Рождество пилот «Спитфайра» лейтенант авиации Джек Бойл из 411-й эскадрильи, базировавшейся на аэродроме в Хееше, вступил в бой с реактивным самолетом Me-262. Все авиасоединение Бойла, состоявшее из 5 эскадрилий, в том числе и 411-я, получило приказ обеспечить максимальную поддержку с воздуха на американском участке Арденн в районе Бастони, которая к тому времени уже была полностью окружена. Бойл вынужден был повернуть назад для того, чтобы сопровождать истребитель, у которого начались неполадки с двигателем. Он вспоминает:

---

* «Ультра» — британское кодовое название службы информации по передвижениям и намерениям германских войск. Данные она получала путем перехвата и дешифровки кодированных сигналов, посылаемых через электрические кодирующие машины вермахта «Энигма».

«Я был глубоко удручен подобным развитием событий и ворчал себе под нос всю дорогу о невезении и несчастной моей судьбе. Когда мы приблизились к базовому аэродрому в Хеерше, мы все еще были крайне раздражены. В пике я стал снижаться до нужной высоты. Когда моя скорость превысила 800 км/ч, неизвестно откуда появился немецкий реактивный Me-262. Я зашел ему в хвост. Первая моя очередь попала в один из его двигателей, из которого повалил густой черный дым. Он пошел на снижение, но с одним двигателем уже не мог от меня оторваться. Я пустил по нему еще несколько очередей, и он, срезав верхушки деревьев, плюхнулся на землю. Прокатив по торфу, оставляя за собой огненно-дымный след, самолет стал разваливаться на части, и в конце концов от него остался только один хвост. Я покружил над местом падения вражеского самолета и видел, как выбравшиеся из своих хижин голландские крестьяне машут мне руками. Большинство летчиков нашего воздушного соединения видело этот бой от начала до конца.»

Срыв Арденнского контрнаступления иронично зафиксирован в дневнике одного из офицеров дивизии «Рейх», оказавшегося на фронте 6-й танковой армии СС 23 декабря:

«Понедельник 25 декабря 1944 г. При поддержке танков мы выбили противника с занимаемых им позиций. Он медленно отступал к Манхею и Гранменилю под прикрытием сотен орудий. От артобстрела просто негде укрыться. Наши ответили восемью залпами, после чего затихли. Нам ведь надо экономить боеприпасы. Уже нескольких обмороженных отправили с передовой в тыл. У нас не хватает теплых сапог. К вечеру противник был выбит из Манхея и Гранмениля, и мы сумели обсушиться. Покой наш охраняет лишь небольшой караул на краю деревни. Получили приказ с утра идти в атаку. Наша цель Мормонт. Мы-то

выйти на намеченные позиции успеем вовремя, да только у танков и артиллерии не осталось ни горючего, ни боеприпасов».

26 декабря силами 4-й бронетанковой дивизии США была снята осада с Бастони. Четырьмя днями раньше Рундштедт, помня о всевозрастающей угрозе на Восточном фронте, умолял Гитлера остановить контрнаступление. Но фюрер приказал своим командирам продолжать беспощадно бить врага и 1 января начал еще одно обреченное на провал наступление на юг от Саара. Теперь игра была кончена. Генерал-майор фон Меллентин*, 29 декабря проезжавший по лесистым холмам к северо-западу от Уффализа (центра клина германского прорыва) на место нового назначения, вспоминает:

«Обледенелые дороги искрились на солнце. Я стал свидетелем постоянных воздушных атак противника по нашим транспортным путям и базам снабжения. В небе не было ни одного немецкого самолета. Большое количество боевой техники уничтожено, и ее обгоревшие обломки загородили дороги».

3 января союзники перешли в наступление, а к 16 января подразделения 1-й и 3-й армий соединились под уффализом, закрыв немцам последний путь к отступлению из полного окружения.

Когда солдаты 11-й бронетанковой дивизии 3-й армии и 2-й дивизии 1-й армии вошли в город, генерал Паттон и его личный шофер сержант Мимс поспешили их догнать. В одном месте Паттон приказал Мимсу остановиться, увидев что-то торчавшее из снега. При ближайшем рассмотрении это оказались пальцы ног убитых солдат, с которых сняли

---

* Меллентин был снят с поста начальника штаба группы армий «Г» и исключен из состава Генштаба. Однако Гудериан вновь включил его в штабной состав.

ботинки. Последние бои Арденнского сражения проходили при сильном морозе, превращавшем трупы в багровое замороженное мясо.

За месяц контрнаступления 5-я и 6-я танковые армии СС уничтожили 19 тысяч солдат из 12-й группы армий США и взяли в плен 15 тысяч американцев. Однако Западному командованию вермахта эта операция стоила 100 тысяч убитых и раненых и 800 уничтоженных танков. Для немцев потери эти были невосполнимы, в то время как американцы бросили на передовую еще семь новых дивизий, в том числе три бронетанковых.

В Арденнском контрнаступлении немцы потеряли 1000 самолетов и еще около 220 в операции «Боденплатте», направленной против голландских и бельгийских аэродромов базирования союзной тактической авиации. Для осуществления этой операции было собрано около 800 самолетов всех видов, но из-за плохого технического состояния лишь 600 из них поднялись в воздух. Личный приказ Германа Геринга особо подчеркивал важность операции «Боденплатте» для Германии: «Ни один из пилотов не смеет повернуть назад, если неисправность не грозит полному выходу самолета из строя. Неполадки с дополнительными топливными баками уважительной причиной не считаются». Многие из пилотов, принимавших участие в этой операции, были недостаточно обучены. Операция «Боденплатте» была неожиданна и потому имела определенный успех. 140 самолетов противника было уничтожено, однако немцам это стоило потери 20 боевых машин и такого же количества летчиков. Потери союзников составили 0,5% общего летного состава. Потери Германии — 30% ее ударной авиации, собранной для данной операции с других фронтов.

Гитлер привел союзников в шок. Следствием стало то, что Эйзенхауэр окружил себя массой телохранителей и сал посылат в бой чернокожих солдат,

прежде служивших в отдельных подразделениях, а теперь сражавшихся вместе с белыми. Даже после того как последствия германского контрнаступления были ликвидированы, Гитлер по-прежнему верил в то, что положение на фронтах улучшилось:

«Враг не думает о дальнейшем наступлении и теперь вынужден перегруппироваться. На родине наших противников критикуют как никогда... Они вынуждены признать, что до августа войны не закончат. А может быть, она затянется до января следующего года».

На самом деле операция «Осенний туман» лишь несколько задержала подготовку союзников к вторжению в Германию. Зато немцам пришлось перебрасывать с востока войска и технику, которые были там так необходимы. За последние два месяца 1944 г. 2229 танков и самоходных орудий, 18 новых дивизий поступили на передовую на востоке, где немцам противостояли 225 стрелковых дивизий Советской Армии, 22 танковых корпуса и 29 прочих бронетанковых формирований. У немцев же здесь имелось всего лишь 133 дивизии, 30 из которых могли попасть в окружение в Прибалтике.

Разгоряченный срывом германского контрнаступления, Монтгомери заявил на пресс-конференции 7 января, что именно он одержал победу над немцами: «Битва была, пожалуй, самой интересной из тех, что мне удалось выиграть». Черчиллю пришлось успокаивать американцев пространной речью в Палате общин.

Однако удар под Арденнами позволил Эйзенхауэру укрепить слабые места внутри Высшего союзного командования. 15 января в письме генералу Маршаллу он подчеркнул важность сильных флангов и крепкой обороны вдоль всей линии фронта союзников. Отныне стратегия Эйзенхауэра заключалась в выходе на рубеж Рейна. Таким образом, Эйзенхауэр

продолжал уверять Монтгомери, что основной удар будет нанесен к северу от Рура, одновременно давая Брэдли и Паттону большую свободу действий на юге. Причем на то, что Паттон не приемлет оборонительной стратегии, Эйзенхауэр закрывал глаза. Паттон сам придумал способ не подчиняться приказам и называл его методом «супа из камней». В своих мемуарах он утверждает, что метод этот он позаимствовал из истории о ловком проходимце, который зашел в дом к одной хозяйке и попросил у нее воды, чтобы сварить суп из камней. Женщине стало любопытно, и она дала ему воды, в которую тот положил два камня. Потом он выпросил у хозяйки картошки для вкуса и в конце концов дело дошло и до мяса. «Другими словами, чтобы атаковать, мы сначала должны делать вид, что занимаемся разведкой, затем мы эту разведку усиливаем и, наконец, начинаем наступление».

Глава 7

ЧЕРЕЗ РЕЙН

«Мой дорогой генерал, немец высечен. Мы его сделали. Он готов».

Черчилль — Эйзенхауэру.

23 марта 1945 г.

Арденнское контрнаступление отложило наступление союзников на Рейн на целых четыре недели. Эйзенхауэр все еще намеревался нанести главный удар в северном направлении, где объединенные английские, канадские и американские войска на реке Маас и Рур ближе всего подошли к Рейну и планировали форсировать его между Эммерихом и Дюссельдорфом. На юге 12-я группа армий Брэдли должна была наступать через Эйфель, чтобы выйти к Рейну между Кельном и Кобленцем. Здесь Брэдли предстояло осуществить второе форсирование, если бы Монтгомери не удалось разрезать германские войска. Двойное форсирование подводило союзников к следующей стратегической цели — окружению Рурской долины, сердца германской промышленности. На правом фланге Брэдли 6-я группа армий

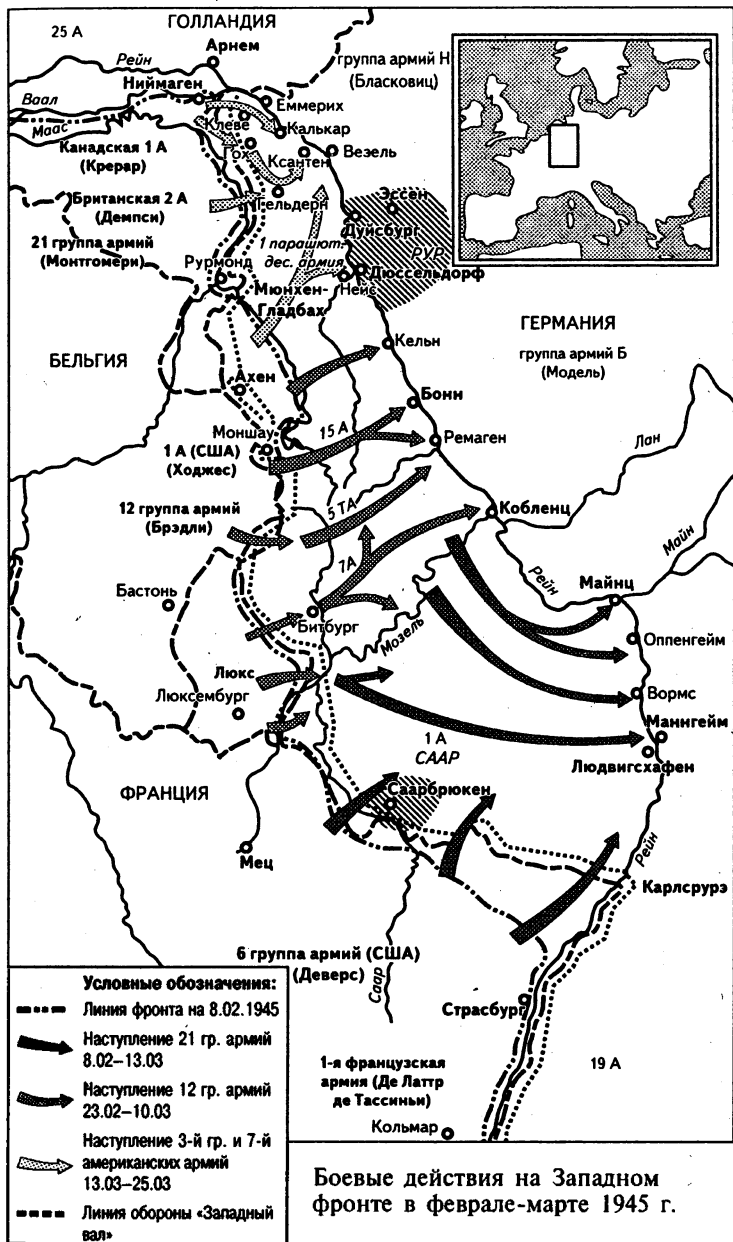
Деверса должна была очистить от противника Саар, прежде чем выйти к Рейну у Мангейма.

Оголив Восточный фронт для наступления на западе, Гитлер теперь его спешно укреплял. В феврале 1945 г., когда англичане и американцы возобновили наступление, 16 дивизий вермахта и большое количество артиллерии немцы перебросили на восток, 1675 танков перешли в подчинение командования «Ост» и лишь 67 достались Западному фронту. Эта стратегия, явно ведущая к банкротству, дополнялась одержимостью Гитлера стоять до последнего. Когда Рундштедт предложил сохранить германские войска, а для этого вывести их с территории Голландии, Гитлер поспешил заявить, что объявляет эту территорию еще одной «крепостью». Рундштедт, которого горячо поддерживал Вестфаль, заявил:

«Решающее значение имеет удержание линии фронта и предотвращение его прорыва в стратегических масштабах. Перед лицом этой необходимости следует забыть о борьбе за каждый клочок германской земли, проводимой до сих пор. Более того, сейчас крайне необходимо провести мероприятия по организации обороны на восточном берегу Рейна. Хоть сейчас реки не представляют собой такие непреодолимые препятствия, как раньше, союзники, учитывая их пунктуальность, будут тщательно готовиться к форсированию Рейна. Слишком долгое стояние на западном берегу реки спровоцирует атаку врага».

Но у Гитлера уже не было никакой свободы действий. Он продолжал настаивать на том, что Западный вал способен отразить любую атаку неприятеля. Он запретил сдавать даже незначительные высоты без личного на то его разрешения.

Рейн, доказывал фюрер, является жизненно важным звеном, связывающим Рур с остальной территорией Германии. Отступление на восточный берег

Рейна, по его словам, «просто перенесет катастрофу с одного места на другое». Как философски заметил генерал Вальтер Варлимонт: «Приказы Гитлера были такими же косными, как и раньше. Так что, несмотря на мужество и самопожертвование, остатки германской армии были впустую растрачены еще до Рейнского рубежа». Мантойфель выразился куда прямее: «После провала Арденнского контрнаступления Гитлер стал воевать как капрал. Никаких больших планов, лишь множество незначительных боевых столкновений».

Подавляющее превосходство союзников в живой силе и технике позволило их командованию разработать грандиозные операции, размах которых ограничивался лишь сложным рельефом лесистой и болотистой равнины, лежавшей на пути к Рейну. План февральского наступления Монтгомери делился на две части под кодовыми названиями «Веритабль» и «Гренейд». В операции «Веритабль» 1-я канадская армия под командованием Крерара из района Неймегена должна была наступать по узкому коридору между реками Маас и Рейн через густые сосновые леса Рейхсвальда, чтобы выйти к Руру южнее Эммериха. 9-й армии США было доверено проведение операции «Гренейд» — удар в северо-восточном направлении из Рура на Дюссельдорф для соединения с 1-й канадской армией у Везеля. Именно в этом месте Монтгомери предлагал форсировать Рейн.

Рейхсвальд более напоминал пробку в бутылке с длинным горлышком. По обе стороны огромного лесного массива лежали затопляемые земли в районе рек Маас и Рейн. Через эти места проходила северная оконечность Западного вала. От города Гох Западный вал шел на юг, вдоль небольшой гряды холмов, возвышавшейся над долиной Мааса вплоть до Рурмонда. Подходы к Рейхсвальду защищал пояс оборонительных сооружений глубиной до двух километров с противотанковыми рвами и рядом укрепрайонов, устро-

енных в фермах и деревнях. В 10 км на восток от Рейхсвальда находилась третья оборонительная линия, которую англичане прозвали Хохвальдом из-за поросших лесами холмов.

Вспоминая о Рейхсвальдском сражении, генерал Хоррокс, 30-й корпус которого был переброшен на это направление из британской 2-й армии, писал следующее:

«Там не было никакого пространства для маневра. Мне пришлось напролом идти через три оборонительных рубежа, главным из которых была «линия Зигфрида». В этой битве генералитет не играл никакой роли, судьбу сражения решали наступавшие по грязи солдаты и офицеры».

Готовясь к операции «Веритабль», Монтгомери попытался предпринять некоторые меры дезинформации, стараясь убедить генерала Бласковица, командующего группой армий «Н» в Нидерландах, что наступление начнется через реки Маас и Рур гораздо южнее. Монтгомери удерживал 30-й корпус в тылу и запрещал британским офицерам посещать передовую, если они предварительно не переоделись в канадскую полевую форму. Так что германская разведка выявила присутствие в данном районе лишь 2-й канадской дивизии. На картах в штабе Рундштедта под 30-м корпусом красовалась аккуратная надпись: «Место нынешней дислокации неизвестно». На линии фронта англичане установили макеты артиллерийских орудий для того, чтобы их заметила воздушная разведка немцев.

Поскольку погода постоянно менялась со снега на слякоть, пришлось немало потрудиться; в один день покрывая танки побелкой, на второй — залепливая их грязью. Боеприпасы складировались в кустах, садах и редких рощах. Всем британским самолетам приказали не залетать в данный район. 5 февраля

глава разведки Рундштедта проинформировал высший офицерский состав группы армий «Н»:

«Активность союзников к западу от Рейхсвальда призвана ввести нас в заблуждение и скрыть реальное место грядущего наступления. Вполне возможно, что в районе Рейхсвальда будет осуществлено второстепенное наступление канадцев, чтобы отвлечь наши резервы, но, судя по всему, главное наступление англичан будет осуществлено с большой излучины Мааса у Венло».

Несмотря на все ухищрения Монтгомери, свидетельства того, что в районе Рейхсвальда происходит наращивание сил союзников, стали поступать одно за другим. Однако Бласковиц относился к ним довольно скептически. Его же поддерживал и предшественник Шлемма, генерал Штудент, считавший, что американцы ударят из Рурмонда, а англичане поддержат их со стороны Венло.

Бласковиц сообщил Шлемму: «Нет никаких сведений о больших концентрациях вражеских войск в районе Неймегена». На Шлемма это никак не подействовало, и он стал сам готовиться к отражению наступления союзников.

30 января Александр Макки писал о подготовке Монтгомери: «Все это так типично для Монти. Масса артиллерийских орудий устанавливается на крайне узком фронте. Все силы скапливаются в одной точке, после чего начинается прорыв. Грубовато, но, как правило, это ведет к успеху. «Джерри» знают, что ты на подходе, но ничего существенно сделать не могут, потому что гигантские бомбардировочные формирования, которые мы привлечем, сметут всю оборону, словно метлой». Через неделю наращивание сил на участке Монтгомери завершилось. На линии фронта затаилось не менее полумиллиона бойцов. Наступление начинала группировка в количестве 50 000 солдат и 1000 танков. Как позднее писал командующий 214-й

бригадой Хьюберт Эссам: «В воздухе нависло напряжение. Точь-в-точь, что бывает в толпе перед скачками в Дерби. Видавшие виды солдаты («несчастливая пехота») куда менее оптимистично смотрели на грядущее наступление. Один из солдат вспоминает:

«Судя по донесениям разведки, Рейхсвальд был не так сильно укреплен, как открытая местность к северу и югу от него. Немцы считали лес слишком густым и неудобным для наступления. Мы в это мало верили, поскольку немцы сами уже дважды атаковали через якобы «непроходимую» территорию в Арденнах. Правда, на инструктажах нам показывали самую свежую аэрофотосъемку вражеской зоны обороны. Там четко были видны укрепления немцев, дороги, болота, озера и, конечно, лес. Но лес — это просто масса деревьев. А что под ними? Извечные пессимисты, мы, пехота, ожидали худшего».

Бомбардировщики, о которых упоминал Александр Макки, поднялись в воздух ночью 7 февраля, прогрохотав над вымокшими от дождя взлетными полосами, чтобы обрушиться на Клеве, к северу от Рейхсвальда, и Гох 2000 тонн авиабомб. В 5 часов утра 8 февраля мощной артподготовкой из 1000 орудий на 10-километровом фронте, занимаемом одной германской дивизией, началась операция «Веритабль». История одного британского бронетанкового полка, задействованного в этой операции, гласит:

«Это было фантастическое зрелище, которое просто невозможно забыть. Только что царил гробовая тишина, и вдруг раздался оглушающий грохот. Ночь осветилась вспышками разрывов и трассерами полетевших к цели снарядов».

В 7.30 утра артподготовка внезапно закончилась, и германская артиллерия нанесла ответный удар.

Правда, буквально через несколько минут ее подавил сокрушительный огонь английских батарей. Легкие бомбардировщики «москито» Королевских ВВС Великобритании пикировали над окутанной дымом местностью и бомбили германские линии обороны всего лишь в километре от передовых британских позиций. В 10.30 утра приказ о наступлении заглушился ревом танковых двигателей. Впереди земля вздымалась от разрывов заградительной артиллерии, каждые 4 минуты продвигавшейся на сотню метров вперед. Через двенадцать минут все орудия давали мощный залп, увеличивая радиус поражения до 300 метров.

В центре передовые бригады 15-й (шотландской) и 53-й (валлийской) дивизий наступали на Гросбек. Земля здесь была усеяна обломками планеров, использованных 82-й воздушно-десантной дивизией США в операции «Маркет Гарден» в прошлом сентябре.

На правом фланге 51-я (горная) дивизия вошла в густой Рейхсвальдский лес. Он показался настолько дремучим лейтенанту Джонни Фоли, командовавшему танковым подразделением, что «стволы деревьев здесь можно было принять за высеченные из гранита». Позднее Фоли вспоминал:

«Ровно в 10.30 мы миновали опушку и углубились в Рейхсвальд. Вперед выдвинулся разведотряд «Черная стража»: небольшие группы солдат двигались перебежками или прячась в естественных укрытиях, обстреливали опасные места из винтовок и пулеметов прицельно и методично».

Пока что никаких признаков активного сопротивления противника не было видно. Танк Фоли прогромыхал мимо мирно попрыгивавшего трубкой командира разведроты. «С изящной тростью и фазанным пером в фуражке он более всего напоминал

джентльмена, прогуливающегося в воскресный день по Элдершот Хайстрит. Разве что в непосредственной близости от него пули буравили землю, брызгая грязью. Когда танк Фоли проехал чуть вперед, до него донесся довольно странный звук, «будто бы мальчишка скребет палкой по железной решетке», после чего с брони танка посыпались искры. «Немцы проснулись!» — громко крикнул Фоли и сразу нырнул в башню. Солдаты разведроты тотчас же попрятались в укрытиях и словно растворились в лесу.

Понадобилась целая неделя, чтобы очистить Рейхсвальд от противника. Шлемм, которого не обманули предчувствия, стал подбрасывать на передовую подкрепления*, а проливные дожди превратили лесную почву в сплошное море непроходимой грязи. Проходившие через лес просеки, зачастую длинные и идеально прямые, обеспечивали немецким пулеметчикам и истребителям танков идеальные сектора обстрела.

Сержант валлийского полка попал под обстрел, пробираясь по залитой водой просеке в черной, вымокшей от дождя чащобе Рейхсвальдского леса:

«По обеим сторонам просеки находились грязные обочины, заваленные гнилыми древесными стволами. Дождь лил как из ведра. Внезапно из густых зарослей по нам открыли пулеметный огонь. На этой чертовой просеке мы попались как крысы в банке. Я схватился за какой-то гнилой пень, чтобы укрыться за ним, но из земли полезли корни, обдав меня грязью. Я вновь залег на обочине, и это меня и спасло, потому что немец перестал стрелять в этом направлении, вероятно, решив, что уже подстрелил меня. Бог знает, сколько времени я пролежал в грязи, дрожа от страха и холода, слушая грохот пулемета. Но наконец-таки подоспели наши ребята и уложили пулеметчика при помощи трофейного фаустпатрона».

---

* К 14 февраля 1-й канадской армии противостояли одна танковая, две парашютных, три пехотных и одна моторизованная дивизии.

Грязь, минные поля и проливные дожди стали основным лейтмотивом битвы за Рейхсвальд. Большинство огневых точек противника было уничтожено огнеметными танками «Черчилль», разбрасывавшими подобную напалму горящую жидкость на расстояние до 120 м. В британской армии их называли «крокодилами». В боях за высоты Матерборна, на северной окраине леса, наступавшие английские солдаты вызвали на подмогу «крокодилов» для уничтожения дотов противника. Один из членов экипажа вспоминал:

«Нам было приказано уделить основное внимание на подходы и в особенности обстреливать укрепления и доты противника. Там развернулась ужасная битва с огромным количеством танков, наступающих по широкому фронту. Повсюду гремели взрывы, а пехота плотными рядами держалась позади танков. Мы направились к бетонному укреплению, откуда пара пулеметов косила пехоту. Как только мы собрались атаковать, самоходное орудие выстрелило в нас, но промахнулось. Снаряд разорвался в нескольких метрах за нами. Прежде чем самоходка выстрелила в очередной раз, ее саму подбили. Мы мчались вперед, получив приказ «Огонь!». Послышался рев, когда вперед полетела огненная струя; через мгновение она накрыла бункер. Кусты вокруг него сразу же загорелись, и все заволочло густым дымом. Мы сделали еще один залп и увидели, как в огне корчится немецкий солдат».

Дожди не прекращались. Уровень воды повышался, и несколько проселочных дорог оказались затопленными, что вызвало чудовищный затор в тылу наступавших войск. Когда 43-я дивизия выдвигалась для наступления на Клеве, то попала в одну из страшнейших автомобильных пробок за всю историю войны, в которой транспорт 15-й дивизии смешался с боевыми машинами 1-й канадской армии.

На обеих полосах движения дороги танки и просто колесный транспорт застряли в непролазной грязи. Командир бригады Эссам описал сцену, представшую глазам командующего 43-й дивизией генерал-майора Айвора Томаса:

«За ним неподвижно замерла огромная транспортная пробка. Дорога была затоплена, и вода быстро прибывала. И через весь этот хаос и бедлам генерал-майору предстояло провести свою 227-ю бригаду, чтобы выполнить боевую задачу по захвату Матерборнских высот и города Клеве. Встреча двух командующих была довольно холодной. На рассвете, после обмена непечатными выражениями, командиры решили, что 43-я дивизия очистит дорогу и позволит 15-й резервной бригаде выйти на южную окраину города. Но кошмар с пробкой продолжался. Неудивительно, что о планах захватить Клеве в тот же день пришлось забыть. К ночи обе дивизии под Краненбургом оказались на метр в воде».

К 13 февраля Рейхсвальд наконец-таки удалось очистить от противника. 15-я дивизия захватила Клеве после 48-часовых уличных боев, которые, по словам одного из очевидцев, более всего напоминали крупную перестрелку в стиле американских вестернов. И то, что после ночной бомбардировки 7 февраля городские кварталы больше напоминали лунный пейзаж, несколько не облегчило задачу дивизии. Дороги в Клеве оказались теперь полностью непроходимыми. Город был передан 3-й канадской дивизии, прошедшей по затопленной местности к северу от дороги Краненбург — Клеве на амфибиях «Буффало», в то время как 15-я дивизия соединилась с 51-й дивизией в наступлении на Гох, ключевой пункт на севере Западного вала. Оборонявшиеся держались до утра 22 февраля, к тому времени 1-я канадская армия пробила 30-километровую брешь между Маасом и Рейном. 22 февраля французы и

канадцы 3-й канадской дивизии взяли деревню Мойланд, закрывавшую путь на Калькар, последнюю цель Хоррокса. После четырех дней ожесточенных боев, в ходе которых практически была уничтожена элитная танковая дивизия Леера, брошенная в бой Шлеммом в ночь на 19 февраля, канадские войска ворвались в Мойланд. Там их встретила престарелая баронесса Штенграхт фон Мойланд, выразившая протест по поводу того, что солдаты проигнорировали белые флаги, вывешенные из окон ее замка. Когда пехотинцы проинформировали ее о том, что боевой опыт научил их не доверять белым флагам, баронесса ответила, что во всем виноваты эти «ужасные люди из СС». Чуть позже в тот же день британский военный корреспондент Р. В. Томпсон слушал, как молодой канадский офицер наигрывал в полуразрушенной гостиной замка баронессы «Варшавский концерт»* на фортепиано. Отъезжая в отпуск в Брюссель, Томпсон последний раз посмотрел на Мойландский замок, с круглой башни которого свисали белые флаги.

Калькар пал 23 февраля. Хоррокс лично обратился к своим солдатам:

«Вы только что успешно завершили первую часть операции. Вы взяли в плен 12 тысяч немцев и убили их немало. Вы прорвались через линию Зигфрида и отвлекли на себя основные резервы германской армии на Западном фронте. Мощное американское наступление сегодня началось через Рур в полчетвертого утра на позициях, которые благодаря вашим стараниям уже практически никто не обороняет. Наше наступление изменило положение на фронтах в пользу союзников и значительно повысило их шансы на успех. Спасибо за то, что вы сделали. Если мы продержимся еще пару дней, германский фронт рухнет».

---

* Речь идет о музыке Ричарда Оддинселла к романтическому фильму 1940 г. «Опасный лунный свет», в котором главные роли сыграли Энтон Уолбрук и Салли Грей.

Американским наступлением, о котором говорил Хоррокс, стала операция «Грнейд», начало которой планировалось через день после операции «Веритабль», но сорвалось из-за того, что 1-й американской армии не удалось захватить рурские плотины в целостности и сохранности. Плотины под Шмидтом оставались в руках немцев, и обороняли их 62-я и 272-я дивизии фольксштурма, которые хорошо окопались и не испытывали недостатка в оружии и боеприпасах. 5 февраля 1945 г. 78-я дивизия 1-й американской армии предприняла решительный штурм плотины Швамменнацль. Ее поддержали танки «Шерман» 7-й бронетанковой дивизии США. Они подошли к плотине, но не располагая ни артиллерией, ни спецтехникой, так и не смогли ее захватить. 8 февраля дамба в районе Шмидта наконец-таки оказалась в руках американцев, а на следующий день 9-я пехотная дивизия пошла на захват дамбы, контролировавшей водосброс реки Рур.

В гидротехнические затворы плотины германские инженеры заложили заряды взрывчатки. Они не собирались взрывать плотину — это вызвало бы гигантский потоп. Предполагалось, что при взорванных затворах плотины и без того полноводный к паводку Рур разольется на несколько недель. Данный план принял лично Гитлер после консультаций с генеральным штабом.

Вечером 9 февраля в сумерках солдаты 9-й дивизии прорвались к плотине. Среди них был и рядовой Тони Салливан:

«...справа от нас две огромные сливных трубы уходили по крутому склону в кромешную тьму. Сержант приказал нам наступать на вершину холма, и только мы схватились за оружие, в том числе и легкий пулемет, как услышали несколько взрывов, от которых содрогнулась земля, и в следующую секунду с холма хлынуло настоящее море воды. Шум был ужасный. Оглянув-

шись, мы увидели, как солдаты разбегаются прочь от ревущего водяного потока. Некоторое время мы пребывали в оцепенении, не зная, что предпринять, и казалось, что нам пришел конец. Но в следующий момент германская артиллерия открыла прицельный огонь, и пришлось срочно искать укрытие».

В полночь солдаты 309-го пехотного полка захватили зал управления плотиной. Взвод саперов направился к инспекционному тоннелю, и обнаружилось, что проход завален. Под пулеметным обстрелом противника саперы спустились почти на 100 м к затвору. Но было слишком поздно, миллионы литров воды вырывались наружу, затапливая местность к северу от Рейхсвальда, по которой собиралась наступать армия США. Ее командующий, генерал Уильям В. Симпсон, был вынужден остановить наступление и остаться беспомощным наблюдателем, в то время как британцы пробивались через Рейхсвальд.

Операция «Гренейд» началась только 23 февраля, когда в полчетвертого утра 19-й и 12-й корпуса начали при поддержке 7-го корпуса 1-й армии форсирование Рура на правом фланге Симпсона. К рассвету дивизионным саперам, несмотря на мощный обстрел противника, удалось возвести два временных моста через реку. Однако их тотчас же заметили и уничтожили немцы. На правом берегу пехота Симпсона при поддержке истребителей-бомбардировщиков Р-47 «Тандерболт» продвинулись до Юлиха, который и взяли к наступлению ночи, за исключением главной городской цитадели — мощной, укрепленной валами, и рвами крепости. К тому времени пехота и танки уже двигались по двум пешеходным мостам и тяжелому понтонному мосту, переброшенному через Рур. 1-я армия Шлемма оказалась зажатой между наступающими колоннами Симпсона на юге и зоной наступления Крерара в поросших лесами высотах Хохвальда на севере, напротив Везеля. А на реке Рур оборона

немцев довольно быстро разрушалась, и к 26 февраля плацдарм Симпсона, усиленный семью тяжелыми мостами и множеством легких, расширился на глубину до 30 км и в ширину до 15 км. Поскольку погода улучшилась, а почва подсохла, Симпсон бросил в бой большую часть своих танков. 13-й корпус ударил в северо-восточном направлении, чтобы соединиться с 1-й канадской армией, в то время как 19-й корпус полным ходом шел к Рейну. Наблюдая за боевыми действиями 2-й бронетанковой дивизии 19-го корпуса с разведывательного самолета, корреспондент «Таймс» Сидни Олсен лирически живописал происходящее внизу:

«Первыми наступали длинные ряды грохочущих танков. Они двигались подобно тяжелым черным жукам по зеленым полям Германии.

...А на порядочном расстоянии вслед за ними шло куда большее количество танков, некоторые из них выезжали из строя и катили по равнине, окружая и уничтожая упрямо сопротивляющиеся укрепления противника. За ними на многие километры растянулись грузовики, доверху набитые пехотой. Они ловко маневрировали, объезжая особо опасные места. Вслед за ними шла полевая артиллерия...»

1 марта 1945 г. 29-я дивизия 19-го корпуса заняла оставленный противником город Мюнхен-Гладбах в 25 км от Рейна. На следующий день под ударами 83-й дивизии пал Нейсс, на западном берегу Рейна напротив Дюссельдорфа. Американцам удалось захватить западную оконечность городского железнодорожного моста через Рейн, но немцы все же успели его взорвать. В ту же ночь та же дивизия отправила колонну танков «Шерман» на юг, чтобы захватить мост в Оберкасселе. Танки эти были замаскированы под немецкие, а в их экипажи входили только американцы, прекрасно говорившие по-немецки. Тан-

кам удалось успешно пройти через германские боевые порядки вплоть до самого Оберкасселя. Они уже находились вблизи моста, когда проезжавший рядом немецкий солдат-велосипедист внезапно поднял тревогу. За это ему пришлось поплатиться жизнью. Крупнокалиберный пулемет «Шермана» разнес его на куски. Но как только американские танки подошли к мосту, он взлетел на воздух.

На левом фланге Симпсона британский 30-й корпус наступал в юго-восточном направлении к Гельдерну, где 3 марта 53-я (валлийская) дивизия встретила с 35-й дивизией 16-го корпуса США.

В момент соединения союзных частей американские танковые экипажи 135-го батальона открыли огонь по бронемашинам англичан, приняв их за противника. Британскому офицеру пришлось проползти не менее 300 метров под шквальным огнем, прежде чем недоразумение выяснилось и американцы прекратили стрельбу. После этого последовали братание и обмен сигаретами.

Большую часть Хохвальда очистили от противника ко 2 марта, после трех дней тяжелых боев, хотя отдельные очаги германского сопротивления сохранялись в данном районе еще целую неделю. Теперь канадцы и англичане повернули на восток к Везелю, куда Шлемм перенес свой штаб. Гитлер издал строжайший приказ использовать мосты до последнего и подрывать их в том случае, если противник приблизится к ним менее чем на 20 км. Смертная казнь ожидала любого, кто сдаст мост союзникам в целостности и сохранности. (Позднее, когда Шлемм попал в плен, он лаконично сообщил, что, имея в своей зоне ответственности несколько мостов через Рейн, он не надеялся прожить долго). Шлемм позвонил Рундштедту и сказал ему напрямую следующее: «Если у вас имеется перед собою карта, вы с первого взгляда поймете сложившуюся ситуацию. Мои дивизии окружены, а за спиною у меня Рур. И в данных усло-

виях я ничего не могу предпринять против превосходящих сил противника. Я прошу вашего разрешения отступить на восточный берег Рейна».

Рундштедт, однажды мудро заметивший, что единственные солдаты, которыми он может распоряжаться по собственному усмотрению, это те, кто охраняет двери его кабинета, передал решение данного вопроса в ОКВ. Ответ последовал незамедлительно: Шлемм должен держаться до последнего, а верховное командование тем временем пришлет на фронт штабных офицеров, чтобы они верно оценили сложившуюся ситуацию. 5 марта Шлемм подорвал все мосты на своем участке за исключением Везельского. Через 3 дня Крерар предпринял мощную атаку на деревню Ксантен на периметре обороны вокруг Везеля, где немецкие парашютисты под защитой глубоких минных полей, заграждений из колючей проволоки и противотанковых рвов оказывали фанатичное сопротивление войскам союзников. Под шквальным огнем инженерам удалось проложить мосты через рвы, по которым пошли огнемётные танки «Черчилль», уничтожавшие передовые позиции врага. Их поддерживали меньшие по размеру «уоспы» — машины с огнемётами, установленными в пулеметных турелях, выкуривавшие германских парашютистов из домов. В конце концов деревню заняла 4-я лёгкая пехотная бригада, солдаты которой, по воспоминаниям одного немца, «были весьма грязны, но чрезвычайно довольны тем, что мы, наконец, сдались». Командир бригады Эссам приказал своим офицерам построиться и отдал честь, пока мимо них вели измученных защитников Ксантена. За это его потом не раз критиковали, но Эссам остался при своем мнении, считая, что «германский гарнизон Ксантена проявил благородный рыцарский дух».

Несмотря на то, что кольцо окружения неумолимо смыкалось, остатки 1-й армии вермахта продолжали мужественно сражаться. И наконец обещанный

ОКВ офицер в новой, с иголки форме прибыл в штаб Шлемма для оценки ситуации. Шлемм решил отомстить верховному командованию, предложив офицеру пройти на передовую кратчайшим путем, через зону обстрела, от которого содрогались бетонные стены бункера. Побелевший от страха штабист поспешил согласиться, что отступление на противоположный берег Рейна является единственно правильным решением, и быстро вернулся туда, откуда приехал. 10 марта в 7 часов утра Везельский мост рухнул в Рейн. Битва за Западный вал на севере была окончена. 1-я канадская армия заплатила за победу высокую цену, потеряв 15734 человека, при этом англичане потеряли 770 офицеров и 9660 солдат. Канадцы лишились 379 офицеров и 4925 солдат. 9-я американская армия потеряла 7300 человек.

Неделей раньше Уинстон Черчилль прибыл в штаб Монтгомери, чтобы проинспектировать ход сражения за Западный вал. В сопровождении Брука, Монтгомери и американского генерала Симпсона, с конвоем автомобилей, с представителями прессы, Черчилль покатил на «Роллс-Ройсе» посмотреть на немецкие укрепления, захваченные с таким трудом. Поездку эту оживил один сюрреалистический эпизод. Автомобилю премьер-министра пришлось остановиться, чтобы дождаться специального джипа, на котором передали вставную челюсть Черчилля, и тот не преминул здесь же при всех вставить ее в рот. На Западном валу Черчилль вел себя как никогда театрально. Облаченный в мундир полковника 4-го гусарского полка, в который он поступил еще в 1895 г. в 18-летнем возрасте, он подошел к ряду бетонных «зубов дракона», расстегнул ширинку и пригласил собравшуюся вокруг него изысканную публику «помочиться на великий германский Западный вал». Повернувшись к любопытным фотографам, уже нацелившим на него свои камеры, и одновременно пустив струю мочи на германский бетон, Черчилль

крикнул: «А вот это одна из операций этой великой войны, которая не нуждается в графическом воспроизведении». Позднее Брук вспоминал: «Я никогда не забуду детскую улыбку внутреннего удовлетворения, появившуюся на его лице в этот критический момент».

7 марта 7-й корпус Коллинза 1-й американской армии Ходжеса достиг Рейна в районе Кельна. Это было частью операции Брэдли под кодовым названием «Ламберджек», в ходе которой 12-я группа армий союзников выходила к Рейну на центральном участке фронта. Здесь немцы также, отступая, уничтожили все мосты через реку. Километрах в шестидесяти к югу находился город Ремаген с железнодорожным мостом Людендорфа, связывающим оба берега Рейна. В 12.56 пополудни 7 марта солдаты роты «А» 27-го мотострелкового батальона заняли высоту на западном берегу Рейна у Ремагена и с удивлением увидели, что мост через реку не разрушен. Рота «А» под командованием 22-летнего лейтенанта Карла Тиммерманна, передвигавшаяся на полугусеничных машинах при поддержке четырех танков М26 «Першинг», действовала в составе оперативной группы «Энгеман», сформированной из различных родов войск и являвшейся частью боевого командования «Б» бригадного генерала Уильяма Хоуга из 9-й бронетанковой дивизии. Оперативная группа получила приказ захватить Ремаген, а затем повернуть на юг, чтобы соединиться с другими частями 9-й бронетанковой по реке Ар, текущей на запад от Эйфельских гор. Прибытие группы «Энгеман» в Ремаген являлось составной частью наступления 1-й американской армии на Рейн, после чего планировалось его форсирование и продолжение наступления в южном и северном направлениях. В приказах не упоминалось о Ремагенском мосте, отчасти потому, что форсирование Рейна на данном участке не планировалось, а отчасти и потому, что после разочарований последних дней никто уже не надеялся, что здесь

остался целый мост. Тремя днями раньше командующий 9-й бронетанковой армией генерал-майор Джон Леонард получил неофициальное заявление, что если ему удастся захватить этот мост, его имя «прославится на века». В ответ он пробурчал нечто невразумительное.

Тиммерманн и его солдаты наблюдали, как по мосту движутся германские солдаты и гужевого транспорт, а также стадо коров, перегоняемых в тыл.

Подполковник Леонард Энгеман, командир оперативной группы, поспешил срочно прибыть на передовую. На тот момент его главной целью оставался захват Ремагена. Проведя быструю рекогносцировку, он решил не рисковать своими танками, наступая по узкой дороге с крутыми обочинами. Вместо этого он приказал роте Тиммерманна пробраться лесом к городу и очистить от противника окрестности, после чего четыре «Першинга» под командованием лейтенанта Джона Гримболла придут к ним на подмогу. Вскоре уже три взвода Тиммерманна пробивались с боем по улицам Ремагена. Им удалось рассеять противника и захватить городской железнодорожный вокзал. В полтретьего дня к ним присоединились танки Гримболла, которые подъехали к переправе и открыли шквальный огонь по противоположной стороне моста, дабы предотвратить неожиданный маневр противника. Было видно, как на противоположном берегу немецкие солдаты укрываются в тоннеле, пробитом в базальтовой скале.

В три часа дня Тиммерманн и его третий взвод под командованием сержанта Джозефа Делизио вышли к городскому кладбищу вблизи двух гранитных башен на западной оконечности моста Людендорфа. Американцы встретили здесь довольно слабое сопротивление. Дело в том, что оборона Ремагена не являлась первостепенной задачей фельдмаршала Моделя, командовавшего германской группой армий «В». Он считал, что гористая местность восточнее Рема-

гена непригодна для танкового прорыва в Германию. Внимание Моделя делилось между Бонном, находившимся в 40 км к северу от Ремагена (там, по данным разведки, американцы собирались форсировать Рейн), и Кобленцем на юге, которому угрожала 3-я армия Паттона. 7 марта мост у Ремагена оборонял сборный отряд, состоявший из саперов, 60 солдат фольксштурма и нескольких зенитчиков, 20-мм орудия которых вели беспорядочный огонь по американцам на противоположном берегу Рейна. Командир гарнизона капитан Вилли Братге получил приказ подготовить мост к взрыву, но ответственный за это инженер из гражданских еле-еле наскреб 600 килограммов низкосортной промышленной взрывчатки, которую заложили на опоры центрального пролета моста. Командир саперов капитан Карл Фризенган успел заминировать подходы к мосту на западном берегу.

В тот день Братге сопровождал майор Ганс Шеллер — представитель генерал-майора Хицфельда, командира 57-го корпуса в долине реки Ар, и ответственный за Ремагенский мост. Хицфельд приказал Шеллеру не взрывать мост как можно дольше, чтобы обеспечить пути отхода немецких войск. И пока Шеллер раздумывал, пора выполнять этот приказ или нет, американские танки вплотную приблизились к реке. Через 20 минут, когда Фризенган все еще раздумывал, Энгеман приказал захватить мост.

Итак, Тиммерманн и его солдаты теперь оказались перед перспективой получения ценнейшего приза, который в любой момент мог взорваться под ногами. Через две минуты их размышления прервал мощный взрыв. Это Фризенган все-таки попытался уничтожить переправу. Когда дым рассеялся, стало ясно, что мост по-прежнему стоит. Тиммерманн приказал своей роте перейти на противоположную сторону Рейна. Когда солдаты 1-го взвода под командованием сержанта Майка Чинчера преодолели воронку на подходе к мосту, последовал второй взрыв. И

вновь мост уцелел! Наконец Шеллер приказал подорвать основной заряд, но подвела электропроводка, ведущая к детонатору. Под мощным обстрелом американских танков с западного берега и артиллерии Энгемана один из саперов Фризенгана — сержант Фауст — побежал на мост, чтобы поджечь детонатор из ракетницы. Он успел добежать до тоннеля, когда прогремел самый мощный взрыв. Однако вследствие него прогнулся лишь центральный пролет, да в настиле моста образовалась зияющая дыра. Под пулеметным огнем солдаты Тиммеманна бросились по мосту. Пулеметные гнезда в башнях вскоре удалось подавить, и честь первого бойца, вступившего на восточный берег Рейна, выпала на долю сержанта Алекса Дрэбика, командира отделения 3-го взвода.

К 4.05 пополудни уже 75 солдат благополучно перебрались на противоположный берег и брали первых пленных, а за ними саперы спешно перерезали провода и сбрасывали в Рейн взрывчатку. Выход из тоннеля оказался заблокированным, и в 4.30 Братге сдался. Шеллер же с места боя исчез. Хоуг направил к мосту подкрепление и послал донесение вышестоящему начальству о своем успехе, срочно требуя поддержки.

Когда поступило донесение о захвате Ремагенского моста, Брэдли находился в Штабе верховного главнокомандования союзных сил, где имел довольно неприятную встречу с генералом Г. Р. Буллом, офицером из штаба Эйзенхауэра оперативного отдела. Булл намеревался лишить Брэдли четырех дивизий и перебросить их на подмогу 6-й группе армий на юг. После того как Брэдли переговорил по телефону с генералом Ходжесом, он с победным видом повернулся к Буллу и заявил следующее: «Твоя игра окончена. Ходжес уже перешел Рейн по мосту». Но на Булла эти слова не произвели никакого впечатления. По его мнению, из Ремагена было некуда наступать, и в любом случае «это не вписывается в план операции. Хоть сердце

Айка сейчас и на твоём участке фронта, душа его на севере».

Захват Ремагенского моста поставил Эйзенхауэра перед дилеммой. В дополнение к форсированию Рейна на севере, запланированному Монтгомери, стратеги штаба верховного главнокомандования союзных экспедиционных сил решили, что 3-я армия Паттона должна совершить вторую переправу через Рейн — между Кобленцем и Майнцем. Однако 7 марта Паттон никак не мог пробиться к Рейну. Так что наступление из Ремагена оказалось под ударом срыва, поскольку ни Паттон, ни Монтгомери ещё даже не вышли к Рейну. Поначалу Эйзенхауэр разрешил Брэдли перебросить в Ремаген четыре дивизии, но спустя несколько дней отменил приказ, и к 22 марта, когда войска Монтгомери переправились через Рейн под Везелем, силы союзников на юге составляли три корпуса.

Гитлер, узнав о событиях под Ремагеном, сразу же отдал приказ контратаковать. Но его решение оборонять западный берег Рейна и переброска войск на север для борьбы с англичанами и канадцами оголили оборону на восточном берегу. 11-й моторизованной дивизии понадобилось двое суток, чтобы прибыть к месту прорыва Рейнского рубежа. К тому времени Ходжес уже переправил на противоположный берег три дивизии и с каждым часом расширял захваченный плацдарм. Так что основная тяжесть борьбы с американцами легла на плечи люфтваффе. В течение 9 дней германские истребители-бомбардировщики атаковали Ремагенский мост и ещё три временных моста, наведенных через Рейн саперами 1-й армии. Воздушная поддержка американцев была весьма ограниченной, поскольку удобных аэродромов вблизи от захваченного плацдарма не имелось. И тогда Истребительное командование королевских ВВС Великобритании решило использовать «темпесты» из 122-го авиакрыла, которые вполне могли достичь

Ремагена с аэродромов Голландии. В течение нескольких дней «темпесты» летали в Ремаген, чтобы противостоять авианалетам люфтваффе. Одним из первых вылетов руководил французский ас Пьер Клостерманн. Позднее он вспоминал:

«Наши 8 «темпестов» летели вдоль Рейна через Кельн и, наконец, достигли Ремагена, где нас своеобразно приветствовали бдительные американцы. У янки настолько сдали нервы, что даже после того, как мы передали им опознавательные сигналы и они поняли, кто мы, они тем не менее продолжали время от времени палить по нам из «Бофорсов». С третьего залпа шрапнель угодила мне в крыло, и я понял, что могу стать мишенью для этих джентльменов. Я уже собрался отдать своему формированию приказ развернуться на 180° и лететь домой, как вдруг — о ужас! — мы оказались лицом к лицу с целой армадой из семи или восьми «Арадо-234»* в сопровождении тридцати Me-262, и все они пикировали на этот несчастный мост. На полной скорости я погнался за ними. Когда я открыл огонь по «Арадо» приблизительно с расстояния в тысячу метров, слева от меня из облаков вынырнуло не менее 40 длинноносых Ta-152**! Да катись все к чертям! Я предупредил своих по радиации и погнался дальше. Скорость пугающе росла — 700 км/ч, 725, 750. Я спикировал под углом в 50°. 7 тонн веса в моей машине, да мощность двигателя в 3000 лошадиных сил — это, я вам скажу, еще те перегрузки. «Арадо» выровнялся в нескольких сотнях метрах от моста. Я был метрах в 800 за ним, но стрелять побоялся: На такой скорости при стрельбе у меня бы точно разнесло крылья. Все еще находясь на хвосте у

---

* Известные как «Блиц», «Арадо-234» были первыми в мире бомбардировщиками с реактивным двигателем и обладали максимальной скоростью 740 км/ч.

** Улучшенная версия «Фоккевульфа» FW-190D. Скорость самолета превышала скорость любого из истребителей союзников. Но у немцев их имелось всего 70 штук.

своего немца, я попал под жестокий обстрел 40-миллиметровок. Я четко видел, как «Арадо» сбросил две бомбы. Одна из них упала за мостом, а вот вторая прямо на проходившую по нему дорогу. Я как раз пролетал над мостом, где-то метрах в 50 левее, когда эта бомба рванула. Мой самолет понесло как щепку, и я почувствовал, что теряю управление. Я инстинктивно закрыл дроссель и потянул рукоятку до отказа. Мой «Темпест» мгновенно взлетел километра на три ввысь, и я оказался вверх тормашками в облаках. Началась сильная вибрация, и мой двигатель вырубился. Лицо обдало брызгами масла, грязи и металлической пыли, после чего я рухнул и самолет вошел в штопор. Штопор на «Темпесте», скажу я вам, это самое страшное, что можно придумать. Когда я, наконец, вылетел из облака, мой самолет был все еще в штопоре и менее чем в километре над землей. Я подал рукоятку вперед и широко открыл дроссель. Двигатель зачихал и совершенно неожиданно заработал вновь. Казалось, он вот-вот выскочит из фюзеляжа. Штопор перешел в спираль; я осторожно проверил рули, они по-прежнему действовали безотказно. Однако лежащие внизу поля стремительно приближались. Мне удалось выйти из пике где-то метрах в 50 над землей. Круто. Расстегнув шлем, я почувствовал, как взмокли от пота мои волосы».

В районе Ремагена немцы пошли на отчаянные меры, пытаясь уничтожить мосты при помощи «водолазов-диверсантов» и даже ракет «Фау-2». Это единственный случай за всю историю Второй мировой войны, когда ракету использовали в тактических целях. Ремаген обстреливала величайшая пушка вермахта — 130-тонный «Карл», который, правда, вышел из строя, выпустив всего лишь несколько 1800 килограммовых снарядов. Дальнобойная артиллерия продолжала обстреливать плацдарм, превратив Ремаген в развалины, осыпая мосты осколками и каскадами

водяных брызг. 11 марта железнодорожный мост был закрыт на ремонт центрального пролета, но ослабленная конструкция не смогла выдержать нагрузок, и в 3 часа пополудни 17 марта мост с «жутким грохотом» рухнул в Рейн. При этом погибло 28 ремонтников, работавших на нем.

Захват Ремагенского моста нанес мощный психологический удар по боевому духу немцев. Ведь до 7 марта большинство жителей Германии было убеждено в том, что Рейн является естественной преградой наступлению союзников. Теперь, когда эти надежды рухнули, за дело взялись «летучие спецтрибуналы «Запад», созданные Адольфом Гитлером. Шеллера и трех других офицеров осудил трибунал, и на рассвете 13 марта их казнили. Братге и Фризенгана судили в «их отсутствие». Братге был приговорен к смерти, а Фризенган оправдан. Но это уже не имело никакого значения, поскольку оба они к тому времени находились в плену у американцев.

Еще одной жертвой стал Рундштедт, которого в последний раз отстранили от должности. Теперь командующим Западным фронтом стал фельдмаршал Альберт Кессельринг, невероятно способный полководец, которому удалось провести блестящую оборонительную кампанию в Италии. По крайней мере поначалу Кессельринг нисколько не сомневался, что справится с поставленной перед ним задачей. Свой штаб он приветствовал следующим замечанием: «Ну что ж, господа, я новая ракета «Фау-3».

Тем временем союзники добились впечатляющих успехов на южном участке фронта. В первую неделю марта 3-я армия Паттона прорвалась через Эйфель, очистила от противника северный берег Мозеля и 10 марта взяла Кобленц. Мосты там были взорваны, так что Паттон повернул на юго-восток через Мозель, обогнув укрепления Западного вала, в то время как 7-я американская армия генерал-лейтенанта Александра Пэтча все еще пробивалась через него между

Саарбрюкеном и Калсруэ. Тем самым Паттону удалось отрезать большое количество германских войск. Паттон был решительно настроен не только потеснить Ходжеса на пьедестале, где тот купался в лучах славы после взятия Ремагенского моста, но также и обойти Монтгомери, готовившегося форсировать Рейн в районе Везеля. Паттон, ярый англофоб, записал в своем дневнике следующее: «Крайне важно заставить 1-ю и 3-ю американские армии настолько заняться осуществлением их нынешних планов, чтобы они не смогли двинуться на север, чтобы играть вторую скрипку в реализации британской идеи атаковать равнину Рура силами 60 дивизий».

В своей кампании Паттон дошел до Рейна на 150-километровом фронте от Кобленца до Мангейма, уничтожив при этом 37 тысяч немцев и взяв в плен 87 тысяч. 21 марта 1945 г. он записал в своем дневнике: «Конечно же, мы поставили грандиозное шоу, но, боюсь, нам придется его прикрыть, как только мы переправимся через Рейн».

22 марта Паттон соединился с частями 7-й армии Пэтча, двигавшейся с юга. Огромные колонны разного рода транспорта, тянувшиеся в тыл, напомнили одному из водителей грузовиков Нью-Йорк в час пик. В ту ночь Паттон форсировал Рейн, прижав германскую 7-ю армию* под Майнцем и переправившись на противоположный берег в Оппенгейме, километрах в 20-ти к югу, где он использовал десантные лодки, припрятанные на восточном берегу еще осенью 1944 г.

Примерно в 10 часов вечера солдаты 23-го пехотного полка форсировали Рейн. Первые же попавшиеся им на противоположном берегу немцы в панике бросали оружие и поспешили сдаться в плен. Со-

---

* На тот момент в 7-ю армию входили один корпус, набранный из мужчин средних лет, и тыловые подразделения, из которых еле удалось сформировать четыре дивизии, практически не имевшие бронетехники.

противление вспыхивало лишь спорадически, и к рассвету 5-й дивизии удалось переправить через Рейн шесть батальонов. Триумфатор Паттон позвонил Брэдли утром 23 марта и сообщил, что прошлой ночью он переправил через Рейн целую дивизию. «Немцев вокруг так мало, что они еще не знают об этом. Пока и мы будем держать это в тайне, поскольку неизвестно, как будут развиваться события дальше». Пресс-атташе Паттона в 12-й группе армий подполковник Ричард Стиллиман был куда менее скромнен, объявив: «Без поддержки бомбардировочной авиации, дымовых завес, артподготовки и без помощи воздушного десанта 3-я армия в 22.00 вечера, в четверг, 22 марта форсировала Рейн».

Находившегося напротив Везеля Монтгомери несколько не тронули разворачивавшиеся на юге драматические события. Командующий 21-й группой армий не собирался забывать о поддержке с воздуха и артиллерии. Монти был не из тех, кто спешит. Была назначена точная дата форсирования Рейна (операция под кодовым названием «Пландер»), и ему не хотелось ускорять события. 9-я армия США, которая должна была поддержать его в этой операции на правом фланге, вышла к Рейну близ Дюссельдорфа тремя неделями раньше, но Монтгомери оставался глух к мольбам Симпсона форсировать реку.

Операция «Пландер» планировалась Монти скрупулезно и предполагала безжалостную концентрацию превосходящих сил. Позднее он писал, что был решительно настроен «начать наступление и развивать последующие операции максимальным количеством имеющихся в нашем распоряжении сил». К 22 марта передовые части 2-й британской армии получили 60 тысяч тонн боеприпасов и 30 тысяч тонн инженерного оборудования. За неделю до начала операции на участке 2-й армии находилось более 600 танков, 4000 танковых транспортеров и 32 тысячи автомобилей. В подготовке к форсированию Рейна было задействова-

но около 60 тысяч британских и американских саперов. В финальной фазе подготовки к операции их прикрывала дымовая завеса протяженностью 75 километров. К наступлению готовились три корпуса: 30-й на севере, 17-й в центре, напротив Везеля, и 16-й американский корпус на юге, на участке Динслакен. Плацдарм в районе Везеля предстояло захватить и расширить на восток в результате крупной воздушно-десантной операции под кодовым названием «Варсити» силами 18-го воздушно-десантного корпуса американского генерала Мэтью Б. Риджуэя, в который входили 6-я британская и 17-я американская воздушно-десантные дивизии. Перед ними стояла цель захватить Дирсфортерский лес к северо-востоку от Везеля. Обе дивизии должны были высаживаться сразу в течение трех часов. Для того чтобы вооруженные легкодесантные войска не оказались в изоляции без поддержки танков, соединение с основными силами планировалось уже в первый день операции.

И пока Монтгомери размышлял, как преодолеть проблемы, связанные с операцией «Пландер», Эйзенхауэр в очередной раз изменил свою позицию в отношении приоритетов, которые следовало расставить для британского командующего. Верховный главнокомандующий только что встретился с Брэдли на вилле в Каннах. Первоначально Эйзенхауэр планировал наращивать мощь наступления 12-й группы армий, но считал его вспомогательным по отношению к операции «Пландер». Теперь он решил, что Брэдли должен начать главное наступление в качестве альтернативы на тот случай, если Монтгомери начнет пробуксовывать. 21 марта, за два дня до начала форсирования Рейна англичанами, Брэдли получил приказ «создать крепкий плацдарм на противоположном берегу Рейна в районе Франкфурта и наступать всеми силами в направлении Касселя», где должны были соединиться силы Ходжеса, двигавшиеся на юг от Ремагена, и войска Паттона, наступав-

шие на север от Франкфурта. Эйзенхауэр намеренно проинформировал генерала Маршалла, что это дает ему силы южнее Рура, по крайней мере равные 21-й группе армий. Брэдли, будучи уверен, что ни одну из его дивизий не передадут Монтоммери, приказал Паттону форсировать Рейн с хода. Решение Эйзенхауэра создать плацдарм в районе Франкфурта прозвучало похоронным звоном по планам Монтоммери войти в Берлин триумфатором.

23 марта, когда в голубом небе ярко светило солнце, Монтоммери сказал своим солдатам:

«Вероятно, враг думает, что он в безопасности за этой широкой водной преградой. Мы согласны, что это и впрямь великое препятствие, но мы покажем врагу, что он отнюдь не в безопасности. Великая союзная военная машина, состоящая из сплоченных сухопутных и военно-воздушных сил, решила эту проблему. Преодолев Рейн, мы прорвемся на равнины Северной Германии и будем преследовать врага вплоть до окончательной победы».

Рейн в районе Везеля имеет в ширину приблизительно 400 метров, а оба его берега представляют собой широкую топкую равнину. На восточном берегу немцы подготовили разветвленную систему траншей, защищенных заграждениями из колючей проволоки и минными полями. В стоявших за ними сельских каменных домах были оборудованы многочисленные противотанковые и пулеметные гнезда. И вновь 21-й группе армий противостояла 1-я армия, состоящая из 2-го парашютно-десантного корпуса, 86-го корпуса и 63-го корпуса, которые дислоцировались вдоль реки вместе с 47-м танковым корпусом, стоявшим в резерве. Участок, по которому 12-й британский корпус наносил основной удар, удерживался 7-й парашютно-десантной и 84-й пехотной дивизиями. Общие силы этих двух дивизий составляли менее

Советские Пе-2 над Берлином

Бои на улицах Вены

Артиллерия ведет огонь по укреплениям врага в районе Данцига

Фашистские укрепления в Кенигсберге

Воины 1-го Белорусского фронта вступили на окраины Варшавы

Уличные бои в Глейвице

Пленные солдаты фольксштурма

Батарея ведет огонь по Бреслау

Танковый корпус введен в прорыв

Освобожденная Варшава

Бойцы получают боевую задачу

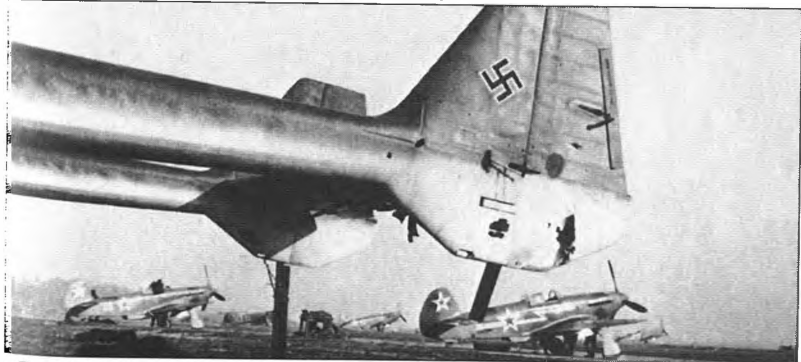
Сон после боя

Летчики 10-го штурмового авиакорпуса

*Вручение наград участникам штурма рейхстага.
Крайние справа: М. Егоров и М. Кантария*

Советский авиаполк близ Кенигсберга

*Немецкие позиции западнее р. Одер
после артналета*

Война пришла и к немцам

Майор Г. Халиуллин и чешские дети

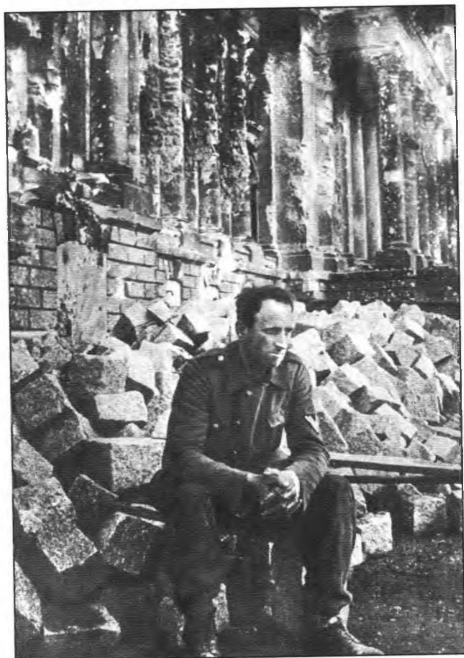
Пленные на улицах Берлина

*Окончание боев на п-ове
Земланд*

*Сломанный «меч»
Третьего рейха*

Война окончена

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии

1500 человек, большая часть которых была новобранцами. 12-й корпус, напротив, имел в своем распоряжении одну танковую дивизию, две танковых бригады, три пехотных дивизии и одну пехотную и десантную бригаду. 84-я дивизия могла выставить лишь десять полевых орудий и два противотанковых. У парашютистов положение обстояло немногим лучше. У них имелось 25 полевых орудий, 4 противотанковых пушки и четыре 88-мм зенитных орудия. В общем, немцы располагали 35 полевыми орудиями и несколькими минометами, чтобы противостоять 670 орудиям 13-го корпуса и 1500 минометам. Сражаться было бессмысленно.

В полчетвертого пополудни Монтгомери отдал приказ начать операцию «Пландер». В девять часов вечера, когда артподготовка достигла своего пика, атакующие цепи четырех батальонов 51-й дивизии стали переправляться через Рейн напротив Рееса. Через 7 минут они достигли восточного берега, практически не встречая сопротивления, пока не столкнулись с германскими парашютистами. На участке 12-го корпуса в 10 часов вечера 1-я бригада морской пехоты форсировала Рейн примерно в трех километрах западнее Везеля. Через 30 минут они сосредоточились за пределами города, в то время как 200 «ланкастеров» союзной бомбардировочной авиации сбросили на него 1000 тонн бомб всего лишь в полутора километрах от передовых британских частей. Один из участников тех событий писал в своем дневнике о том, что впечатление было такое, «будто боги обрушили свой гнев на землю, потому как даже прижавшихся к земле солдат поднимало в воздух взрывной волной». Для сапера на западном берегу бомбардировка казалась «впечатляющим фейерверком». Сперва дождь золотых искр, когда ведущий самолет сбрасывал осветительные бомбы на объятый пожаром город, а потом — гул основных сил бомбардировщиков. То было ужасающее зрелище. Разно-

цветные искры летали повсюду — желтые, зеленые, красные. «Когда полетели бомбы, на нашей стороне реки земля содрогнулась, и сквозь клубы черного дыма вверх взметнулись языки пламени. Все это походило на разгорающийся костер. Тлеющие угли вспыхнули огнем, внезапно стало светло как днем».

В 2 часа ночи пришла очередь 15-й дивизии форсировать Рейн на участке 12-го корпуса. Сопротивление было незначительным, так как окопавшихся на противоположном берегу немцев буквально смело огнем «бофорсов» и пулеметов 44-й бригады. Когда десантные лодки перевезли 15-ю дивизию через Рейн, военный корреспондент Би-Би-Си Уинфорд Воган-Томас так описал представшее его глазам:

«Мы достигли другого берега под вой шотландских волынок. Храбрые шотландцы всегда поднимали боевой дух воинов при помощи этих инструментов. Командир нашей лодки тоже отдал приказ играть нашему волынщику. Тот взял волынку, но вместо музыки из нее вырвался какой-то предсмертный хрип. Парень попытался что-то сыграть, и опять ничего не получилось. Он чуть не расплакался. Это же надо, такой великий ответственный момент, а ему приходится кричать в отчаянии: «Не играет моя волынка, ребята!» Ну да ладно, ведь немцам тоже было не до музыки. Они либо еще не оправились от нашего обстрела, либо готовились дать нам отпор подальше от берега. Точно нам было известно одно, что теперь мы на территории Германии и для врага это означает конец!»

В то же самое время на участке 9-й американской армии Рейн форсировала 30-я дивизия, а через час на противоположный берег переправилась 75-я дивизия. Пока все шло в соответствии с планом. В Везеле продолжались ожесточенные бои, но через Рейн перебрасывались все новые и новые подкреп-

ления, после того как в дело вступили паромы. А в Англии тем временем готовились воздушно-десантные формирования. В 4.45 утра, когда передовые батальоны 15-й дивизии прорывались вперед с плацдарма напротив деревни Дисфордтер, бойцы 1-го канадского парашютного батальона уже садились в грузовики, которые должны были доставить их на аэродром Королевских ВВС Великобритании в Чиппинг Онгар. В 7.30 утра 35 американских транспортных «дугласов» с 600 канадцами на борту поднялись в воздух, чтобы присоединиться к великой воздушной армаде, собиравшейся над Брюсселем, прежде чем двинуться к Рейну. 22 тысячи десантников на 1696 транспортных самолетах и 1348 планерах. Крупнейшая воздушно-десантная операция за всю историю Второй мировой войны началась. Над плацдармом образовался своеобразный «воздушный зонтик» из 900 союзных истребителей, в то время как в глубине территории Германии эскадры истребителей буквально смели с неба самолеты люфтваффе. В 10 часов утра в тучах пыли, поднятой очередной массивной бомбардировкой, первая волна десанта вылетела на выполнение боевого задания. Черчилль и Эйзенхауэр созерцали ужасающую демонстрацию военно-воздушной мощи союзников с вершины холма на западном берегу Рейна. Черчилль повернулся к верховному главнокомандующему и сказал: «Мой дорогой генерал, немец выпорот. Мы его прищучили. Он готов».

Учитывая уроки Арнема, было решено высадить массиванный десант к северу и востоку от Дисфордтерского леса. Десантникам предстояло немедленно атаковать намеченные цели, в том числе деревню Хамминкельн и мосты восточнее реки Иссель, находившиеся в зоне поражения артиллерией, поддерживающей войска с западного берега.

Эмоциональная оценка Черчилля способности немцев сопротивляться не сразу стала очевидной для

солдат 18-го воздушно-десантного корпуса. В военном дневнике 1-го канадского батальона красноречиво отмечено, что «огонь из зенитных орудий в зоне высадки оказался весьма мощным, и несколько наших самолетов было сбито». Плотная завеса огня средств ПВО немцев вынудила транспортные самолеты производить десантирование на большой скорости. Так что многие отряды разбросало, а некоторые парашютисты повисли на деревьях, став мишенями для германских пулеметчиков. Сержанту Дереку Глайстеру из 7-го батальона парашютного полка повоевать пришлось недолго:

«Когда мы подошли к Рейну, то это было настоящее убийство, потому что немцы нас уже ждали, в каждом сельском доме уже сидели их солдаты. Они устроили мощную дымовую завесу, так что нам пришлось прыгать не с 200-метровой высоты, а с 500-метровой. К тому же мы летели с очень большой скоростью. А я прыгал двадцатым. Так что можете себе представить, насколько далеко от цели я оказался. На несколько километров. Я и еще десять десантников приземлились около сельского дома, во дворе которого стояло 88-мм орудие. Прежде чем мои ноги коснулись земли, пуля пробила мне левый локоть. Я перевернулся на живот и притворился мертвым. Видал, как приземлялись еще 9 наших, некоторые прямо на деревья. Немцы их тотчас же расстреливали. Зрелище было жуткое. А я оказался в большой беде. Ведь я левша, и моя левая рука теперь не действовала. Но когда немцы подошли ко мне, я взял свой «Стэн» в правую руку и открыл стрельбу. Думаю, я их всех убил. Затем я направился к сельскому домику в надежде на помощь, но, завернув за угол, я увидел, что из окон торчат немецкие винтовки. Я попытался скрыться, бросив дымовую шашку, но когда я побежал к ближайшей траншее, внезапно появился офицер СС, выстреливший мне в спину где-то метров с десяти из

пистолета «Люгер». Конечно же, я упал. И тогда этот немец подбежал ко мне, украл мою флягу и забрал все, чем можно было поживиться, обчистив мои карманы. Я очень боялся, что он прикончит меня моим же собственным ножом. Но у меня хватило ума лежать на нем, а когда немец ушел, я зашвырнул его в окоп. И вот лежал я там, и было мне очень плохо, моя левая рука к тому времени более всего напоминала черный пудинг — она вся опухла, к тому же так худо было видеть наших парней, болтающихся на деревьях. После этого в небе появился наш аэроплан, но немецкая 88-миллиметровка расколола его подобно яичной скорлупе. Они ведь стреляли в упор. Здесь трудно промахнуться».

Зоны десантирования скоро превратились в мешанину беспорядочных схваток, десантники спускались прямо на позиции германских войск, которые были уверены в том, что подобное наступление начнется не до, а после форсирования Рейна. Перевозившие десантников планеры «Хорса» и куда более крупные транспортные планеры «Гамилькар» 6-й авиадесантной бригады продолжали кружить над полем боя. Едва они садились, солдаты сразу же выскакивали из них и вступали в бой. Майор Тодд Суини командовал 2-м батальоном оксфордской и букингемширской легкой пехоты, в задачу которого входил захват моста через Иссель к востоку от леса. Батальон встретил весьма горячий прием:

«...авиадесантная бригада, артиллеристы и пехота, подошедшая последней, лицом к лицу встретились с врагом, который на сей раз очень хорошо подготовился. У германских зенитчиков были великолепные мишени — огромные медлительные планеры, парившие в небесах в поисках своих целей. Для меня не имело особого значения, где именно приземлиться, потому как мой планер был штабным. Приземлились мы удачно. Открыли пе-

редние створки, бросили трапы, спустили по ним джип, а потом попали под чудовищный обстрел немцев, укрепившихся на поле возле недостроенной дороги. Я понял, что мы приземлились не на том берегу. Мы с джипом, трейлером и всего лишь с пятью солдатами оказались между автобаном и рекой. И я сказал себе: «Забудь про джип и трейлер. Забирай рацию и переправляйся с солдатами на противоположный берег. Реку мы переплыли, и я распределил солдат по огневым позициям. А тем временем повсюду продолжали снижаться планеры. Высаживался целый батальон. Были среди них планер с джипами, битком набитые минами и груженные канистрами с бензином. Если немцы подбивали такой планер, то он превращался в мощную бомбу. Много таких повзрывалось в тот день».

К полудню 24 марта десант вошел в соприкосновение с пехотой. 15-я дивизия захватила плацдарм на восточном берегу, и передовой взвод 8-го батальона выдвинулся на соединение с 6-й авиадесантной дивизией. Находившийся в передовых частях канадский парашютист так вспоминает эту встречу:

«Мы услышали лязг гусениц и были уверены в том, что это немецкие танки. Но когда мы ползли, прячась за кустами, то внезапно увидели, как взвод немцев бежит навстречу нам. Наши открыли по ним огонь. Через несколько минут подоспели наши огнеметные машины. Конечно же, я испытал огромное чувство облегчения. По крайней мере мы не оказались в окружении, как когда-то наши войска в Арнеме».

В операции «Варсити» 7-я авиадесантная дивизия потеряла 377 человек убитыми и 731 человека ранеными, в то время как 17-я авиадесантная потеряла 359 убитыми и 522 ранеными. Было уничтожено 35 транспортных самолетов. Но хоть потери и были выше ожидаемых, атака воздушного десанта оказалась ус-

пешной. Генерал Риджуэй подытожил: «Глубокий десант уничтожил тыловые оборонительные позиции немцев за один день. Наземными атаками те же самые позиции пришлось бы захватывать несколько дней».

Последние немецкие войска были вытеснены из Везеля 25 марта. К 28 марта плацдарм расширился на глубину 30 км и в ширину до 50 км. В тот день 17-я авиадесантная дивизия вышла в долину реки Липпе, а к утру 29 марта она находилась более чем в 50 км за Рейном. Битва за Рейн закончилась, путь к Эльбе теперь был открыт. Весь западный берег Рейна оказался в руках союзников, а на его восточном берегу возникли три внушительных плацдарма. 21-я группа армий приготовилась наступать на Берлин по Северогерманской равнине.

Последней крупной германской группировкой на Западе оставалась группа армий «Б» в долине Рура. Там были сосредоточены основные угольные запасы Германии, находились оружейные заводы Круппа и сталелитейные фабрики Тиссена. Конечно же, промышленная значимость данного региона значительно уменьшилась после союзных бомбардировок. К концу марта бомбардировочные соединения США и Великобритании фактически отрезали Рур от остального рейха. Утром 1 апреля подразделения 1-й и 9-й армий США встретились в Липпштадте, завершив тем самым окружение германской группировки численностью до 320 тысяч человек. Вместе с ними в окружении оказались миллионы гражданских лиц. Все они находились в весьма плачевном состоянии. Бомбардировки союзников и регулярные артобстрелы полностью парализовали движение общественного транспорта и лишили немцев возможности пользоваться газом и электричеством. Запасы продуктов подошли к концу, а водой можно было пользоваться только на уличных колонках. Большая часть гражданского населения дни напролет просиживала при свете свечей в погребах и подвалах.

Начальник штаба 5-й танковой армии вермахта генерал-майор Меллентин стал свидетелем очередной военной катастрофы — гибели группы армий «Б»:

«Большая часть группы армий «Б» оказалась теперь зажатой между Руром и Зигом, а обстоятельства складывались более чем удручающе. Все еще было туманно и по-зимнему холодно, и руины городов Рура служили весьма подходящими декорациями для последнего акта этой трагедии. Горы угля, развалины зданий, искореженные рельсы, взорванные мосты. Мне не раз приходилось видеть поле битвы, но ни одно из них не казалось столь странным, как рурский промышленный комплекс в момент уничтожения группы армий «Б».

Командующий этой группой армий фельдмаршал Вальтер Модель, прославившийся тем, что никогда не расставался с моноклем, считался человеком не робкого десятка. Он был любимцем Гитлера, но сейчас даже этот закаленный в боях воин оказался в безвыходном положении. Он не только попал в окружение (запасы боеприпасов, продовольствия и горючего для его армии таяли с каждым днем), но ему пришлось также воплощать в жизнь директиву Гитлера от 19 марта, в соответствии с которой все транспортные артерии, заводы, склады, оказавшиеся на пути наступления врага, предстояло уничтожать. Гитлер сказал своему министру оборонной промышленности Альберту Шпееру буквально следующее: «Если мы проиграем войну, то пусть исчезнет и немецкая нация». Еще до того как этот район окружили союзники, сюда приезжал Шпеер и уговаривал промышленников саботировать приказ фюрера. Модель также сыграл в этом деле свою роль. Если верить Меллентину:

«Модель всегда был верен строжайшей военной дисциплине, но, будучи истинным патриотом Германии,

он игнорировал безумные приказы и старался свести к минимуму разрушения, в которых не было необходимости. В итоге Модель решил уничтожить лишь военно-стратегические объекты».

В некоторых городах немцы сдавались, не оказывая никакого сопротивления. В маленьком городке Браквере, южнее Билефельда, бургомистр приказал убрать противотанковые заграждения, чтобы американцы смогли спокойно проехать через город. За день до подхода американцев его арестовали и расстреляли по приказу местного гауляйтера. Тем не менее Браквере был взят без какого-либо серьезного штурма. Оборону городка обеспечивали всего два танка, причем один неисправный. А местный гарнизон поспешил переодеться в гражданскую одежду. Куда хуже американцам пришлось в Билефельде, защитники которого мужественно обороняли город до обеда, после чего вывесили белый флаг. На остальных участках фронта американцы встретили более упорное сопротивление. 11 апреля в восточном пригороде Кельна молодые парашютисты 3-й парашютно-десантной дивизии вермахта уничтожили 30 танков «Шерман» из 13-й бронетанковой дивизии. Модель проконсультировался с Меллентином по поводу того, должен ли он вести переговоры с противником. Меллентин позже писал:

«Мы оба отвергли эту идею по чисто военным соображениям. В конце концов фельдмаршал Модель знал об общем положении на фронте не более простого командира роты. А неведение его происходило от приказа фюрера №1 от 13 января 1940 г., по которому «ни один офицер не должен знать больше, чем необходимо для выполнения его боевой задачи». Модель не знал, ведутся ли политические переговоры, и прекрасно понимал, что немецкие армии на Западе должны

стоять до конца, чтобы защитить тыл своих товарищей на Востоке, которые отчаянно сражались, прикрывая отход германских женщин и детей, спасавшихся от русских орд».

Модель оказался перед неразрешимой дилеммой. Близкий к нему офицер предполагал, что фельдмаршал «боролся с собой, пытаясь найти решение какого-то внутреннего конфликта. Будучи одним из лучших офицеров вермахта, он видел всю бессмысленность дальнейшего сопротивления. Но, с другой стороны, понятия долга и чести не позволяли ему нарушать субординацию».

15 апреля 1945 г. генерал Риджуэй, 18-й авиадесантный корпус которого сражался с окруженными немцами, написал письмо Моделю, призывая его сдаться:

«Ради солдатской чести, во имя репутации германского офицерского корпуса, ради будущего Германии, немедленно сложите оружие. Жизни немцев, которые вы спасете, еще пригодятся вашей стране. Германские города, сохраненные вами, окажутся незаменимыми для благоденствия вашего народа».

Модель послал своего начальника штаба на командный пост Риджуэя с категорическим отказом на предложение. Но начальник штаба, будучи человеком куда более гибким, чем командующий, обратно не вернулся и предпочел стать военнопленным. Риджуэй умыл руки. «Все. Большого я сделать не мог. Отныне вся кровь на Моделе».

Теперь Рурский котел рассекли на несколько быстро уменьшающихся частей. Началась массовая сдача в плен. Остатки элитных формирований загонялись в клетки для военнопленных. Когда пал город Вупперталь, его 16-тысячный гарнизон в плен конвоировали всего лишь два солдата американской

военной полиции. Вслед за боевыми частями союзников появилась спецслужба 12-й группы армий «Ти-Форс». Она разыскивала ведущих германских ученых, промышленников и лидеров нацистской партии. В частности, ей удалось задержать Альфреда Круппа, фон Болена, главу оружейной империи Круппа и Франца фон Папена, последнего посла рейха в Турции.

15 апреля Модель издал приказ, согласно которому все молодые солдаты и старики, находившиеся под его командованием, должны были снять военную форму и возвращаться по домам. К 17 апреля, дню вступления приказа в силу, 8-я пехотная армия США взяла в плен 50192 человека. 29 немецких генералов и даже один адмирал сдались союзникам. С воздуха спешно созданные места содержания военнопленных больше напоминали муравейники. В общей сложности в плен попало 317 тысяч немцев. Потери американцев убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 10 тысяч человек.

Модель остался среди руин промышленного Рура под защитой нескольких верных ему штабных офицеров. О сдаче в плен речь идти не могла. Одному из своих друзей фельдмаршал сказал: «Я просто не могу этого сделать. Ведь русские клеймили меня как военного преступника. Так что американцы, вне всякого сомнения, выдадут меня им». Утром 21 апреля 1945 г. фельдмаршал Вальтер Модель в сопровождении одного офицера зашел в лес неподалеку от дымящихся развалин Дуйсбурга и застрелился.

Глава 8

НАСТУПЛЕНИЕ НА БЕРЛИН

«Видите, я ведь никогда не упоминаю Берлин. Для меня это просто географическая точка. Меня он никогда не интересовал. Моя цель — уничтожить врага».

Из телеграммы генерала Эйзенхауэра фельд-маршалу Монтгомери от 30 марта 1945 г.

4 февраля 1945 г. Урсула фон Кардофф записала в своем дневнике:

«Я не единственная, кто хочет уехать из Берлина. Люди просто не могут теперь оставаться в одиночестве. Они собираются вместе, словно стадо оленей во время бури. Все говорят о поддельных паспортах, визах, командировках, удостоверениях личности иностранных рабочих. У каждого свой план спасения. Один глупее другого. Но какими бы идиотскими ни были наши планы, они все же спасают нас от безысходности. Новый офис нашей редакции на Темпельсхофф — настоящий дурдом. Добираться туда часа

три. Там все мы сидим в огромном зале со стеклянными стенами, словно попугаи в зоопарке. Мы роботы, осуществляющие функции, которые давно потеряли свой смысл. Например, ежедневно мы должны выпускать по передовице с ужасами про русских и глупыми призывами и восклицаниями: «Ни шагу назад!», — лишь потому, что Геббельс утверждает, будто мы вот-вот победим. «Мы победим, потому что должны победить». Типичная логика убеждения. Сегодня один из наших редакторов, всегда такой строгий и сдержанный, в галстук с извечной булавкой с имперской короной, не выдержал и как крикнет: «Да даже жратва стала сплошным дерьмом!» Я расмеялась».

А в другом районе Берлина Ганс фон Штудниц отмечал: «Самая желанная сейчас собственность — это автомобиль, заправленный бензином. Сколько хочешь кофе и спиртного предлагают на черных рынках в обмен на частный автомобиль и канистры с бензином». 22 февраля Штудниц вновь в своем дневнике возвращается к проблеме черных рынков:

«В то время как у наших войск на фронтах не хватает горючего, черный рынок бензина в Берлине процветает как никогда. И на улицах по-прежнему курсируют тысячи частных автомобилей. Литр «черного» бензина стоит 40 марок или 20 сигарет. 20 литров стоят фунт кофе или килограмм масла. Шины можно купить за две-три тысячи марок. Маленькие трейлеры продают за 20 тысяч марок, и даже старую машину нельзя купить дешевле, чем за 15–20 тысяч. Также ведется бойкая торговля фальшивыми автомобильными и дипломатическими номерами. Полный комплект фальшивых документов, включающий разрешение на поездку, военный пропуск, удостоверение личности, стоит 80 тысяч марок. Недавно арестова-

ли солдата, вынесшего целый чемодан печатей. Хоть они и были вырезаны из резины, по качеству ничем не уступали настоящим, и СС, арестовавшее солдата, немедленно конфисковало их для своих нужд».

Спекулянты баснословно обогащались, а Германия с каждым днем неумолимо приближалась к своему концу. 1 марта Йозеф Геббельс обращает в своем дневнике внимание на проблему нехватки продовольствия:

«Мы уже вынуждены невероятно жестоко урезать продуктовые рационы, а дальше будет еще хуже. Сейчас как никогда болезненно ощущается утрата восточных территорий. Баке (командующий Берлинским гарнизоном) не в состоянии даже определить нормы пайка, поскольку ему неизвестно, чем мы располагаем или чем будем располагать завтра. В ближайшее время нам придется вдвое урезать норму хлеба и жиров. Можно представить, как это отразится на нашем народе. Даже если нам и удастся вновь отвоевать восточные территории, нам не избежать жестокой нехватки продовольствия. Ко всем бедам нашего народа теперь еще прибавится и голод. Но мы знаем, что в этой борьбе нам не остается ничего, кроме как стойко держаться».

Геббельс теперь был одновременно гауляйтером Берлина, уполномоченным по тотальной войне и министром общественного просвещения и пропаганды. На последнем посту он не утратил ни капли своего прежнего мастерства. Похоже, он черпал энергию из окружавшего его хаоса. 30 января, после последнего радиообращения Гитлера к германскому народу, Геббельс побывал на премьере самого экстравагантного из нацистских пропагандистских фильмов времен Второй мировой войны — это «Кольберг» режиссера Вайта Харлана. Фильм снимался более

двух лет, в нем были задействованы тысячи людей, которые куда лучше могли бы исполнить свой долг на фронте. В этой ленте рассказывалось об истории небольшого порта в Восточной Померании, который в 1807 г. выдержал трехмесячную осаду французов. «Кольберг» вышел, что называется, ко времени. Как заметил один из приближенных Гитлера, «фильм настолько близок современному моменту, что те, кто начинал снимать его еще два года тому назад, наверняка обладали даром предвидения».

Сам Гитлер, в более счастливые времена бывший большим любителем кино, «Кольберг» не видел. Но этот фильм демонстрировали во всех уголках с каждым днем уменьшавшегося рейха и даже выслали на самолетах в осажденные «крепости» от Атлантического побережья до Силезии, дабы поднять боевой дух гарнизонов. В начале марта город Кольберг вновь оказался в осаде, на сей раз уже советских войск. А на Балтийском побережье город Кенигсберг, древнюю столицу прусских королей, окруженную тремя оборонительными рубежами, в том числе 15 фортами, вот-вот должны были окружить войска 1-го Прибалтийского фронта и 3-го Белорусского фронта. На фронте Жукова польский город Познань, расположенный на стыке шести железных и семи автомобильных дорог и защищенный внутренней крепостью и восемью мощными фортами, к январю оказался в полном окружении, и теперь его осаждали четыре дивизии 8-й гвардейской армии и две дивизии 69-й армии.

В сотне километров к югу, на берегах Одера, находился город Бреслау, столица Нижней Силезии. Город располагался в зоне ответственности германской группы армий «А» (которая в скорости будет переименована в группу армий «Центр»*), дислоци-

---

* 26 января Гитлер реорганизовал и переименовал свои группы армий. Окруженная группа армий «Север» стала группой армий «Курляндия», группа армий «Центр», также отрезанная от рейха, стала новой группой армий «Север».

ровавшейся в Саксонии, Судетах и Чехословакии под командованием фельдмаршала Фердинанда Шёрнера. Национал-социалистический стиль руководства фельдмаршала красочно описал Йозеф Геббельс:

«Как командующий, Шёрнер, безусловно, личность. Его методы поднятия боевого духа во вверенных ему войсках первоклассны и демонстрируют не только его талант полевого командира, но и потрясающее политическое чутье. И вообще, он использует исключительно новаторские методы. Он отнюдь не приросший к штабному креслу генерал. Большую часть времени он проводит на передовой. С солдатами он на равных, хоть и очень строг. В частности, он взялся за так называемых профессиональных пораженцев, тех, кто умудряется исчезнуть с поля боя в критических ситуациях и перебраться под любым предлогом в тыл. С такими солдатами он обходится довольно жестоко, вешая их на ближайшем дереве с плакатом: «Я дезертир, отказавшийся защищать немецких женщин и детей». Устрашающий эффект подобных акций безусловен».

Бреслау находился прямо на направлении главного удара, перешедшего 8 февраля в наступление 1-го Украинского фронта. Конев наносил удар с плацдармов на Одере в Штейнау и Олау, имея задачей очистить от противника Силезию западнее Одера. На рубеже реки Нейссе в Бранденбурге войска 1-го Украинского фронта должны были развивать наступление дальше на Берлин совместно с 1-м Белорусским фронтом Жукова. Бреслау был окружен 15 февраля, когда 6-я армия, ударив на юго-восток от Штейнау, соединилась с 5-й гвардейской армией, наступавшей на северо-запад от Олау. Кольцо окружения полностью замкнулось, и в нем оказались 35 тысяч солдат и офицеров регулярных германских войск, 15 тысяч бойцов фольксштурма и 80 тысяч гражданских лиц. Если верить Коневу,

«в районе окружения царила паника. Части окруженного гарнизона постоянно пытались найти выход из нашего кольца. Порой они отчаянно сопротивлялись, но гораздо чаще сдавались. Большое количество автомобилей и грузового транспорта с людьми забило дороги юго-западнее Бреслау. Поняв, что из окружения им не выйти, немцы устремились обратно в город».

К концу февраля фронт Конева протянулся на 90 км вдоль Нейссе на юг от места слияния этой реки с Одером, примерно в 90 км юго-восточнее Берлина. Бреслау, названный крепостью, без цитаделей и фортов, столь характерных для Познани и Кенигсберга, был изолирован и напрасно ожидал помощи от группы армий «Центр» Шёрнера.

Пока Конев занимался очисткой от противника Силезии, Гудериан разработал план контрудара силами группы армий «Висла», прикрывавшей Померанию. Удар предполагалось нанести по открытым флангам 1-го Белорусского фронта, при этом войска групп армий «Висла» и «Центр» должны были наступать в южном и северном направлениях соответственно и сомкнуть клещи в районе Кюстрина. Гудериан собрал последние силы для очередного серьезного разговора с фюрером. Проведение контрудара требовало бы вывода германских формирований с Балкан, из Италии, Норвегии и Курляндии. Отказ Гитлера санкционировать подобное решение вызвал очередную ожесточенную перепалку между фюрером и начальником штаба ОКХ. Гудериан заявил, что «действует исключительно в интересах Германии», что вызвало очередной приступ гнева Гитлера.

«Вся левая сторона его тела дрожала, — вспоминает Гудериан, — он вскочил и закричал: «Да как вы смеете говорить со мной в таком тоне! Вы считаете, что я не борюсь за Германию? Да вся моя жизнь одна непре-

рывная битва за Германию!» И он продолжал так кричать до тех пор, пока Геринг не взял меня под руку и не отвел в соседнюю комнату, где мы несколько успокоили нервы, выпив по чашке кофе».

Вернувшись на совещание, Гудериан опять заговорил о необходимости эвакуации германских частей с Курляндского полуострова. Гитлер встал перед ним и начал потрясать кулаками так, что если бы начальник оперативного отдела штаба Томале не оттащил Гудериана за форму прочь, тот наверняка оказался бы жертвой физического насилия.

В итоге план Гудериана отвергли в пользу куда более скромного удара по правому флангу Жукова из района Арнсвальд, с целью разгромить русских севернее реки Варты и удержать тем самым Поме- ранию и связь с Западной Пруссией. Гудериан понимал, что время не ждет, но рассчитывать на помощь инертного командующего группой армий «Висла» Генриха Гиммлера не приходилось, поскольку тот боялся участвовать в операции, которая могла бы показать его полную некомпетентность. Гудериан попытался оставить себе пространство для маневра, предложив на совещании, чтобы его первый заместитель в ОКХ генерал Вальтер Венк был направлен в штаб Гиммлера и отвечал бы за проведение операции. Гитлер увидел в этом намек на военную бездарность Гиммлера и впал в очередной приступ хорошо отрепетированной ярости. Гудериан вспоминал:

«И так продолжалось два часа. Он потрясал кулаками, щеки его горели, тело тряслось. Он был вне себя от ярости и потерял самоконтроль. Голос его срывался на крик. Казалось, глаза его вот-вот вылезут из орбит, а вены на висках ужасающе набухли... Когда Гитлер повернулся ко мне спиной и подошел к камину, я увидел портрет Бисмарка кисти Ленбаха, висевший

на стене. «Железный канцлер» угрюмо наблюдал за разворачивавшимся спектаклем. Казалось, он вопрошал: «Что же вы делаете с моей страной?»

Совершенно внезапно Гитлер успокоился и, повернувшись к Гиммлеру, сообщил, что Венк прибудет в его штаб уже сегодня ночью, чтобы взять на себя руководство операцией. Усаживаясь, Гитлер обратился к Гудериану: «А теперь, пожалуйста, продолжим совет. Сегодня генштаб победил». Позже Гудериан вспоминал: «Это была последняя битва, которую я выиграл. К сожалению, слишком поздно».

Контрудар под кодовым названием «Зонненвенде» («Равноденствие»), предпринятый силами 3-й танковой армии вермахта, пробил небольшую брешь в боевых порядках 1-го Белорусского фронта на стыке советских 2-й гвардейской танковой и 61-й армий. Но 17 февраля операцию пришлось прекратить, после того как произошло несчастье — Венк уснул за рулем и врезался в парапет моста. Тяжело раненного Венка заменил генерал Ганс Кребс, штабной офицер, близкий к окружению Гитлера. Однако у Кребса не хватило опыта и независимости мышления, чтобы сохранить инициативу. И хотя к 19 февраля операция «Зонненвенде» практически остановилась, она, как ни странно, сильно повлияла на высшее советское командование, подтвердив его всевозрастающие опасения по поводу слабого правого фланга 1-го Белорусского фронта. Жуков на Берлинском направлении перешел к обороне и начал спешно укреплять свои позиции в Восточной Померании.

Результатом этого стал разгром группы армий «Висла». 24 февраля в наступление перешли войска 2-го Белорусского фронта под командованием К. Рокоссовского. Пауза на 1-м Белорусском затянулась. Его войска перешли в наступление через неделю. Мощная группировка, в которую входили 2-я гвардейская танковая, 1-я гвардейская танковая и 3-я

ударная армии, наносили удар в северном направлении к Балтике. В ходе боев по всей Померании войска рассекли группу армий «Висла» на несколько изолированных группировок. 4 марта 1-я гвардейская танковая армия вышла к Балтийскому морю в районе Кольберга, на стыке между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, отрезав с востока германскую 2-ю армию и заставив ее отступить к Гдыне и Данцигу. Гитлер сразу же объявил переполненный беженцами Кольберг еще одной «крепостью».

В то время как войска Рокоссовского повернули на восток к Гдыне и Данцигу, четыре дивизии 1-й армии Войска Польского и при поддержке советской самоходной артиллерии наступали на Кольберг. Маленький порт оборонял слабый гарнизон, состоявший из батальонов «фольксштурма», подразделений люфтваффе и военных моряков. В общей сложности его численность составляла 2300 бойцов. Куда больше в Кольберге находилось беженцев (не менее 50 тысяч). Единственной артиллерией, остававшейся у командующего гарнизоном полковника Фрица Фуллериде, могли считаться четыре танковые пушки с неисправных танков, перевезившихся на грузовиках. К ним можно прибавить еще орудия двух германских эсминцев, стоявших вблизи от берега в ожидании беженцев. Германский военно-морской флот уже давно пришел в упадок, но на Балтике он вернул себе былую славу. С 11 марта два эсминца и один торпедный катер совершали челночные плавания в порт Свиномюнде, выходя из Кольберга и обстреливая тех, кто осаждал город. После погрузки беженцев они возвращались в Свиномюнде, выгружали там спасенных и брали на борт груз боеприпасов. Во время первого плавания один из эсминцев Z-34, перевезивший 920 беженцев и раненых солдат, прибыл в Свиномюнде под вой сирен, предупреждавших о налете большой группы американских тяжелых бомбардировщиков. Капитан Гетц сразу же отдал приказ

уходить в открытое море. Один из свидетелей тех событий вспоминает: «На мостике эсминца стояла гробовая тишина, мы слышали лишь монотонный рев большого количества тяжелых бомбардировщиков. Суда поспешили из гавани. Они проплывали мимо нас на полной скорости. Z-34 уже на полных парах уходил в море, когда американская бомба упала как раз на то место, где он только был пришвартован. Напряжение спало. Вскоре на палубе появились два ребенка. Они обнимались и смеялись от радости».

К 16 марта эвакуация гражданского населения Кольберга была завершена, и «Катюши» превращали в пыль узкую полосу, на которую был вытеснен гарнизон, оборонявший порт. Ночью 18 марта последние защитники Кольберга ушли из города морем. 26 марта Гитлер лично вручил Фуллериде железный рыцарский крест, но Геббельс запретил упоминать о падении Кольберга в коммюнике своего министерства.

20 марта Гиммлер вновь вступил в командование группой армий «Висла». Он руководил битвой за Померанию из роскошного личного поезда, не располагая ни хорошей радиосвязью, ни приличными военными картами. Гиммлер редко вставал до 9 часов времени и большую часть утра принимал массаж у своего шведского массажера Феликса Керстена, ставшего своего рода отцом-исповедником, с которым он мог обсуждать многие из своих мыслей в спокойной обстановке. А этого на данном отрезке истории Третьего рейха нельзя уже было купить ни за какие деньги. Гиммлер называл Керстена своим чудесным Буддой.

Успокоившись под опытными руками «Будды», Гиммлер работал один час до ленча, за которым следовали сон и еще три часа активной работы, после чего утомленный рейхсфюрер СС снова уходил на отдых. Видимо, надорвавшись от непосильного

груза командования группой армий, а может, не выдержав бремени своих многочисленных обязанностей, Гиммлер отправился в санаторий, заболев (по официальной версии) ангиной. 7 марта его навестил Геббельс, по пути через Мекленбург, где, по его словам,

«не было видно никаких разрушений, царили мир и покой. Казалось, будто нет никакой войны. У Гиммлера была ужасная ангина, но теперь он поправляется. Мне он кажется слегка ослабевшим. Он ругает Геринга и Риббентропа, которых считает главными виновниками ошибочного ведения нами этой войны, и в этом он абсолютно прав. Гиммлер верно оценивает ситуацию, когда говорит, что вряд ли мы выиграем эту войну, но инстинкт подсказывает ему, что раньше или позже обстоятельства сложатся в нашу пользу. Гиммлер считает, что скорее это произойдет на Западе, а не на Востоке. От Востока он ничего хорошего не ждет».

К 15 марта Гиммлер уже настолько поправился, что поехал в Берлин, где выслушал монолог Гитлера об «общем ходе» войны. Спустя несколько дней он с благодарностью принял настоятельные предложения Гудериана по состоянию здоровья уйти с поста командующего группой армий «Висла». Но лично сам Гиммлер к Гитлеру идти побоялся и уговорил Гудериана решить этот вопрос без него. В конце концов фельдмаршалу удалось уговорить Гитлера назначить на пост командующего группой армий «Висла» генерал-полковника Готхарда Хейнрици, прежде командовавшего 3-й танковой армией в Карпатах, опытного профессионала, прославившегося гибкой оборонительной тактикой в боях с Красной Армией.

22 марта Хейнрици прибыл в полевой штаб Гиммлера в Пренцлау, где рейхсфюрер СС принял его под огромным портретом Фридриха Великого. Гим-

млер (тягу к театральности которого можно сравнить только лишь с театральностью Гитлера) бегло ознакомил Хейнрици с тем, как он вел кампанию в Восточной Померании, и окончательно убедил нового командующего группой армий «Висла» в том, что за 4 месяца так и не понял основных составляющих правильного руководства вверенными ему частями.

Монолог Гимmlера прервал телефонный звонок от генерала Теодора Буссе, командующего 9-й армией, доложившего о том, что русские отрезали германский плацдарм в Кюстрине. Гимmlер, испытывавший чувство огромного облегчения, сразу же передал трубку Хейнрици, заметив: «Теперь вы возглавляете группу армий. Не будете ли вы так добры отдать соответствующие приказы?»

После того как Хейнрици проинструктировал Буссе о том, как организовать немедленный контрудар, Гимmlер перешел к другим вопросам. Он отвел Хейнрици к дивану в другом конце зала, где их не услышала бы стенографистка, и шепотом сообщил ему, что он лично предпринял шаги, чтобы организовать мирные переговоры с западными союзниками*. Потрясенный Хейнрици подумал, что его таким образом проверяют на верность фюреру. Последовавшая затем долгая пауза была нарушена вошедшим в зал офицером, объявившим, что штаб группы армий «Висла» ожидает Гимmlера, чтобы с ним попрощаться.

Тем временем фюрер сделал попытку организовать последнее контрнаступление немцев в истории Второй мировой войны. Падение Будапешта в середине февраля лишь подстегнуло решимость Гитлера вернуть венгерские нефтяные месторождения, расположенные в 80-ти километрах юго-западнее озера

---

* О мире Гимmlер пытался договориться по разным каналам: через графа Фольке Бернадотта, вице-президента шведского Красного Креста, Всемирный Еврейский конгресс и Карла Вольфа, своего офицера связи из штаба Гитлера, а позже через военного губернатора Италии. Вольф вел секретные переговоры с Алленом Далласом, послан Рувельта в Швейцарии и резидентом американской разведки.

Балатон. План под кодовым названием «Фрюлингс Вахен» («Весеннее пробуждение») предусматривал окружение войск 3-го Украинского фронта генерал-полковника Е. И. Толбухина между озером Балатон и Дунаем силами группы армий «Юг». Главный удар предполагалось нанести 6-й танковой армией СС Зеппа Дитриха севернее озера Балатон в направлении на юго-восток до рубежа Дуная между Будапештом и Байей. Южнее озера 2-я танковая армия вермахта наносила вспомогательный удар прямо на восток. Контрнаступление танковых армий предполагалось поддержать силами группы армий «Е» Вейхса. В результате ОКХ надеялось отбить Будапешт, возвратив венгерские нефтяные месторождения, и разгромить целый фронт Красной Армии.

Подготовка к операции «Весеннее пробуждение» проводилась в условиях строжайшей секретности. Хайд Руль, стрелок дивизии «Дас Рейх» из 2-го корпуса 6-й танковой армии, вспоминает: «Перед выдвижением в Венгрию нам приказали убрать всю дивизионную идентификацию, в том числе и монограммы на нарукавных нашивках». До конца февраля штаб 6-й танковой армии не допускался в район проведения будущей операции. И лишь за сутки до ее начала командному составу дивизии разрешили провести рекогносцировку местности. Самому Дитриху не разрешали сюда приезжать вплоть до начала операции 6 марта. В течение предшествующих двух суток солдаты моторизованных соединений в полной экипировке пробивались по глубокой грязи к местам сбора пешком, поскольку транспорту запрещалось приближаться на расстояние 25 километров к месту сосредоточения войск. К моменту начала наступления пехота практически уже падала от усталости. Хайд Руль вспоминает:

«6 марта наши артиллеристы начали мощную арт-подготовку, под прикрытием которой предстояло атаковать нашим солдатам. Однако атака сорвалась,

поскольку их просто не удалось поднять из окопов, потому наш огонь лишь предупредил противника о готовящемся ударе. На следующий день в 5 часов утра моторизованные части пошли в атаку после второй артподготовки, которая на сей раз была куда короче. Заболоченная местность не позволила танкам оказать поддержку, и пехота понесла тяжелые потери».

Операция «Весеннее пробуждение» стала последним проявлением активности гитлеровских танковых войск. На направлении главного удара в авангарде двигалась 6-я танковая армия СС, горевшая желанием реабилитироваться после провала Арденнского контрнаступления и вооруженная танками Pz VI «Королевский тигр» с мощной броней и 88-мм орудиями. Более 600 танков и самоходных орудий пытались прорвать оборону советских войск южнее озера Велензе. А к 15 марта все было кончено. На затопленных равнинах остались стоять сотни подбитых танков. Командиры танковых частей после этого с горечью замечали, что Гитлеру следовало снабдить их не королевскими «тиграми», а новыми подводными лодками. Ведь танки остановились после того, как опустели их баки с горючим, став легкой мишенью для советской артиллерии и авиации.

Теперь уже к длинному списку тех, кто «предал» фюрера, Гитлер добавил и войска СС. Он приказал разжаловать офицеров Дитриха и лишил дивизию нарукавных эмблем. Гиммлер получил задание проследовать на передовую и проследить за выполнением приказа. Но даже он возмутился, сказав фюреру: «Я должен ехать на Балатон, чтобы отнять кресты у мертвых?! Эсэсовцы не могли отдать за вас больше собственной жизни, мой фюрер!»

Перешедшие в контрнаступление войска Красной Армии хлынули мимо увязших в грязи «королевских тигров», сокрушили венгерскую 3-ю армию, прикрывавшую левый фланг Дитриха, и подошли к

Вене. К 4 апреля части 3-го Украинского фронта окружили Вену с трех сторон, соединившись с войсками 2-го Украинского фронта маршала Р. И. Малиновского, 46-я армия которого устремилась с северо-востока к австрийской столице. В 30 км к юго-востоку от Вены находился Шталаг XVIII, смешанный лагерь военнопленных, большую часть узников которого составляли русские, венгерские, французские и восточно-европейские партизаны. Незадолго до описываемых событий туда попал Эдгар Рэндольф, австралийский военный врач, взятый в плен на острове Крит еще в 1941 г. В январе 1945 г. Рэндольфа и многих его товарищей погнали на запад из лагеря военнопленных в Силезии, и они попали в Шталаг XVIII как раз накануне наступления Красной Армии на Вену. Это дало возможность Рэндольфу стать свидетелем атаки русской пехоты.

«4 апреля мы проснулись в 7 утра и потихоньку вышли из барачков. В округе царила гробовая тишина. Немцы ушли. Одну из сторожевых вышек еще вечером, после захода солнца, обстрелял самолет. Находившиеся на ней немецкие охранники были мертвы, а лагерные ворота у германских барачков стояли распахнутыми настежь. Никто из нас не хотел завтракать, а потому мы прошли мимо русского блока к северной ограде. Оттуда хорошо просматривалась близлежащая равнина. В 8 часов утра русская пехота устремилась по этой равнине в направлении немецких позиций у реки, находившихся на противоположной стороне от нас. То было ужасающее зрелище, даже теперь, когда я вспоминаю, мне становится не по себе. Русские появились на гребне холма как раз напротив лагеря. Они шли цепями, приблизительно по 20 человек в каждом взводе, на расстоянии метров пятидесяти друг от друга. И вскоре заполнили всю равнину вплоть до горизонта. Самые дальние от нас повернули к городку Брух, а те, что были поближе к нам, стали

разворачиваться перед лагерем. Их и впрямь были тысячи. Неторопливым шагом они неумолимо шли к своей цели. Залечь под немецкими пулями они даже и не пытались. Просто шли вперед. Немцы, окопавшись у реки, открыли по ним шквальный огонь, и мы видели, как идущие русские падают по одному, по двое, а то и по трое. Строй смыкался над павшими, а когда живых бойцов во взводе оставалось слишком мало, они примыкали к ближайшему подразделению. И так они наступали приблизительно минут 20-30, пока передовые цепи не оказались метрах в 200 от немецких позиций. Только тогда русские немедленно залегли и сразу же открыли ответный огонь. Вторая линия наступавших миновала боевые порядки залегших товарищей и тоже открыла огонь. Так они приближались к реке, и перестрелка стала куда ожесточенней. Войска, что шли к лагерю, к тому времени проделали половину пути. Потом они залегли и стали двигаться куда медленнее. В этот момент германский грузовик, в кузове которого находилось человек пять, с ревом пронесся по дороге, что вела с холма позади лагеря. Скорее всего, немцы покидали находившийся на той высоте наблюдательный пост. Обогнув лагерь, грузовик направился к мосту, обстреливая по пути русских, которые еще не достигли дороги. Затем грузовик выскочил на мост и уже находился на его середине, когда раздался мощный взрыв. Машину подбросило метров на двадцать вверх, после чего она рухнула в воду. Вскоре после этого два конных русских, каждый из которых держал в руке по огромному красному флагу, галопом влетели в распахнутые ворота лагеря, демонстрируя нам, что наконец мы свободны (только вот свободны ли?)».

В Вене шли ожесточенные уличные бои, а мирные горожане как ни в чем не бывало продолжали ходить по магазинам и на работу. Кафе и бары оставались открытыми, как будто бы не было никакой

войны. Хотя и замечено, что большинство их посетителей составляли иностранцы, ожидавшие, когда война обойдет их стороной. Когда дивизия «Дас Рейх» отступила из Вены на запад к Мельку, один из артиллеристов заметил следующее:

«На горе Бизамберг располагались венская радиостанция и смотровая площадка, с которой справа просматривалась территория вплоть до чешской границы, а слева — до Дуная и дороги Корнойбург — Штокерау, уже перерезанной русскими. С наших позиций мы прекрасно видели огромные колонны русских на телегах, запряженных одной лошадью,двигающиеся на запад, и видели, как русские солдаты, занявшие первые дома Бизамберга, заставляли деревенских жителей, мужчин и женщин, ходить гусиным шагом...

...К утру мы остались без оружия и бродили по заросшей лесом горе, пытаясь найти лазейку, чтобы пробиться к нашим товарищам. В конце концов какие-то русские солдаты, вероятно из 3-й волны наступления, взяли нас в плен. Они обобрали нас до нитки, прихватив даже военные документы, и повели нас вниз к подножию горы к уже поджидавшей группе военнопленных».

Потеря Вены стала очередным пунктом в длинном списке катастроф, угрожавших развалом всего Восточного фронта. Город Познань пал 22 февраля после ожесточеннейшего четырехдневного сражения за его главную цитадель, удерживаемую гарнизоном из 12 тысяч человек. Накал тех боев красочно описан в воспоминаниях генерал-полковника Чуйкова:

«Цитадель находилась на господствовавшей над городом возвышенности. Ее форты и рavelины усиливал трехметровый земляной вал. Подходы к крепости прикрывались глубоким и широким рвом, простреливавшимся из казематов через небольшие амбразуры, невидимые с воздуха».

димые атакующим. Валы рва 5—8-метровой высоты были обложены кирпичом и представляли непреодолимую преграду для наших танков. Пришлось вызывать на подмогу тяжелую артиллерию. С расстояния в 300 метров она открыла огонь по цитадели. Однако даже 203-мм снаряды не могли серьезно повредить стены крепости. Чтобы определить результаты артобстрела и координировать действия штурмовых групп, мы установили наблюдательный пост на верхнем этаже городского театра вблизи от зоны боевых действий. Со мной находились командир корпуса генерал Шеменков и мой заместитель генерал Духанов. Мы увидели большую группу немецких солдат с белыми флагами, появившихся на внутреннем валу крепости. Они бросали оружие и показывали всем своим видом, что собираются сдаваться. Наши бойцы прекратили огонь. Но вдруг мы увидели, что та группа на валу стала быстро редеть. Солдаты падали, скатываясь по склону, по одному, а то и по двое и по трое. Моя догадка оказалась верной. Германских солдат, решивших сдать-ся в плен, расстреляли свои офицеры, открывшие огонь из казематов».

Порою все это напоминало осаду средневекового замка. Осадные лестницы под огневым прикрытием были использованы при взятии рвов и валов цитадели.

«Атакующие группы понесли тяжелые потери. Немцы вели ожесточенный фланговый огонь из амбразур редутов №1 и №2, равно как и из башни Западных ворот. Попытки подавить огневые точки при помощи огнеметов окончились провалом. Наши солдаты не могли даже подойти к краю рва из-за шквального огня противника. И тогда было решено использовать барабаны, начиненные взрывчаткой. Под прикрытием огня пехоты шесть саперов выкатили эти барабаны на противоположный край рва, подожгли фитили и толкнули барабаны к амбразурам. Когда пулеметчики

противника, оглушенные взрывом, прекратили огонь, наши саперы, задействовав осадные лестницы, пошли на штурм».

Вечером 22 февраля командир 74-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Бакланов проинформировал Чуйкова о том, что гарнизон германской крепости капитулировал. Через 15 минут Чуйков встретился с генералом Маттерном, командиром немецкого гарнизона, человеком весьма грузным, который, «тяжело дыша и хрипя, еле протиснулся в дверь». Восстановив дыхание, он передал записку от коменданта крепости Коннела с просьбой к советскому командиру позаботиться о немецких раненых.

«Где Коннел?» — спросил Чуйков. «Он застрелился». Когда Чуйков спросил у генерала Маттерна, как он себя чувствует, тот лишь пожал плечами: «Мне все равно. Я не член нацистской партии и не проливал бездумно кровь, прекрасно понимая, что сопротивление бесполезно. Гитлер — капут».

А на Земландском полуострове гарнизон Кенигсберга дал городу отсрочку от неминуемой гибели, когда 19 февраля 1945 г. предпринял контратаку и на некоторое время пробил коридор в западную часть рейха. Это позволило 10 тысячам гражданских лиц добраться до порта Пиллау и сесть на паромы, которые доставили их в пока еще не занятые противником районы страны. На какое-то время относительно мирная жизнь вернулась в Кенигсберг: было восстановлено газовое, электро- и водоснабжение. Вновь открылись кинотеатры и рестораны, а с близлежащих к городу деревень в город согнали крупный рогатый скот.

И пока кенигсбергские дети наслаждались не по сезону мягкой погодой, чтобы поиграть в городских парках, русские под руководством маршала Васи-

левского разрабатывали подробнейший план штурма города. Василевский принял командование 3-м Белорусским фронтом после того, как 18 февраля талантливейший молодой генерал Черняховский погиб во время поездки на командный пункт 3-й армии Горбатова. В состав фронта входили четыре общевойсковые армии (39-я, 41-я, 50-я и 11-я гвардейская), сосредоточенные у Кенигсберга. Их поддерживали мощные воздушные силы, по большей части из резерва Ставки: 870 истребителей, 470 штурмовиков и 1124 бомбардировщика под командованием маршала А. Новикова, главнокомандующего военно-воздушными силами Красной Армии, руководившего воздушными операциями во время Курской и Сталинградской битв.

Штурм Кенигсберга начался 2 апреля 1945 г. с массированной артподготовки, которая достигла своего пика четыремя днями позже. Тяжелые орудия уничтожали германские укрепления, под руинами оставались целые роты. В ходе обстрела нарушилась связь и оказались взорваны склады с боеприпасами. Черный дым навис над Кенигсбергом, над усыпанными кирпичом улицами, над горящими автомобилями и трупами лошадей и людей. Через два дня город был отрезан от остальных германских частей, сражавшихся на Земландском полуострове, и судьба его была предрешена. Генерал Мюллер, командующий оперативной группой «Земланд», проинформировал коменданта города генерала Отто Лаша, что тот ни в коем случае не должен допустить оставления Кенигсберга войсками. Была выделена лишь горстка подразделений для создания узкого коридора, по которому могло спастись оставшееся германское население. Однако рано утром 9 апреля эвакуация превратилась в кровавый хаос, когда длинная колонна беженцев, двигавшаяся на Пиллау, попала под огонь советских минометов и «Катюш».

Положение Лаша стало безнадежным. На начальном этапе битвы за Кенигсберг плохая погода не позволила подняться в воздух самолетам Новикова, но 7 апреля небо очистилось от туч, и это позволило тяжелым бомбардировщикам в сопровождении истребителей совершить массированный авианалет на город. Так были подавлены последние очаги сопротивления. Утром 10 апреля, приказав вывесить белые флаги из окон домов, которые каким-то чудом уцелели, Лаш решил покончить с тем, что позднее назвал «бессмысленным принесением в жертву жизнью тысяч и тысяч солдат и гражданских». Потому он решил прекратить огонь и положить конец этому кошмару.

Маршал Баграмян присутствовал на КП фронта у маршала Василевского, когда туда привели пленных германских военачальников:

«Они вошли и встали перед нами, опустив головы. Комендант крепости выглядел особенно подавленным. Мы знали, что у него есть еще одна причина для расстройства, кроме того, что он попал в плен. Из передач немецкого радио стало известно, что глупый фюрер объявил его предателем за сдачу крепости и приказал арестовать всю его семью. Генерала Лаша, очевидно, потрясло именно это известие.

Впрочем, маршала Баграмяна ждал еще один сюрприз.

«Прежде чем завершить свой допрос, Василевский спросил, пленных каких командиров советской армии они знают. К нашему великому изумлению, они назвали лишь фамилии Ворошилова, Буденного и Тимошенко. Имен командующих, гнавших их армии от Москвы и Сталинграда, они не знали вообще. Я не удержался и спросил их, неужели им неизвестны прославленные имена Конева, Жукова, Рокоссовского и Василевского. Они переглянулись и промолчали. После долгой паузы

Лаш заметил, что ему ничего не было известно о маршале Советского Союза Василевском до тех пор, пока он не увидел его имя в ультиматуме Кенигсбергскому гарнизону. Все это могло означать лишь одно. Ни один из германских генералов не имел доступа к информации, собранной разведслужбами рейха. Хотя, вне всякого сомнения, досье на советских командующих у этих служб имелись. В отличие от немецких, советские генералы и офицеры в течение всей войны хотели знать больше, чем имя и звание немецкого генерала, с которым им приходилось сажаться. Нашим всегда было интересно знать, насколько компетентен их враг и как он поведет себя в той или иной ситуации».

Хотя Бреслау был окружен советскими войсками еще 15 февраля, он держался до самого конца войны благодаря воздушному мосту и жестокой негибамости гауляйтера Нижней Силезии Карла Ханке. Ханке был фаворитом Геббельса, который 20 марта написал о нем:

«Ханке прислал мне чрезвычайно драматичное и полезное донесение из Бреслау. Из него видно, что Ханке достиг совершенства в своей работе. На сегодня он представляет собой наиболее энергичного национал-социалистического вождя. Бои превратили Бреслау в развалины. Но горожане отчаянно сражаются за каждую пядь своей родины. Советы пролили просто невероятное количество крови, сражаясь за Бреслау».

Ханке не верил в полумеры. 28 января он казнил бургомистра доктора Шпильхагена за открытое выражение пораженческих настроений. После того как Бреслау оказался окруженным, Ханке настоял на том, чтобы между городом и рейхом был создан постоянный воздушный мост. В конце марта он заказал, чтобы на восьми огромных шестимоторных транс-

портных самолетах Me-232 в Бреслау доставили 8 артиллерийских орудий большого калибра. Но все они, кроме одного, были сбиты советскими зенитками. Когда Ханке перенес свой штаб в подвалы под университетской библиотекой города Бреслау, он предложил взорвать библиотеку со всеми ее книгами, поскольку развалины придали бы большую прочность подвальным перекрытиям.

В течение 77 дней 40 тысяч защитников Бреслау, собранных из поредевших регулярных формирований, престарелых членов «фольксштурма» и мальчиков из гитлерюгенда, сдерживали натиск тринадцати советских дивизий 6-й армии. В этих боях русские не проявили той решимости и стремительности, которую они показали под Кенигсбергом. В осажденной крепости некоторое подобие нормальной жизни поддерживалось вплоть до окончания войны.

В перерывах между авианалетами проводились концерты. И в течение всего времени осады табачная фабрика «Авиатик» выпускала по полмиллиона сигарет в день. Так что без курева никто из осажденных не оставался. Берлин уже пал, когда 6 мая, после того как 80% территории города превратилось в развалины, комендант Бреслау генерал-лейтенант фон Нихофф наконец-таки сдался. На долгие 10 лет он отправился в советские лагеря. Но вот пресловутый Ханке, получивший лично от Гитлера звание рейхсфюрера СС и шефа полиции, бежал на самолете «Шторх». Судьба его остается неизвестной, хоть и считают, что его убили в Чехословакии месяцем позже.

Судьба многих других жителей Бреслау была куда более определенной. Когда 7 мая Красная Армия вошла в город:

«Изнасилования начались практически сразу. И была в них какая-то особая жестокость, словно бы нас, женщин, наказывали за то, что Бреслау так долго не сдавался. Позвольте мне заметить, что я была моло-

да, мила, пухла и абсолютно неопытна. За последующие две недели целый строй русских солдат дал мне опыт, которого хватило бы на всю жизнь. Хорошо, что изнасилования эти редко продолжались более одной минуты. Многие из русских кончали буквально через несколько секунд. Спасло мой рассудок только то, что с самого первого раза я чувствовала по отношению к этим грубым и вонючим крестьянам лишь презрение. К женщинам они не умели относиться с нежностью, а их сексуальная техника ничем не отличалась от той, что используют кролики. Нас, женщин, направили в отряды по разборке развалин. Если мы не работали, то нас и не кормили. Никакой карточной системы не существовало. Просто организовывались полевые кухни. В полдень нас строем вели к такой кухне, где мы получали нашу дневную пайку хлеба и супа. Но однажды случилось нечто необычное. Были в Красной Армии солдаты, которых как огня боялись русские. Работали мы в тот день как обычно. И вдруг мы заметили, что нашим охранникам не по себе. А потом мы услышали пение. Грубые мужские голоса тянули русскую строевую песню. Но что-то в этой песне было не то. Какой-то странный, не свойственный европейцам акцент. Наши русские охранники сказали нам на отвратительном немецком, что лучше бы нам сейчас убежать и где-нибудь спрятаться. Ведь это идут монголы, сообщили они нам. Они очень плохие. Бегите. Бегите быстрее. Это был тот случай, когда один черт утверждал, что другой его гораздо чернее. Ведь эти русские за 10 дней до этого захватили наш город и регулярно практиковали настоящие оргии насилия. И теперь они говорили, что монголы выйдут на улицу, которую мы расчищали. Они и впрямь очень испугались. Память странная штука. Я редко вспоминаю свою молодость. Однако стоит мне услышать военный хор, как память ко мне возвращается. И я вспоминаю все бессмысленные разрушения, что сотворили иваны».

5 апреля 1945 г. молодой британский офицер майор Питер Ирли поехал из Брюсселя, чтобы занять пост офицера связи в северной Германии. Поездка была долгой и удручающей, как пишет в своем дневнике Ирли:

«Всю нашу поездку мы мчались сквозь ветер и дождь по руинам немецких городов и сел, мимо мрачных бездомных немцев, разбитых танков и артиллерийских орудий, потоков беженцев разных национальностей с узлами своих пожитков, мимо полей, усыпанных подбитыми самолетами. Никогда прежде я еще не видел столь безысходной нищеты, горя, разрушений и таких несчастных людей».

Крах Третьего рейха сопровождался достаточно сюрреалистическими сценами. По дороге во Франкфурт американская фотожурналистика Маргарет Берк-Вайт наткнулась на немецкий товарный поезд, остановленный авианалетом. Теперь здесь орудовали мародеры. Позднее Берк-Вайт писала:

«По рельсам навстречу нам бежала немецкая домохозяйка. В руках она держала охапку розовых трусиков и ночнушек. Она плакала и смеялась одновременно. «Германии капут! Теперь можно грабить!» — кричала она. Журналисты заметили, что грабившая поезд толпа состояла из представителей различных национальностей».

Мой водитель, сержант Эш, который говорит на нескольких языках, уловил несколько фраз из пробежавшей мимо нас толпы. Только что освобожденные бельгийцы, голландцы, русские, французы и поляки, двигавшиеся на запад, были привлечены толпой и стали карабкаться между ног и через плечи мародерствующих немцев. Между собою грабители не дрались, они просто хотели поскорее добраться до желанных товарных вагонов. В толпе даже царило веселье. Люди

различных национальностей смеялись и грабили вместе. Поляки сияли от счастья. Одна полячка, нахватавшая целый ворох юбок и платьев, посмотрела на меня и сказала: «Так или иначе, но немцы ведь сами это награбили». И усатые поляки, словно вторя ей, повторяли: «Немцы все это украли. Немцы все награбили». Конечно же, в этих словах содержалась большая доля правды, потому как на многих вещах были бельгийские и французские этикетки».

Во Франкфурте, который 3-я армия США заняла в конце марта, Берк-Вайт и сержант Эш объезжали свежие трупы на улицах

«Но все же именно живые в этом городе сразу же привлекали внимание. По большей части то были женщины, и они бродили по развалинам с букетами цветов. Магнолии и сирень среди этих жутких руин напоминали о весне. И казалось, что эти женщины, выкарабкавшись из тьмы, в которой они дни и ночи скрывались от страшных обстрелов, при свете дня сразу же заинтересовались цветами. Чувство возвращения к жизни заставляло их собрать эти пурпурно-розовые букеты».

В середине апреля военный корреспондент Би-Би-Си Ричард Димблеби зашел в маленькую гостиницу, чтобы прослушать 9-часовые британские новости по радиоприемнику хозяина. Его семья и постояльцы сидели за столиками, пока Димблеби настраивал приемник и наконец услышал знакомый голос диктора Фредди Гизвуда. Репортер вспоминает:

«Пока мы сидели и слушали новости о боях в этом районе, я смотрел, как реагируют на все это немцы. Они слушали очень внимательно. Английского они, конечно же, не понимали, но их привлекали названия германских населенных пунктов, которые упоминал Гризвуд».

«Ганновер? — переспросил один из постояльцев, — они уже около Ганновера? Он именно это сказал?» Я подтвердил, что это так. А потом диктор упомянул Везер. Эту местную реку знали все. Даже старик-хозяин, услышав об этой реке, встрепнулся. А потом объявили, что американцы уже на подступах к Вюрцбургу. «Вюрцбург? А где этот Вюрцбург?» — спросила одна из дочек хозяина. Ее сестра принесла карту центральной и южной Германии, и вся семья склонилась над ней, отмечая населенные пункты, упомянутые в сводке новостей. И вот когда я смотрел на этих немцев, мне в голову внезапно пришла одна мысль. Из Лондона докладывали о наших успехах, о разгроме их страны, а на лицах этих немцев не было ни тени сожаления, ни отчаяния, ни потрясения, ни тревоги. Они просто внимательно слушали и отмечали на карте населенные пункты. Словно бы они соблюдали нейтралитет и речь шла о какой-то третьей стране, а не об их родине. И я понял, что в большинстве своем все немцы, волею судьбы оказавшиеся на линии фронта, таковы. Нейтралы в своей собственной стране. Похоже, у них нет ни страсти, ни печали. Сочувствия к своей армии они не испытывают. Для них война нечто великое и катастрофическое, чего не понять умом. Мир их ограничен проблемами содержания деревенской гостиницы, а больше их ничего не интересует».

Британские и американские танки теперь не ехали — летели! На максимальной скорости они двигались по параллельным дорогам, обходя города, которые потом занимались другими частями. Цель была одна. Как можно глубже войти на территорию Германии. Но между местами танковых прорывов к югу и к северу оставались огромные участки сельской местности, куда даже не заходила разведка. Германский фронт рухнул, у немцев уже не оставалось никаких резервов для атак по флангам наступающих

американцев или для отсечения их передовых танковых колонн. Дороги были забиты немецкими войсками, готовыми сдаться первому попавшемуся американскому солдату. А в тылу поднимали пыль длинные колонны военнопленных, зачастую под командованием своих же собственных офицеров. Пар поднимался от их взмокших от пота шинелей. Никто не обращал на этих людей абсолютно никакого внимания, и никто из них даже не пытался бежать.

Когда сопротивление все же вспыхивало, то глазам представала до боли знакомая картина. Как заметил Питер Ирли:

«Вчера я попал в танковую «пробку» близ Вельзена. Лес горел, грохотали танки, стучали пулеметы. Сладкий запах разлагающихся туш животных и то и дело попадающиеся разбухшие трупы лошадей с задранными кверху ногами. Воздух был пропитан гарью и пылью. А вблизи зоны боя стояла тревожная тишина, и не было видно никакой техники; лишь танки на краю леса да орудийные залпы, скрюченные трупы, разбитые грузовики и танки с кусками одежды и какими-то ошметками, что свисали с деревьев, словно с елок, украшенных смертью. Немецкие военнопленные выглядели весьма плачевно. Грязная форма, перекошенные от гнева молодые лица. Их гнали словно скот по пыльным дорогам к поджидавшим их клеткам».

Дороги, ведущие в рейх, были забиты огромным количеством транспорта снабжения союзников — танковые транспортеры, бензовозы, джипы и бульдозеры. Все это двигалось с включенными фарами, по мере того как великая военная машина продвигалась на восток. На участке фронта Брэдли 83-я пехотная дивизия, входившая в 9-ю армию США, устроила потрясающее шоу. Известная под кличкой Бродячий Цирк дивизия представила выставку трофейных не-

Условные обозначения:

- Линия фронта на Западе к 31.03.1945
- ← Наступление 21 гр. армий
- ← Наступление 12 гр. армий и 7 А (США)
- ← Продвижение 1 французской армии
- Граница продвижения союзников к 7.05.1945
- Граница советского фронта к 16.04.1945
- Концентрационные лагеря
- ▨ Окруженные группировки вермахта

Боевые действия на Западном фронте в апреле-мае 1945 г.

мецких автомобилей. Им даже удалось раздобыть германский штабной автомобиль. Битком набитый высшими офицерами вермахта, он спутал одну из колонн 83-й пехотной с немецким подразделением и даже стал сигналить. Оправившиеся от удивления американцы открыли пулеметный огонь и взяли немцев в плен. «Мерседес» быстро перекрасили, и с американскими звездами на боках он принял участие в дальнейшем наступлении 9-й армии.

Внезапное прекращение сопротивления немцев на Западе вновь открыло вопрос о Берлине. Осенью 1944 г. западные союзники сделали немецкую столицу своей целью. В сентябре Эйзенхауэр писал: «Совершенно ясно, что наш самый главный трофей — это Берлин. У меня нет никаких сомнений, что мы должны сконцентрировать все наши усилия на быстром броске на Берлин...» Однако к концу января Берлин выпадает из списка главных военных целей союзников. Пока союзников сдерживало Арденнское контрнаступление, Советская Армия подошла на 75 км к германской столице. Она уже находилась настолько близко к ней, что, казалось, смогла бы взять город, едва получит соответствующий приказ. Но для Черчилля Берлин оставался главной политической целью. Если русские возьмут германскую столицу, утверждал он, «не создается ли у них впечатление, что именно они внесли главный вклад в нашу общую победу? И не приведет ли это в будущем к крупным осложнениям?» Черчилля очень волновали послевоенные последствия объятий с русским «медведем». Монтомгери тоже видел в Берлине «главный трофей», обещанный ему Эйзенхауэром еще в сентябре 1944 г. 27 марта он послал шифровку верховному главнокомандующему такого содержания: «Мой штаб переезжает на северо-запад в Боннингхардт во вторник 29 марта, а затем будет переезжать в Везель, в Мюнстер, в Виденбрук, Херфорд, Ганновер и потом, надеюсь, автобаном в Берлин».

Монтгомери ожидало жестокое разочарование. 28 марта Эйзенхауэр отдал ему новый приказ. 9-я армия США, находившаяся под командованием Монтгомери, с 20 декабря передавалась обратно Брэдли, который получил задание «быстро оккупировать Рур и направить свой основной удар по линии Эрфурт — Лейпциг — Дрезден, чтобы соединиться с русскими. Целью 21-й группы армий стало «незамедлительное форсирование Эльбы, наступление на находившийся на Балтийском побережье Любек и окружение Датского полуострова». Сухой военный язык не мог скрыть того факта, что Монтгомери получил довольно болезненную пощечину.

Эйзенхауэр решил не идти на Берлин. Он теперь нашел вескую причину отказать Монтгомери в ударе на север, отдав все силы находившемуся на юге Брэдли. (Именно после консультаций с Брэдли Эйзенхауэр решил остановиться на рубеже Эльбы, примерно километрах в 120 в глубину советской зоны оккупации. Будучи четким разделительным барьером, Эльба считалась лучшим местом для встречи с русскими, дабы избежать случайных стычек с Советской Армией, которые вполне могли бы перерасти в бои.) Причины подобного решения отчасти были личными. Эйзенхауэр уже не мог более терпеть Монтгомери, утверждавшего, что американцы практически не внесли никакого вклада в победу над Германией. Частично причины крылись в большой политике и отчасти происходили из всей стратегии антигитлеровской коалиции. Верховный главнокомандующий союзных войск на Западе не хотел, чтобы союзники понесли большие потери, обогнав русских в наступлении на Берлин. Ведь по Ялтинским соглашениям этот город все равно находился внутри послевоенной советской зоны оккупации. К тому же, после того как Эйзенхауэр нацелил 18 фронтовых дивизий на захват Рура, он явно не был готов к броску на гер-

манскую столицу. К 1 апреля около 40 союзных дивизий перешли Рейн, но лишь 8 из них находились севернее Гарца на прямой дороге к Берлину. Действительно, у Эйзенхауэра имелись ударные силы и мощная система снабжения. Но все это находилось не там и двигалось не в том направлении.

Так или иначе, Эйзенхауэр нашел для себя не менее интересную цель, так называемый Национал-Редут — последнюю «альпийскую крепость» нацистских фанатиков. На самом деле никакого Национал-Редута не было, но вера в его существование искусственно поддерживалась Геббельсом, создавшим специальный отдел, занимавшийся сочинением историй и слухов о мифическом укрепленном районе, который не в состоянии будет взять ни одна армия мира. Там, якобы, находятся подземные поселки и фабрики, которые обороняют скрывающиеся в недрах Альп 100 тысяч фанатично преданных фюреру солдат. Эта история была подхвачена американской прессой, нарисовавшей жуткую картину партизанской войны, с которой придется столкнуться союзникам после падения Берлина. В этих статьях несуществующий Национал-Редут связывали с реальной организацией «Вервольф» («Оборотень»), созданной Гиммлером осенью 1944 г. Гиммлер приказал генералу полиции СС Гансу Прютцманну создать тайную армию для поддержания идей национал-социализма в подполье на тот случай, если Германия будет оккупирована врагом. Если верить одному из гитлеровских приспешников — Юргену Штропу, солдаты и население Германии, эсэсовцы и беспартийная молодежь, женщины и дети обучались проведению диверсионных актов, учились ликвидировать вражеских агентов, отравлять продукты и колодцы, нападать на транспорт. К концу войны подготовку прошли не менее 5 тысяч «вервольфов». Именно члены этой организации ответственны за убийство в

марте 1945 г. Франца Оппенхофа, назначенного союзниками обер-бургомистром города Ахен, и за множество акций, начиная от снайперских выстрелов и заканчивая мелким саботажем. Но все это были булавочные уколы на фоне крушения Третьего рейха. Когда генерал Зигфрид Вестфаль, последний главнокомандующий Западным фронтом, в мае 1945 г. сдался в плен, он с презрением назвал «Вервольф» скаутским сбродом.

Англичане не воспринимали ни Национал-Редут, ни «Вервольф» всерьез, но в докладе союзной разведки от 11 марта сделан вывод:

«Похоже, что оборонительная политика противника направлена на защиту Альпийской зоны... Аэро съемка выявила как минимум 20 мест, где ведутся какие-то подземные работы (равно как и массу пещер, оборудованных для нужд врага). В основном в районе Фельдкирха, Кюфтштайна, Бертехсгадена и Голлинга. Наземные источники докладывают, что здесь созданы подземные склады и убежища. Существование нескольких подземных фабрик также подтверждается. Также на фотографиях видны новые бараки и поселки, особенно в районе Инсбрука, Ландека и Бергхофа. Так что донесения о подготовке немцев к партизанской войне не лишены оснований».

Сценарий, достойный пера Эрнста Ставро Блофелда, но, к сожалению, оснований для него в реальной жизни оказалось ничуть не больше.

В донесении штаба 7-й армии США, якобы основанном на надежных источниках, утверждалось, что Гиммлер приказал в «альпийской крепости» подготовить все к приему 100 тысяч человек и что в тот же район идут поезда с новейшими типами пушек и оборудованием для авиастроительных заводов. В донесении утверждалось, что в Национал-Редуте со временем можно будет разместить до 200 тысяч бой-

цов из элитных частей СС, «пропитанных духом нацизма и готовых сражаться до последнего».

На карте Эйзенхауэра в Реймском штабе на основании разведдонесений с пометкой «Нацредут» испещрили красными точками то, что в реальности составляло 30 тыс. кв. км Баварии, Австрии и Северной Италии. После войны Эйзенхауэр признал, что цитадель эта существовала лишь в воображении нацистских фанатиков. «Странно, что мы вообще в нее поверили. Однако эта легенда отточила наше тактическое мышление».

Национал-Редут также пригодился для отвлечения внимания обиженного Монтгомери. 21 марта штаб Брэдли издал документ под названием «Переориентация стратегии», основной мыслью которого было то, что «когда наши цели изменились, метрополия (Берлин) более не представляет для нас никакой важности... все указывает на то, что политическое и военное управление противника уже эвакуируется в так называемый Редут в Нижней Баварии». Теперь, когда у Монтгомери отобрали 9-ю армию, приоритет отдали наступлению Брэдли в южном направлении. 12-я группа армий должна была рассечь Германию на две части и не дать немецким войскам отступить в Альпы. А затем войскам Брэдли предстояло подавить остатки сопротивления в горах.

Все эти аргументы плюс телеграмма от находившегося в Вашингтоне генерала Маршалла, предупреждавшего Эйзенхауэра об опасности случайного вооруженного конфликта между русскими и американскими войсками, повлияли на принятие верховным главнокомандующим окончательного решения. 28 марта, в день, когда суждено было рухнуть надеждам Монтгомери, Эйзенхауэр по собственной инициативе, не информируя Объединенный комитет начальников штабов, правительства США и Великобритании и даже своего заместителя, верховного маршала авиации сэра Артура Теддера, отправил те-

леграмму Сталину: «В настоящий момент главная цель моих боевых операций — это окружение и уничтожение Рурской группировки противника... думаю, что этот этап закончится в конце апреля или даже раньше. И моей задачей будет рассечение остающихся германских войск посредством соединения с вашими вооруженными силами». В телеграмме Эйзенхауэра также утверждалось, что его войска встретятся с русскими в Дрездене. То было явное указание на то, что Берлин достанется Красной Армии.

Англичане, узнав об этом, так рассердились, что Эйзенхауэру пришлось связываться с Черчиллем и обещать ему, что «если немцы поспешат сдаться, то мы ускорим наступление, и Берлин будет включен в список наших первоочередных целей».

Сталин, напротив, пришел в восторг от телеграммы Эйзенхауэра, проинформировав последнего 1 апреля, что она полностью совпадает с планами Ставки и что Берлин «действительно потерял свое прежнее стратегическое значение». Советское высшее командование отправит на взятие Берлина лишь второстепенные силы. В тот же день Сталин провел в Кремле экстренный военный совет, на котором присутствовали два его соперничающих маршала, Жуков и Конев. У Сталина имелся к ним довольно простой вопрос: «Итак, кто же будет брать Берлин: мы или союзники?»

Глава 9

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

«Мой дорогой Кальтенбруннер, как вы думаете, мог бы я беседовать с вами о моих планах на будущее, если бы не верил в глубине души в то, что мы в конце концов выиграем эту войну?»

Адольф Гитлер

В Берлине Ганс фон Штудниц заметил некий новый элемент в уличном убранстве:

«На углу Курфюрстендамм и Иоахимшталерштрассе, напротив канцлерской кондитерской, висит доска объявлений: люди ищут квартиру, предлагают какие-то вещи на обмен, обещают научить иностранным языкам или провести курс оздоровительного массажа. Недавно новый берлинский комендант генерал-лейтенант фон Хауеншильд стал вывешивать здесь свои собственные объявления. Сделал он это в соответствии с директивой фюрера от 17 февраля. В одном из них говорится о казни офицера-дезертира и трех солдат, воспользовавшихся фальшивыми документами. Прокламация эта заканчивается следующей фра-

зой: «И приговоры эти приведены в исполнение во имя тех женщин, братья, мужья и сыновья которых честно защищают свою Родину».

А для люфтваффе оборона родины превратилась в отчаянное использование тактики самоубийц. В марте 1945 г. Германн Геринг потребовал добровольцев для выполнения «специальных, чрезвычайно опасных операций». Около 300 добровольцев было собрано в Штендале для прохождения необходимой подготовки. Примерно половина из них вошла в состав авиасоединения «Зондеркомmando Эльбе», целью которого было таранить американские бомбардировщики. Подготовка на 90 % была политической. Ее цель — чтобы пилоты, по большей части молодые юнцы, были в любой момент готовы отдать жизнь за фюрера. Им было приказано вести огонь по американцам с максимального расстояния и продолжать стрельбу до тех пор, пока они не приблизятся к противнику на расстояние, позволяющее осуществить таран. Лишь протаранив вражеский бомбардировщик, они могли воспользоваться парашютом.

В сопровождении реактивных Me-262 они впервые вступили в бой 7 апреля. На их наушники постоянно транслировались патриотические передачи. В перерывах между исполнением гимна «Дойчланд убер аллес» звучали женские голоса, повторявшие: «Вспомните ваших мертвых жен и детей, погребенных под развалинами наших городов». Когда над озерами Думмер и Штайнхудер началось воздушное сражение, американские истребители сопровождения P-51 «Мустанг» поупражнялись в легкой охоте, уничтожив 59 из 120 самолетов «Зондеркомmando Эльбе». 8 американских бомбардировщиков действительно были протаранены. Но лишь 15 германских истребителей вернулось на свои аэродромы. Это была первая и последняя операция «Зондеркомmando Эльбе» против 8-й воздушной армии США.

Поскольку круглосуточные бомбардировки Берлина значительно усилились, Гитлер все больше и больше времени стал проводить в бетонном убежище, находившемся под садом канцелярии. Со временем он перебрался туда на постоянное жительство, и этот бункер стал его последним штабом, как бы возвращением в окопы, в которых во время Первой мировой войны укрывался ефрейтор Гитлер.

Бункер фюрера представлял собою комплекс убежищ, в одном из которых располагался штаб Мартина Борманна, постоянного главы партийной канцелярии, в другом — полевой госпиталь, а во время битвы за Берлин штаб генерала СС Вильгельма Монке, коменданта рейхсканцелярии. Находившееся на глубине 17 метров под садом рейхсканцелярии главное убежище Гитлера было двухэтажным. Толщина бетонных стен составляла два метра, а на трехметровую потолочную плиту был насыпан слой земли толщиной в 10 метров. На верхнем этаже бункера располагались кухня, штабные квартиры, а ближе к концу — помещения, где проживала семья Геббельса. Соединенный с верхним бункером короткой специальной лестницей, нижний бункер Гитлера представлял собой ряд тесных комнат с низкими потолками, располагавшихся вдоль длинного коридора, украшенного картинами из рейхсканцелярии. По правую сторону от прохода, напротив машинного отделения, находился офис Борманна с телефонным селектором и телеграфом, с которого Гитлер, страница за страницей, снимал Ялтинское коммюнике. На стенах офиса Борманна висели карты Германии и Берлина. Они были покрыты целлулоидом, на котором Гитлер тушью отмечал продвижение вражеских бомбардировочных соединений. Дальше по коридору находились комнаты, которые занимали Геббельс и врач-эсэсовец, доктор Штумпфеггер. Слева от прохода находилось шесть меблированных помещений, которые занимал сам Гитлер. В небольшой жилой комнате три

на четыре с половиной метра висел портрет Фридриха Великого кисти Антона Граффа — постоянный элемент обстановки гитлеровских штабов. Долгие часы проводил Гитлер, вглядываясь в образ короля-солдата. Как-то раз адъютант фюрера сержант Рошус Миш случайно прервал одну из таких медитаций:

«Было уже очень поздно, и я подумал, что фюрер уже отошел ко сну. Но он был здесь и пристально вглядывался в свете свечей на висевший на стене портрет. Фюрер был неподвижен. Он держался рукой за подбородок и находился в состоянии транса. Я вошел в комнату, но Гитлер не обратил на меня никакого внимания. Я поспешил выйти оттуда на цыпочках».

Еще одной достопримечательностью подземного комплекса, странным образом успокаивающей Гитлера, был огромный макет «послевоенной» реконструкции города Линц. Этот макет сделал и установил в бункере под Фосштрассе архитектор профессор Герман Гизлер. В Линце Гитлер впервые услышал «Риенци» Вагнера и решил посвятить себя политической карьере. Линц должен был восстать из развалин, затмив красотой Будапешт, самый величественный город на Дунае. Здесь собирались возвести концертный зал на 35 тысяч мест и 165-метровую колокольню, в основании которой будут погребены родители Гитлера. Сам фюрер хотел стать главным покровителем огромной художественной галереи, которую спроектировал Гизлер. Когда Гитлер привел в бункер Эрнста Кальтенбруннера, начальника своей службы безопасности и уроженца Линца, чтобы полюбоваться на макет, он сказал ему: «Мой дорогой Кальтенбруннер, как вы думаете, мог бы я беседовать с вами о моих планах на будущее, если бы не верил в глубине души в то, что мы в конце концов выиграем эту войну?».

Клаустрофобия и отсутствие свежего воздуха в бункере угнетали Гитлера. В тусклом свете электри-

ческих ламп день смешался с ночью. Последние военные советы заканчивались в 6 утра, после чего измученный Гитлер ложился на диван и баловал себя пирожными. По ночам он иногда выходил из бункера, чтобы выгулять свою овчарку Блонди. Они бродили по усыпанным битым кирпичом тропинкам сада рейхсканцелярии под бдительным оком охранников СС.

Летом 1942 г. Гитлер был в центре гигантской паутины связи, простиравшейся от побережья Атлантики до Кавказских гор. Теперь его связь ограничивалась селектором, годившимся для скромного отеля, одним радиопередатчиком и радиотелефонной связью со штабом ОКХ в Цоссене, находившимся в 25 км к югу от Берлина. Кейтель и Йодль настаивали на том, чтобы Гитлер перенес свой штаб в Цоссен, но фюрер высказал вслух свои сомнения по поводу прочности «армейского бетона». В бункере, окруженном гвардейцами СС, он оставался в безопасности. В то время как бомбы дождем сыпались на Берлин, Геббельс восклицал: «Террор бомбардировок не щадит домов ни богатых, ни бедных. В тотальной войне рушатся последние классовые барьеры». Хаос должен восприниматься как необходимая предпосылка для установления нового порядка: «Теперь бомбы, вместо того, чтобы убивать всех европейцев, лишь сокрушили стены тюрьмы, в которой их содержали. Пытаясь уничтожить будущее Европы, враг уничтожил ее прошлое».

У тех, кому довелось посетить бункер, осталось неизгладимое впечатление удушающей атмосферы, наполненной страхом и истерией. Капитан Бирман, один из эсэсовцев-охранников, вспоминает, как влияло на обитателей бункера длительное пребывание под землей:

«Это все равно что оказаться заточенным в бетонной подложке или оказаться замурованным в морге. Водолазы, работавшие в «колоколах», вероятно, чув-

ствовали себя свободней. В бункере было темно и пыльно. Здесь стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь рокотом генератора. При искусственном освещении даже лица пышущих здоровьем людей казались бледными. Воздух был то холодный и сухой, то теплый и влажный. Стены серые, порой бледно оранжевые, иногда мокрые. К тому же здесь стояла спертая вонь от сапог, потной военной формы и едкого дегтярного мыла. Когда засорилась канализация, здесь пахло как в общественном туалете».

Теперь Гитлер представлял собой жуткое зрелище. Он был похож на восставшего из могилы мертвеца: накачанный лекарствами (которыми снабжал его главный анестезиолог рейха профессор Теодор Морелл), сгорбленный и трясущийся, с дрожащим голосом, смрадным дыханием, помутненными глазами, с крошками от пирожных, прилипших к губам, в грязном пиджаке с пятнами, остававшимися после приема пищи. Майор Герхард Болдт, впервые увидевший фюрера на инструктаже в бункере в начале февраля 1945 г., вспоминал:

«Голова его слегка покачивалась. Левая рука висела, а пальцы заметно дрожали. В глазах появился какой-то странный блеск. Лицо осунулось, а глаза ввалились. Он был полностью физически истощен и двигался как глубокий старик».

Несмотря на свою физическую изношенность, Гитлер сохранял силу поражать тех, кто к нему приезжал, самыми безумными надеждами. В середине марта охваченный паникой гауляйтер Данцига Альберт Форстер прибыл в бункер. Пылкий католик Форстер все еще верил в божественное предназначение Гитлера: «Я верю в чудо. Я все еще верю в Господа Всемогущего, давшего нам нашего фюрера, чтобы освободить Германию, превратив ее в после-

дний оплот Западной культуры, не сдающийся под натиском Востока».

Однако теперь Форстеру самому пришлось столкнуться с этим натиском. Более тысячи русских танков стояло у ворот Данцига, а фюрер мог противопоставить им лишь четыре «тигра». Еще до аудиенции с Гитлером Форстер заявил, что решительно настроен изложить Гитлеру всю ужасающую реальность сложившейся ситуации. Однако после краткого свидания с фюрером он вышел «совершенно преобразенным». Гитлер пообещал ему «новые дивизии». Данциг будет спасен*. Лишь один Альберт Шпеер нашел в себе силы не поддаться чарам фюрера, задумав убить Гитлера и положить конец этому чудовищному спектаклю. Он решил закачать в систему вентиляции бункера отравляющий газ; и только то, что воздухозаборник бункера был укрыт в высокой металлической трубе, помешало осуществлению его плана**.

К 12 апреля фельдмаршал Монтгомери восстановил свое душевное равновесие. Он сфотографировался на фоне карты со своими молодыми офицерами связи. Берлин уже не являлся целью №1, но Монтгомери был довольно-таки в добродушном настроении. Питер Ирли в своем дневнике записал:

«Монти приказал, чтобы фото сделали в его штабе, которым он особенно гордился. Затем Монти потребовал, чтобы мы переоделись в полевую форму: «Мы слишком шикарно выглядим. Снимай-ка свой китель, Джон***! Случайно он не мой?!» Мы переоделись, и

---

* Данциг был взят войсками 2-го Белорусского фронта в конце марта. Спустя несколько дней Форстер сошел с ума.

** Об этом стало известно со слов самого рейхсминистра вооружений, причем уже после войны, так что реальность данной истории вызывает большие сомнения. — Прим. ред.

*** Джон Постен — любимый офицер связи Монтгомери, убитый в засаде 21 апреля. Питер Ирли был тяжело ранен и попал в плен к немцам во время того же инцидента.

Монти надел на себя поношенную форму. «А вот сейчас я покажу указкой на Ганновер, что на этой карте, — говорил он. — И вы все посмотрите в ту сторону. А вот этот снимок будет сделан для «Иллюстрейтед Лондон Ньюс»... Если я покажу на кого-то пальцем, то он должен с умным видом смотреть на меня». Короче говоря, Монти вел себя как настоящий режиссер на съемочной площадке».

Через 24 часа на Люнебургской пустоши близ Ганновера британская 11-я бронетанковая дивизия освободила Бельзенский концлагерь. В предсмертных конвульсиях Третьего рейха товарняки, битком набитые заключенными, прибывали в Бельзен со всех концов Германии. Лагерь, действовавший с жестокой эффективностью под управлением коменданта Йозефа Крамера, рухнул под наплывом 30 тысяч новых заключенных. Бывшая узница Аушвица Ольга Зингер позднее вспоминала: «Аушвиц был не более чем Чистилище. Ад начинался за колючей проволокой концлагеря Берген-Бельзен». В блоке №3, «материнском», женщины различных национальностей лежали в установленных вдоль стен клетках, по две в клетке. Их животы были чудовищно раздуты от беременности и голода. Их стоны и плач наполняли это строение постоянной оглушающей какофонией. В лагере свирепствовал тиф. Когда в Бельзен вошли англичане, на территории этой фабрики смерти в огромных штабелях было уложено не менее 13 тысяч трупов».

Первым британским солдатом, вошедшим в Бельзен, был молодой офицер разведки:

«Это напоминало зверинец. Там была такая вонь, прямо как в обезьяннике. Печальный голубой дымок струился подобно утреннему туману между низенькими строениями. Раньше я всегда пытался себе представить, как же выглядит концлагерь, но такого не

ожидал. Безликая толпа, припавшая к колючей проволоке в жутких полосатых робах».

Военный корреспондент Ричард Димблеби несколькими днями позже отправил следующий репортаж:

«В мрачном состоянии духа я пробирался по трупам и вдруг услышал еле слышный стон. Я увидел девушку. То был живой скелет. Трудно было определить ее возраст, потому что на голове ее не было волос. Лицо ее напоминало кусок пожелтевшего пергамента с двумя черными провалами вместо глаз. Она протянула свою костлявую руку и прошептала что-то вроде: «Англичане, англичане, лекарство, лекарство...» Она попыталась заплакать, но у нее на это уже не было сил. За ней вдоль прохода содрогались в конвульсиях умирающие, слишком ослабленные для того, чтобы подняться с пола. В тени деревьев лежала груда трупов. Я попытался их пересчитать. Было их больше 150. Они были набросаны друг на друга и все совершенно голые, настолько истощенные, что их желтая кожа блестела как натянутая резина на костях. Некоторые были истощены настолько, что вообще невозможно было себе представить, что подобные существа могли когда-либо жить. Они больше походили на скелеты, с которыми так любят шутить студенты-медики».

Американцы тоже делали подобные открытия. 13 апреля они освободили концлагерь Бухенвальд близ Эрфурта. 29 апреля бойцы 42-й и 45-й дивизий 7-й американской армии вошли в лагерь Дахау, расположенный в живописной сельской местности близ Мюнхена. Один из его заключенных, голландский летчик, записал в своем дневнике: «17.28. Первый американец входит в лагерь. Дахау свободен! Неопи-суемый восторг. Безумный рев». На железнодорож-

ной станции Дахау было обнаружено 39 товарных вагонов, битком набитых трупами поляков, которых привезли сюда, а затем оставили закрытыми без пищи и воды. Взбешенные этим зрелищем американцы расстреляли десятки охранников-эсэсовцев, разбросав их трупы по всей округе, будто бы немцы были убиты при попытке бегства.

Лагерь был окружен трехметровой проволочной изгородью под электротоком и рвом шириною 5 метров. Некоторые истосковавшиеся по свободе узники стали карабкаться на эту изгородь, и их убило током. Охранники — эсэсовцы, находившиеся на сторожевых башнях, — открыли по ним огонь, но тут же были скошены огнем американских пулеметчиков. Их трупы полетели в ров под одобрительный рев толпы заключенных.

После того как союзники форсировали Рейн, немцы погнали тысячи узников концлагерей на Восток, их путь был отмечен множеством обезображенных трупов. Когда колонна бухенвальдских узников была перехвачена союзными войсками близ Позинга, охранники расстреляли сотни заключенных, замыкавших строй, чтобы отгородить себя от американцев.

Эйзенхауэру показали концлагерные ужасы, когда 12 апреля он в сопровождении Паттона и Брэдли посетил лагерь Ордурф Норд близ Готы. Побледневший верховный главнокомандующий осмотрел лагерные виселицы с петлями из фортепьянных струн, помещения, где лежали горы трупов, на многих из которых были следы каннибализма. Судя по всему, ими питались обезумевшие от голода узники. Паттона стошнило. Позднее Эйзенхауэр писал своей жене Мэми, что он «даже представить себе не мог, что подобные жестокость, зверство и дикость могут существовать».

Эйзенхауэру пришлось в тот день тщательно скрывать свои эмоции, поскольку его уже проинформиро-

вали о смерти Рузвельта. Посещая клинику для инвалидов, которую он сам создал в Ворм Спрингз, штат Джорджия, президент США умер от обширного кровоизлияния в мозг. Черчилль, узнав об этом на Даунинг-стрит, 10, неподвижно сидел в своем черном кожаном кресле минут десять, прежде чем потянулся к телефонному аппарату и позвонил в Букингемский дворец. В Москве Сталин был очень расстроен и долгое время ни с кем не разговаривал. Зато в Берлине, в бункере Гитлера, царило оживление. Союз против Германии распадется, Гитлер будет спасен точно так же, как когда-то был спасен Фридрих Великий благодаря смерти русской царицы Елизаветы. Геббельс, читавший фюреру вслух отрывки из «Истории Фридриха II Прусского», поспешил позвонить Гитлеру: «Мой фюрер, поздравляю вас. Звезды говорят, что вторая половина апреля полностью изменит наше положение». Обрадованный Гитлер поведал своему адъютанту Мишу, что вскоре над бетонной крышей бункера начнется артиллерийская дуэль между русскими и американцами. Потом настроение фюрера вновь испортилось. Позднее Шпеер вспоминал: «Обесиленный, он рухнул на стул. И по выражению его лица я понял, что у него по-прежнему нет никакой надежды».

15 апреля 1945 г. в бункер переехала любовница Гитлера Ева Браун. С середины марта она проживала в своих личных апартаментах в рейхсканцелярии. Как мрачно заметил кто-то из охраны Гитлера: «А вот и Ангел Смерти». В тот же день командующий 9-й американской армией генерал Симпсон был вызван в штаб 12-й группы армий в Висбадене. Там ему приказали остановиться на подходе к Эльбе. Он поспешил вернуться, чтобы передать это известие бригадному генералу Сидни Хиндсу, 2-я танковая дивизия которого уже перешла на правый берег реки: «На Берлин мы не пойдем, Сид. Все. Для нас это конец войны!..»

Усобица между союзными генералами на западном фронте сдерживала стратегию Эйзенхауэра. Сталин, напротив, использовал соперничество между Жуковым и Коневым для достижения наибольшего эффекта. Еще с начала 1941 г. Сталин использовал политика Конева как противовес солдату Жукову. Он отдавал Жукову должные почести лишь тогда, когда был вынужден это сделать, в то время как Конев получал их просто так. Так Сталин сохранял хрупкий баланс между «незаменимым организатором Победы» Жуковым и его в равной степени бесценным политическим антиподом.

Если верить его собственному рассказу о совете в Кремле, состоявшемся 1 апреля, Конев должен был первым ответить на прямой вопрос Сталина о том, кто же все-таки будет брать Берлин. У Конева не было и малейших сомнений по поводу того, что Советская Армия напишет последнюю главу в истории Великой Отечественной войны и возьмет Берлин раньше англичан и американцев.

Сталин, улыбнувшись, ответил: «Так вот, значит, какой вы человек? Но как вам удастся создать ударную группу для выполнения этой задачи? Ведь ваши основные силы находятся на южном фланге, и, похоже, вам придется осуществить крупную передислокацию».

Конев ответил: «Товарищ Сталин, вы можете спокойно отдыхать и быть уверенны, что фронт выполнит все необходимые меры и мы перегруппируемся для наступления в необходимые сроки».

Жуков был настроен менее воинственно, проинформировав Сталина о том, что 1-й Белорусский фронт «полон войск и техники, нацеленной на Берлин», и именно с его участка можно кратчайшим путем дойти до столицы Германии. Тогда Сталин попросил обоих маршалов остаться в Москве и подготовить свои планы по этому вопросу. А через 48 часов прийти к нему с докладом.

Необходимо было решить много спорных вопросов. Жуков оставался при мнении, что может взять Берлин фронтальным наступлением. Конев, все еще не оправившийся от решения Ставки направить его основные силы на юг от Берлина, был решительно настроен добиться соглашения о координированном наступлении с двух фронтов. Когда 3 апреля маршалы вновь пришли к Сталину, он разрубил этот гордиев узел, подойдя к карте и проведя линию между двумя фронтами, которая оканчивалась в Люббене, на реке Шпрее, примерно в 60 км к юго-востоку от Берлина. После этого вождь народов изрек: «Кто первым сюда доберется, тот и будет брать Берлин».

Рассказ Жукова об этом совете куда менее драматичен, в нем подчеркивается, что наступление на рубеж Берлина и захват города были поручены войскам 1-го Белорусского фронта. Конев должен атаковать с реки Нейссе и уничтожить группировку противника южнее Берлина, изолировав главные формирования группы армий «Центр» от частей, оборонявших город, и тем самым поддержать наступление Жукова. Тем не менее Жуков добавляет: «На совещании в Ставке И. В. Сталин приказал Коневу: «В случае упорного сопротивления врага на восточных подступах к Берлину и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта быть готовым силам 1-го Украинского фронта».

Как заметил Давид Гланц, «беззвучные крики десятков миллионов жертв обязывали Советы осуществить последнюю крупную операцию Второй мировой. Это было трудной задачей для Ставки. Прекрасно усвоившие уроки истории, русские помнили о судьбе своих армий, стоявших у ворот Берлина в 1790 г. и Варшавы в 1920 г., когда их самоуверенность была жестоко наказана*. История не должна

---

* Если быть точным, то в ходе Семилетней войны в 1760 г. русские войска уже занимали Берлин. — *Прим. ред.*

была повториться, поэтому наступление на Берлин готовилось самым тщательнейшим образом.

Сталин был прав, когда упомянул о проблемах передислокации. На трех фронтах, задействованных в Берлинской операции (1-м Белорусском, 1-м Украинском и 2-м Украинском Рокоссовского*), 23 армии должны перегруппироваться вдоль Одера, 15 из них передвигались на расстояние 400 км, а 3 — на 800 км. И все эти перемещения необходимо было завершить в течение двух недель. На фронт Жукова, где главный удар должен быть нанесен силами 47-й, 3-й ударной и 8-й армий при поддержке 9-го танкового корпуса было доставлено железнодорожным и автомобильным транспортом 7 миллионов снарядов для 8963 артиллерийских орудий, установленных с плотностью 295 стволов на каждый километр зоны наступления. На заболоченной местности с большим трудом соорудили тысячи бункеров, артиллерийских и пулеметных гнезд. Строительство мостов продолжалось с невероятной скоростью. 27 инженерных батальонов восстанавливали поврежденные мосты и навели 25 новых мостов через Одер, соединив Кюстринский плацдарм с восточным берегом реки. Конев, фронт которого должен был форсировать при наступлении Одер и Нейссе, сконцентрировал 120 инженерных и 13 мотостроительных батальонов, в задачу которых входило обеспечить быструю переправу танков через водные преграды. Будущую операцию должны были поддержать четыре воздушные армии, задействовав при этом 7500 самолетов. На 1-м Белорусском фронте 16-я воздушная армия сконцентрировала 3188 самолетов на 165 аэродромах и была усилена 800 дальними бомбардировщиками 18-й воздушной армии. Корпусным и дивизионным командирам авиации было приказано войти в состав штабов пехотных и

---

* В Москве Рокоссовский получил приказ задержать свое наступление до 20 апреля.

танковых армий для лучшей координации воздушно-наземных операций.

На участке Рокоссовского 1360 самолетов 1-й воздушной армии имели особое значение, поскольку передислоцирование всего его фронта не позволило бы ему задействовать достаточное количество артиллерии для штурма нижних подступов к Одеру. Огневая поддержка и прикрытие должны были обеспечиваться десантной артиллерией генерала Вершинина.

Жуков не питал иллюзий по поводу сложности Берлинской операции:

«За всю войну нам еще не приходилось брать столь укрепленного города, как Берлин. Его общая площадь составляла почти 560 квадратных километров. Городское метро и обширная система подземных коммуникаций давали противнику большое пространство для маневра. Город и его пригороды были тщательнейшим образом подготовлены для длительной обороны. Каждая улица, площадь, дом, канал или мост являлись частью общей оборонительной системы города».

Советские разведывательные самолеты сделали шесть фотопанорам города, подступов к нему и оборонительных зон. На основании этих снимков, захваченных документов и информации, полученной во время допросов военнопленных, были составлены подробнейшие планы наступления. Военные инженеры сделали масштабную модель Берлина и его окрестностей (такой же масштабный макет был сделан и перед штурмом Кенигсберга). Командующие армиями, начальники штабов, члены военных советов, комиссар 1-го Белорусского фронта, командующий фронтовой артиллерией и командиры корпусов присутствовали на военном совете 5—7 апреля, на котором проводились штабные маневры с использованием карт и макетов Берлина. Там же был и командующий силами снабжения, оценивший ситуацию, чтобы обеспечить

постоянный поток всевозможных припасов на передовую. Ряд маневров был проведен ниже уровня армии в период с 8 по 14 апреля.

Жуков решил начать свое наступление за два часа до рассвета, «чтобы ошеломить и морально подавить противника». После опытов, проведенных во время маневров, он доставил на передовую 143 прожектора, чтобы высвечивать вражеские позиции во время наступления, дезориентировать врага и усилить контроль за своими собственными формированиями. Он также просчитал момент, когда задействовать свою бронетехнику, 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Местность напротив Кюстринского плацдарма совершенно не подходила для проведения танковых операций. Во-первых, там находилась Ордербургская долина, глубиной до 16 км, основательно заминированная и пересеченная ручьями, ирригационными каналами и канавами, а теперь еще и затопленная водой из искусственного озера, находившегося за 320 км вверх по течению. За равниной находилась угрожающая масса Зееловских высот, вздымавшихся на 60 метров над долиной. Здесь немецкая оборона состояла из связанных между собой укрепрайонов с использованием естественных препятствий: лесов, деревень, ручьев, оврагов и вырытых противотанковых рвов. Признавая потенциальную мощь этих позиций, Жуков решил ввести в бой две танковые армии лишь после того, как Зееловские высоты будут взяты.

Но, кроме всего, оставалась проблема самого Берлина. Современный город с большими крепкими домами, бульварами и уличными комплексами, каналами мог поглотить армию, которой бы пришлось вести бои буквально за каждый дом. Тому пример — Сталинград. Ставка не желала повторить опыт Паулюса. Город необходимо было взять мощной единой атакой, в которой специально отобранные группы наступления, укомплектованные из имеющих боль-

шой боевой опыт пехотных подразделений, будут поддерживаться танками и артиллерией, которые проложат огненную дорогу полного разрушения вплоть до самого рейхстага, «логова фашистского зверя». На участках наступления Жуков намеревался усилить плотность артиллерии до 450 орудий на один километр фронта.

Как заметил Геббельс на вторую неделю апреля, гитлеровская «крепость Европа» уменьшилась до отрезка территорий от Норвегии до Италии, приобретая форму удлинённых песочных часов, «талиа» которых приходилась на 150-километровый «мост» между Эльбой и Одером с Берлином в самом узком месте между двумя реками. А на Нижнем Одере, прикрывая северные подходы к Берлину, группа армий «Висла» генерал-полковника Хейнрици включала в свой состав 3-ю танковую армию Хассо фон Мантойфеля, противостоявшую 2-му Белорусскому фронту, и 9-ю армию генерала Буссе, противостоявшую 1-му Белорусскому фронту. Хейнрици командовал также остатками 2-й армии, окруженной в дельте Вислы, равно как и операционной группой Штайнер, штабом под командованием генерала СС Феликса Штайнера, у которого не имелось никаких формирований. Южнее Берлина, на участке юго-восточнее Люббена, напротив 1-го Украинского фронта находилась 4-я танковая армия, формирующая часть левого крыла группы армий «Центр» Шернера. Ею командовал одноногий генерал Фриц Грэзер, которого Геббельс описывал как «представителя старой школы, прекрасно относившегося к обязанностям». Между Мантойфелем и Буссе находился 54-й танковый корпус, включавший в свой состав дивизии СС «Нордланд» и 18-ю моторизованную дивизию, остатки 20-й моторизованной дивизии и 9-й воздушно-десантной, а также недавно возрожденную мюнхенбергскую дивизию. Последняя представляла собой не более чем сбор выпускников военных училищ или тыловых

вояк, не имевших никакого боевого опыта. Между Балтийским побережьем и Гертлитцем, в 150 км восточнее Берлина, находилось около 50 полевых дивизий вермахта, 5 из которых были бронетанковыми. Их поддерживали передислоцированные боевые группы и около сотни батальонов фольксштурма. Им противостояли 193 советские дивизии*, многие из которых, были потрепаны и составляли по численности в среднем от 2,5 до 5,5 тысячи человек. В наступлении на Берлин Советская Армия полагалась на массированное превосходство в артиллерии, авиации и танках.

В противоположность Западному фронту, где германские солдаты массово сдавались союзникам, на Востоке они сражались до последнего патрона, несмотря на то, что все понимали неизбежность их поражения.

Один из германских офицеров вспоминал:

«Даже самый никудышный солдат прекрасно понимал, что война проиграна. Теперь главной целью было выжить, и весь смысл заключался в том, чтобы удержать Восточный фронт, чтобы спасти как можно больше беженцев. Немцам было горько сражаться на родной земле впервые за последние 45 лет, и они не видели иного выхода, как хранить клятву на верность Германии. Солдаты понимали, что попытка убить Гитлера 20 июля 1944 г. провалилась, и, несмотря на вопиющие факты, он все еще надеялся на политическое решение, которое приведет к окончанию войны. Требование о безоговорочной капитуляции, выдвинутое союзниками после конференции в Касабланке в январе 1943 г., вынуждало продолжать этот безнадежный бой».

Фюрер считал, что основное советское наступление будет направленно не на Берлин, а на Прагу.

---

* Цифра, которую упоминает в своих мемуарах Чуйков. К ней необходимо относиться с осторожностью.

6 апреля, будучи уверенным, что оборонительный рубеж на Одере выстоит, Гитлер перебросил три моторизованных дивизии группы армий «Висла» на юг. Когда Хейнрици возмутился, фюрер вернулся к своему «любимому коньку», заявив, что русские уже на последнем издыхании, а их армии — это сброд: выпущенные из тюрем, военные преступники и насильственно поставленное под ружье крестьянство. Теперь уже Хейнрици сомневался в способности своего главнокомандующего защитить Берлин. Впервые он встретился с Гитлером неделей раньше, 30 марта, через 2 дня после того как Гудериан был отправлен в отставку вследствие последней стычки с фюрером — по поводу неспособности пяти дивизий 9-й армии захватить плацдарм Жукова в Кюстрине. Гудериана заменили на послушного Кребса, протеже генерала Бургдорфа, назначенного адъютантом Йодля в январе 1945 г. Хейнрици понял, что с фюрером иметь дело сложно, как и со вспыльчивым Гудерианом. Он попросил Гитлера освободить Франкфурт-на-Одере от статуса крепости, вследствие чего высвобождались две дивизии для укрепления оборонительного рубежа на Одере. Спокойно выслушав аргументы Хейнрици, Гитлер попросил Кребса принести кое-какие документы по франкфуртскому участку, которые какое-то время он молча изучал. Затем, как утверждает присутствовавший на этом совещании капитан Болдт:

«Совершенно неожиданно Гитлер встал с кресла и стал громко и истерично цитировать ключевые предложения из своего широко известного «приказа о крепостях», потом перешел к крепости Франкфурт-на-Одере. Он стал оскорблять Хейнрици, генеральный штаб, генералов и офицеров в целом, утверждая, что они никогда не понимали и не хотели понять его «приказ о крепостях» по причине трусости и отсутствия решимости. Приступ бешенства у Гитлера закончился также внезапно, как и начался. Совер-

шенно обессиленный, он рухнул в кресло. До сих пор передо мною стоит потрясенное лицо Хейнрици. Он вопросительно посмотрел на стоявших генералов, но ни один из избранных Гитлера не готов был пойти против мнения фюрера. Хейнрици продолжал отстаивать свою точку зрения в полном одиночестве. Позднее, в ходе обсуждения вопроса, речь вновь зашла о том, кого назначить комендантом крепости Франкфурт-на-Одере. Гитлер хотел, чтобы им стал Гнейзенау, родословная которого восходила к временам войны с Наполеоном*. Хейнрици хотел, чтобы эту должность занял полковник Билер, так как считал его разумным и опытным боевым офицером. Когда спустя несколько дней выяснилось, что Гитлер этого не хочет и никто в высшем командовании Германии не поддерживает желания Хейнрици, последний подал прошение об отставке. Тогда Гитлер сдался и согласился с мнением Хейнрици...»

Позднее фюрер с легкостью пообещал Хейнрици 137 тысяч бойцов из СС, люфтваффе и военно-морского флота. В итоге в его распоряжение поступило не более 30 тысяч человек.

Оборонительные сооружения крепости Берлин являлись частью «мира фантазий». В середине апреля эксперт по фортификационным сооружениям генерал Макс Пемзель, бросив беглый взгляд на городскую оборону, заявил, что она «смешна и никчемна». До середины марта оборона германской столицы всерьез не рассматривалась, потом было слишком поздно. Под руководством коменданта города, генерал-лейтенанта Гельмута Рейнманна, был создан оборонительный пояс в тридцати км от города. На спешно начерченных картах обороны столицы узкие траншеи и изолированные доты были отмечены как главные ук-

---

* Вероятно, Гитлер вспомнил об Августе Нейтхардте фон Гнейзенау (1760—1831), великом прусском маршале, военном реформаторе и ярком противнике Наполеона.

репрайоны. Второе кольцо было создано вдоль Берлинской окружной железной дороги, представлявшей серьезное препятствие для вражеских танков. Но для укрепления этого рубежа не хватало солдат. Последний рубеж обороны под кодовым названием «Цитадель» (эхо курской катастрофы 1943 г.) находился в самом центре Берлина и включал в себя комплекс правительственных зданий. Из внутреннего кольца расходились во все стороны восемь клинообразных командных участков, обозначенных по часовой стрелке буквами от А до Н.

Внутри командных секторов находилось шесть огромных башен с зенитными орудиями. Это были массивные бетонные «зигураты», не боявшиеся ни бомб, ни артиллерийских снарядов. Самая большая из них находилась в Берлинском зоопарке. Она была высотой в 40 метров и имела 5 этажей. Ее стены были толщиной в 2 метра, а все отверстия закрывались тяжелыми стальными дверями. Наверху башни располагался гарнизон из 100 человек. Этажом ниже находился прекрасно оборудованный госпиталь, а еще ниже складировались произведения искусства из берлинских музеев. В самых нижних этажах могло укрыться до 15 тысяч человек, здесь же находилась и радиостудия. Располагая своим собственным водо- и электроснабжением, огромным арсеналом и большими запасами продовольствия, башня была абсолютно автономна. Но в ней стоял невыносимый грохот, когда все ее восемь 128-мм орудий начинали одновременную стрельбу.

Генерал Рейнманн подсчитал, что для обороны Берлина необходимо 200 тысяч полностью экипированных и отлично подготовленных солдат. Однако город не имел своего собственного гарнизона. Единственным подразделением, представлявшим какую-то ценность, являлся Берлинский гвардейский батальон, из которого выросла дивизия «Гроссдойчланд» («Великая Германия»). Ее звездный час пробил во

время подавления заговора против Гитлера в июле 1944 г. В распоряжении Рейнманна имелось 60 тысяч бойцов фольксштурма, сборные отряды гитлерюгенд, саперные, полицейские и воздушно-зенитные части. Рейнманн вспоминал: «Оружие их было практически из всех стран, с которыми воевала или была в союзе Германия. Кроме немецкого, имелось итальянское, французское, чешское, бельгийское, голландское, норвежское и английское оружие. Хотя греческие патроны были переделаны под итальянские винтовки, мало кому из бойцов фольксштурма выдали больше пяти патронов»*.

Во время Висло-Одерской операции в Берлине бытовала шутка, что теперь войну стало вести легче, поскольку до передовой можно добраться на метро. А когда на берлинских улицах появились ветхие импровизированные баррикады и ловушки для танков, горожане мрачно шутили, что Советской Армии понадобится всего лишь 2 часа и 15 минут, чтобы сокрушить все эти препятствия, причем 15 минут русские будут смеяться. Многие из 100 тысяч рабов-иностранцев Берлина работали на возведении оборонительных сооружений. Капрал Норман Норрис, британский военнопленный, которого провели маршем по улицам города в начале апреля, вспоминал: «Теперь роют огромные противотанковые рвы, один из них в Кенигсвартерхаузене копают польские евреи. Взгляд у них кроткий. Они знают, что их в конце концов убьют. Забыть это трудно».

Для 2,5 миллиона человек, оставшихся в Берлине (его довоенное население равнялось 4,3 миллиона), нормальная жизнь в городе сильно отличалась от той, что была здесь в 1939 г. Мужское

---

* Согласно данным советских историков, берлинское направление обороняла группировка немецких войск, насчитывавшая ок. 1 млн. чел., 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий и 3300 самолетов. В резерве ОКХ имелось 8 дивизий, а в самом Берлине было сформировано 200 батальонов фольксштурма. Берлинский гарнизон насчитывал 200 тыс. человек. — *Прим. ред.*

население теперь составляли старики от 60 лет и старше. И тем не менее 12 тысяч полицейских продолжали оставаться на своих постах, почта функционировала вплоть до последнего дня войны. Рабочие вставали на рассвете, чтобы добраться по усыпанному кирпичом улицам до своих фабрик, 65% которых все еще работало. Часть Берлинского зоопарка оставалась открытой для посетителей. Берлинский филармонический оркестр давал ежедневные концерты вплоть до конца марта.

Чиновникам выдавали совковые лопаты и заставляли раз в неделю выходить на общественные работы. Ганс фон Штудниц вспоминал, как вместе с пятью товарищами оказался на разборке руин на Вильгельмштрассе: «Строительный мусор грузили на машины, затем отвозили во двор министерства, где он служил материалом для укрепления бетонных перекрытий бомбоубежища. Пока мы трудились по колено в грязи, рядом с нами работали сотни русских военнопленных, бросавшие на нас насмешливые взгляды».

14 апреля Жуков провел разведку боем, чтобы выяснить прочность немецких позиций в районе Кюстринского плацдарма. Чуйков позднее писал:

«Все началось в 7.40 утра после 10-минутной артиллерийской подготовки. На участке 8-й гвардейской армии разведбатальоны взяли передовые позиции противника и продвинулись вглубь его обороны на расстояние от двух до четырех километров. То же самое произошло на участке нашего соседа справа — 5-й ударной армии. Противник был ошеломлен, понес потери и отошел на вторую линию обороны. Мы взяли в плен военнослужащих 20-й моторизованной и 303-й пехотной дивизий. Капрал 303-й пехотной дивизии во время допроса заявил: «Через 2 недели Германии придет конец». «Почему?» — спросили мы у него. — «А потому, что ваша сегодняшняя атака это еще не

главное наступление, — ответил немец. — Это всего лишь разведка боем. Через пару-тройку дней вы действительно дадите нам жару. Неделя понадобится вам на то, чтобы дойти до Берлина и еще одна неделя на то, чтобы его взять. Так что дней через 15-20 Гитлеру будет капут».

Бои носили ожесточенный характер. Генерал Буссе отмечал:

«14 апреля враг продолжал атаковать усиленными формированиями весь участок фронта вплоть до Лебуса. Правое крыло 11-го танкового корпуса СС отразило все атаки, нанеся противнику тяжелые потери. На других участках противнику удалось дойти до второй линии нашей обороны, а близ Зеелова возникла столь кризисная ситуация, что пришлось бросать в бой моторизованную дивизию «Курмарк», чтобы остановить продвижение русских. На участке 51-го корпуса враг продвинулся на 5 км к Вельзену. Плацдарм на этом участке достиг глубины 15 км, что было равносильно передислокации крупных сил. Потери в живой силе и технике с обеих сторон были огромны. Но, что самое страшное, наши потери были невосполнимы».

В воскресенье 15 апреля фюрер издал свою последнюю директиву:

«Солдаты Восточного германского фронта! В последний раз наши смертельные враги, еврейские большевики, бросили в наступление свою орду. Их цель — превратить Германию в руины и стереть наш народ с лица земли. Вы понимаете, какая судьба уготована германским женщинам, девушкам, детям. Когда стариков и детей будут убивать, наших женщин и девушек превратят в барачных шлюх, остальных погонят в Сибирь. С января мы делали все возможное, чтобы

укрепить наш фронт. Мы встретим врага массированным артиллерийским огнем. Потери нашей пехоты возмещены бесчисленным количеством новых подразделений. Наш фронт укреплен отрядами спецназначения, свежими частями и фольксштурмом. На сей раз большевиков постигнет древняя судьба Азии: они должны и обязательно захлебнутся в собственной крови перед воротами столицы Германского рейха. Кто не исполнит своего долга сейчас, будет предателем собственного народа».

В тот вечер осторожный и прагматичный Хейнрици попросил и получил разрешение отойти на второй рубеж обороны, оставив на главной линии символические силы. Оружие в огромных количествах все еще продолжало поступать к советским войскам, сосредоточившимся на плацдарме, в то время как на берегах Одера выгружалось необходимое оборудование для наведения мостов.

В последнюю минуту перед началом наступления на фронте воцарилась напряженная тишина. Джон Эриксон пишет: «Казалось, что весь фронт пополз вперед, шурша и скрипя, вылезая из-под естественных укрытий и маскировочных сетей. Военное чудо-вище оживало с каждой минутой».

На передовую были доставлены знамена гвардейских формирований. В свете сигнальных ракет лицо Ленина взидало с красного знамени словно живое, солдаты клялись выполнять поставленную перед ними боевую задачу во имя «революционных идеалов и чаяний всех честных людей земли, во имя счастья и свободы для всего человечества».

А в Берлине «счастью человечества» не придавали никакого значения. Помощник Геббельса, доктор Вернер Науманн считал: «Наша пропаганда о том, каковы русские и что могут ожидать от них жители Берлина, была столь успешной, что мы привели беженцев в состояние дикого ужаса». В городе пыш-

ным цветом расцвела торговля таблетками с цианистым калием.

На рассвете 16 апреля Жуков присоединился к Чуйкову на командном посту и тихонько попивал чай, пока часы неумолимо отсчитывали время. В 5 часов утра по московскому времени (в три часа ночи по берлинскому), когда фронт все еще был окутан тьмою, вторая стрелка на часах Жукова сделала полный оборот, и ночь превратилась в день. В небо взлетели три красные ракеты, и начала работать артиллерия: «Катюши» посылали тысячи ракет по вражеским позициям, вспышки их разрывов сверкали в ночи, в то время как штурмовики и тяжелые бомбардировщики устремились к своим целям. Долина Одера сотрясалась от взрывов. Линия германского фронта, теперь практически незащищенная, была мгновенно стерта, леса загорелись, и в сторону Берлина подул обжигающий ветер.

Через 17 минут в небо ударил первый луч прожектора. Это был сигнал включить остальные 142. Их лучи пробивались сквозь дым и пыль, поднятую в воздух многочисленными взрывами. К северу и югу от Кюстринского плацдарма тысячи пехотинцев Советской Армии ждали десантных лодок и завершения наведения понтонных мостов. И вот они бросились к воде. Для наблюдавшего за форсированием русского офицера они показались «огромной армией муравьев, преодолевавшей водную преграду на травинках и листиках». Одер кипел от множества лодок, плотов с боеприпасами и пушками. В воде тут и там торчали солдатские головы. Многие перебирались на противоположный берег вплавь.

Через несколько минут Жуков потерял контроль над сражением. Прожектора причинили больше вреда своим, нежели неприятелю. Их свет не мог пробить плотной завесы пыли и гари, нависшей над немецкими позициями. Наступающие двигались вслепую. Включавшиеся и выключавшиеся прожектора

еще больше их дезориентировали. Чуйков, командный пост которого был окутан плотным туманом, был вынужден командовать своими войсками по радию и через посыльных.

В течение первых 30 минут сражения под мощным артиллерийским прикрытием наступающие продвинулись вперед на полтора километра, практически не встречая никакого сопротивления. С наступлением дня темпы продвижения войск заметно снизились, поскольку ручьи, каналы, заболоченная местность и обширные минные поля мешали поддержке танков и самоходных орудий. Координация между артиллерией, пехотой и танками нарушилась как раз в тот момент, когда в бой вступила германская артиллерия. Наступление было остановлено у Гаупт Канала (у подножия Зеловских высот), который широко разлился из-за весеннего паводка. Несколько мостов через канал простреливались германскими батареями, укрепившимися на склонах высот, хорошо замаскированными, состоявшими из врытых в землю танков и самоходных орудий. Сценарий, подготовленный Жуковым, не срабатывал.

На фронте Конева все шло по плану. 40-минутная артиллерийская подготовка, начавшаяся в 6.15 утра, сопровождалась гигантской дымовой завесой, созданной авиацией и артиллерией, задействованной на данном участке фронта. На узком 20-километровом участке Конев задействовал 13-ю, 3-ю и 5-ю гвардейские армии, форсировавшие Нейсе. Все они переправились на противоположный берег при свете дня. В 150 местах пехоту ожидали саперы с уже наведенными мостами и оборудованными переправами. Передовые батальоны пересекали реку на лодках, буксируя за собой небольшие понтоны. Как только наводились мосты, пехота бежала по ним на противоположный берег, в это время саперы, стоя по плечи в ледяной воде, составляли деревянные секции для ускорения переправы большего количества

пехоты и 85-мм противотанковых орудий, необходимых для усиления плацдармов, захваченных на западном берегу. Танки и самоходные орудия переправлялись на паромках, а советская артиллерия, штурмовики и бомбардировщики подавляли огонь противника. К 8 утра дым и туман рассеялись настолько, что стали видны советские танки, выдвигавшиеся с плацдармов напротив передовых германских позиций. Часом позже через Нейсе был наведен первый 30-тонный мост, а в час дня на левом фланге Конева, на участке 5-й гвардейской армии, «тридцатьчетверки» 11-го механизированного корпуса 62-й гвардейской танковой бригады уже грохотали по 60-тонному мосту. Вслед за ними проследовали противотанковая артиллерия и моторизованная пехота. Вслед за 62-й проследовала 16-я гвардейская механизированная бригада, и оба эти формирования получили приказ мчаться на максимальной скорости впереди пехоты.

На фронте Жукова образовалась колоссальная автомобильная пробка по мере того, как 8-я гвардейская армия пробивалась к Зеловским высотам. Пехота Чуйкова очистила от противника две линии немецкой обороны, но застряла перед третьей. Танки и самоходные орудия, застрявшие в грязи позади них, пытались развернуться в поисках наиболее удобного подхода к высотам. Попробовав выдвинуться по дорогам, ведущим к городу Зелов, они понесли тяжелые потери от германских 88-миллиметровок и панцерфаустов, поджидавших их за каждым поворотом.

Жуков не мог поверить в то, что его наступление остановлено. Повернувшись к Чуйкову, он не выдержал и взорвался: «Так что ж это такое?! Остановили твои войска!?» Чуйков, прекрасно знавший вспыльчивый характер Жукова, ответил: «Товарищ маршал, вне зависимости от того, остановили наши войска на какое-то время или нет, наступление пройдет успеш-

но. Но упорное сопротивление противника в настоящий момент его сдерживает».

Позднее в своих воспоминаниях Чуйков проанализировал причины своей неудачи. Дело в том, что Хейнрици расположил большее количество пехоты, танков и артиллерии именно на второй и третьей линиях обороны и обеспечил свой тыл мощным резервом. Не последнюю роль сыграли как оборонительные сооружения на Зеловских высотах, так и неспособность советской стороны трезво оценить специфику здешнего рельефа местности. «Отсутствие дорог ограничивало нам свободу маневра и делало невозможным задействовать крупные силы во время наступления. В результате нашим войскам пришлось пробиваться через большое количество деревень и хуторов, где практически каждый дом приходилось брать штурмом».

К полудню Жуков потерял терпение и решил бросить в бой обе свои танковые армии до того, как высоты будут взяты, то есть на 24 часа раньше, чем он планировал. Приказ Чуйкова о новой пехотной атаке после 20-минутной артподготовки был отменен. Выбежав с командного поста и раскидывая по пути налево и направо ошарашенных штабных офицеров, Жуков крикнул генерал-лейтенанту М. Е. Каткову, командующему 1-й гвардейской танковой армией: «Вперед!»

1300 танков и самоходных орудий должны были прорваться на Зеловские высоты: 1-я гвардейская танковая армия на участке Чуйкова и 2-я гвардейская, взаимодействуя с 5-й ударной армией, на правом фланге Жукова. Жуков наблюдал, как танки Каткова пошли в атаку примерно в 14.30. Вскоре в рядах наступающих воцарился хаос, после того как 44-я гвардейская танковая бригада смешалась с пехотой Чуйкова и артиллерией, которую он послал на поддержку новой атаки высот.

В три часа дня у Жукова состоялся очень напряженный телефонный разговор со Сталиным. Жуков заявил, что его фронт столкнулся с серьезным сопротивлением противника на рубеже Зеловских высот, где оборона немцев оказалась очень крепкой. Проинформировав Сталина о том, что он уже бросил в бой обе танковые армии, Жуков предположил, что он прорвет оборону противника к ночи 17 апреля. Сталин выслушал Жукова не перебивая, а потом промолвил: «Вражеская оборона на фронте Конева оказалась слабой. Он с легкостью форсировал Нейсе и теперь движется вперед, практически не встречая сопротивления. Поддержите вашу танковую атаку бомбардировщиками. Вечером доложите мне обстановку».

Лишь на правом фланге Чуйкова, не занятом танками, удалось продвинуться вперед. К полуночи 4-й гвардейский танковый корпус захватил плацдарм на окраине Зелова. Атака продолжалась всю ночь. Танки Жукова ползли на высоты подобно армии обезумевших зверей. Покрытые грязью, они сгоняли с дорог пехоту Чуйкова и взрывались, после того как немецкие артиллеристы открывали по ним прицельный огонь из 155-мм орудий.

Когда вечером Жуков доложил Сталину о том, что на подходах к Зеловским высотам все еще имеются определенные «сложности» и что маловероятно, чтобы немецкий фронт был здесь прорван до ночи следующего дня, Сталин уже не говорил с ним так спокойно, как днем:

«Не надо было вам нарушать инструкций Верховного Командования и бросать 1-ю гвардейскую танковую армию в бой на участке 8-й гвардейской армии!. Потом он добавил: «А вы уверены, что возьмете Зеловский рубеж завтра?» Стараясь сохранять спокойствие, Жуков ответил: «Завтра, 17 апреля, к концу дня оборона противника на Зеловских высотах будет прорвана. Я считаю, что чем больше сейчас враг

бросит в бой частей в этот район, тем меньше мы их встретим на пути к Берлину. Легче одержать победу в открытом поле, чем на городских улицах». Поговорив о следующих шагах Конева и времени начала наступления Рокоссовского, Сталин довольно сухо сказал «До свидания» и повесил трубку.

Наступление на Берлин шло полным ходом, и Сталин руководил им лично из Москвы. 17 апреля передовые танковые части Рыбалко форсировали реку Шпрее вброд, не ожидая прибытия саперных подразделений. Немцы тем временем ожесточенно контра-таковали северный и южный фланги Конева, которые удерживались 3-й гвардейской и 5-й гвардейской армиями. Перед 13-й армией и ее танками в немецкой обороне образовалась вполне подходящая для крупного прорыва брешь. Из замка близ Котбуса, центра зоны прорыва, Конев позвонил Сталину, который сообщил ему: «Жукову сейчас трудно. Он еще не прорвал оборону противника». Последовала долгая пауза, затем Сталин спросил: «Есть ли возможность перебросить мобильные силы Жукова и дать им двинуться на Берлин через прорыв на вашем участке фронта?» Конев ответил: «Товарищ Сталин, это займет много времени и вызовет большую неразбериху. Нет необходимости перебрасывать танковые войска с 1-го Белорусского фронта в зону нашего прорыва. События на нашем участке развиваются в нашу пользу. Наши силы адекватны, и мы готовы повернуть обе наши танковые армии на Берлин». Потом Конев заговорил о направлении, в котором повернет свои армии, предложив, чтобы ориентиром стал Цоссен, штаб германского генерального штаба. Сталин спросил Конева, какого масштаба его карта, на что последний ответил 1:200 000. После очередной паузы, во время которой Сталин, судя по всему, искал Цоссен на своей московской карте, он ответил: «Очень хорошо. Вам известно, что генеральный

штаб германской армии именно в Цоссене?» Конев ответил, что известно. «Отлично, — сказал Сталин. — Я согласен. Поворачивайте свои танковые армии на Берлин».

Конев незамедлительно приказал Рыбалко той же ночью форсировать Шпрее всеми имеющимися у него силами и повернуть на северо-запад, чтобы выйти на южные окраины Берлина к ночи 20 апреля. Одновременно 4-я гвардейская танковая армия Лелюшенко должна была форсировать Люккенвальде, прежде чем повернуть на север к Потсдаму и к юго-западным окраинам Берлина. Большое значение имела скорость. Конев сказал своим командирам, чтобы они обходили города и избегали фронтальных атак: «Вы должны понимать, что успех танковых армий зависит от простоты маневра и быстроты действий». На рассвете 18 апреля Рыбалко и Лелюшенко, уверенные в том, что фланги Конева выстоят, повернули свои танковые колонны на северо-запад.

Жуков, кипя от ярости и с трудом продвигаясь к Зеловским высотам, с которых шла прямая дорога на Берлин, решил приложить максимальные усилия для достижения своей цели. 18 апреля он издал ряд новых приказов:

- 1. Ускорить темп наступления. Если Берлинская операция будет развиваться слишком медленно, войска будут измотаны и израсходуют свои боеприпасы, так и не взяв Берлин.*
- 2. Все командиры должны находиться на наблюдательных постах командующих корпусов. Ни один из них не имеет права оставаться в тылу своих войск.*
- 3. Всю артиллерию, включая крупнокалиберную, необходимо вывезти в первый эшелон и держать не далее чем в 2—3 километрах от районов боевых действий. Артиллерийский огонь сконцентрировать на участках прорыва. Необходимо помнить о том, что вплоть до самого Берлина противник будет отчаянно сопротив-*

латься, сражаясь за каждый дом и куст. Поэтому танковые экипажи и пехота не должны ждать, пока артиллерия подавит сопротивление и обеспечит продвижение по очищенным от противника районам.

4. Не уступайте врагу ни пяди и наступайте ежедневно и еженощно, тогда Берлин очень скоро окажется в наших руках.

Жуков ударил в тот момент, когда огромное облако дыма, поднятого бомбардировщиками и артиллерией, повисло над опаленными склонами Зеловских высот. 8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковые армии прорвались на возвышенность. Причем танки окутывали проволочными каркасами, чтобы защитить их от панцерфаустов. Лишь вечером 19 апреля победило железо и Жукову удалось прорвать Одерский фронт на протяжении 70 км. Это произошло на двое суток позже, чем первоначально планировалось. Четыре дня ожесточенных боев продвинули 1-й Белорусский фронт на 30 км ближе к Берлину. На следующий день, когда Гитлеру исполнилось 56 лет, берлинский внешний северо-восточный периметр был прорван. Около двух часов дня дальнобойная артиллерия 3-й ударной армии открыла прямой огонь по городу. Снаряды разрывались прямо на пожарищах, вызванных последней крупной бомбардировкой союзной авиации. К северу 2-й Белорусский фронт Рокоссовского перешел в наступление на Нижнем Одере.

День рождения фюрера был отмечен специальной серией почтовых марок и добавкой к пайку берлинцев: 450 г ветчины или сосисок, 200 г риса или овсянки, 200 г сушеных бобов или гороха, одна банка консервированных овощей, 1 кг сахара, около унции кофе, пакетик эрзац-кофе и немного маргарина. Все это выдавалось в течение 8 дней и получило в немецком народе ироничное название «пайки Дня Вознесения».

Днем 20 апреля был дан официальный прием в честь дня рождения Гитлера в рейхсканцелярии, где нацистские палadini — Шпеер, Борман, Геббельс, Геринг и Риббентроп — собрались в последний раз. Большие залы и мраморные коридоры рейхсканцелярии были загажены и пусты. На полу валялись мусор и битое стекло, растрескавшиеся стены подпирали деревянные балки, окна были заколочены фанерой. Свет весеннего солнца пробивался сквозь дыры в крыше. Но Зал Чести перед зданием рейхсканцелярии все еще стоял, где кинокамеры запечатлели друзей Гитлера, поздравлявших своего фюрера. Физическая деградация Гитлера была уже практически полной. Один из присутствовавших в зале, капитан Петер Хартманн, отметил:

«Начиная с 1942 г., казалось, что за каждый год он старел на целых пять. Ближе к концу, в день, когда он праздновал свой последний день рождения, казалось, что ему уже все 70, а не 56. Он выглядел старцем. Человек постоянно нервничал и употреблял сомнительные медикаменты. Поддерживала его лишь одержимая воля, но порой и она его покидала...».

Согбенный и трясущийся Гитлер в сопровождении Гиммлера, Геббельса и Геринга проинспектировал солдат, построенных во дворе рейхсканцелярии, бойцов Фрундсбергской дивизии СС подразделения, входившего в состав группы армий «Курляндия» и взвод гитлерюгенда. Камеры запечатлели, как Гитлер треплет щеки детей — защитников Третьего рейха.

Затем Гитлер и его свита спустились в бункер, где фюрер принял адмирала Карла Деница, командующего флотом, фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, главу высшего командования на Западном фронте, и начальника штаба Йодля. Принимал он их по одному в маленькой комнате для конференций, потом вышел в коридор на ежедневный совет. Адьютант Деница уви-

дел «сломленного, бледного, согбенного, слабого и раздражительного старика». На просьбы покинуть Берлин и перебраться на юг Гитлер ответил отказом. Но согласился с созданием южного и северного командования в случае, если Германия будет расчленена на две части. Затем соратники Гитлера поспешили его покинуть. Жирные складки на лице Геринга блестели от пота, когда он объявил, что у него «чрезвычайно важные дела на юге Германии». В ответ Гитлер просто уставился в пустоту. Тогда же Гитлер последний раз встретился и с Гиммлером, после чего рейхсфюрер и уехал обратно в свой штаб в замке Цитхен, в земле Шлезвиг-Гольштейн, чтобы продолжить свои секретные переговоры с представителем Всемирного еврейского конгресса Нордбертом Мазуром, которому пообещал освободить из концлагеря Равенсбрюк* всех женщин-евреек.

После того как все ушли, Гитлер уединился в своей комнате с Евой Браун. Вскоре она вышла оттуда явно счастливая в потрясающем платье серебристо-голубого цвета. Она была решительно настроена устроить праздник. По воспоминаниям одной из секретарш Гитлера Траудль Юнге,

«всех, кого она встречала, она брала с собою в старую гостиную на первом этаже апартаментов фюрера, которые все еще уцелели. Прекрасную мебель отсюда уже перенесли в бункер, но большой круглый стол стоял там по-прежнему, и его в очередной раз празднично сервировали. Пришел даже рейхслайтер Борман, покинувший Гитлера и свой командный пост. Толстый Тео Морелл, личный врач фюрера, не побоялся выбраться из бункера, несмотря на постоянный грохот артиллерийской канонады. Кто-то принес грам-

---

* 22 апреля 1945 г. 15 тысяч евреек были освобождены из Равенсбрюка и вывезены оттуда на автобусах датского и шведского Красного Креста. В лагере остались еще 2000 больных женщин, за которыми ухаживали добровольно оставшиеся.

мофон, но была лишь одна пластинка, популярная довоенная песня «Красные розы принесут тебе счастье» — очень красивая мелодия. Все начали танцевать. Мы пили шампанское и громко смеялись. Но смех у нас был какой-то неестественный. Я тоже было начала смеяться, но в горле у меня застрял ком. Вдруг все здание сотрясось от мощного взрыва. Задрожали стекла. Потом зазвонил телефон, и стали передавать какие-то приказы... Приглушенная артиллерийская канонада как будто бы стала громче, чем наш смех и музыка...»

На севере Германии англичане уже были на окраинах Бремена и Гамбурга. На юге французы закрепились на Верхнем Дунае. Вена уже была в руках русских, а итальянский город Болонья пал под натиском 2-го польского корпуса и 34-й американской дивизии.

В самом сердце рейха Паттон наступал на юг по территории Баварии. На подступах к Берлину германская оборона была прорвана. После войны Карл Вейдлинг, командовавший 54-й танковым корпусом, заявил, что 20 апреля был «самым тяжелым днем для моего корпуса и для всех германских войск. Они понесли большие потери в предыдущих сражениях, были крайне измотаны и не в состоянии сдержать наступления превосходящих сил русских».

Утром 21 апреля генерал-полковник Кребс провел последнее совещание в Цоссене, в хорошо замаскированном в глубине леса помещении, в котором находился мозг высшего германского командования, штаб ОКХ, известный под кодовым названием «Майбах I» и «Майбах II» — штаб ОКВ (вместе с огромным подземным узлом связи «Переговоры 500», крупнейшим телефонным, телетайпным и радиопереговорным пунктом германского вермахта, который по величине равнялся закопанному под землю семиэтажному дому). В разгар совещания в зал ворвался перепачкан-

ный грязью офицер и сообщил, что русские уже в Баруте, то есть в 15 км к югу от Цоссена. Кребс сразу же позвонил Гитлеру и попросил эвакуировать свой штаб, но Гитлер ответил отказом. Капитан Герхардт Болдт, присутствовавший на этом совещании, вспоминал: «На лицах всех офицеров была написана одна и та же мысль: русский лагерь для военнопленных».

Лишь в час дня Гитлер дал Кребсу разрешение эвакуироваться в казармы люфтваффе близ Потсдам-Эйхе. Часом позже Болдт, уже в составе длинного конвоя, с ревом выкатившегося из ворот «Майбаха II» в направлении Потсдама, ехал по главной автостраде, вдоль которой

«двигались сотни тысяч людей кто на телегах, запряженных лошадьми, кто на велосипедах или пешком с тележками и колясками. Все они двигались на запад, куда угодно, лишь бы уйти от врага. Танковые баррикады на выездах из городов и деревень не впечатляли. На них, как правило, играли маленькие дети, не подозревавшие о близкой опасности. Они махали нам, на них были бумажные шлемы, а в руках они держали деревянные мечи. Объезжая сотни беженцев, мы приближались к Потсдаму. Мотоциклист, двигавшийся в противоположном направлении, сообщил нам, что центр Берлина уже под артиллерийским огнем русских и на Доротеенштрассе, в самом центре города, уже есть первые убитые».

Танковые бригады Конева воздержались от взятия Цоссена, но чуть позже 6-й корпус прибыл в покинутый штаб. На «Переговорах-500», которые охранялись четырьмя толстыми и пьяными солдатами, сразу же поднявшими руки вверх, продолжали звонить телефоны, а телетайп выплевывал странные послания с разваливающихся фронтов. На консолях бежавшие немцы оставили записки на ломаном русском — «не повреждать эти установки».

Из бункера фюрера поступал непрерывный поток приказов, иррациональных и противоречивых, и ни один из них просто невозможно было выполнить. Мантойфель, чья 3-я танковая армия теперь стала последним обломком группы армий «Висла», заметил: «У меня нет и малейшего сомнения в том, что на картах Гитлера есть флажок с надписью «7-я танковая дивизия». Да только у дивизии этой сейчас нет ни танка, ни грузовика, ни пушки или хотя бы пулемета. У нас есть армия призраков».

21 апреля генерал Карл Коллер, престарелый начальник штаба люфтваффе, оставшийся в Берлине после отъезда Геринга, весь день принимал участие в мрачном телефонном марафоне. Его согбенным плечам с трудом удалось выдержать всю тяжесть ярости Гитлера по отношению к люфтваффе. Дневник Коллера так описывает эту попытку:

«Вечером между 20.00 и 21.00 фюрер вновь звонит мне: «Рейхсмаршал Геринг собирает собственную армию в Каринхалле*. Распустить ее немедленно и передать в распоряжение обергруппенфюрера СС Штейнера». Затем он бросает трубку. Я все еще размышляю о том, что бы это могло значить, как вдруг вновь на проводе Гитлер: «Необходимо всех бойцов люфтваффе в районе от Берлина и до побережья, вплоть до Штеттина и Гамбурга, срочно бросить в атаку, которую я начинаю северо-восточнее Берлина». Ответа на мой вопрос, где же конкретно будет проводиться эта атака, я так и не получил. Гитлер снова повесил трубку».

---

* Обширное поместье Геринга в Биркенхайме имело, кроме всего прочего, собственный зоопарк. Хейнрици, посетивший там Геринга 8 апреля, вспоминал, что зал приемов замка более походил на интерьер огромного костела и глаза автоматически обращались к высоченному куполу. Геринг эвакуировал свое поместье 20 апреля, отослав сокровища искусства на юг, и лично нажал кнопку взрывателя, после чего замок разлетелся на мелкие кусочки. Затем он сел в машину и поехал на день рождения Гитлера.

Атака, столь озадачившая Коллера, так никогда и не началась. Операционной группе «Штайнер», еще одному флажку на карте Гитлера, было приказано ударить из Эбервальде к северу от Берлина по правому флангу Жукова. Но операционной группы «Штайнер» не существовало. В той неразберихе, что последовала после приказов фюрера, части 2-й гвардейской танковой армии Жукова, 3-я ударная и 47-я армии прорвались на северную окраину города. Подразделения, шедшие вслед за ними, были перегруппированы для осадной войны. Чуйков, защитник Сталинграда, точно знал, что теперь необходимо. Позднее он писал:

«Городское сражение ведется по своим законам. Это огневой бой, в котором с близкого расстояния задействуется не только автоматическое оружие, но и мощные артиллерийские и танковые орудия для уничтожения целей, находящихся всего лишь в 12 метрах. Враг, скрывающийся в подвалах и зданиях, открывает пулеметный огонь и начинает бросать гранаты, как только вы там появляетесь. Наступление через весь город предполагает переход из одного захваченного дома в другой. Но эти действия имеют место на широком фронте, на каждой улице. Для обороняющихся основная задача — удержать тактически значимые дома и кварталы. Потеря дома равноценна потере укрепрайона или позиции».

Чуйков сформировал штурмовые группы, каждая из которых состояла из пехотной роты, усиленной противотанковыми орудиями, танками или самоходками, саперными взводами и огнеметчиками. Штурмовые группы находились в постоянном контакте со своими танками, весьма уязвимыми для огня панцерфаустов на городских улицах. Они должны информировать командиров танков, в каком доме, на каком этаже, на каком чердаке и в каком подвале затаился

враг. Чуйков прекрасно понимал, какова опасность образовавшихся в тылу очагов сопротивления противника:

«Во время уличных боев противник зачастую появляется там, где его меньше всего ожидают. Отступающий противник оставляет в нашем тылу диверсантов. Они прячутся в подвалах и по мере продвижения наших частей бьют с тыла, тем самым парализуя продвижение передовых отрядов. Чтобы уничтожить эти группы диверсантов, мы сформировали специальные отряды тыловой безопасности».

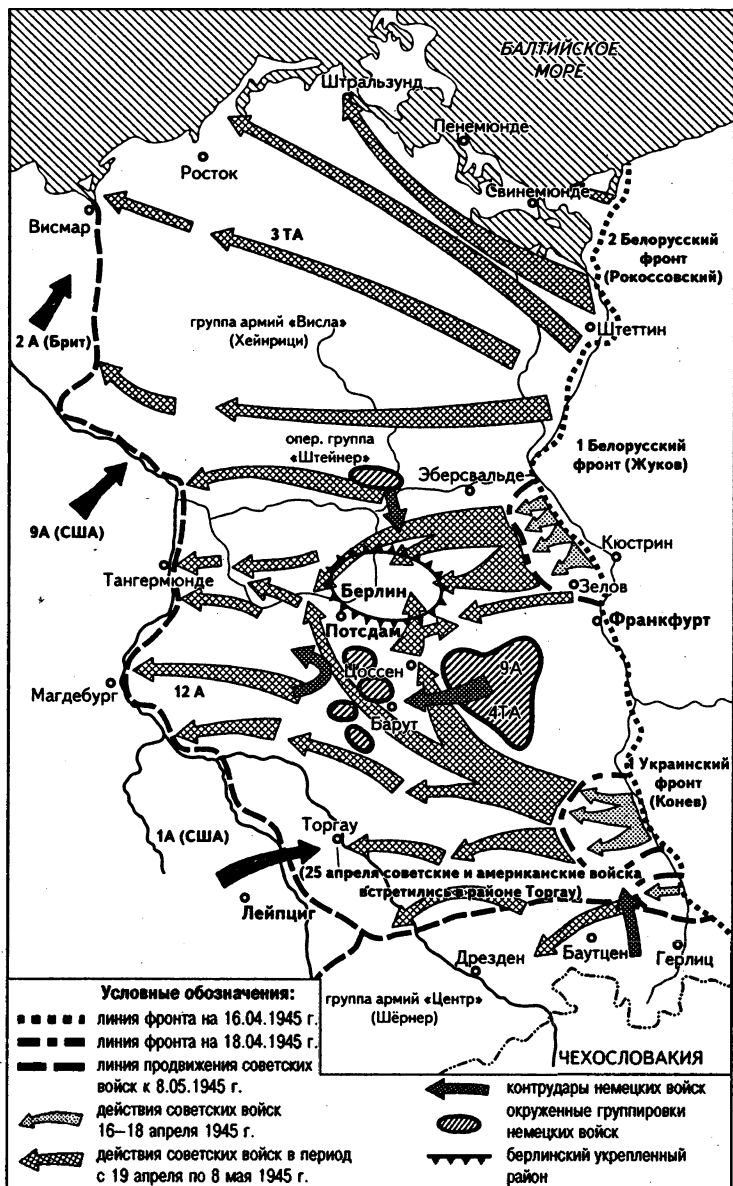
Тяжелая артиллерия, ракеты сокрушительным огнем прокладывали путь для следующего броска вперед, в то время как медицинские части стояли в тылу и занимались не только осколочными и огнестрельными ранениями, но и солдатами, упавшими с того или иного этажа или погребенными под развалинами.

22 апреля положение в бункере стало кризисным. Берлин уже был окружен с трех сторон, а советские танки вели разведку в западной части города. На полуденном совете Гитлер внезапно потерял контроль над собой. Посинев от злости, он разбушевался по поводу трусости, некомпетентности и предательства собравшихся здесь военных. В конце концов он выпалил, что война проиграна, — наконец-таки он признал то, что было и так всем очевидно.

Гитлер заявил, что никогда не покинет Берлин и не сдастся в плен, чтобы быть выставленным в клетке Московского зоопарка, а потому покончит жизнь самоубийством. Все необходимые переговоры с противником должен будет проводить Геринг.

Постепенно Гитлер пришел в себя. Своим глубоким баритоном Геббельс успокоил его и согласился остаться в бункере вместе со своей семьей. Когда на следующий день две гитлеровские секретарши стали умолять фюрера позволить им остаться с ним, глаза

Боевые действия на завершающем этапе войны
апрель-май 1945 г.

его затуманились, и, вздохнув, он промолвил: «О, если бы мои генералы были такими же храбрыми, как мои женщины». Затем он встал и поцеловал Еву Браун в губы. Прежде никто не видел, чтобы он делал это при всех. С помощью таблеток, которые подал ему слуга, Гитлер погрузился в состояние покоя. Чуть позже он принял Шпеера, который прилетел из Гамбурга, чтобы попрощаться со своим патроном. Когда Шпеер признался, что в течение нескольких недель он старался саботировать приказы Гитлера о «тактике выжженной земли», Гитлер на это никак не отреагировал.

Тем временем массовый исход продолжался. Кейтель и Йодль, присутствовавшие прежде на всех военных совещаниях у Гитлера, покинули бункер 22 апреля и уехали в относительно безопасный Фюрстенбург, в 45 км к северу от Берлина, где они находились поблизости от концлагеря Равенсбрюк. В нем томились так называемые проминенты — группа иностранцев с большими связями, которых удерживали здесь в качестве заложников. Адмирал Дениц уже перебрался в Плён близ Киля на Балтийском побережье, где размещался его военно-морской штаб. Другие приходили и уходили, но самым зрелищным был приезд генерала Роберта Риттера фон Грейма, командовавшего «Люфтфлотте-6», дислоцированным в Мюнхене. Вызванный в бункер, он прибыл в Берлин 26 апреля, прилетев туда на легком самолете «Физелер Шторх», который пилотировала женщина — Ханна Рейч, фанатичная нацистка. Грейм, управлявший самолетом, был тяжело ранен в ногу, так что Рейч пришлось взять управление на себя и совершить блестящую посадку на широкую улицу, идущую от реки на западной окраине города до Унтерден-Ленден в центре города. Как только Грейма доставили в бункер, он тотчас же был назначен фельдмаршалом. Теперь новый командующий люфтваффе лежал тяжело раненный в бункере фюрера.

Его предшественник, Геринг, получил отставку 23 апреля, когда послал из Бертехсгадена телеграмму Гитлеру:

«Мой фюрер, ввиду вашего решения оставаться в крепости Берлин, согласны ли вы, чтобы я немедленно взял руководство рейхом на себя как ваш заместитель в соответствии с вашим декретом от 29 июня 1941 г. — с полной свободой действий как в Германии, так и за границей? Если я не получу вашего ответа к 10 часам утра, я буду считать, что вас лишили свободы действий. Тогда я буду считать, что вы согласны с условиями вашего же декрета и буду действовать в интересах народа и государства. Вы знаете, что я чувствую по отношению к вам в эти тяжелейшие часы моей жизни. Я не могу адекватно выразить свои чувства. Быть может, Бог сохранит вас и позволит, несмотря ни на что, вскорости приехать сюда. Верный вам Герман Геринг».

Геринг планировал вылететь на встречу с Эйзенхауэром и просить об условиях мира, хотя больше всего его волновало, какой именно из своих многочисленных мундиров он должен одеть для этого исторического момента. Гитлер же тем временем приказал посадить Геринга под домашний арест, затем отправил телеграмму своему бывшему соратнику: «Ваши действия наказуемы смертным приговором, но, учитывая ваши прошлые заслуги, я не стану отдавать вас под суд, если вы добровольно откажетесь от своих постов и титулов. В противном случае будут приняты меры». Рейхсмаршал поспешил отдать свой жезл.

Пока в бункере разыгрывались интриги, берлинцы прятались по подвалам. Вера Бокман вспоминает:

«Артобстрелы были все сильнее и сильнее. Днем мы все собирались в подвале. Кто-то принес керосиновую

лампу. Горела она тускло, вонюче и коптила, но нам так дорог был язычок пламени, горевший день и ночь. Электричества больше не было, не работало радио. Кто-то принес часы с боем — звук из нормального мира. У Отто (ее муж) была маленькая железная печка в угольном погребе, и вот там мы и устроили нашу коммунальную кухню. Поразительно, как мы там жили. Ведь нас там было 40 человек. Больше мы в наши квартиры не бегали, но в 5 часов утра, когда обычно в обстрелах была пауза, мы выходили наверх, чтобы умыться. Водоснабжение не работало. Но точно так же, как нашим единственным источником тепла стала печка, мы нашли нечто куда более важное. На улицах Берлина все еще были насосные водяные колонки, пережиток старых времен, и они функционировали. Теперь они оказались просто бесценными. Отныне богатство определялось количеством ведер чистой воды, которыми ты располагал».

В бункере все надежды теперь возлагались на 12-ю армию генерала Вальтера Венка, что находилась к западу Берлина. На рассвете 23 апреля Кейтель прибыл в штаб Венка в Вейсенбергском лесу юго-западнее от Берлина. Размахивая своим маршальским жезлом, Кейтель приказал Венку повернуть на восток и двигаться через Потсдам на Берлин, громогласно заявив о том, что «началась битва за Берлин». На самом же деле пришел конец, и Венк прекрасно это понимал. Он выслушал Кейтеля, но имел свой собственный план. 12-я армия должна была исполнить приказ так: сдвинуться к Берлину, но при этом не оставить своих позиций на Эльбе. Таким образом создавался открытый коридор на запад. Армию Венка окружало полмиллиона беженцев, и просьбы спасти жизнь теперь уже не имели никакого значения. В бункере безответный крик «Где Венк?!» эхом отдавался от бетонных стен по мере того, как Третий рейх катился в небытие.

Пока Кейтель пытался уговорить Венка, Сталин издал приказ, определивший, наконец, кто именно первым возьмет Берлин. Директива Ставки № 11074 установила границу между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, которая теперь проходила по линии Люббен — станция Анхальтер в центре Берлина. Фронт Конева теперь проходил в 150 м к западу от рейхстага, символической цели взятия Берлина. И в конце концов «завоевателем Берлина» должен стать Жуков, как и обещал ему Сталин в ноябре 1944 г.

24 апреля фронт Конева столкнулся с главной преградой — каналом Тельтов. Большинство мостов через канал было взорвано, а оставшиеся подготовлены к подрыву. На северном берегу было множество бункеров и укрепрайонов, ошетинившихся орудийными стволами. Были там и вкопанные в землю танки, и отряды, вооруженные панцерфаустами. Для того чтобы взять канал, Конев собрал по 966 орудий на полтора километра фронта, в том числе и самых крупных калибров. Под прикрытием артиллерии штурмовые группы приступили к форсированию канала, не дожидаясь окончания артподготовки. Плацдарм, созданный в Ланквитце 11-м механизированным корпусом, был ликвидирован решительными атаками германской пехоты и танков. На других участках русские выстояли, что позволило советским саперам навести мосты через канал. Конев наблюдал за происходящим с крыши высокого здания. В тот день в юго-восточном районе Берлина встретились 8-я гвардейская, 1-я гвардейская, 3-я и 28-я гвардейские танковые армии. Только три дороги в Берлине теперь оставались открытыми в западном направлении, да и те постоянно простреливались штурмовиками. Однако советские потери продолжали неуклонно расти. Численность многих рот уменьшилась до 30 человек, а в полках было по два батальона вместо положенных трех. Убитых спешно закапывали в садах и на открытых пустошах.

Жуков, расстроенный скоростью наступления Конева, вечером 24 апреля позвонил Чуйкову и потребовал точную информацию о том, что происходит. Немного опешивший Чуйков сообщил ему, что в 6 часов утра части на левом фланге 28-го стрелкового корпуса соединились с танками Рыбалко близ аэродрома Шёнфельд. Подтверждение этим данным вскоре поступило на командный пункт в образе самого Рыбалко, сразу же позвонившего сердитому Жукову, крайне опасавшемуся, что соперник его опередит.

Битва за Берлин представляла собою невероятный контраст: ожесточенные бои в одних районах города и мирную, ничем не нарушаемую тишину — в других. Вечером 24 апреля остатки дивизии «Карл Великий» под командованием генерала Крюкенберга, эсэсовского формирования из французских добровольцев, вошли с восточных окраин в Берлин. На 24-километровом марше подразделение Крюкенберга, уменьшившееся до размера батальона, встретило лишь троих мальчишек из «гитлерюгенда» на велосипедах, вооруженных панцерфаустами. Ни один мост на их пути следования не охранялся.

Они добрались до пустого Олимпийского стадиона примерно в 22.00 и разграбили там оставленную без присмотра столовую люфтваффе. Крюкенберг, реквизировав гражданский автомобиль, поехал в сопровождении своего адъютанта по Бисмаркштрассе к Бранденбургским воротам, а оттуда в рейхсканцелярию. На улицах было необычайно тихо, и оба заметили, что в городе практически не возведено никаких оборонительных сооружений. По пути их ни разу не остановили часовые.

Герхардт Болдт видел то же самое, когда с докладом ночью 23 апреля ездил в бункер:

«Наступила ночь. Улицы были практически пусты. Грохот битвы за Берлин почти стих. Чем больше мы углублялись в город, тем безжизненнее он выглядел.

Без происшествий мы доехали до Вильгельмплац и повернули на Фосштрассе. Огромный фасад рейхсканцелярии возвышался в темноте на фоне чистого ночного неба. Как только мы к ней подъехали, хрупкая иллюзия была развеяна глухим разрывом снаряда. Похоже, здание было покинуто. Перед входом образовался настоящий завал из рухнувших по соседству домов. Я приказал остановить автомобиль перед входом. Обычно стоявшего часового не было и в помине. Вновь пронзительный свист и грохот разорвали воздух. Судя по всему, снаряд упал где-то в районе Потсдамерплатц. На фоне руин в той стороне разгоралось пламя пожара».

8 армий затягивали петлю вокруг Берлина. Утром 25 апреля Чуйков прибыл на свой командный пункт, развернутый в большом пятиэтажном здании близ аэродрома Йоханнисшталь:

«Из угловой комнаты, с зияющим провалом в стене, мне открывался вид на южные и юго-восточные районы Берлина. Увидеть город целиком было невозможно, он простирался на десятки километров по обе стороны Шпрее. Все, что я видел, — это крыши, крыши и еще раз крыши, порою с огромными дырами от фугасных бомб, фабричные трубы и церковные шпили. Парки и сады уже стали покрываться первой листвой. Утренний туман смешался с пылью, не осевшей после ночной бомбардировки. Местами поднимался густой черный дым. Где-то в самом центре Берлина поднимались клубы желтого дыма и пыли от взрывов бомб. Наши тяжелые бомбардировщики уже начали подавлять огневые точки противника, подготавливая наступление».

Когда 8-я гвардейская армия пошла на север к центру Берлина, советские и американские войска встретились на Эльбе. 25 апреля в 13.30 на участке

Штрела части 58-й гвардейской стрелковой дивизии и 5-й гвардейской армии генерала Жадова побратались с разведгруппой 69-й пехотной американской дивизии, приписанной к 5-му корпусу 1-й армии. В тот же день 173-й гвардейский стрелковый полк встретился с американским дозором в районе Торгау. В час дня лейтенант Альберт Котцбу из 69-й дивизии США встретил русского солдата близ деревни Леквиц. Переплыв реку, берега которой вследствие жестокой необъяснимой бойни были усыпаны трупами мирных жителей, Котцбу увидел и других русских. Позднее еще один дозор 69-й дивизии под командованием лейтенанта Уильяма Д. Робинсона встретил части Советской Армии в Торгау, где в 16.30 и было отпраздновано «официальное» соединение.

Пока русские и американцы братались, обреченный на неминуемую гибель вермахт был еще способен нанести последний удар. Выведенные из строя в боях за Зеловские высоты формирования появились на окраинах Берлина, изрядно потрепанные, но продолжавшие сражаться. Одним из таких подразделений был 54-й корпус Вейдлинга. В бункере царила такая неразбериха, что Гитлер отдал приказ арестовать Вейдлинга как дезертира. Вейдлинг позвонил фюреру из телефона-автомата и заявил о своей полной невиновности. Он поспешил в бункер и, вместо того чтобы быть расстрелянным, получил должность коменданта Берлина. Про себя он мрачно заметил, что лучше бы его все-таки расстреляли.

В Берлине сложилась критическая ситуация. Водоснабжение и общественный транспорт окончательно перестали функционировать. Продуктовые склады на окраинах города оказались в руках у русских, а имеющихся в городе запасов хватило бы на два-три дня. 22 апреля закрылся городской телеграф, принявший последнее послание из Токио «Удачи вам Всем». Началось мародерство. Огромный универмаг «Карш-тадт» на Германнплатц был разграблен толпой, прежде

чем его подорвали эсэсовцы, не желавшие, чтобы русским достались огромные запасы продуктов, скрытые в его подвалах. На улицах зверствовали карательные отряды СС. Они вешали на фонарных столбах и расстреливали всех, кого подозревали в дезертирстве. Офицер мюнхенбергской танковой дивизии, переместившейся в центр города с аэродрома Темпельсхоф, записал в своем дневнике:

«Раненых довольно трудно куда-нибудь пристроить. Гражданские в убежищах их боятся. Слишком многих повесили как дезертиров. Карательные отряды выгоняли гражданских лиц из подвалов, чтобы найти среди них дезертиров. Сегодня эти карательные отряды появлялись на нашем участке. Состоят они в основном из молодых офицеров СС, практически без наград. Генерал Муммерт (сменивший Вейдлинга на посту командира 54-го корпуса, в состав которого входила мюнхенбергская дивизия) потребовал, чтобы на его участке не появлялись ни полевые суды, ни карательные отряды. Дивизия, состоящая из бойцов, имеющих высокие награды, не заслуживает, чтобы ее судили такие «сосунки». Он был решительно настроен расстрелять любой полевой суд, который предпримет действия в нашем секторе»*.

Советские войска, окружившие Берлин, при поддержке 12700 орудий, 21000 ракетно-пусковых установок и 1500 танков пробились к центру города. В центре оборонительных систем находилась «Цита-

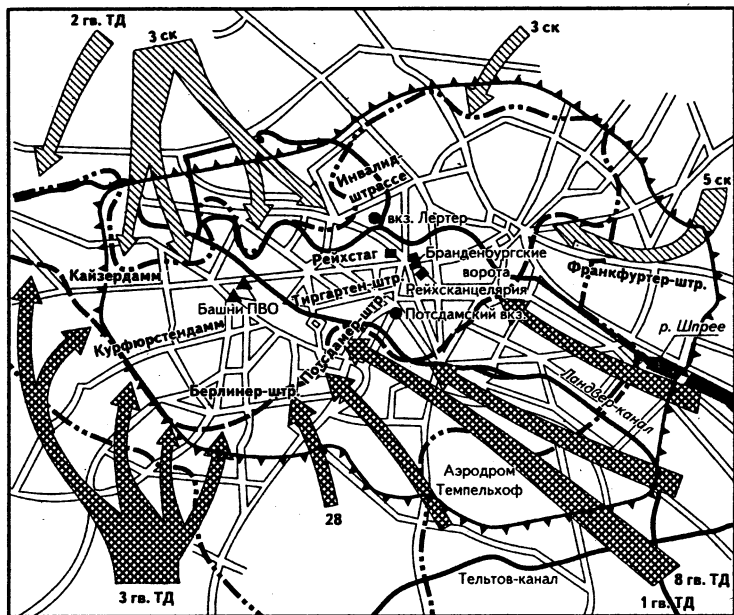
---

* Полевые суды проводились фанатично настроенными офицерами СС из полка «Лейбштандарта» генерала Монке. 23 апреля Гиммлер сам приказал устраивать полевые трибуналы Монке. Теми же методами Гиммлер пытался поднять боевой дух войск во время краткого командования группой армий «Висла». После войны правительство Западной Германии рассматривало казни как военные преступления, осудив ряд старших офицеров СС, в том числе генерала Макса Симона, командовавшего 16-й моторизованной дивизией СС.

дель» — остров, отделенный Шпрее с севера и Ландвер-каналом с юга, с восточным бастионом вокруг Александрплатц под командованием подполковника Зейферта и западным бастионом вокруг Кние под командованием генерала Крюкенберга. Всем командовал генерал СС Монке. В свои 34 года он был самым молодым генералом СС и командовал личной охраной Гитлера — полком «Лейбштандарт». Для обороны «Цитадели» предназначалась боевая группа Монке, состоявшая из полка «Лейбштандарт» (подразделения численностью 1200 человек, набранных из боевых ветеранов главного формирования — дивизии «Лейбштандарт»*), гитлеровской личной охраны «Фюрер бегляйт компани», или Ф. Б. К., батальона охранников Гимmlера и двухтысячного фрайкорпуса «Адольф Гитлер», состоящего исключительно из добровольцев, которые предпочли сражаться до последней капли крови за своего фюрера. Во время последних дней битвы за Берлин секретарши и женский персонал правительственных учреждений, которые защищал Монке, решились вступить в ряды боевых подразделений, растянувшихся вдоль южного периметра «Цитадели» вокруг Потсдамерплатц. Их прозвали «девушки Монке». Берлинская окружная дорога была прорвана 26 апреля, и к ночи 27 апреля крепость Берлин уменьшилась до восточно-западного пояса 16 км длиной и 4,5 км шириной. Улицы были завалены трупами. Иногда скромно одетые старушки в шляпках прямо в разгар боя терпеливо стояли в длинных очередях за продуктами. Танки появлялись из дымовой завесы, чтобы вновь в ней скрыться. Их орудия били по невидимым целям. А места в очереди нельзя было терять, даже когда укрываешься от фугаса. Берлинцев закалили бомбардировки. Они привыкли к обстрелам и неожиданным смертям. Лишь когда поверх их голов прогремела

---

* 1-я дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер» вела основные бои во время Балатонского наступления в Венгрии в марте 1945 г.

Условные обозначения:

- линия фронта на 26.04
- - - линия фронта на 28.04
- ▲▲ городская линия обороны

Взятие Берлина советскими войсками апрель-май, 1945 г.

пулеметная очередь, толпа распалась на отдельных людей, побежавших к ближайшим подвалам.

Подвалы уже не были столь безопасны. Русские, пытаясь обойти уличные оборонительные сооружения «Цитадели», пробивались через дворы частных домов, проламывали стены зданий, подвалов, врываются в квартиры и оставляли за собой следы насилия и разрушения. Потрясенное население дивилось присутствующей чисто русскому характеру смеси дикого варварства с неожиданной щедростью и благородством. Солдат мог изнасиловать женщину, а потом прийти к ней в гости с подарками или же защищать ее от других солдат. У потрясенных детей из «гитлерюгенда» отбирали оружие, надирали им уши и отпускали домой. Близ Потсдама русская пехота разграбила ки-

ностудию «U.F.A». Русские, нарядившиеся в костюмы различных эпох, как безумные танцевали на улице, в то время как над их головами свистели пули.

Ночью 26 апреля первые русские снаряды попали в рейхсканцелярию. Бункер Гитлера основательно тряхнуло, тонны кирпичей посыпались на поверхность, а воздухозаборники бункера стали всасывать серные пары, отравляя и без того нездоровую атмосферу бункера, пропитанную запахом немытых тел, пота и страха. Оборона «Цитадели» вот-вот должна была рухнуть. Уже была отведена с позиций на аэродроме Темпельхоф Мюнхенбергская дивизия, которая теперь вела ожесточенный бой с наступающим противником менее чем в километре от рейхсканцелярии. В дивизионном дневнике записано:

«26 апреля. Огненно-красная ночь. Тяжелый артобстрел, а затем жуткая тишина. Из зданий по нам стреляют снайперы, вероятно, это иностранные рабочие. В 5.30 утра очередной артобстрел. Русские атакуют. Мы вновь должны отступить, сражаясь за каждый дом, каждую улицу. Теперь у нас новый командный пункт в подземных тоннелях под железнодорожной станцией Анхальтер. Станция похожа на армейский лагерь. Женщины и дети прячутся в нишах, вслушиваясь в грохот сражения. Снаряды попадают в крышу, с потолка летит известка. В тоннелях запах пороха и дыма. К вечеру мы вновь меняем позицию. Жуткая картина на входе в метро. Снаряд размазал по стенам мужчин, женщин, солдат и детей».

На этом участке мюнхенбергская танковая дивизия соединилась с дивизией «Нордлянд», частью войск Крюкенберга, численностью чуть больше батальона. Командный пост Крюкенберга, командовавшего обороной центра Берлина, находился в старом вагоне на станции метро «Штадмитте». Телефонная связь и элеткричество там отсутствовали, но зато имелся боль-

шой запас продовольствия, награбленного на лотках близлежащего рынка «Гендерменмаркт».

Вокруг вагона Крюкенберга толпились сотни беженцев, пытавшихся укрыться на подземных платформах. Наверху продолжали гулко взрываться советские снаряды. Время от времени каменные брызги поливали собравшиеся на платформах толпы. Элемент сюрреализма добавлял время от времени прибывавший на платформу поезд метро, отправлявшийся затем в неизвестном направлении.

Внезапно подземные тоннели стали заполняться водой. Чтобы не допустить русских в метро, были взорваны бетонные перекрытия, отделявшие тоннели от канала Ландвер. Началась безумная паника, все, кто был в метро, бросились выбираться на поверхность. Все это прекрасно изображено в послевоенном фильме Г. В. Пабста «Последний акт». Говорят, что в тот день в подземке погибли тысячи, но, скорее всего, жертв было гораздо меньше, поскольку после начавшейся паники воду остановили, а затем затапливали подземку постепенно. Официальное лицо, занимавшееся откачкой воды из Берлинского метро осенью 1945 г., утверждает, что большинство обнаруженных там людей перенесли в тоннели уже мертвыми.

Ночью 28 апреля, когда Советская Армия находилась уже менее чем в километре от бункера, Гитлер получил последний удар: Примерно в 10 часов вечера чиновник министерства пропаганды вручил ему копию сообщения агентства «Рейтер» о том, что Генрих Гиммлер ведет переговоры со шведским дипломатом графом Бернадоттом о сдаче Западного фронта. Гитлер был вне себя от ярости. С предательством Геринга еще как-то можно было смириться, но предательство «верного Генриха» явилось тяжелейшим ударом. Прошла уже целая неделя, как Гитлер признал перед своими командующими, что война проиграна и он намеревается покончить жизнь само-

убийством. Теперь, после мучительных колебаний, он наконец решился.

Первой жертвой измены Гиммлера стал племянник Евы Браун генерал СС Герман Фегеляйн, бывший неграмотный жокей, ставший личным атташе рейхсфюрера по связям с Гитлером. Ночью 27 апреля Фегеляйн был задержан на квартире своей любовницы-иностранки. Его карманы были набиты швейцарскими франками и бриллиантами. Генерал уже двое суток отсутствовал в бункере и, судя по всему, намеревался бежать из этой «психушки». Фегеляйна притащили на командный пункт Монке под Фосс-штрассе, после чего он предстал в стельку пьяный перед военным трибуналом. Монке решил, что подсудимый не в состоянии стоять перед трибуналом, и передал перепачканного в собственных экскрементах Фегеляйна генералу Иохану Раттенгуберу, начальнику службы безопасности рейхсканцелярии. На рассвете 29 апреля Фегеляйн был расстрелян*.

Новому главнокомандующему люфтваффе фон Грейму было приказано вылететь из Берлина вместе с Ханной Рейч и арестовать Гиммлера. Они вылетели из германской столицы на небольшом «Арадо», едва не зацепившись за Бранденбургские ворота. Вокруг разрывались снаряды, а внизу бушевало море огня. Шел ожесточенный бой за Министерство внутренних дел, или, как егд еще называли русские, Дом Гиммлера. Рейч и Грейму так и не удалось арестовать Гиммлера, но уже после самоубийства фюрера Рейч набросилась на Гиммлера с яростными обвинениями в предательстве. Когда Гиммлер заявил, что Гитлер был безумен, Рейч парировала: «Гитлер умер храбро и с честью, а ты, Геринг и вам подобные теперь будете жить как трусы и предатели».

---

* В своей книге «Берлинский бункер» Джеймс П. О'Доннелл предполагает, что любовница Фегеляйна была шпионкой, и просочившаяся об этом в бункер информация решила его судьбу.

Избавившись от Фегеляйна, Гитлер решил вступить в официальный брак с Евой Браун. Церемонию бракосочетания провел на рассвете 29 апреля мелкий служащий министерства пропаганды Вальтер Вагнер, образец мелкобуржуазной респектабельности. Гитлер и Ева Браун подтвердили, что они чистокровные арийцы и не страдают от наследственных заболеваний. После этого их объявили мужем и женой. Разволновавшаяся Ева вписала свою девичью фамилию в брачное свидетельство. Затем зачеркнула ее и написала: «Ева Гитлер, бывшая Браун». Бюрократически пунктуальный Вагнер исправил неверно внесенную в свидетельство дату, переправив 28 апреля на 29. Через час на дежурстве в подразделении фольксштурма он будет убит, пуля пробьет его голову.

После свадебной церемонии был проведен небольшой прием в апартаментах Гитлера. На нем присутствовали Геббельс с женой, Борман, генерал Бургдорф, посол Вальтер Хевель, глава гитлерюгенда Артур Аксман, полковник Николас фон Белов, офицер по связи с люфтваффе, одна из секретарш Гитлера Герда Кристиан и Хайнц Линге, его личный слуга. Под звон бокалов с шампанским шел разговор о былой славе. Хирургу, профессору Шенку, ассистировавшему в госпитале под Фоссштрассе, на этой свадьбе было немного не по себе. Позднее он вспоминал, как в тот вечер выглядел Гитлер:

«Я видел согбенную спину Гитлера, покатые плечи, которые постоянно дергались и дрожали. Голова его была втянута в плечи, как у черепахи. Его глаза, казалось, ничего не видят. Они были подернуты пленкой и стали похожи на влажный бледно-серый фарфор. Его неподвижное лицо абсолютно ничего не выражало».

Видя, как бесконтрольно дергается левая рука и нога фюрера, доктор Шенк пришел к выводу, что у

Гитлера классические симптомы болезни Паркинсона, и, останься он в живых, довольно скоро фюрер превратился бы в неизлечимого калеку.

Примерно в 2 часа ночи Гитлер уединился со своей секретаршей, чтобы продиктовать свое завещание. Подобно Бурбонам, он так ничему и не научился, но и ничего не забыл. Завещание заканчивалось тирадой: «Прежде всего я призываю вождей нации и тех, кто им подвластен, к скрупулезному соблюдению законов чистой расы и безжалостной борьбе с международным еврейством». Среди всего прочего в завещании утверждалось, что Шпеер, Геринг и Гиммлер исключены из партии и лишены всех своих званий, постов и наград. Своим преемником на посту президента Гитлер назвал гросс-адмирала Деница. Он же назначался на должность министра обороны и верховного главнокомандующего вооруженными силами. Геббельс и Борман, чье влияние на составление завещания было весьма ощутимо, получили соответственно посты канцлера и партийного министра.

Далее выбрали трех человек, которые должны были отправить копии завещания в штаб Деница в Плёне и последнему главнокомандующему германской армией Второй мировой войны фельдмаршалу Шёрнеру, который находился в Мюнхене. Дополнительное письмо было отправлено Кейтелю:

«Народ и вермахт отдали все в этой долгой и тяжелой борьбе. Жертвы были чудовищны. Мое доверие было обмануто слишком многими. Откровенное предательство подорвало нашу способность к сопротивлению. Мне не дано было привести народ к победе. Наш генеральный штаб ни в какое сравнение не идет с генеральным штабом Первой мировой».

В течение того же дня пришло известие о смерти Муссолини и его любовницы Клары Петаччи. Они

были казнены партизанами близ озера Комо, а затем подвешены за ноги к крыше одного из миланских гаражей. После этого трупы их были растерзаны и оплеваны разбушевавшейся толпой. В тот же день германские войска в Италии капитулировали в Казерте. Это стало кульминацией переговоров между Алленом Даллесом и генералом СС Карлом Вольфом. Теперь Гитлер был готов свести последние счета с жизнью. Эффект действия капсулы с цианистым калием он проверил на своей любимой овчарке Блонди.

Поздно вечером генерал Вейдлинг доложил, что боеприпасы закончились. Воздушный мост, на который возлагалось столько надежд, обеспечил берлинцев лишь 6 тоннами груза, кроме всего прочего, там было 20 танкерфаустов. Связь с внешним миром была отрезана, поскольку воздушный шар, поддерживающий радиосвязь из бункера, был сбит, и телефонный селектор замолчал. К северу от Берлина 3-я танковая армия Мантойфеля отступала на запад.

От Венка не было никаких вестей. Вейдлинг сообщил Гитлеру, что сопротивление в Берлине прекратилось в течение 24 часов. После долгой паузы Гитлер усталым голосом спросил у Монке, как тот оценивает сложившуюся ситуацию. Монке ответил, что ему ничего не остается, как согласиться с Вейдлингом. После этого Вейдлинг предложил прорваться из Берлина на нескольких бронемашинах. Гитлер, выглядевший как человек, «уже давно решивший свою судьбу», просто показал на карту, где диспозиции были представлены на основании прослушивания вражеских радиопередач, поскольку германские штабы более не отвечали на запросы фюрера, а германские формирования более ему не подчинялись. Вейдлинг спросил фюрера о том, что делать его войскам, когда закончатся боеприпасы. Проконсультировавшись с Кребсом, Гитлер ответил, что они могут «прорываться небольшими формированиями», но никакой сдачи Берлина не будет. Совет был не-

надолго прерван, когда Кейтель проинформировал Гитлера о том, что армия Венка остановлена южнее озера Шпелов и более не способна пробиться к Берлину. 9-я армия, пытавшаяся вырваться из окружения юго-восточнее Берлина, теперь окончательно оказалась в окружении. Момент был упущен.

30 апреля, когда ожесточенные бои шли в Тиргартене и на Потсдамерплац, всего лишь в нескольких кварталах от канцелярии, Гитлер позавтракал с двумя своими секретаршами и поварихой фройляйн Манзиали. Пока они ковырялись в спагетти и ели салат, Гитлер философствовал о выведении чистопородных собак и вдруг ни с того ни с сего заметил, что французскую помаду делают из жира, который собирают в парижской канализации.

Дом Гимmlера был взят в 4.30 утра. Через 7 часов полки советских 15-й и 171-й стрелковых дивизий заняли позиции для последнего штурма рейхстага. День стоял солнечный, но солнца не было видно, так как густой черный дым поднимался над городом на высоту 300 метров. На передовые позиции 150-й дивизии доставили красные знамена Победы. Атакующие взводы должны были водрузить их над последней целью войны. Красное знамя № 5 было передано 1-му батальону 756-го полка под командованием капитана Неустроева. В час дня после артиллерийской подготовки из пушек 152-мм и 203-мм калибра, из танковых и самоходных орудий, «Катюш» и трофейных панцерфаустов три атакующих батальона бросились через залитый водой противотанковый ров к ступеням рейхстага, который обороняли 5000 бойцов СС, гитлерюгенда и фольксштурма. Пока советские солдаты пробивались вперед, стреляя из пулеметов и забрасывая врага ручными гранатами, капитан Неустроев прикрепил красное знамя к одной из колонн у входа в рейхстаг. В двухстах метрах отсюда, в бункере рейхсканцелярии, Гитлер прощался с Геб-

бельсом, Борманом и прочими, кто еще оставался там. Траудль Юнге вспоминала:

«Фюрер выглядел еще более сутулым, чем обычно, когда вышел из своей комнаты и не спеша направился к нам. Он подал руку каждому, а когда жал руку мне, то посмотрел мне прямо в глаза, но я знала, что он меня уже не видит. Его правая рука была теплой. Казалось, что он где-то за тысячи километров отсюда. Он шептал какие-то слова, но мне так и не удалось ничего разобрать: так что я так никогда и не узнаю, что он нам хотел сказать напоследок».

Примерно в 3.20 дня Гитлер уединился в своих покоях с Евой Браун, на которой было любимое платье фюрера. Ее волосы были идеально уложены. Тяжелая стальная дверь закрылась за ними. В коридоре ждали остальные обитатели бункера. Одним из них был майор Отто Гюнше, эсэсовский адъютант Гитлера и его личный охранник. Он вспоминал:

«Гитлер отошел в сторону, чтобы дать Еве пройти первой, а я отдавал приказы солдатам и офицерам, которые должны были вынести тела на поверхность. Гитлер сказал мне, что я обязан подождать 10 минут, прежде чем войти в покои. Это были самые долгие минуты в моей жизни. Я стоял у дверей как часовой. Неожиданно ко мне подбежала Магда Геббельс (жена Геббельса) и попыталась прорваться к фюреру. Я не мог ее оттолкнуть, а потому открыл дверь и спросил у Гитлера, как мне поступить. Она меня чуть с ног не сбила, ворвавшись в комнату, но сразу же вышла обратно. Гитлер не захотел ее выслушать, и она побрела по коридору, сотрясаясь от рыданий. Через несколько секунд появился Аксман. На сей раз я был тверд и сказал ему: «Слишком поздно!»

Через 10 минут, услышав выстрел, я вошел в комнату. Тело Гитлера обмякло, голова свесилась. Кровь лилась из его правого виска на ковер. Пистолет упал на пол. Ева, сидевшая на противоположном конце дивана, подогнув под себя ноги, так и осталась в этом положении. Никаких огнестрельных ран на ней видно не было. Ее пистолет лежал рядом с ней на диване. Ваза с цветами упала на пол и разбилась...»

Гитлер застрелился из пистолета «Вальтер» калибра 7,65 мм, который вот уже несколько недель носил в кармане своего пиджака, и, вероятно, одновременно принял капсулу с цианидом.

Ева Браун приняла яд. Гюнше приказал вынести из комнаты стол и стулья, и на полу были расстелены одеяла. Три охранника завернули тело Гитлера в одеяло и вынесли из покоев. Мартин Борман взял тело Евы Браун, прежде чем Гюнше отнял ее у него, и передал охранникам. Пока они поднимались по ступенькам в сад канцелярии, Эрех Кемпка, личный шофер Гитлера, подъехал туда с группой солдат, которые привезли 160 литров бензина в канистрах.

Оба трупы положили в траншею, облили бензином и подожгли при помощи горящей газеты. Гюнше вспоминал, что когда запылало пламя, «все присутствовавшие подняли руки в нацистском приветствии». Как только огонь погас, трупы закопали в более глубокой траншее, вырытой на дне воронки от снаряда. 3 мая они были обнаружены советскими солдатами. Но слава их обнаружения принадлежит переводчику НКВД подполковнику Ивану Клименко, 5 мая забравшему обугленные останки фюрера* и его любовницы из груды мусора, что лежала перед бункером.

---

* Говорят, что теперь череп и челюсть фюрера покоятся в отдельных картонных коробках в одном из московских архивов.

Глава 10

ПОСЛЕДСТВИЯ

«На вокзале в Галле. Ужасные сцены разрушений с существами из другого мира, которые бродят по развалинам. Солдаты возвращаются домой в разорванных, обагренных кровью гимнастерках. Они ковыляют на самодельных костылях. Просто живые покойники. Мы отдали им наш последний хлеб. Видно, Господь их проклял».

Урсула фон Кардофф, сентябрь 1945 г.

Траудль Юнге пыталась успокоить себя стаканом крепкого шнапса на верхнем этаже бункера, когда наконец вернулся Отто Гюнше. Лицо его было белым как мел, руки дрожали. Он сказал секретарше, что выполнил последние распоряжения фюрера. Юнге отвели в последний раз взглянуть на апартаменты Гитлера. Дверь все еще была открыта, и ей предстала такая картина:

«На тумбочке лежал маленький револьвер Евы, рядом с розовым шелковым шифоном. На полу я увидела капсулу из желтого металла с цианидом. Она была

похожа на пустую упаковку от помады. За белосиним, обитым дорогой тканью креслом растекалась лужа крови. То была кровь Гитлера. Меня охватил внезапный приступ тошноты. Я не могла вынести тяжелый запах горького миндаля, который источал цианид. Моя рука рефлекторно потянулась за моей собственной капсулой с цианидом. Мне хотелось зашвырнуть ее куда-нибудь подальше и поскорее убраться из этого жуткого места».

Вскоре в бункере воцарился настоящий бедлам. Геббельс впал в истерику, а Монке и Раттенгубер расплакались. Геббельс в конце концов пришел в себя и как новый рейхсканцлер созвал совещание, на котором присутствовали Борман, Монке, Бургдорф и Кребс. Решали план дальнейших действий.

Фюрер был мертв, но бои продолжались. 30 апреля примерно в 14.30 красное знамя появилось на втором этаже рейхстага, но лишь в 11 часов вечера сержанты Егоров и Кантария проникли на верхние этажи здания, чтобы водрузить еще одно красное знамя — над куполом «логова фашистского зверя», в подвалах которого немцы все еще оказывали ожесточенное сопротивление.

Защитники Берлина были расчленены на четыре изолированные группы. Бои в Тиргартене и зоологическом саду достигли наивысшего накала. Именно здесь советская артиллерия поливала огнем огромную зенитную башню. Генерал Вейдлинг был уже на грани нервного срыва. Оставались буквально считанные часы до того, как наступающие навстречу друг другу с севера и юга советские армии соединятся в районе станции «300». Вейдлинг размышлял, не организовать ли ему прорыв мелкими группами, добро на который дал Гитлер, хотя в последнюю минуту этот приказ был отменен.

Как раз в этот момент Вейдлинга срочно вызвали в бункер, который находился менее чем в километре

от его штаба на Бендлерштрассе. Под обстрелом этот путь занял у него целый час. В бункере Вейдлинг встретился в Геббельсом, Борманом и Кребсом, сообщившими ему о том, что фюрер мертв, а тело его сожжено. После того как с него взяли клятву о неразглашении тайны, Вейдлингу сообщили, что подчиненный Монке полковник Зейферт, командир «Цитадели», должен был пересечь линию фронта, чтобы встретиться с генерал-полковником Чуйковым и сообщить ему о последних прискорбных событиях в бункере, рассказать о правительстве, назначенном Гитлером в своем завещании. После этого он должен был договориться о прекращении огня, пока собравшееся в Берлине правительство будет договариваться об условиях перемирия с русскими.

Миссия Зейферта завершилась поздно вечером 30 апреля. Около четырех часов утра Кребс вместе с новым начальником штаба Вейдлинга полковником фон Дуфвингом и переводчиком Нейландсом был препровожден через линии обороны 8-й гвардейской армии на передовой командный пункт Чуйкова. Вместе с Чуйковым там находились члены его штаба, два военных корреспондента и композитор Блантер, которого командировали в Берлин, чтобы он сочинил гимн Победы. Когда Кребс появился на командном посту, Чуйков поспешил распустить свой военный совет и оставил в помещении лишь Блантера, одетого по-граждански. Его быстренько спрятали в шкафу, где он вскорости упал в обморок от нехватки воздуха и рухнул к ногам ошарашенного Кребса.

Чуйков вспоминал: «В 3.55 дверь открылась, и в комнату вошел немецкий генерал со свастикой на рукаве и железным крестом. Это был мужчина среднего роста и крепкого телосложения с бритой головой и лицом, покрытым шрамами. Он взметнул правую руку в нацистском приветствии, а левой протянул свое удостоверение личности».

В дни германо-советского пакта* прекрасно говоривший по-русски Кребс встречался со Сталиным. Кребс начал переговоры с того, что сразу же объявил о самой сенсационной новости — смерти Гитлера.

Защитник Сталинграда молниеносно сориентировался, спокойно заметив: «Нам это известно». Ничего не понимающий Кребс стал в подробностях рассказывать о том, что именно произошло в бункере. Чуйков тем временем связался по телефону со Сталиным и Жуковым. Сталин, поднятый с постели, радостно заметил: «Так, значит, мерзавцу конец!» Он пожалел о том, что Гитлера не взяли живым, и заинтересовался о местонахождении трупа. Проинструктировав Чуйкова, чтобы тот не вел никаких переговоров с Кребсом и настаивал на безоговорочной капитуляции, Сталин пошел спать. Утром он должен был принимать парад на Красной площади.

Переговоры тянулись 12 часов, в течение которых Кребс пытался добиться официального признания назначенного Гитлером правительства, что было в принципе невозможно, поскольку Дениц, наследник фюрера, еще не знал о его смерти. Жуков, устав от телефонного разговора, повесил трубку и направил к Чуйкову своего заместителя Соколовского. На все просьбы Кребса Чуйков и Соколовский отвечали требованием безоговорочной капитуляции. Кребсу пришлось уйти ни с чем. В 6.30 утра начался новый яростный обстрел рейхстага и рейхсканцелярии советской артиллерией.

Измученный Кребс появился в бункере незадолго до того, как Дениц был проинформирован о смерти Гитлера. Тем временем Гюнше и Монке разрабатывали план побега. Траудль Юнге пожелала присоединиться к первому отряду, который должен был покинуть бункер под предводительством самого Монке:

---

* Пакт Молотова — Риббентропа был подписан в Москве 23 августа 1939 г. и расторгнут после вторжения Гитлера в СССР 22 июня 1941 г.

«Склады бункера были открыты для всех желающих, но особых охотников на то количество варенья, вина, шампанского, шнапса и шоколада не нашлось. В тех обстоятельствах все это совсем не привлекало. Главным для нас было спасти собственную жизнь. Генерал Монке выдал всем оружие. Даже женщинам раздали пистолеты... Нам также должны были дать более подходящую для побега одежду. А для этого нам надо было пойти на склад, который находился в бункере под Фосситрасе. Чтобы попасть туда, нам пришлось пробираться через операционную медчасти. Прежде мне всегда было плохо при виде крови. В тот день я увидела чудовищно изуродованные трупы двух солдат, лежавшие на носилках. Профессор Хаасе даже не посмотрел в нашу сторону, когда мы проходили мимо, он был занят ампутацией конечности».

На складе Траудль Юнге выдали каску, армейские штаны и ботинки. Когда она вернулась в бункер, то заметила, что даже мужчины сменили одежду. Все сняли медали, сорвали погоны и знаки отличия. Генерал-лейтенант Ганс Баур, личный пилот Гитлера, сворачивал в трубочку портрет Фридриха Великого, который фюрер постоянно возил с собою и который он подарил Бауру на память накануне своего самоубийства.

И пока отряды собравшихся бежать ожидали наступления темноты, Геббельс ходил по бункеру, выкуривая одну сигарету за другой. Вид у него был как у обанкротившегося владельца ресторана, ожидающего, когда же уйдет последний посетитель. Около 8.30 вечера Марта Геббельс дала яд своим шестерым детям, а потом присоединилась к своему мужу в саду рейхсканцелярии, где они вместе приняли цианид. Подобно Гитлеру, Геббельс выстрелил себе в голову, одновременно раскусив капсулу с ядом. Их трупы попытались сжечь, но даже сильно обуглившись, они все равно были узнаваемы.

1 мая в 23.00 Монке повел первую группу обитателей бункера через гараж пожарной бригады рейхс-канцелярии, выходящий на Вильгельмштрассе. Сборный отряд из 20 человек пробирался по улицам, более всего напомиавшим сюжеты картин Иеронимуса Босха. В кровавых отсветах пламени берлинцы свеживали туши убитых лошадей на Вильгельмштрассе. Близ благотворительного госпиталя пьяные русские солдаты, разгоряченные спиртом, преследовали по крышам обнаженную женщину, пока она не спрыгнула с высоты пятого этажа и не разбилась насмерть. Монке наблюдал панораму ночной битвы за Берлин:

«Даже для бывалого солдата зрелище было совершенно нереальное и фантасмагорическое. Большая часть города была погружена в кромешную тьму. Луны не было, но отблески разрывов снарядов и горящих домов отражались на низкой туче желто-черного сернистого дыма. Горящие руины отражались в зеркале речной воды. Шпрее была то черной, то красной. Стояла гробовая тишина».

Первоначальный маршрут побега группы Монке через тоннели метро пришлось изменить, когда путь беглецам преградила массивная железная дверь, которую бдительно охраняли два работника муниципальной транспортной компании. Их работой было закрыть дверь после прохождения последнего ночного поезда, и то, что последний поезд прошел неделю назад, а метро еще неизвестно когда заработает, похоже, мало что для них значило. Они отказались сткрыть дверь, хотя перед ними стоял размахивающий пистолетом генерал СС. Монке расстреливал людей и за меньшее. Позднее он признался, что его врожденное чувство долга вынудило уважать их.

После четырех часов бесплодных попыток отряд Монке остановился передохнуть на вокзале «Штет-

тинер Банхоф». Увеличившаяся до сотни человек группа продолжила свой путь. Около 9 часов утра 2 мая она наткнулась на фантастическое зрелище у Гумбольдхайнской зенитной башни, вокруг которой собрались до зубов вооруженные солдаты в полной боевой экипировке, которых поддерживали десять танков «Тигр», бронетранспортеры и артиллерия. Готовые к бою, они ждали приказа.

Приказ так и не поступил. Примерно в 10 часов утра по радиации передали, что Вейдлинг приказал сдаваться. Военный комендант Берлина взял бразды правления в свои руки, и в 6 часов утра 2 мая он вместе со старшими штабными офицерами сдался русским. Посетив штаб Чуйкова с еще одной немецкой делегацией во главе с Гансом Фриче, шефом геббельсовского радио, он заявил о том, что было бы безумием и впредь приносить в жертву человеческие жизни, и кратко описал свою карьеру, а затем расплакался. Когда он пришел в себя, Соколовский предложил ему подписать приказ об общей сдаче в плен. Немного подумав, Вейдлинг сочинил следующий текст:

«30 апреля 1945 г. фюрер покончил жизнь самоубийством. Мы, давшие ему клятву верности, остались одни. В соответствии с приказом фюрера вы, немецкие солдаты, должны были сражаться за Берлин, несмотря на общую ситуацию и тот факт, что у нас закончились боеприпасы. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Я приказываю с сегодняшнего дня прекратить сражаться. Генерал Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший комендант обороны Берлина».

Чуйков и Соколовский зачеркнули в этом приказе слово «бывший».

Начался холодный дождь, когда остатки Берлинского гарнизона стали сдаваться. На западе столицы на мостах через реку образовалась огромная пробка.

Люди пытались прорваться к Эльбе. Лишь единственный мост оставался в руках немцев, и те, кто к нему стремился, не подозревали, что на Эльбе уже братаются русские и американцы. Один немецкий солдат вспоминал:

«На востоке, окутанном клубами желто-черного дыма, находится Берлин. Под ногами трупы тех, кто не успел добраться до моста. Надеюсь, нам повезет, поскольку через пару минут нам придется его пересечь. Все в нашем грузовике отстреливаются. Мы выезжаем на дорогу, ведущую к мосту. Грузовик набирает скорость, но нам приходится петлять, объезжая сожженные автомобили и танки. Когда мы переезжаем трупы, разбросанные по проезжей части, становится не по себе. На пропускном посту военная полиция СС нас останавливает. «Войска?» — спрашивают они, — тогда вам туда, присоединяйтесь к боевой группе и получайте боеприпасы». Быть может, битва за Берлин для кого-то и закончилась, но для нас война продолжается».

Для Мартина Бормана, присоединившегося к третьему отряду беженцев из бункера, война закончилась. Со смертью Гитлера закончилась его власть. Когда он попытался воспротивиться одному из приказов Монке, генерал СС приказал ему «затеряться», к восторгу оставшихся обитателей бункера. В конце концов Борман оказался в группе прорыва вместе с Артуром Аксманом и его помощником майором Ветценом, доктором Штумпфеггером и Гансом Бауром. Близ рейхстага они попали под обстрел и потеряли Баура. Борман и его товарищи продолжили путь и в конце концов перешли по железнодорожному мосту в районе доков Гумбольдтхафен, после чего спустились на дорогу под станцией «Лертер». Тут они оказались в гуще расположившейся на отдых русской пехоты. Русские были настроены миролюбиво, при-

няв группу за членов фольксштурма, побросавших оружие и возвращавшихся домой. У Бормана и Штумпфеггера сдали нервы, и они бросились бежать. Аксман и Ветцен последовали за ними, но довольно быстро потеряли их из виду. Однако вскоре им вновь пришлось встретиться. Когда они шли по рельсам, ведущим от железнодорожной станции «Лертер», то наткнулись на трупы Бомана и Штумпфеггера, судя по всему, покончивших жизнь самоубийством.

Их смерть была подтверждена зимой 1972 г., когда строители, работавшие в районе станции «Лертер», обнаружили два скелета в неглубокой могиле. Один скелет принадлежал человеку явно высокого роста, другой — коренастому и толстому. На их зубах были обнаружены осколки капсул с цианидом. Экспертиза подтвердила, что это и было последнее пристанище Мартина Бормана.

Прочие, включая Кребса и Бургдорфа, предпочли покончить жизнь самоубийством, нежели попасть в тюрьму или быть казненными. Монке был пленен в огромной пивоварне Шультхайсс-Патценхофер, где несколько сотен солдат и гражданских мертвецки напивались пивом, после чего устраивали групповые сексуальные оргии на верхних этажах. В 20.00 Монке вытащили из пивных погребов вместе с двенадцатью другими офицерами СС и отвезли в штаб Чуйкова. Там они присутствовали на шикарном банкете, прежде чем их передали в руки НКВД. Монке был быстро отправлен в Москву и оказался в тюрьме на Лубянке.

Чуть раньше, 2 мая, произошла встреча Веры Бокманн с Советской Армией. Она вспоминает:

«Первые солдаты, проникшие в подвал, где мы прятались с соседями, отобрали у нас все наручные часы. Второй отряд не заставил себя долго ждать. Увидев руки без часов и пальцы без золотых колец, русские стали громко ругаться, но по крайней мере они над

нами не издевались... Моя подруга посоветовала говорить русским «я англичанка». Я очень сомневалась, произведет ли это должный эффект. Так или иначе, в тот день, когда к нам вломился четвертый отряд русских, я решила это испробовать. Вместо того чтобы ждать, когда они ко мне подойдут, я сама подошла к ним и сказала: «Я англичанка». Эффект был поразительным. «Англичанка?» — повторяли они с озадаченным видом, тыча в меня пальцем. Я отчаянно закивала головой, и мы даже пожали друг другу руки. Вскоре я уже так расхрабрилась, что сидела во дворе на лавке. Мы ведь так стосковались по свежему воздуху... Весь день русские то приходили, то уходили, и теперь по их походке можно было судить, что они как следует набрались спиртного. На сей раз они выгнали из подвала стариков и выбрали из них самого толстого. Его поставили к стенке, и молодой солдат, тыча в его грудь пистолетом, спросил: «Капиталист?» — «Найн», — ответил старик. — «Национал-социалист?» — «Найн». Мне стало не по себе. Необходимо было что-то срочно предпринять. Тогда я подошла к этому русскому и опять сказала: «Я англичанка». Пьяный русский повернулся ко мне и посмотрел на меня так, будто бы я свалилась с луны. Когда он, наконец, понял, что, кроме этой фразы, я ничего не понимаю по-русски, он рассмеялся и сказал: «Сталин гут, Черчилль гут, Гитлер шлахтен». С этим я с радостью поспешила согласиться, и мы опять обменялись рукопожатием. А толстяку я прошептала, чтобы он скорее убирался отсюда. Уговаривать его не пришлось».

В три часа дня 2 мая советская артиллерия прекратила обстрел Берлина. Над городом воцарилась гробовая тишина. Русские очень радовались и стали пировать, потребляя огромное количество продуктов и спиртного. Мимо танков, развернутых в парадном

порядке, погнали на восток огромные колонны немецких военнопленных. Русские утверждали, что только 2 мая взяли в плен 134 тыс. человек. Однако в это число входили все работоспособные мужчины и женщины, пригодные для работ в советских лагерях. Вера Бокманн отметила в своем дневнике, что 2 мая войска НКВД увели из района, где она проживала, всех немцев моложе 50 лет.

Пришло время подсчитать, во что обошлась берлинская операция. С 16 апреля по 8 мая (дня капитуляции Германии) фронты Жукова, Конева и Рокоссовского понесли потери в 304 887 человек убитыми, ранеными или пропавшими без вести. Фактически это 10 % общей численности Советской Армии и самые сильные потери со времен «большого окружения» лета 1941 г. В свою очередь советское высшее командование заявило, что при захвате Берлина и наступлении на рубеж Эльбы и к Балтийскому побережью было уничтожено 70 германских пехотных дивизий, 12 бронетанковых и 11 мотострелковых, 480 тысяч солдат и офицеров противника взято в плен, захвачено 1500 танков и самоходных орудий, 10000 пушек и масса самолетов. Только в боях за Берлин погибло 100 тысяч германских солдат и гражданских лиц. Так что по самым скромным подсчетам, как сказал Джон Эриксон: «Битва за Берлин стоила жизнью полумиллиона человек».

«Наконец в Берлине стало тихо, — записал Чуйков в своих мемуарах. — Мы вышли на улицу. Мы видели красные знамена Победы, развевающиеся над правительственными зданиями, рейхстагом и имперской канцелярией. Стояла тишина. Машины с громкоговорителями были разсланы по всем уголкам города, чтобы донести до всех приказ Вейдлинга сдать, который был записан на пленку на старой киностудии на юге Берлина. В самом сердце германской столицы тошнотворная вонь поднималась из бункера фюрера.

После объявления о смерти Гитлера никакого траура не последовало. 10 мая в 21.30 гамбургское радио предупредило германский народ, что вскоре будет сделано «важное скорбное сообщение». Затем под звуки 7-й симфонии Брукнера последовало известие о смерти фюрера: «Наш вождь Адольф Гитлер, до последнего своего дыхания борющийся с большевизмом, сегодня днем пал за Германию на своем боевом посту в рейхсканцелярии». В 22.20 адмирал Дениц объявил по радио о смерти Гитлера и о том, что принимает власть.

Британский военнопленный лейтенант Джон Кассон услышал это радиообращение Деница при довольно любопытных обстоятельствах. Кассона и других военнопленных гнали маршем под вооруженной охраной прочь от русских в сторону участка 2-й Британской армии. Когда они отдыхали, один из охранников спросил говорившего по-немецки Кассона, не хочет ли он прослушать последнюю сводку новостей из Гамбурга. Стояла гробовая тишина до тех пор, пока по радио отчетливо не прозвучала фраза: «Дер фюрер ист тот». Тогда один молодой солдат выругался: «Шайссе», — другой, постарше, пробормотал: «Готт зай данк», — а третий просто бросил на пол свою пилотку. Через час англичане освободили Кассона и его товарищей. Теперь уже бывшие военнопленные взяли в плен своих пленителей. В ту же ночь Кассон сидел у костра со своими бывшими охранниками и рассуждал на немецком о философии.

Среди первых, кто услышал ту радиопередачу, были и солдаты 6-го батальона королевских валлийских фузилеров, наступавших на Гамбург. Столпившись у радиоприемника в захваченном сельском доме, они слушали новости из Гамбурга. На следующее утро они решили оставить о себе память на сельском памятнике, возведенном в честь посещения этой де-

ревни Гитлером в 1935 г. Один из бойцов, в мирной жизни работавший каменщиком, высек на плите конец этой истории: «Капут, 1945».

Во время радиообращения Дениц заявил: «Моей первоочередной задачей является спасение Германии от полного уничтожения наступающими ордами большевиков». В его распоряжении имелась захваченная копия планов союзников по послевоенному расчленению Германии. 1 мая германская армия все еще удерживала территорию по обе стороны обозначенной на карте демаркационной линии в надежде, что немецкие солдаты, сражавшиеся на востоке, как и большинство беженцев, смогут пробиться в зоны, контролируемые англичанами и американцами. 1 мая 12-я армия Венка и остатки 9-й армии Буссе отступили к Эльбе близ Тангермюнде вместе с несколькими сотнями тысяч беженцев. Венк провел переговоры о сдаче в плен с командующим 9-й армией США генералом Симпсоном, который согласился пропустить немецких солдат на противоположный берег реки. Однако Симпсон отказался пропустить гражданских, скорее всего, потому, что ему их было нечем кормить. В этот момент к Эльбе подошли советские войска, открывшие массированный артиллерийский огонь по переправе. Американцы вынуждены были отступить, оставив немцев на произвол судьбы. По приблизительным оценкам Венка, 20-й корпус которого прикрывал переправы, за первую неделю мая ему удалось переправить за Эльбу не менее 100 тысяч солдат и 300 тысяч гражданских лиц.

Тем временем Дениц пытался капитулировать на Западе, одновременно ведя бои с русскими на Востоке. Эйзенхауэр и слышать об этом не хотел. Однако 4 мая 1945 г. состоялась сдача в плен немцев в Северной Германии, где путь отступления группы армий «Висла» в землю Шлезвиг-Гольштейн был отрезан в ходе наступления Монтгомери на Любек.

Последним крупным военным трофеем Монтгомери и первым крупным немецким портовым городом, попавшим в руки союзников, стал Бремен на реке Везер. Подготовка для атаки 30-го корпуса Хоррокса была осуществлена ночью 22 апреля бомбардировочной авиацией союзников. 767 самолетов атаковали юго-восточное предместье города. Налету помешала облачность, и он был прекращен после того, как 195 «ланкастеров» сбросили свои бомбы по заданным целям. Невероятно, но бременские чиновники скрупулезно подсчитали последствия бомбардировки, несмотря на то, что уже через 5 дней город оказался в руках у англичан, а промежуточный период был заполнен непрерывным артобстрелом и атаками бомбардировщиков. 3664 здания были тщательно поделены на 5 категорий от «полностью разрушенных» до тех, у которых «только выбиты стекла».

Бремен пал 27 апреля после трех дней наземных атак 43-й (вессекской) и 52-й (лоулендской) дивизий к северу от Везера и 3-й дивизии, наступавшей с юга. В плен попало 6 тысяч германских военнослужащих, в том числе два генерала и адмирал. Командующий бригадой Эссам оставил живую картину Бремена конца войны:

«Под проливным дождем город представлял собой ужасающее зрелище. Многие улицы блокированы развалинами. Искореженные фонарные столбы зловеще вырисовываются на фоне неба. Вонь от горящих зданий и запах из прорванных канализаций режет нос. Люди пали духом. У многих зеленоватый цвет лица, поскольку вентиляция в больших бункерах вышла из строя, а вся сантехника развалилась. В полдень подразделения военного правительства стали действовать во всех четырех полицейских районах города, а его штаб был развернут в Полиция-Президиуме. В ходе боев на волю вырвалось немало рабов из Восточной Европы и СССР,

теперь грабивших винные магазины города. Некоторые из них умудрились даже выпить хранившийся в доках спирт. В городе участились драки, изнасилования и убийства. Войскам пришлось вмешаться, чтобы защитить гражданское население».

2 мая 6-я парашютно-десантная дивизия соединилась с частями Советской Армии в Висмаре на Балтийском побережье. На следующий день Гамбург был сдан без боя комендантом города генералом Вольцем. Атака на Гамбург была отменена, когда 29 апреля делегация от Вольца прибыла на позиции 7-й бронетанковой дивизии с просьбой не обстреливать артиллерией городские больницы. Переговоры быстро перешли в ряд конкретных предложений о сдаче города. Командующий 7-й бронетанковой генерал-майор Лайн отправил Вольцу письмо, в котором хладнокровно подчеркнул:

«Население Гамбурга еще долго будет помнить наш первый массированный авианалет июля 1943 г., когда мы задействовали более тысячи тяжелых бомбардировщиков. Сейчас у нас бомбардировочной авиации в десять раз больше, и действует она с ближайших к вашему городу аэродромов. После войны германский народ необходимо будет накормить. Чем больше гамбургских доков будет разрушено, тем вероятнее голод в Германии».

Ответ Вольца был шедевром понимания:

«Мысли, на которые вы прозрачно намекнули, посещали и меня, и множество наших командиров, учитывающих складывающуюся военную и политическую ситуацию... Я готов обсудить с полномочными представителями 2-й британской армии решения по политическим и военным вопросам, сдачу Гамбурга и проистекающие из этого далеко идущие последствия...»

В истории 7-й бронетанковой дивизии упоминается, что немецкий штабной офицер, принесший письмо от Вольца, спросил у бригадира Спорлинга, проводившего его до немецких позиций: «Скажите мне как солдат солдату, а не покончить ли мне жизнь самоубийством по возвращении?» — «Это ваше личное дело», — ответил англичанин. Британский полковник указал на шарф, которым были завязаны глаза немецкого переводчика, спросив: «Случайно не из Брэйзноуского колледжа этот шарфик?». — «Нет, это из колледжа Крайст Черч, Оксфорд*», — последовал ответ. — Именно там я изучал историю Палаты лордов».

Когда Гамбург был сдан, стало ясно, что Вольц мог отправить в штаб Монтгомери делегацию от Деница во главе с адмиралом Гансом фон Фриденбургом, сменившим Деница на посту главнокомандующего военно-морским флотом Германии. Он был уполномочен вести переговоры о сдаче всей Северной Германии.

Днем 3 мая Гамбург был сдан без боя 7-й бронетанковой и 53-й (валлийской) дивизиям. 4 мая в пять часов вечера адмирал Фридебург и его делегация прибыли в штаб Монтгомери в Люнебурге, чтобы договориться о сдаче германских войск в Голландии, северо-западной Германии и Дании. Фотографии этого события демонстрируют угрюмых германских офицеров в длинных кожаных плащах в сопровождении англичан. Акт о капитуляции германских войск подписали в спартанских условиях — на простеньком столе, накрытом казенной армейской скатертью, перьевой армейской ручкой, которая стоила не больше двух пенсов. Немцы явно нервничали, а один из них даже достал сигарету. Монтгомери бросил на него суровый взгляд, и тот сигарету спрятал.

Капитуляция должна была вступить в силу 5 мая с 8 часов утра по летнему британскому времени.

---

* Оба колледжа входят в состав Оксфордского университета.

Третий параграф подписанного документа гласил, что высшее германское командование «должно незамедлительно и беспрекословно выполнять все дальнейшие приказы союзного командования». Из Люнебурга адмирал Фридебург направился в штаб Эйзенхауэра в Реймсе, где 6 мая к нему присоединился генерал-полковник Йодль. Когда его провели в комнату, где находился Фридебург, Йодль приветствовал его загадочным «ага». Через несколько минут Фридебург потребовал кофе и карту Европы. Немцы явно тянули время, и Эйзенхауэр выдвинул довольно жесткий ультиматум. Вне зависимости от того, как поступят немцы, он закроет им путь на запад в течение 48 часов после полуночи 6 мая. Утром 7 мая генерал-полковник Альфред Йодль подписал договор о безоговорочной капитуляции. Через час Эйзенхауэр закрыл эту тему краткой, но красноречивой телеграммой британским и американским начальникам штабов: «Миссия союзных войск выполнена 7 мая 1945 г. в 2.40 по местному времени».

Рано утром 8 мая, в день Победы*, в Европе верховный маршал авиации Теддер и американский генерал Спаатс вылетели в Берлин для участия в церемонии официальной германской капитуляции. Когда они ехали в Берлин к штабу Жукова, находившемуся в инженерном колледже на северо-восточной окраине города, Теддер ощутил, что германская столица «находится в состоянии комы». Единственным признаком жизни были очереди за водой на улицах. В колледже произошла некая заминка, пока Жуков и Андрей Вышинский, советский полномочный комиссар иностранных дел, определяли пункты договора о капитуляции, похожего на тот, что был подписан в

---

* В Советском Союзе и России, а также ряде других бывших республик СССР День Победы отмечается 9 мая, когда был подписан официальный Акт о безоговорочной капитуляции с участием представителей всех воюющих стран. — *Прим. ред.*

Реймсе. Капитан Гарри Бутчер из ВМФ США, член личного штаба Эйзенхауэра, был шокирован присутствием Вышинского: «Я был поражен тем, как этот гражданский там всем заправляет и Жуков его побаивается. Даже в момент военной победы Советы и Кремль оказываются на первом месте...»

Откуда было знать американцу, что именно Вышинский зачитывал обвинительные приговоры во время сталинских «чисток» 1930-х гг. Естественно, Жуков был абсолютно прав, выказывая такому страшному человеку уважение.

Лишь к 11 часам вечера союзные командующие были готовы представить условия капитуляции немцам. Зал, в котором проходила церемония, впечатлял. Бутчер вспоминал:

«Огромное помещение было забито прожекторами и фотовспышками. Когда мы зашли туда из полутемного коридора, то чуть не ослепли. Для удобства советской прессы, похоже, было сделано все. Не менее сотни корреспондентов вертелось под ногами в этом оглушающем бедламе. Во всех углах были установлены кинокамеры. Микрофоны свешивались даже с потолка. Повсюду была настоящая паутина всевозможных шнуров и проводков».

Наступила гробовая тишина, когда в зале появился Кейтель в сопровождении Фридебурга и генерал-полковника Штумпфа, представлявшего люфтваффе. Теддер позднее писал, что Кейтель был «высоким и надменным, высоко державшим свой маршальский жезл, и являлся жутким воплощением кошмарной помеси нациста и пруссака».

Заметив французского генерала Жан Мари де Латтре де Тассиньи, командующего 1-й французской армией, Кейтель процедил сквозь зубы: «А вот и французиска! Этого нам еще не хватало!» Затем,

овладев собой, Кейтель вскинул в приветствии свой маршальский жезл и занял свое место за столом, с презрением разглядывая журналистов. Когда он подписывал документ, журналисты чуть не передрались, чтобы сделать снимок с наиболее удачного ракурса. Кейтель пробуравил их своим стальным взглядом, после чего свои подписи добавили Фридебург и Штумпф. Затем все трое одновременно встали и, чеканя шаг, вышли из комнаты.

Вот тут-то праздник начался по-настоящему, и, надо заметить, чисто по-русски. Через час после отъезда тех, кто представлял собой германское высшее командование, помещение, где был подписан акт о капитуляции, превратилось в банкетный зал. Пир и бесконечные тосты продолжались в течение четырех часов. Кое-кто из русских сполз под стол в полном забытии.

В последнем порыве «чисто русского гостеприимства» на рассвете делегацию прокатили по развалинам Берлина. Это зрелище отрезвило даже самых «набравшихся» гостей из Реймса. Они вылетели с аэродрома Темпельхоф в 7 часов утра.

На 9 мая оставался лишь один очаг германского сопротивления в Словакии. Чехословацкая национальная армия запланировала на 7 мая восстание, но восстание ускорили горожане Праги, услышавшие о том, что американцы вошли в Богемию. 4 мая они взяли за оружие. 5 мая национальная армия открыто восстала против группы армий «Центр» Шернера. Даже в конце войны войска СС проявляли особую жестокость. Как только их танки окружили Прагу, за время войны практически не пострадавшую, чешская радиостанция обратилась на русском и английском языках с просьбой не допустить в город немецкие танки. 6 мая призывы стали особенно отчаянными: «Пришлите танки! Пришлите самолеты! Помогите нам спасти Прагу!»

Американцы решили не вмешиваться. 7 мая передовые части 3-й армии Паттона вышли к Пражским предместьям, однако унаследовавший от Рузвельта президентский пост Гарри Трумэн уже сообщил Эйзенхауэру, что в столь нестабильной ситуации «нет никакого смысла рисковать жизнями американцев». Американским войскам в Праге было приказано отступить на 75 км, чтобы соединиться с 3-й армией на Пльзенском рубеже. Паттон открыто выразил свое желание, чтобы его солдаты познакомились поближе с чешками, но ни в коем случае не с немками.

В течение последующих 36 часов продолжалась кровавая бойня. В Праге шли ожесточенные уличные бои. А к востоку от города отступавшие под ударами русских немецкие части оставляли за собою выжженную землю. Небольшой поселок Конетопы, в 30 км к северо-востоку от Праги, был сожжен дотла, а его обитатели расстреляны. Армия Власова поспешила прибыть на место этого военного преступления и теперь грозила повернуть оружие против своих немецких хозяев. На западе германские формирования, спасаясь от атакующих колонн русских, спешили в безопасную зону американских позиций. Маршалу Коневу осталось лишь довершить дело. 8 мая в 20.00 он передал подробности о капитуляции всем германским частям в западной Чехословакии, дав три часа на размышление немецким командирам. Когда ответа не последовало, Конев приказал начать устрашающую артподготовку. Когда дым рассеялся, армии на его участке фронта продолжили наступление на запад. На рассвете 9 мая танковые части 4-й гвардейской танковой армии генерала Лелюшенко вошли в предместья Праги. В это время германский гарнизон уже бежал на запад, пытаясь прорваться из смыкающегося кольца советского окружения. Чуть позже в тот же день советские танки вошли в древний город и катили по ковру из букетов сирени, которыми встречало своих освободителей ликующее население.

В городе, с аннексирования которого началось неминуемое сползание Европы ко Второй мировой войне, закончилась борьба европейцев с нацизмом.

С окончанием войны среди победителей воцарилось странное чувство опустошения. Для 43-й (весекской) дивизии война закончилась, когда утром 5 мая генерал-майор Томас готовился взять Бремерсхафен. Он находился в Вестеримсе в штабе 214-й бригады на краю немецкого лагеря для военнопленных, где держали захваченных моряков торгового флота. Он как раз инструктировал автоколонну, когда принесли срочную депешу от Хоррокса: «Немцы безоговорочно капитулировали. Боевые действия на участке 2-й армии прекращаются завтра, 5 мая 1945 г., в 8 часов утра. Никаких дальнейших продвижений с занимаемых позиций без дальнейших приказаний». Подойдя к своему «Буффало», стоявшему метрах в 20-ти, генерал Томас крикнул командующему бригадой: «Пехота нас сделала!» Стальная дверь «Буффало» захлопнулась, и генерал-майор укатил в сгущавшиеся летние сумерки. Со стороны Остеримке в воздух поднялось несколько сигнальных ракет. На юге кто-то пустил в ночное небо очередь трассеров. На плацдарме за каналом Гамме 130-я бригада немного постреляла из минометов. Особой радости и ликования здесь явно не ощущалось.

В течение двух последних дней войны часть танкового полка дивизии «Дас Рейх» оказалась в полной изоляции в Кирхберге на Ваграме в Австрии. В последние дни войны командир подразделения не получал ни известий, ни приказов из Германии. Он вспоминал:

«Наша рота оказалась в полной изоляции. Странно, что к концу войны у нас полный комплект боевой техники. У нас было 22 «пантеры», «Тигр II» (полностью укомплектованные) и 5 отремонтированных «пантер». Никто из нас не хотел, чтобы вся эта

техника попала в руки русских. Мы подорвали отремонтированные машины близ деревни, выгнали остальные на дорогу и поставили их в один ряд на краю дулами на восток. Мой танк был на дороге. Я должен был расстрелять остальные, когда придет время. Наш автотранспорт, собранный на главной городской площади, должен был увезти наши танковые экипажи, как только наша миссия будет выполнена. Мы убрали из грузовиков все запасы и инструменты, чтобы освободить место. Были розданы последние пайки. Затем 2-я танковая рота полка «Дас Рейх» промаршировала в последний раз в парадном строю. Пришло время браться за работу. Сдерживая слезы, мы открыли огонь и уничтожили наши танки поодиночке. То, что мы при этом испытывали, невозможно описать никакими словами. Броня «Тигра II» никак не поддавалась, и нам пришлось дать по нему еще несколько залпов, прежде чем танк загорелся. В заключение мы подорвали и мой танк. Какое-то время мы неподвижно стояли, глядя на горящие машины. Это была смертельная агония танков, ставших частью наших жизней и символом нашего поражения. Мы загрузили охапку панцерфаустов в кузов на тот случай, если придется пробиваться сквозь русские танки, и покатали на Цеттль».

До 22 мая новое правительство пользовалось призрачной властью, избрав своим штабом Фленсбург близ датской границы. Среди его инициатив было и создание информационной службы, состоящей из старого радиоприемника, установленного в школьном классе. Единственной функцией нового министра пищевой промышленности было обеспечение редких заседаний правительства постоянным запасом виски. Писатель Артур Кальдер Маршалл, в то время полковник армейской разведки, вспоминает фантастическую атмосферу, что царила во Фленсбурге. Каждый день ему пунктуально приходилось отда-

вать честь фельдмаршалу Кейтелю, который вскоре предстал в роли обвиняемого на Нюрнбергском процессе. Как-то раз он завтракал на «Патрии», корабле, стоявшем во Фленсбургской гавани, и видел, как офицер германского флота инструктировал группу молодых служащих на предмет тактики подводных лодок. Над всем этим возвышался огромный бюст Гитлера. Вскоре после этого прибыл отряд рабочих, отпиливших фюреру голову.

В мае 1945 г. вся Европа лежала в развалинах, и эпицентром этого океана разрухи стала Германия. Писатель и художник-иллюстратор Мервин Пики, командированный в Германию в качестве военного художника, написал домой своей жене о городах, через которые он проезжал:

«Их просто больше нет. Они стали прошлым. Как ни страшна была бомбардировка Лондона, она абсолютно не идет ни в какое сравнение с этими невероятными разрушениями. Представь себе Челси без единого целого здания, с парой полуобрушенных стен, торчащих из гор битого кирпича, и ты поймешь, каковы теперь Маннгейм и Висбаден...»

Только в британской оккупационной зоне скопился по крайней мере миллион «перемещенных лиц», среди которых были рабы рейха из других стран, освобожденные военнопленные и беженцы с восточных земель Германии. В течение трех недель мая ненавистная всем личность скрывалась в этом пестром человеческом море. 5 мая во Фленсбурге Генрих Гиммлер провел свое последнее штабное совещание. Хотя завещание Гитлера лишало его прежде занимаемых постов и званий, а во Фленсбурге он получил пощечину от Деница, Гиммлер все еще питал иллюзии о создании «расформированной» нацистской администрации в земле Шлезвиг-Гольштейн, которая затем провела бы переговоры с союзниками в каче-

стве «суверенного правительства». Историк Хью Тревор-Ропер (ныне лорд Дакр) с иронией обрисовал картину заката Гиммлеровской империи, когда бывший рейхсфюрер СС в окружении своих приспешников пребывал на окраине Фленсбурга:

«Подобно динозаврам, попавшим не в ту геологическую эпоху, собрались они в его штабе: высшее командование СС и полиции, обергруппенфюрер и группенфюрер, главы уже несуществующих организаций, согреваемые лишь дутыми титулами, воспоминаниями о былой власти, да абсурдными иллюзиями».

Иллюзии были довольно быстро развеяны. После капитуляции Германии решимость окончательно покинула Гиммлера. Он нервничал, колебался, бесцельно раскатывая по округе и порой ночуя в зале ожидания на вокзале. Для маскировки он сбрил усы, повязал один глаз черной повязкой и ходил в форме и с удостоверением сержанта секретной полевой полиции «Гехайме фельдполицай». Фатальная ошибка, поскольку у союзников данная организация была в черном списке. Ее сержанты и все, кто рангом повыше, подлежали немедленному аресту. Датчане подсказали англичанам, что Гиммлер движется на юг, вероятно, в поисках мифического «Национал-Редута», а потому активно его разыскивали.

21 мая Гиммлер и два его товарища наткнулись на британский контрольно-пропускной пост близ Бременферде, что на полпути между Бременом и Гамбургом, и были арестованы. Вначале его никто не признал, но уже 23 мая, когда его допрашивали в Барфельде, он назвал свои настоящие имя и фамилию капитану Селвестеру. Гиммлера раздели догола и стали обыскивать. Селвестер вызвал старшего офицера разведки, полковника Майкла Мерфи. Пока они ждали Мерфи, Селвестер показал Гиммлеру фотографии жертв лагерей смерти. Хладнокровным

тоном экс-рейхсфюрер заявил: «Разве я ответствен за то, что мои подчиненные превысили свои полномочия?»

Гиммлеру предложили переодеться в английскую военную форму, но он категорически отказался, оставшись завернутым в простыню, выражая надежду в скором времени провести переговоры с Монтгомери или даже с самим Черчиллем. Его стальные глаза абсолютно ничего не выражали. Когда прибыл Мерфи, Гиммлера бесцеремонно затолкали в автомобиль и прямо в простыне доставили в разведцентр близ Люнебурга. Здесь его еще раз раздели и обыскали. Как только военврач доктор Веллс попытался засунуть ему в рот свои пальцы, Гиммлер раскусил спрятанную там капсулу с цианидом. Майор Н. Уиттэкер стал свидетелем того, что последовало дальше:

«Гиммлер недостаточно широко открыл рот, а потому мне пришлось посветить туда стандартной лампой. И тут я услышал крик доктора: «О, Господи, у него во рту яд, и он им на меня капнул!» Гиммлер дернул головой (позднее доктор рассказывал, что он даже укусил его за палец), и я почувствовал запах цианида. Судя по всему, то была довольно большая доза. Мы сразу же перевернули убудка вверх тормашками и сунули его ртом в таз с водой, чтобы вымыть яд. Эта свинья громко стонала и рычала. Полковник Мерфи и я по очереди пытались схватить его за язык. Но разве можно удержать скользкий язык? И все это время мы делали искусственное дыхание и требовали кардиостимуляторов. Тем временем Кейт пытался безрезультатно связаться с тыловым штабом. Но телефон не работал. Теперь мы уже раздобыли иголку и марлю, чтобы зафиксировать его язык. Сперва случайно прокололи ему губу. Пришлось ее вытаскивать. Наконец язык был зафиксирован, но мы явно проигрывали, и злодей испустил дух в 23.14. Мы положили его на спину, прикрыли одеялом и пошли

прочь. Джимми, зубной врач, очень хотел в качестве сувенира вырвать у покойника пару зубов, но я ему решительно отказал».

26 мая тело Гимmlера, завернутое в маскировочную сеть, было тайно зарыто на Люнебургской пустоши. Представители прессы продолжали спрашивать, когда же состоятся официальные похороны.

В Берлине Вера Бокманн уже трудилась на расчистке завалов. Она пишет:

«Мы выжили. Неважно как. Теперь в нашем существовании был смысл, и мы продолжали работать. Уже через несколько дней наша улица приняла вполне презентабельный вид. Хотя наши спины ныли, а в животе урчало от голода, мы гордились своими достижениями. На проезжей части стояла пушка, заинтересовавшая детей. Сгоревший трамвай за углом — настоящее Эльдorado — здесь всегда можно поиграть...»

Подполковник Р. Л. Г. Нанн, член военной администрации британской зоны Берлина, вспоминал:

«К началу лета 1945 г. можно было проехать на машине по главным улицам мимо остовов сгоревших танков и автомобилей. Но переулки в основном оставались непроходимыми из-за многочисленных завалов. Чего здесь только не было: танки, грузовики, автомобили, пушки, военная форма, винтовки, амуниция, мебель, но больше всего кирпичей и балок от разрушенных домов. В Тиргартене, где бои были особенно ожесточенными, артобстрелами и бомбежками были уничтожены почти все деревья. Монумен-ты известных прусских генералов и государственных деятелей смотрелись здесь просто фантастически. Например, можно было увидеть статую толстого пруссака, голова которого лежала под ближайшей скамейкой. Запах

здесь стоял еще тот. Вонь от канализации, которую еще не починили, смешивалась с вонью непогребенных трупов. Повсюду тучи мух. Везде толпы отчаявшихся, пытающихся покинуть этот разгромленный город. Большинству этих людей даже некуда ехать. Просто они хотели бежать из Берлина и неизбежно сталкивались с такой же ситуацией и в других городах... Многие возвращались обратно.

Поэтому первые месяцы постоянный человеческий поток стремился как в столицу, так и из нее. Но даже на поездку в пригород уходило несколько дней... Набиваясь в товарные вагоны для скота, без света и воздуха, дни напролет эти люди колесили по Северной Германии. Неудивительно, что поезда, прибывавшие на станцию «Лертер» и ей подобные, кроме прочего, везли и трупы людей, здоровье которых не вынесло столь невыносимых условий.

Берлин заполнили русские дезертиры, продававшие награбленное на черном рынке и кормившиеся за счет беженцев. С женщин снимали шубы прямо на улицах. Был один случай, когда ко мне в офис явился немец, буквально в одних подштанниках, его раздели догола в Тиргартене».

Отношения с оккупировавшими соседний сектор русскими у Нанна смягчались огромным количеством выпитой водки:

«Топорков всегда заканчивал дискуссию словами: Сейчас мы этим заниматься не будем, давай-ка лучше что-нибудь поедим да выпьем». В результате приходилось постоянно бегать в туалет, чтобы привести себя в порядок. Первые дни контактов с русскими было тяжело переносить не только психологически, но и физически. Уж поверьте мне, русский пьет всерьез...»

Отношения в зоне разграничения были менее дружелюбными. Русские постоянно вторгались в сек-

тор Нанна и угоняли машины, зачастую прямо на глазах у британской военной охраны. Гражданских немцев, работавших на военную администрацию, похищали, доставляли в русский сектор, где их допрашивали по поводу британской администрации. Они возвращались назад спустя несколько недель, но о том, что им пришлось пережить у русских, предпочитали молчать. Нанн заметил: «Я был бы счастлив объяснить систему нашей администрации любому русскому офицеру, лишь бы прекратить эти похищения».

Порой между британскими и русскими солдатами возникали перестрелки. Как-то раз русские пытались захватить машину, чтобы быстрее вернуться в свой сектор, и открыли огонь по грузовику, в кузове которого находилась английская пехота. Один солдат был убит, один был ранен. В последовавшей за этим перестрелке русские понесли тяжелые потери. «Порой, — размышлял Нанн, — мне казалось, что я на Индийской границе, где всегда надо быть готовым к отражению атаки диких племен».

Сам того не ведая, Нанн внес свой вклад в начало «холодной» войны.

**ПРИКАЗ КОМАНДОВАНИЯ 6-й АРМИИ
«О ПОВЕДЕНИИ ВОЙСК НА ВОСТОКЕ»
(10 октября 1941 г.)**

Командование 6-й армии
Отд. I-а Az. 7.

Штаб армии, 10.10.1941

Секретно!

По вопросу: о поведении войск на Востоке.

Насчет поведения войск в отношении большевистской системы все еще имеется много неясных представлений.

Самой существенной целью похода против этой системы является полный разгром ее силы и уничтожение азиатского влияния в сфере европейской культуры.

Отсюда для войск вытекают такие задачи, которые выходят за рамки традиционного одностороннего солдатского дела. Солдат на Востоке — это не только воин, воюющий по всем правилам военного искусства, но и носитель неумолимой народной идеи и мститель за все зверства, причиненные немецкому и родственным ему народам.

Поэтому солдат должен проявить полное понимание необходимости сурового, но справедливого возмездия европейской низшей расе. Его последующая цель — в зародыше подавить восстания в тылу вермахта, которые, как показывает опыт, постоянно вызываются евреями.

Борьба против врага позади линии фронта все еще не рассматривается достаточно серьезно. [Немецкие солдаты] все еще берут в плен коварных,

жестоких партизан и озверевших женщин, все еще обращаются с ними как с военнопленными и направляют в лагерь, словно честных солдат, одетых в полувоенную форму лиц, стреляющих из-за угла и бродяжничающих по дорогам. Более того, взятые в плен русские офицеры издевательски рассказывают, что агенты Советов безнаказанно разгуливают по улицам и зачастую питаются из немецких полевых кухонь. Такое поведение войск можно объяснить только полным недомыслием. Но в таком случае самое время для командиров напомнить о смысле нынешней борьбы.

Обеспечение местных жителей и военнопленных продовольствием является такой же ложно понятой гуманностью, как и подавание сигаретами и хлебом. То, что родина дает нам ценой огромных жертв, то, что командование с невероятными трудностями доставляет на передовую, солдат не должен дарить врагу, даже если речь идет о трофеях. Это неотъемлемая часть нашего снабжения.

При своем отступлении Советы зачастую поджигали здания. Войска заинтересованы в тушении пожаров лишь в тех случаях, когда эти здания могут быть использованы для расквартирования войск. В остальном же уничтожение символов большевистской диктатуры также и в виде зданий вполне отвечает задачам борьбы на уничтожение. На Востоке не играют никакой роли ни исторические, ни культурные соображения. О сохранении имеющих военное хозяйственное значение важных видов сырья и предприятий командование даст необходимые указания.

Полное разоружение населения в тылу воюющих войск действительно необходимо ввиду наличия растянутых, чувствительных коммуникаций. Там, где это возможно, следует собирать и охранять трофейное оружие и боеприпасы. Если в тылу армии будет обнаружено применение оружия отдельными партизанами, следует принимать драконовские меры. Их

следует распространять и на все мужское население, которое могло бы быть в состоянии не допустить покушений или донести о них... Ужас перед немецкими контрмерами должен быть сильнее, чем угрозы со стороны бродящих вокруг остатков большевистских частей.

Независимо от всех политических соображений будущего солдат должен выполнять две задачи:

1. Полное уничтожение большевистского еретического учения, советского государства и его вооруженных сил.

2. Безжалостное подавление всех враждебных козней и жестокостей, а тем самым обеспечение жизни германского вермахта в России...

Только так мы справимся со своей исторической задачей — *навсегда оградить немецкий народ от азиатско-еврейской опасности.*

Командующий
генерал-фельдмаршал
фон Рейхенау

«Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof»,
Bd. XXXV, S. 81-83.

Верховный главнокомандующий вермахта — Гитлер

Военная адъютантура:
Шмундт
Бургдорф (с 1.8.1944 г.)

Верховное командование вермахта (ОКВ)
Начальник — генерал-фельдмаршал Кейтель

Штаб оперативного руководства: начальник — генерал-полковник Йодль

Дания
Норвегия
Финляндия («Север»)
Африка
Балканы (с июля 1941 г.)
Запад (с 15.03.1941 г.)
Италия
Армия резерва (с августа 1944 г.)

Главное командование сухопутными силами (ОКХ)
Главнокомандующий — генерал-фельдмаршал фон Браухич;
с 19.12.1941 г. — Гитлер
Начальник генерального штаба: Гальдер (до 20.09.1942 г.)
Цейтшлер (до 20.07.1944 г.)
Гудериан (до 28.03.1945 г.)
Кребс (до 30.04.1945 г.)
Командования групп армий и армий

Театры военных действий
Польша (до 3.09.1939 г.)
Запад (до 15.03.1941 г.)
Балканы (до июля 1941 г.)
Советско-германский фронт (с 8.07.1940 г.)
Армия резерва (до июля 1944 г.)

Совет имперской обороны

Главнокомандующий авиации
Главнокомандующий — Геринг;
с 25-27.04.1945 г. — генерал-фельдмаршал фон Грейм
Начальник генерального штаба: Йешоннек (до 19.08.1943 г.)
Кортен (до 22.07.1944 г.)
Крейле (до 28.10.1944 г.)
Коллер (до 8.05.1945 г.)

Воздушные флоты
Командования воздушных округов

Главнокомандующий военно-морского флота
Главнокомандующий — гросс-адмирал Редер;
с 30.01.1943 г. — гросс-адмирал Дениц;
с 2.05.1945 г. — фон Фридебург
Начальник штаба руководства морской войной;
Шнивинд (до 10.06.1941 г.)
Фрикке (до 20.02.1943 г.)
Майзель (до 8.05.1945 г.)

Командующие флотами
Командующий подводным флотом

**Коммюнике Крымской конференции
руководителей трех союзных держав — СССР,
США и Великобритании**

13 февраля 1945

За последние 8 дней в Крыму состоялась Конференция руководителей трех союзных держав — Премьер-Министра Великобритании г-на У. Черчилля, Президента Соединенных Штатов Америки г-на Ф. Д. Рузвельта и Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина при участии Министров Иностранных Дел, Начальников штабов и других советников.

Кроме Глав Трех Правительств следующие лица приняли участие в Конференции:

от Советского Союза —

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. М. Молотов, Народный Комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, Заместитель Начальника Генерального Штаба Красной Армии генерал армии А. И. Антонов, Заместители Народного Комиссара Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинский и И. М. Майский, Маршал авиации С. А. Худяков, Посол в Великобритании Ф. Т. Гусев, Посол в США А. А. Громыко;

от Соединенных Штатов —

Государственный Секретарь г-н Э. Стеттиниус, Начальник Штаба Президента адмирал флота У. Леги, Специальный Помощник Президента г-н Г. Гопкинс, Директор Департамента Военной Мобилизации судья Дж. Бирнс, Начальник Штаба Американской Армии генерал армии Дж. Маршалл, Главнокомандующий Военно-Морскими Силами США адмирал флота Э. Кинг, Начальник Снабжения Американской Армии генерал-лейтенант Б. Сомервелл, Администратор по военно-морским перевозкам вице-адмирал Э. Лэнд, генерал-майор Л. Кутер, Посол в СССР г-н А. Гарриман, Директор Европейского Отдела Государственно-

го Департамента г-н Ф. Мэттьюс, Заместитель Директора Канцелярии по специальным политическим делам Государственного Департамента г-н А. Хисс, Помощник Государственного Секретаря г-н Ч. Болен вместе с политическими, военными и техническими советниками;

от Великобритании — Министр Иностранных Дел г-н А. Иден, Министр Военного Транспорта лорд Лезерс, Посол в СССР г-н А. Керр, Заместитель Министра Иностранных Дел г-н А. Кадоган, Секретарь Военного Кабинета г-н Э. Бриджес, Начальник Имперского Генерального Штаба фельдмаршал А. Брук, Начальник Штаба Воздушных Сил маршал авиации Ч. Портал, Первый Морской Лорд адмирал флота Э. Каннингхэм, Начальник Штаба Министра Обороны генерал Х. Исмей, Верховный Союзный Командующий на Средиземноморском театре фельдмаршал Александер, Начальник Британской Военной Миссии в Вашингтоне фельдмаршал Вильсон, член Британской Военной Миссии в Вашингтоне адмирал Сомервилл вместе с военными и дипломатическими советниками.

О результатах работы Крымской конференции Президент США, Председатель Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик и Премьер-Министр Великобритании сделали следующее заявление:

1. РАЗГРОМ ГЕРМАНИИ

Мы рассмотрели и определили военные планы трех союзных держав в целях окончательного разгрома общего врага. Военные штабы трех союзных наций в продолжение всей Конференции ежедневно встречались на совещаниях. Эти совещания были в высшей степени удовлетворительны со всех точек зрения и привели к более тесной координации

военных усилий трех союзников, чем это было когда-либо раньше. Был произведен взаимный обмен самой полной информацией. Были полностью согласованы и детально спланированы сроки, размеры и координация новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии нашими армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга.

Наши совместные военные планы станут известны только тогда, когда мы их осуществим, но мы уверены, что очень тесное рабочее сотрудничество между тремя нашими штабами, достигнутое на настоящей Конференции, поведет к ускорению конца войны. Совещания трех наших штабов будут продолжаться всякий раз, как в этом возникнет надобность.

Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения.

II. ОККУПАЦИЯ ГЕРМАНИИ И КОНТРОЛЬ НАД НЕЙ

Мы договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции, которые мы совместно предпишем нацистской Германии, после того как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено. Эти условия не будут опубликованы, пока не будет достигнут полный разгром Германии. В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны. Планом предусмотрены координированная администрация и контроль, осуществляемые через Центральную Контрольную Комиссию, состоящую

из Главнокомандующих трех держав, с местом пребывания в Берлине. Было решено, что Франция будет приглашена тремя державами, если она это пожелает, взять на себя зону оккупации и участвовать в качестве четвертого члена Контрольной Комиссии. Размеры французской зоны будут согласованы между четырьмя заинтересованными правительствами через их представителей в Европейской Консультативной Комиссии.

Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно такие другие меры в Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций.

III. РЕПАРАЦИИ С ГЕРМАНИИ

Мы обсудили вопрос об ущербе, причиненном в этой войне Германией союзным странам, и признали справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере.

Будет создана Комиссия по возмещению убытков, которой поручается рассмотреть вопрос о размерах и способах возмещения ущерба, причиненного Германией союзным странам. Комиссия будет работать в Москве.

IV. КОНФЕРЕНЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. Мы считаем, что это существенно как для предупреждения агрессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов.

Основы были заложены в Думбартон-Оксе. Однако по важному вопросу о процедуре голосования там не было достигнуто соглашения. На настоящей Конференции удалось разрешить это затруднение. Мы согласились на том, что 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско, в Соединенных Штатах, будет созвана конференция Объединенных Наций, для того чтобы подготовить Устав такой организации, соответственно положениям, выработанным во время неофициальных переговоров в Думбартон-Оксе.

С Правительством Китая и Временным Правительством Франции будут немедленно проведены консультации, и к ним будет направлено обращение принять участие совместно с Правительствами Со-

единенных Штатов, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик в приглашении других стран на конференцию.

Как только консультации с Китаем и Францией будут закончены, текст предложений о процедуре голосования будет опубликован.

V. ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЕ

Мы составили и подписали Декларацию об освобожденной Европе. Эта Декларация предусматривает согласование политики трех держав и совместные их действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами. Ниже приводится текст Декларации:

«Премьер Союза Советских Социалистических Республик, Премьер-Министр Соединенного Королевства и Президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих трех правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств — сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответ-

ствии с принципом Атлантической Хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, Три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве — сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; в) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и д) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов.

Три Правительства будут консультироваться с другими Объединенными Нациями и с временными властями или с другими правительствами в Европе, когда будут рассматриваться вопросы, в которых они прямо заинтересованы.

Когда, по мнению Трех Правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств — сателлитов оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации.

Этой Декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической Хартии, нашу верность Декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права

международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Издавая настоящую Декларацию, три державы выражают надежду, что Временное Правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре».

VI. О ПОЛЬШЕ

Мы собрались на Крымскую конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу, и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое Временное Польское Правительство Национального Единства будет сформировано таким путем, чтобы получить признание со стороны трех главных держав.

Достигнуто следующее соглашение: «Новое положение создано в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения Западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства.

В. М. Молотов, г-н У. А. Гарриман и сэр Арчибальд К. Керр уполномочиваются проконсульти-

роваться в Москве как Комиссия в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего Правительства на указанных выше основах. Это Польское Временное Правительство Национального Единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы как можно скорее на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, Правительство Соединенного Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным Правительством Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы Трех Правительств считают, что Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы Трех Правительств признают, что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение Западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».

VII. О ЮГОСЛАВИИ

Мы признали необходимым рекомендовать Маршалу Тито и д-ру Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними Соглашение и образовать Временное Объединенное Правительство на основе этого Соглашения.

Было решено также рекомендовать, чтобы новое Югославское Правительство, как только оно будет создано, заявило:

I) что Антифашистское Вече Национального Освобождения Югославии будет расширено за счет включения членов последней югославской Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и, таким образом, будет создан орган, именуемый Временным Парламентом;

II) что законодательные акты, принятые Антифашистским Вече Национального Освобождения, будут подлежать последующему утверждению Учредительным Собранием.

Был также сделан общий обзор других балканских вопросов.

VIII. СОВЕЩАНИЯ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

В течение всей Конференции, кроме ежедневных совещаний Глав Правительств и Министров Иностранных Дел, каждый день имели место отдельные совещания трех Министров Иностранных Дел с участием их советников.

Эти совещания оказались чрезвычайно полезными, и на Конференции было достигнуто соглашение о том, что должен быть создан постоянный механизм для регулярной консультации между тремя Министрами Иностранных Дел. Поэтому Министры Иностранных Дел будут встречаться так часто, как это потребуется, вероятно каждые 3 или 4 месяца. Эти совещания будут

происходить поочередно в трех столицах, причем первое совещание должно состояться в Лондоне после Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации Безопасности.

IX. ЕДИНСТВО В ОРГАНИЗАЦИИ МИРА, КАК И В ВЕДЕНИИ ВОЙНЫ

Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является священным обязательством наших Правительств перед своими народами, а также перед народами мира.

Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической Хартии, «обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды».

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации предоставят самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира.

*Уинстон С. Черчилль
Франклин Д. Рузвельт
И. Сталин*

Печат. по изд.:

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов. М.: 1979, т. 4, Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.), с. 264—271.

**Акт о безоговорочной капитуляции
германских вооруженных сил**

8 мая 1945 г.

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23—01 часа по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным объединенными нациями или от их имени применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на-русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в гор. Берлине.

От имени Германского Верховного
Командования:

Кейтель, Фридебург, Штумпф

В присутствии:

По уполномочию

Верховного

Главнокомандования

Красной Армии

Маршала Советского Союза

Г. Жукова

По уполномочию

Верховного

Командующего

экспедиционными силами

союзников Главного

Маршала Aviации

Теддера

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Командующий

стратегическими

воздушными силами США

генерал

Спаатс

Главнокомандующий

Французской

армией

генерал

Делатр де Тассиньи

Печат. по изд.:

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 261—262.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ПРОИГРАННЫЕ ПОБЕДЫ	3
Глава 2. КАРТОЧНЫЙ ДОМИК	9
Глава 3. СИМПАТИИ К ДЬЯВОЛУ	30
Глава 4. ХВАТАЯСЬ ЗА СОЛОМИНКУ	73
Глава 5. УДАР ГРОМА	107
Глава 6. ЕЩЕ ОДНА РЕКА.....	150
Глава 7. ЧЕРЕЗ РЕЙН.....	194
Глава 8. НАСТУПЛЕНИЕ НА БЕРЛИН	235
Глава 9. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ.....	270
Глава 10. ПОСЛЕДСТВИЯ.....	330
Приложение	359

Научно-популярное издание

Серия «Мир в войнах»

Робин Кросс

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕЙХА

Ответственный редактор *А. Жеребилов*

Редактор *О. Хропин*

Технический редактор *Н. Малышева*

Корректор *Е. Пономарева*

OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа
Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.06.2004.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Times ET».
Печать офсетная. Объем 12 п. листов. Тираж 4000 экз.
Заказ 1589.

«РУСИЧ». Лицензия ИД № 04277 от 15.03.2001
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.
E-mail: rusich@keytown.com — редакция.
E-mail: salerus@keytown.com — отдел реализации.

При участии ООО «Харвест». Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.
OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

«...В то время как у наших войск на фронтах не хватает горючего, в Берлине процветает черный рынок бензина, и на улицах по-прежнему разъезжают тысячи частных автомобилей...

Полный комплект фальшивых документов, включающий разрешение на поездку, военный пропуск, удостоверение личности, стоит 80 тысяч марок.

Недавно арестовали солдата с целым чемоданом поддельных печатей, и гестапо немедленно конфисковало их для своих нужд...»

11.04
*
35.00

ISBN 5-8138-0607-5

9 785813 806070

